

ЛЕРМОНТОВЪ

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Редакція В. В. Каллаша.

ТОМЪ I.

МОСКВА,
„Печатникъ".

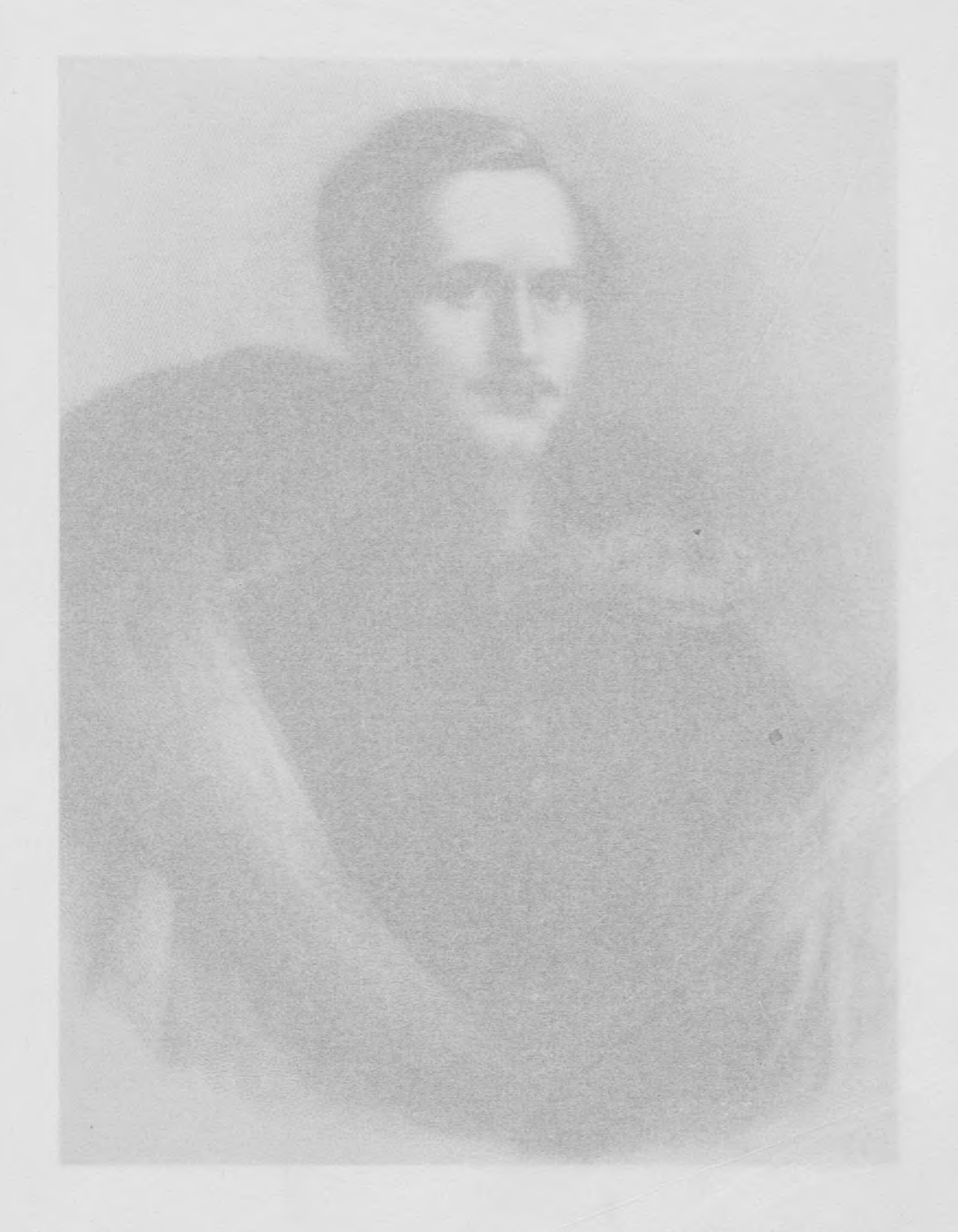
Н. С. З.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К⁰. Пименовская ул., соб. д.

МОСКВА — 1914.

Худ. Захарова. *М. Ю. Лермонтовъ.*

Гос.
Публичная
Б-ка
в
Ленинграде.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изученіе русскихъ классиковъ за послѣдніе годы сильно двинулось впередъ. Съ большою любовью, съ затратою крупныхъ научныхъ силъ и средствъ, многое уже сдѣлано для уясненія личности и творчества Пушкина, Гоголя, Крылова... Только надъ однимъ Лермонтовымъ до сихъ поръ тяготѣетъ какой-то злой рокъ: за немногими исключеніями, литература о немъ скудна и количественно, и, еще болѣе, качественно; мы до сихъ поръ не имѣемъ настоящаго критическаго изданія его сочиненій; до сихъ поръ еще многія стороны его творчества спорны, даже загадочны; о второстепенныхъ и третьестепенныхъ поэтахъ мы знаемъ больше, чѣмъ о томъ, кого современники и потомки такъ рано признали преемникомъ поэтической славы Пушкина... За иллюстрированіе Лермонтова брались крупные художники; къ извѣстному изданію Кушнерева—Прянишникова были привлечены такія крупныя художественныя силы, какъ Врубель, Рѣпинъ, Сѣровъ, Коровинъ. Но ихъ глубоко и тонко задуманныя иллюстраціи были настолько слабо воспроизведены въ этомъ изданіи, что давали только блѣдные намеки на красоту оригиналовъ. Его неожиданный успѣхъ (въ короткое время оно было расхватано и сдѣлалось библіографической рѣдкостью) показалъ, насколько назрѣла потребность въ хорошемъ иллюстрированномъ изданіи сочиненій Лермонтова; но оно повторено не было и до послѣдняго времени не вызвало подражаній.

Столѣтній юбилей рожденія одного изъ величайшихъ нашихъ поэтовъ въ 1914 г., несомнѣнно, подниметъ общественный интересъ къ нему и вызоветъ потокъ новыхъ изданій и изслѣдованій. Цѣль нашего изданія—подвести итоги тому, что сдѣлано было для уясненія его жизни и творчества за истекающее столѣтіе. Оно не преслѣдуетъ академическихъ, научныхъ цѣлей и предназначается для широкихъ круговъ читателей—почитателей геніальнаго поэта. Въ основу его положено лучшее, наиболѣе полное до сихъ поръ изданіе—Академическое: при всѣхъ своихъ недостаткахъ оно все же даетъ больше, чѣмъ всѣ предшествующія изданія. Воспроизводя его текстъ, мы вносимъ въ него нѣкоторыя перемѣны и дополненія, оговоренныя въ примѣчаніяхъ.

Примѣчанія даютъ наиболѣе характерные для настроеній Лермонтова и пріемовъ его творческой работы варіанты, свѣдѣнія, нужныя для пониманія отдѣльныхъ произведеній, условій ихъ возникновенія и пр., и сжатыя библіографическія указанія относительно автографовъ и времени первоначальнаго напечатанія произведеній. Такія справки мы не считаемъ лишними даже въ популярномъ изданіи: въ массѣ онѣ даютъ схему развитія изученія Лермонтова, отграничиваютъ предназначавшееся имъ для печати и напечатанное при жизни отъ найденнаго позднѣе въ его черновыхъ тетрадяхъ, подчеркиваютъ бо́льшую или меньшую подлинность текста и пр.

Печатаемый при первомъ томѣ, составленный нами, біографическій очеркъ намѣчаетъ основные моменты безвременно оборвавшейся жизни Лермонтова. Въ основу его положена вся, какъ старая, такъ и новая, біографическая литература о М. Ю.

Для характеристики творчества Лермонтова не найдены еще исчерпывающія, все и всѣхъ примиряющія формулы. Можетъ быть, оно настолько было своеобразно, что въ такія формулы и не уложится. Въ литературѣ оно встрѣчало и до сихъ поръ встрѣчаетъ самыя противоположныя оцѣнки. Въ каждой почти изъ нихъ есть своя доля правды и преувеличенія, односторонности. Нѣтъ пока основаній примѣнить какую-либо изъ нихъ цѣликомъ, но важно ихъ сопоставить: „изъ столкновенія мнѣній рождается (или можетъ родиться) истина". Руководясь этимъ, мы даемъ нѣсколько характеристикъ, старыхъ и новыхъ, въ качествѣ вступительныхъ статей при пяти томахъ текста и въ 6-омъ томѣ, дополнительномъ.

Дополнительный томъ будетъ заключать въ себѣ наиболѣе замѣчательныя мѣста изъ воспоминаній и писемъ современниковъ и критическихъ статей о Лермонтовѣ: въ сжатомъ видѣ онъ дастъ то, что сдѣлано было для уясненія жизни, личности и творчества великаго поэта до послѣдняго времени.

Изъ прежнихъ характеристикъ цѣликомъ будутъ воспроизведены—превосходная статья С. А. Андреевскаго, прекрасное изслѣдованіе О. П. Герасимова, въ извлеченіяхъ статьи—Бѣлинскаго, Дудышкина, Галахова, Д. С. Мережковскаго, Н. А. Котляревскаго, Вл. С. Соловьева, В. Ѳ. Саводника и др.; спеціально для нашего изданія написаны статьи Ю. И. Айхенвальда, К. Д. Бальмонта, В. Я. Брюсова и И. А. Бунина. Думаемъ, что оцѣнка Лермонтова лучшими изъ современныхъ поэтовъ имѣетъ не только художественный, но и научный интересъ и даетъ новые просвѣты въ творчество своеобразнѣйшаго изъ нашихъ поэтовъ.

Въ качествѣ иллюстраціоннаго матеріала привлечены нами какъ старые, такъ и новые рисунки крупнѣйшихъ изъ нашихъ художниковъ. Широко использованы нами богатыя коллекціи Музея Императора Александра III рисунковъ современника Лермонтова, кн. Г. Г. Гагарина, одновременно съ нимъ жившаго на Кавказѣ, Лермонтовскаго музея—рисунковъ самого поэта; болѣе совершенными спо-

собами воспроизведены оригиналы лучшихъ рисунковъ изданія Кушнерева—Прянишникова, не попавшія въ него геніальныя иллюстраціи Врубеля, лучшаго художественнаго истолкователя Лермонтовской поэзіи, и пр. Рядъ иллюстрацій сдѣланъ спеціально для нашего изданія и появляется въ немъ впервые.

Въ текстѣ будутъ даны портреты близкихъ Лермонтову лицъ, виды связанныхъ съ его жизнью мѣстъ, факсимиле его произведеній и пр. Портреты и рисунки Лермонтова будутъ даны какъ въ текстѣ, такъ и на отдѣльныхъ листахъ. Все изданіе составитъ 6 томовъ, по 18—23 листа въ каждомъ. Закончено оно будетъ къ столѣтію рожденія М. Ю. въ 1914 г.

Ассернъ, 15 іюля 1913 г.

Вл. Каллашъ.

Біографическій очеркъ.

Далекое прошлое рода Лермонтовыхъ обвѣяно яркими поэтическими легендами.

Одну изъ нихъ, легшую въ основу великой трагедіи Шекспира, такъ излагаетъ наивнымъ офиціальнымъ языкомъ своего времени „поколѣнная роспись рода Лермонтовыхъ“ (1688 г.): „Въ лѣтѣ отъ Р. Хр. 1057-мъ прямова наслѣдника Шкотскіе (Шотландской) земли Милколумбуса (Малькольма) изогналъ *тиранъ Макбѣтусъ* и отца Милколумбусова Данкануса (Дункана), третьяго тѣмъ именемъ, исгубилъ. И Милколумбусъ, получивши пріятство у английнскаго короля Эдвардуса, что онъ повелѣлъ ему всякихъ людей принимати, которые похотятъ съ нимъ идти доставати его природнаго королевства. И съ нимъ Милколумбусомъ поѣхали многіе породные люди Англинскіе земли, и Французскіе земли, и иныхъ земель, и ему помогли того тирана Макбѣтуса побити и королевство его Шкоцкую землю ему очистили. И онъ за такіе ихъ службы пожаловалъ вотчинами, а *Лерманту* дано въ вотчину господинство Рарси, которымъ господинствомъ и нынѣ владѣютъ наслѣдники его“.

Другія изъ этихъ легендъ слышалъ у себя на родинѣ Вальтеръ-Скоттъ. Его баллада „Thomas the Rimer“ посвящена предку нашего поэта, Ѳомѣ Эрсильдауну Лермонту [1]), шотландскому барду. Въ юности Ѳома былъ унесенъ въ страну фей, отъ которыхъ получилъ даръ предвѣдѣнія и пѣсенъ, прославившій его. Царица фей впослѣдствіи потребовала его къ себѣ. Она прислала за нимъ чету бѣлыхъ, какъ снѣгъ, оленей. Чувствуя близкую и вѣчную разлуку съ родиной, своимъ замкомъ Эрсильдауномъ, Лермонтъ устроилъ прощальный пиръ.

„Роскошный пиръ идетъ въ Эрсильдаунѣ. И рыцари и дамы сидятъ въ богатыхъ платьяхъ въ древнемъ залѣ Лермонта. Раздаются звуки музыки, пѣсни; нѣтъ недостатка въ винѣ и элѣ. Смолкъ веселый пиръ—поднялся Ѳома и молча настроилъ онъ лиру, которую выигралъ у эльфовъ на состязаніи въ царствѣ фей. Примолкли разговоры, стихли всѣ; блѣднѣютъ отъ зависти другіе пѣвцы. Склони-

[1]) Thomas of Erceldoune Learmont.

лись на мечи желѣзные лорды и молча слушаютъ. И вотъ полилась пѣсня барда, вѣщаго пророка: никогда не будетъ пѣвца, который смогъ бы повторить эту пѣсню. Ея обрывки несутся вдаль, вдаль по рѣкѣ временъ, какъ обломки корабля, плывущіе среди бурнаго моря. Поетъ Ѳома о товарищахъ-сподвижникахъ короля Артура, о Мерлинѣ, но болѣе всего о благородномъ Тристанѣ и

(Дѣдъ М. Ю. Лермонтова).

нѣжной подругѣ его Изольдѣ, какъ слилась она съ послѣднимъ его вздохомъ въ страстномъ поцѣлуѣ и умерла; обнявшись съ его душой, унеслась ея душа къ небу. Кто сумѣетъ спѣть эту пѣсню такъ, какъ спѣлъ ее Ѳома?—Умолкъ пѣвецъ; стихли звуки лиры, а долго еще сидѣли за столомъ гости, съ поникшими головами, будто все звенѣли замирающія струны. Вотъ въ робкомъ шопотѣ сказалось предчувствіе тяжелаго горя; вздыхали дамы, не одна желѣзная ру-

былъ съ ними знакомъ, что онѣ были раскрыты позднѣйшими историческими изслѣдованіями: въ нихъ поэтъ, „обломокъ игрою счастія обиженныхъ родовъ", могъ бы найти точку опоры въ своей одинокой борьбѣ противъ систематической травли „надменныхъ потомковъ извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ", прикрывшихъ свои „демократическія копыта"—„геральдическими львами"...

М. М. Лермонтова, рожден. Арсеньева (мать поэта).

Смуты въ Шотландіи заставили предка Лермонтова, Георга Лермонта, перейти на службу въ Польшу. Вмѣстѣ съ другими „шкоцкими и ирландскими нѣмцами" отстаивалъ онъ Бѣлую (нынѣ уѣздный городъ Смоленской губерніи) отъ московскихъ войскъ, послѣ ея взятія кн. Черкасскимъ и Бутурлинымъ (въ 1613 г.) „вышелъ на государево имя", для обученія русскихъ „хитростямъ ратнаго строенія". По словамъ одного историка, „такіе поручики и капитаны съ окружающими ихъ западно-европейскими родичами образовывали

особливыя стройныя ячейки въ рядахъ неуклюжей московской арміи,— ячейки, изъ которыхъ выходили учителя дворянъ и дѣтей боярскихъ; они понемногу и нерѣдко какъ-нибудь учили послѣднихъ техникѣ западно-европейскаго военнаго строя, подготовляя элементы для будущей реформы Петра, завершавшей собою невидную, но постоянную и упорную работу XVII вѣка въ томъ же направленіи. Усѣвшись навсегда въ Московскомъ государствѣ, такіе капитаны, поручики, прапорщики, господа Лермонты, Гордоны и др., сами начинали поддаваться вліянію окружающей среды и народности, пока, наконецъ, подобно древнимъ норманамъ, не теряли совсѣмъ своихъ нѣмецкихъ особенностей и не давали изъ себя въ лицѣ своихъ потомковъ самыхъ что ни на есть русскихъ дворянъ, зачастую и не вспоминавшихъ о своемъ иноземномъ происхожденіи".Напомнимъ, что такого происхожденія былъ авторъ „Недоросля", Д. И. Фонвизинъ.

„Герцогъ Лерма" (картина М. Ю. Лермонтова).

Въ 1653 г. сынъ Георга Лермонта, Петръ, рѣшивъ навсегда остаться въ Россіи, крестился въ „православную христіанскую вѣру". Лермонты были поверстаны помѣстьями и окончательно слились съ русскимъ служилымъ дворянствомъ, храня, для потомковъ, смутныя воспоминанія о своемъ шотландскомъ происхожденіи, дошедшія и до нашего поэта. Ходила среди нихъ, позднѣе, и фантастическая легенда объ испанскомъ герцогѣ Лерма, переселившемся въ Шотландію вслѣдствіе насилій мавровъ; М. Ю. Лермонтовъ даже нарисовалъ его *воображаемый* портретъ, но увлеченіе испанскимъ происхожденіемъ рода было у него кратковременнымъ и неглубокимъ. Болѣе глубокіе слѣды оставили воспоминанія о Шотландіи:

Подъ занавѣскою тумана,
Подъ небомъ бурь, среди степей,
Стоитъ могила Оссіана
Въ горахъ Шотландіи моей.
Летитъ къ ней духъ мой усыпленный
Родимымъ вѣтромъ подышать...

. . . .

Послѣдній потомокъ отважныхъ бойцовъ
Увядаетъ средь чуждыхъ снѣговъ;
Я здѣсь былъ рожденъ, но не здѣшній душой...
О, зачѣмъ я не воронъ степной!..

Особой роли Лермонты—позднѣе Лермонтовы (и Лермантовы)—на своей новой родинѣ не играли: были второстепенными воеводами, „стряпчими", и не пошли дальше стольниковъ; богатыми въ Россіи не сдѣлались.

Отецъ поэта, Юрій Петровичъ, былъ прапорщикомъ Кексгольмскаго пѣхотнаго полка, позднѣе служилъ въ своей alma mater—1-мъ кадетскомъ корпусѣ въ Петербургѣ, но очень рано, въ 1811 г., вы-

Ю. П. Лермонтовъ (отецъ поэта).

шелъ въ отставку капитаномъ и поселился съ сестрами въ своемъ небольшомъ имѣніи Кроптовкѣ (Тульской губ.). Онъ былъ человѣкомъ незначительнымъ, мягкимъ, добрымъ, но вспыльчивымъ, подчасъ грубымъ, самодуромъ. Знавшіе Ю. П. вспоминали объ его кра-

сотѣ, успѣхахъ у женщинъ, рисовали его привлекательнымъ въ обществѣ блондиномъ, веселымъ собесѣдникомъ, „bon-vivant-омъ"; крѣпостные считали его „добрымъ, даже очень добрымъ бариномъ".

Мать его, Марія Михайловна, была изъ рода Арсеньевыхъ (про-

Лермонтовъ—ребенокъ.

изводящаго себя, черезъ Комыниныхъ, отъ византійскаго императора Комнина!). Болѣзненная, хрупкая, она была очень сантиментальна и мечтательна, отличалась исключительной добротой: тяжело больная, въ злой чахоткѣ, сама обходила нуждающихся крестьянъ, лѣчила ихъ, помогала имъ въ бѣдѣ. Единственнымъ утѣшеніемъ для нея была безграничная любовь къ маленькому сыну. Посадивъ его на колѣни, она цѣлыми часами „заигрывалась на фортепіано", пѣла ему, „а онъ, прильнувъ къ ней головкой, сидѣлъ неподвижно, звуки какъ бы потрясали его младенческую душу, и слезы катились по его личику: мать передала ему необычайную нервность свою". Эти пѣсни

глубоко запали въ душу будущаго поэта, и онъ позднѣе не разъ вспоминалъ о нихъ въ своихъ стихахъ. Марія Михайловна вышла за отца Лермонтова противъ воли своей матери, Екатерины Алексѣевны Арсеньевой, урожденной Столыпиной. Арсеньевы со своей миѳической родословной и Столыпины, выдвинувшіеся изъ рядового дворянства благодаря откупамъ, считали этотъ бракъ неравнымъ: небогатый, не принятый въ „свѣтѣ" Ю. П. Лермонтовъ казался имъ слишкомъ незавидной партіей для Арсеньевой; согласились на бракъ послѣ долгихъ настояній и мучительствъ надъ М. М. И характеръ Ю. П., который въ дурную минуту могъ даже поднять руку на больную жену и открыто измѣнялъ ей, и отношенія къ нежеланному зятю Е. А. Арсеньевой, ея семьи и родни создали невозможную домашнюю атмосферу, отъ которой всего больше пострадали М. М. и ея сынъ. Обостренная борьба между властной, проникнутой аристократическими предразсудками и крѣпостническими привычками, тещей и неуравновѣшеннымъ, слабохарактернымъ, затравленнымъ зятемъ осложнялась доносами и сплетнями приживалокъ, грубымъ вмѣшательствомъ родныхъ и знакомыхъ.

Въ такой невозможной атмосферѣ, среди Простаковыхъ и Фамусовыхъ съ внѣшнимъ налетомъ притязательнаго аристократизма, появился на свѣтъ со 2 на 3 октября 1814 г. будущій великій поэтъ (въ Москвѣ, въ домѣ Толя, у Красныхъ воротъ). Родился онъ со всѣми признаками тяжелой физической наслѣдственности— упорной золотухи, рахитизма, повышенной нервозности, меланхолическаго склада души. Осложненія послѣ кори на нѣсколько лѣтъ приковали его къ постели. Только продолжительное лѣченіе, при которомъ не жалѣли средствъ, и неоднократныя поѣздки на Кавказскія минеральныя воды дали возможность М. Ю. окрѣпнуть и ослабили симптомы зловѣщей наслѣдственности (отецъ его умеръ всего 45 лѣтъ, мать скончалась отъ чахотки на 22 году жизни, когда ему шелъ 3-й годъ).

Болѣзнь, одиночество, семейная распря, во всѣ подробности которой посвящали ребенка, вызвали раннее преждевременное развитіе души М. Ю. Въ распаленной мечтѣ, чтеніи не-дѣтскихъ книгъ искалъ онъ отдыха отъ междоусобной семейной борьбы, въ которую его постоянно втягивали. Здѣсь именно сложились эти жуткія черты его своеобразной психологіи, которыя наложили такую яркую печать на все его творчество и сыграли такую роковую роль въ его жизни: привычка проектировать къ міру и къ небу свои „безыменныя страданія", ультра-субъективный складъ всего душевнаго міра, „съ небомъ гордая борьба", анормальный пессимизмъ, слишкомъ преувеличивавшій зло жизни и мерзость людей. Душа ребенка разрывалась между бабушкой и отцомъ, которые имѣли жестокость сводить на ней свои счеты; взаимныя обвиненія, въ которыхъ была доля правды, но еще больше преувеличеній, слишкомъ рано раскрывали для впечатлительнаго мальчика темную изнанку жизни—въ людяхъ, ко-

торые были ему всего ближе, всего дороже... Окончательный разрывъ ихъ, боязнь тайнаго похищенія его отцомъ, жалобы отца, обвиненія бабушки все больше запутывали душу „Мишеля“, пріучили его глубоко прятать свои чувства и интимныя настроенія, противопоставлять приниженіямъ „захудалаго“ отца гордыя мечты объ испанской и шотландской родинѣ предковъ. Грубая несправедливость вызывала острый внутренній отпоръ, который находилъ себѣ выраженіе, главнымъ образомъ, въ раннемъ поэтическомъ творчествѣ; третированіе отца, не только за его характеръ, но и за его происхо-

Видъ Тарханъ.

жденіе, не могло не затрогивать больно и сына: то, что отравляло душу въ дикихъ домашнихъ сценахъ, еще больнѣе било потомъ на болѣе широкой аренѣ „свѣта“...

Я сынъ страданья. Мой отецъ
Не зналъ покоя по-конецъ;
Въ слезахъ угасла мать моя;
Отъ нихъ остался только я,
Ненужный членъ въ пиру людскомъ,
Младая вѣтвь на пнѣ сухомъ;
Въ ней соку нѣтъ, хоть зелена,
Дочь смерти,—смерть ей суждена!..

Къ ребенку сызмальства были приставлены воспитатели-иностранцы. Бабушка, дѣйствительно, ничего не жалѣла для воспитанія „Мишеля“: вѣдь это было ея главнымъ и даже единственнымъ аргументомъ въ борьбѣ съ зятемъ за внука—средства Ю. П. были ограничены.

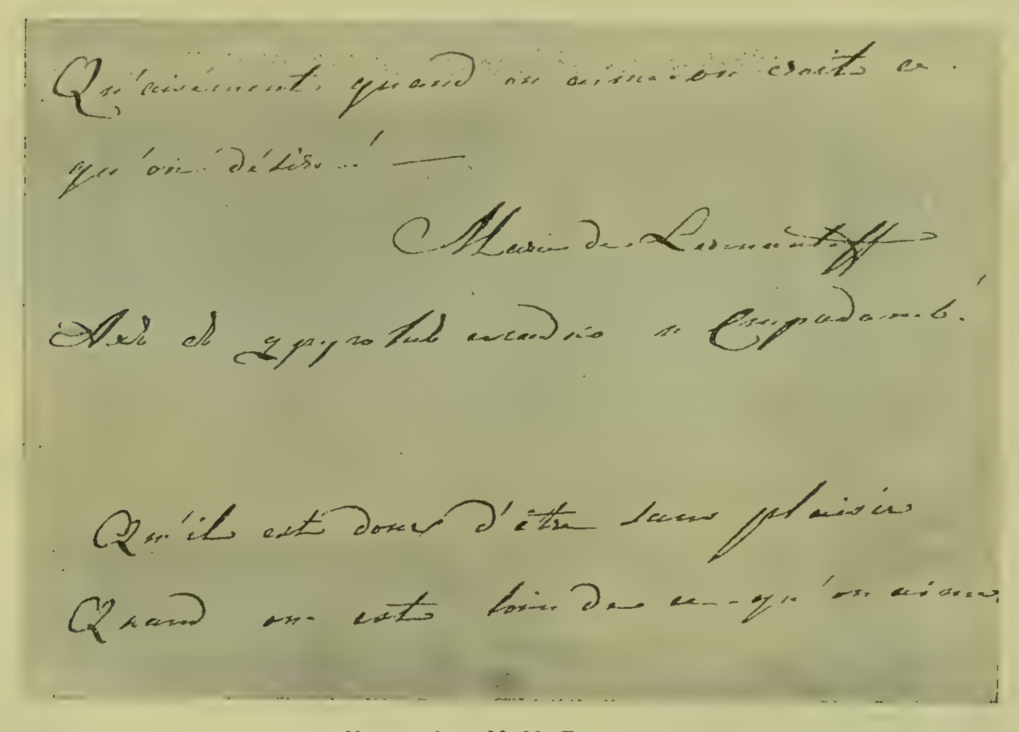
Среди нихъ особенно выдѣлилась нѣмка-бонна Ремеръ, „женщина строгихъ правилъ, религіозная“. Она воспитывала въ М. Ю. уваженіе къ человѣческой личности, независимо отъ ея общественнаго положенія, не позволяла грубо относиться къ дворовымъ и крестьянамъ, даже заставляла его извиняться передъ обиженными, что было совсѣмъ не въ духѣ той крѣпостнической эпохи.

Изъ альбома М. М. Лермонтовой.

Повидимому, подъ вліяніемъ ея и подъ впечатлѣніемъ воспоминаній дворовыхъ о добротѣ матери „Лермонтовъ въ дѣтствѣ еще напускался на бабушку, когда она бранила крѣпостныхъ, онъ выходилъ изъ себя, когда кого-нибудь вели наказывать, и бросался на отдавшихъ приказаніе съ палкой, съ ножомъ, — что подъ руку попадало“... Въ его юношескихъ произведеніяхъ встрѣчаются рѣзкія обличенія ужасовъ рабства, крѣпостного права. Дворня, деревенская природа, поэзія народнаго обряда, сказки, пѣсни оказывали, несомнѣнно, на него свое вліяніе и подготовляли будущаго автора „Пѣсни про купца Калашникова“. Хотя онъ позднѣе и сожалѣлъ о томъ, что не слышалъ въ дѣтствѣ народныхъ русскихъ сказокъ, въ которыхъ „больше поэзіи, чѣмъ во всей французской словесности“, но этому трудно повѣрить, такъ какъ онъ игралъ со сверстниками—дворовыми мальчиками и дѣвочками. Въ несомнѣнно автобіографическомъ „второмъ отрывкѣ изъ неоконченной повѣсти“ онъ такъ рисуетъ дѣтство Саши Арбенина. Саша съ няней странствуетъ по дѣвичьимъ, или дворовыя дѣвушки приходятъ въ дѣтскую. „Сашѣ было съ ними очень весело. Онѣ его ласкали и цѣловали наперерывъ, *разсказывали ему сказки про волжскихъ разбойниковъ,* и его воображеніе наполнялось чудесами храбрости и картинами мрачными и понятіями противообщественными. Онъ разлюбилъ игрушки и началъ

мечтать... Болѣзнь эта (корь съ осложненіями) имѣла вліяніе на умъ и характеръ Саши: онъ выучился думать. Лишенный возможности развлекаться обыкновенными забавами дѣтей, онъ началъ искать ихъ въ самомъ себѣ. Воображеніе стало для него новой игрушкой. Не даромъ учатъ дѣтей, что съ огнемъ играть не должно. Но, увы, никто и не подозрѣвалъ въ Сашѣ этого скрытаго огня, а между тѣмъ онъ обхватывалъ все существо бѣднаго ребенка. Въ продолженіе мучительныхъ безсонницъ, задыхаясь между горячихъ подушекъ, онъ уже привыкалъ побѣждать страданія тѣла, увлекаясь грезами души. Онъ воображалъ себя волжскимъ разбойникомъ, среди синихъ и студеныхъ волнъ, въ тѣни дремучихъ лѣсовъ, въ

Изъ альбома М. М. Лермонтовой.

шумѣ битвъ, въ ночныхъ наѣздахъ, при звукѣ пѣсенъ, подъ свистомъ волжской бури". Шли навстрѣчу этому повышенному дѣтскому романтизму и другія вліянія. Мальчикъ увлекался Шиллеромъ, позднѣе—Гейне, Гёте; гувернеръ Капэ, наполеоновскій офицеръ, попавшій въ плѣнъ и оставшійся въ Россіи, внушилъ ему, на всю жизнь, культъ „великаго корсиканца". Отъ него могъ слышать Лермонтовъ о Бородинскомъ боѣ; характерно, что въ своихъ „Поле Бородина" и „Бородино" поэтъ все же придалъ своему разсказу *русскій оттѣнокъ*—результатъ скрещивающихся вліяній. М. Ю. слышалъ, вѣроятно, и разсказы русскихъ участниковъ знаменитаго боя. Второй воспитатель, французъ Жандро, познакомилъ своего питомца съ реакціонными духомъ французской эмиграціи, внушилъ ему пре-

зрѣніе къ парижской толпѣ, интересъ къ жертвамъ террора, мирно уживавшійся съ культомъ „исчадія революціи“ Наполеона. Англичанинъ Виндсонъ сблизилъ его съ англійской литературой и подготовилъ увлеченіе Байрономъ, у котораго мальчикъ искалъ и находилъ отвѣты на всѣ наиболѣе интимные запросы своей слишкомъ рано омраченной души...[1])

Эти вліянія предохраняли отъ односторонняго увлеченія французской литературой, къ которой, въ общемъ, Лермонтовъ всегда былъ холоденъ[2]), и широко раздвигали его литературные горизонты. Въ 1828 г. М. Ю. поступилъ въ Московскій Благородный пансіонъ,

Изъ альбома М. М. Лермонтовой.

разсадникъ литературнаго, преимущественно, образованія для многихъ поколѣній. Въ немъ учились Жуковскій, Тургеневъ, кн. В. Ѳ. Одоевскій, Грибоѣдовъ, Мещевскій, Родзянко и мн. др., сыгравшіе потомъ бо́льшую или меньшую роль въ исторіи нашей литературы.

Пансіонъ доживалъ тогда свои послѣдніе годы: въ 1830 г. его преобразовали въ гимназію, и М. Ю., не кончивъ пансіонскаго курса, подготовился и поступилъ въ Московскій университетъ.

---

[1]) Характерно, что и въ русской литературѣ онъ ищетъ, прежде всего, встрѣчныхъ байроническихъ теченій. Отсюда—преимущественный интересъ къ байроническимъ поэмамъ Пушкина, „Шильонскому узнику“ Жуковскаго, переводамъ и подражаніямъ Козлова.

[2]) Ближе другихъ французскихъ писателей ему былъ Барбье; знакомъ былъ Л-въ съ произведеніями Шатобріана, Виктора Гюго, но въ его жизни и творчествѣ они особой роли не сыграли. Къ *послѣ-Наполеоновской* Франціи М. Ю. вообще относился отрицательно. Стоитъ отмѣтить, впрочемъ, его повышенный интересъ къ революціи 1830 г.

Для своего времени онъ былъ лучшимъ учебнымъ заведеніемъ, дававшимъ мало положительныхъ знаній, но будившимъ умственные интересы, благоговѣйно хранившимъ высокіе педагогическіе завѣты И. П. Тургенева и А. А. Прокоповича—Антонскаго. Питомцы его выростали въ любящей и культурной атмосферѣ, въ условіяхъ широкой свободы для слагавшейся личности, при бережномъ отноше-

Лермонтовъ—студентъ въ 1831—32 гг.

ніи къ индивидуальнымъ особенностямъ и природнымъ дарованіямъ каждаго изъ нихъ. Несомнѣнно, и у Лермонтова большинство его учителей и воспитателей оставили лучшія воспоминанія: скрытный, замкнутый, онъ все же развертывался душою передъ А. З. Зиновьевымъ, „кліентомъ" котораго былъ[1]),—подарилъ тетрадь своихъ раннихъ стихотвореній популярному среди воспитанниковъ учителю ри-

[1]) Воспитанники отдавались подъ особый надзоръ кому-нибудь изъ учителей и воспитателей пансіона. Для Л-ва такимъ руководителемъ былъ избранъ Зиновьевъ.

сованія Солоницкому, давалъ свои болѣе удачные рисунки инспектору М. Г. Павлову, знаменитому въ то время шеллингіанцу. Учебный персоналъ всячески поощрялъ художественные и литературные интересы воспитанниковъ, что было устойчивою традиціею пансіона. Раньше труды ихъ даже печатались („Утренняя Заря“, „Калліопа“), все время издавались ими рукописные школьные журналы (въ одномъ изъ нихъ Л-въ помѣстилъ свою первую поэму „Индіанка“, позднѣе затерянную). Павловъ собирался возобновить печатаніе лучшихъ произведеній учениковъ, но почему-то не привелъ этотъ планъ въ исполненіе. Наибольшую роль въ пансіонѣ играли: Павловъ, захватывавшій своихъ слушателей въ пансіонѣ и университетѣ талантливой пропагандой ученія Шеллинга, С. Е. Раичъ, извѣстный въ то время поэтъ, основатель литературнаго общества, изъ котораго возникъ знаменитый кружокъ „любомудровъ“, А. Ѳ. Мерзляковъ, пользовавшійся большою популярностью въ Москвѣ, какъ прекрасный лекторъ и выдающійся литературный критикъ и поэтъ.

М. Ю. сразу выдвинулся въ пансіонѣ, благодаря своей разносторонней, широкой одаренности. Л-ва настолько цѣнили, что въ 1829 г. на торжественномъ актѣ его заставили декламировать „Море“ Жуковскаго и исполнить на скрипкѣ allegro изъ концерта Маурера; Павловъ собиралъ и хранилъ его рисунки, Солоницкій—стихи.

Есть свѣдѣнія, что Мерзляковъ давалъ М. Ю. частные уроки. Его вліянію приписывала Е. А. Арсеньева увлеченіе Л-ва поэзіей. Въ разгаръ взволновавшей ее исторіи изъ-за стихотворенія на смерть Пушкина она воскликнула: „и зачѣмъ это я на бѣду свою еще брала Мерзлякова, чтобы учить Мишу литературѣ! Вотъ до чего онъ довелъ его!..“

На лѣто Арсеньева уѣзжала съ внукомъ въ подмосковное имѣніе своего брата Середниково, гдѣ М. Ю. попадалъ въ большую и пеструю компанію родственниковъ Арсеньевыхъ и Столыпиныхъ. Здѣсь сложилась его трогательная дружба съ дѣвицами Верещагиными, Лопухиными и Бахметевыми; здѣсь же онъ пережилъ тяжелую душевную драму.

Какъ Байронъ, онъ мучительно преувеличивалъ свои физическіе недостатки, былъ болѣзненно мнителенъ и самолюбивъ въ своихъ быстро смѣнявшихся романахъ, слишкомъ остро реагировалъ на шутки, подчасъ легкомысленныя и безтактныя, дѣвушекъ, которыя себя считали взрослыми, его—смѣшнымъ и неловкимъ мальчикомъ, неумѣло играющимъ въ любовь. Онѣ, въ особенности Е. А. Сушкова-Хвостова, не давали себѣ труда ближе приглядѣться къ сложному душевному міру геніальнаго юноши, не понимали, сколько страданій доставляли ему ихъ невинныя будто бы, на самомъ дѣлѣ жестокія по своимъ послѣдствіямъ шутки и издѣвательства. Уколы самолюбію, оскорбленія повышеннаго сознанія своего человѣческаго достоинства вырастали, на почвѣ природной склонности къ мелан-

холіи и жадно подхваченной у Байрона „міровой скорби“, въ глубокую, неизлѣчимую сердечную рану. Страданія переживались одиноко, довѣрялись только завѣтной тетради, выливаясь въ стихахъ. Позднѣе Сушкова „пожала то, что посѣяла“: взрослый поэтъ жестоко отомстилъ „летучей мыши, крылья которой зацѣпляются за все встрѣчное“, за поруганное чувство юноши.

Е. А. Сушкова-Хвостова.

М. Ю. отличался ранней и повышенной влюбчивостью. По его собственному признанію, въ первый разъ онъ былъ влюбленъ 10-ти лѣтъ; къ пансіонскому періоду относится его увлеченіе А. Г. Столыпиной, Сушковой, В. А. Лопухиной, которую онъ любилъ всѣхъ сильнѣе и глубже. Любовь къ Лопухиной, вышедшей въ 1835 г. замужъ за Бахметева, сыграла большую роковую роль въ жизни М. Ю.,

отравивъ его душу муками ревности и безнадежности. Всѣ послѣдующія увлеченія не могли сгладить въ его душѣ трогательнаго, женственно-мягкаго, поэтическаго образа „Вареньки", прототипа Вѣры „Героя нашего времени". Съ Верещагиными, Бахметевыми и М. А. Лопухиной поэта связывала искренняя дружба. Его письма къ нимъ дышатъ необычною для него мягкостью, откровенностью, „свѣтлою грустью".

Въ той же обстановкѣ онъ сблизился съ Аркадіемъ Столыпинымъ, позднѣе бывшимъ для него однимъ изъ наиболѣе вѣрныхъ друзей. Его учитель, семинаристъ Орловъ, знатокъ народной пѣсни, заста-

В. А. Лопухина.

вилъ Л-ва полюбить народную поэзію. Его вліяніе, вѣроятно, сказалось въ раннихъ попыткахъ обработки Л-вымъ народно-поэтическихъ сюжетовъ.

Московскій университетъ (1830—1832 г. г.) далъ М. Ю. меньше пансіона. Это былъ наиболѣе тусклый моментъ въ его славной исторіи—моментъ упадка передъ расцвѣтомъ, котораго Л-въ не дождался. Допотопные профессора, убогій бюрократическо-полицейскій режимъ вывѣтрили изъ него „душу живу". Жизнь кипѣла

только въ кружкахъ молодежи, но съ нею не могъ сблизиться Л-въ уже по одному своему характеру, замкнутому, „самозаключенному“, сосредоточившемуся на глубокой внутренней работѣ. Онъ привыкъ уже гордо отталкивать всякое непрошенное вмѣшательство въ свою личную жизнь, сторониться отъ людей, бравировать своимъ одиночествомъ, предупреждать возможныя оскорбленія своей слишкомъ впечатлительной души — стремительными оскорбленіями другихъ, иногда безцѣльными и несправедливыми. Искрененъ и простъ „Мишель“ былъ тогда съ немногими, избранными, въ которыхъ былъ

Автопортретъ въ 1837 г.

увѣренъ; съ другими онъ былъ всегда насторожѣ, рѣзокъ, насмѣшливъ—небрежно, съ виду, оскорблялъ, желая предупредить оскорбленія, которыхъ всегда ждалъ, въ чемъ подчасъ въ душѣ глубоко раскаивался...

Стоя въ сторонѣ отъ студенческой жизни, онъ все же къ ней внимательно и вдумчиво приглядывался. Извѣстныя строфы въ „Сашкѣ“—воспоминаніе о Московскомъ университетѣ—проникнуты мягкимъ и *любовнымъ* юморомъ. Лермонтовъ принимаетъ живое участіе въ „Маловской“ исторіи (демонстрація противъ непопулярнаго

профессора Малова, о которой такъ ярко разсказалъ Герценъ въ своемъ „Былое и Думы") и ждалъ за нее серьезнаго наказанія, отъ котораго спасли его, вѣроятно, московскія связи бабушки. Л-въ настолько уже умственно сложился тогда, настолько ушелъ въ себя, что сталъ совершенно въ сторонѣ отъ университетской жизни: скучныя и бездарныя, за рѣдкими исключеніями, лекціи только тяготили его; сознательно сторонился онъ и отъ товарищей по курсу— они казались ему слишкомъ наивными, ребячливыми, назойливыми...

На репетиціяхъ и экзаменахъ онъ велъ себя вызывающе по отношенію къ профессорамъ. Эти столкновенія и, можетъ быть, не забытое еще участіе въ „Маловской" исторіи привели къ тому, что М. Ю. хотѣли оставить на второй годъ на томъ же курсѣ. Оскорбленный, онъ рѣшилъ бросить Московскій университетъ и перейти въ Петербургъ (въ 1832 г.), гдѣ ему предложили держать вступительный экзаменъ на первый курсъ, не зачитывая двухлѣтняго пребыванія въ Москвѣ. „Не вынесла душа поэта позора мелочныхъ обидъ", и Л-въ навсегда простился съ университетомъ.

Годы пребыванія въ „Школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ" (1832—1834 г. г.) столкнули Л-ва съ новой для него общественной средой. Позднѣе онъ называлъ ихъ „двумя страшными годами"...

Онъ еще глубже уходитъ въ себя, таитъ отъ всѣхъ почти товарищей свое *настоящее* творчество и прячетъ свою душу подъ плотно надвинутой маской „лихого улана", который старается захватить первенство во всемъ—разгулѣ, „бамбошерствѣ", кутежахъ и оргіяхъ, сочиненіи непристойныхъ стихотвореній, „гусарскомъ" озорствѣ, остротахъ и насмѣшкахъ, часто создававшихъ ему смертельныхъ враговъ (задѣтый имъ кн. А. И. Барятинскій, товарищъ по школѣ, до конца своей жизни не могъ простить поэту его ядовитыхъ издѣвательствъ; издѣвательства надъ другимъ товарищемъ, Мартыновымъ, привели къ роковой дуэли).

„Маёшка" (школьное прозваніе М. Ю.) продолжаетъ, въ общемъ, ту же жизнь, и сдѣлавшись офицеромъ: азартныя игры, давшія потомъ краски для „Маскарада" съ его міромъ игроковъ, „гусарскіе" кутежи и шутки, попытки во что бы то ни стало пробиться въ высшій петербургскій „свѣтъ". Но въ эту жизнь врываются постепенно новые тона: противъ воли автора печатаютъ его поэму „Хаджи Абрекъ" (въ 1835 г.); онъ знакомится и сближается съ А. А. Краевскимъ, начинаетъ все серьезнѣе относиться къ своему дарованію, даже мечтаетъ бросить службу и отдаться литературѣ. Попрежнему онъ откровененъ только съ близкими, немногими людьми; всѣхъ остальныхъ онъ встрѣчаетъ готовымъ сарказмомъ, пробуя на нихъ жуткую магнетическую силу своихъ „пронзительныхъ глазъ"...

Смерть Пушкина, вызванные ею слухи и пересуды всколыхнули глубины души М. Ю. и заставили его написать стихи, которые въ одинъ день сдѣлали его знаменитостью. 28 января 1837 г. („Смерть

поэта") можно считать поворотнымъ моментомъ въ жизни Л-ва: онъ сдѣлался сразу „властителемъ думъ"—и мученикомъ.

Ссылка на Кавказъ (въ Нижегородскій драгунскій полкъ), непродолжительная—уже 11 октября того же года онъ былъ переведенъ въ Гродненскій гусарскій полкъ—окружила поэта ореоломъ,

Гробница М. Ю. Лермонтова (въ Тарханахъ).

котораго онъ всего меньше могъ ждать. Вернувшись, онъ дѣлается „львомъ", за которымъ ухаживаютъ, передъ которымъ раскрылись двери, раньше ему недоступныя. И Лермонтовъ дѣлаетъ то, за что такъ горько упрекалъ Пушкина—идетъ навстрѣчу этимъ свѣтскимъ заискиваньямъ, въ которыхъ всего меньше было настоящаго уваженія, всего больше скоро-преходящей моды.

Настоящее отношеніе „свѣта“, „надменныхъ потомковъ извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ“, къ Лермонтову всего ярче (и пошлѣе) охарактеризовалъ гр. В. А. Соллогубъ въ повѣсти

Первоначальное мѣсто погребенія М. Ю. Лермонтова (въ Пятигорскѣ).

„Большой свѣтъ“, написанной по заказу великой княгини Маріи Николаевны.

Сафьевъ (Столыпинъ — „Монго“) говоритъ бабушкѣ Леонина (Лермонтова): „Леонинъ, внукъ вашъ, — хорошій и добрый малый, но въ свѣтѣ, Настасья Александровна, онъ ничего не значитъ; онъ

не что иное, какъ маленькій Леонинъ, офицерчикъ изъ арміи, довольно бѣдный, никому не родня; имя его „Леонинъ“ похоже на водевильное и вовсе ничего не имѣетъ аристократическаго, т.-е. знатнаго[1]), однимъ словомъ, Миша вашъ въ свѣтѣ меньше нуля... Не имѣя состоянія, ни родства, ни связей, вашъ внукъ бросился въ

Слуга Лермонтова (на Кавказѣ). Кн. Г. Г. Гагаринъ.

большой свѣтъ, втерся во всѣ переднія, кланялся всѣмъ нашимъ толстымъ барынямъ, началъ пренебрегать службу, надѣлалъ цѣлую пропасть долговъ, жилъ въ вѣчной лихорадкѣ“.

Во всемъ этомъ много злостнаго преувеличенія, но колебанія

[1]) Соллогубъ (собственно, Салогубъ) звучитъ, конечно, очень аристократически.

и противорѣчія положенія Л-ва въ „свѣтѣ“ намѣчены ярко. Освѣщены только они невѣрно. Л-въ настойчиво пробирался туда, куда его не пускали, лишая его права, которое онъ за собою сознавалъ. И ему пришлось столкнуться съ грубыми противорѣчіями „свѣта“, которыя такъ ясно понималъ Пушкинъ и мимо которыхъ только скользнулъ „вертопрахъ“ Соллогубъ.

Павелъ I считалъ аристократами только тѣхъ, съ которыми говорилъ и пока съ ними говорилъ. Въ Англіи, Италіи, даже Герма-

Сестры Верзилины. Кн. Г. Г. Гагаринъ.

ніи аристократами родятся, въ Россіи—дѣлаются. „Случай“, фаворъ создавалъ аристократовъ изъ Разумовскихъ, Меньшиковыхъ, Кутайсовыхъ—пѣвчихъ, пирожниковъ, брадобреевъ. И „случайные“ люди плотно смыкались у двора, оттѣсняя тѣхъ, которые не попали въ его сферу. „Родовъ обиженныхъ игрою счастія обломки“ должны были отступать передъ наглымъ напоромъ новой, чиновной и сановной, придворной и жалованной знати. Пушкинъ и Лермонтовъ

настойчиво шли въ „свѣтъ“, потому что ихъ туда не пускали, лишали законнаго права; осуществивъ это право, они стремились уйти. Къ тому же другого организованнаго и культурнаго общества тогда еще не было.

Занявъ положеніе въ „свѣтѣ“, Л-въ мстилъ ему бравадами, насмѣшками, по существу ненужными, но логически вытекавшими изъ противорѣчій сложившихся условій. Это создавало ему новыхъ, болѣе опасныхъ враговъ. Современники разсказывали, что на маскарадѣ, прикинувшись незнающимъ, онъ сильно задѣлъ одну высокопоставленную особу (повидимому, одну изъ дочерей императора Николая I); въ лицѣ графа Бенкендорфа онъ нажилъ себѣ врага жестокаго и слишкомъ вліятельнаго. Перекочевавшая на „кислыя воды“ часть петербургской знати позднѣе натравливала на него Мартынова и другихъ товарищей, сыгравъ такимъ образомъ гнусную роль въ исторіи послѣдней дуэли великаго поэта.

Дуэль съ де-Барантомъ (18 февраля 1840 г.) послужила поводомъ къ мести. Дѣло это сознательно раздули и перевели Л-ва опять на Кавказъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ, съ тайнымъ приказомъ не давать ему возможности выслужиться и реабилитироваться. Съ трудомъ, послѣ продолжительныхъ хлопотъ бабушки, ему разрѣшили отпускъ въ Петербургъ (въ началѣ 1841 г.). 2 мая онъ выѣхалъ въ Пятигорскъ—на смерть... Исторія роковой дуэли (15 іюля 1841 г.) до сихъ поръ еще мало выяснена. Она запутана донельзя слишкомъ дипломатическими показаніями секундантовъ, сознательною ложью Мартыновыхъ и запоздалымъ, жуткимъ по своему смыслу сведеніемъ счетовъ многихъ современниковъ съ безвременно погибшимъ поэтомъ. Прототипъ Грушницкаго, Мартыновъ, „казарменный Сальери“, писавшій ужасныя вирши, былъ несомнѣнно не разъ задѣваемъ и оскорбляемъ Л-вымъ въ домѣ Верзилиной, гдѣ они оба соперничали въ настойчивыхъ ухаживаніяхъ за молодыми Верзилиными; несомнѣнно, онъ завидовалъ его славѣ, успѣхамъ, таланту; повидимому, его натравливали противъ М. Ю., и все же хочется вѣрить, что убійство было непреднамѣреннымъ, случайнымъ... Въ моментъ его разразилась сильная горная гроза.

Только 23 апрѣля 1842 г. тѣло поэта было привезено и погребено въ родныхъ Тарханахъ, въ фамильномъ склепѣ, гдѣ покоится и до сихъ поръ. Поэтъ нашелъ себѣ „довременный конецъ“, о которомъ такъ много думалъ съ первыхъ лѣтъ сознательной жизни...

6 октября 1913 г.

Вл. Каллашъ.

Лермонтовъ.

ХАРАКТЕРИСТИКА.

I.

Этотъ молодой военный, въ николаевской формѣ, съ саблей черезъ плечо, съ тонкими усиками, выпуклымъ лбомъ и горькою складкою между бровей, былъ одной изъ самыхъ феноменальныхъ поэтическихъ натуръ. Исключительная особенность Лермонтова состояла въ томъ, что въ немъ соединялось глубокое пониманіе жизни съ громаднымъ тяготѣніемъ къ сверхчувственному міру. Въ исторіи поэзіи едва ли сыщется другой подобный темпераментъ. Нѣтъ другого поэта, который бы такъ явно считалъ небо своей родиной и землю—своимъ изгнаніемъ. Еслибы это былъ характеръ дряблый, мы бы получили поэзію сантиментальную, слишкомъ эѳирную, стремленіе въ „туманную даль“, второго Жуковскаго—и ничего болѣе. Но это былъ человѣкъ сильный, страстный, рѣшительный, съ яснымъ и острымъ умомъ, вооруженный волшебною кистью, смотрѣвшій глубоко въ дѣйствительность, съ ядомъ ироніи на устахъ—и потому прирожденная Лермонтову неотразимая потребность въ признаніи иного міра разливаетъ на всю его поэзію обаяніе чудной божественной тайны.

Чтобы не возвращаться болѣе къ этому вопросу, а также, чтобы настоящій очеркъ не показался одностороннимъ, предваряемъ, что, какъ сейчасъ было сказано, мы признаемъ въ произведеніяхъ Лермонтова чрезвычайную близость ихъ къ интересамъ дѣйствительности. Чувство природы, пылкость страстей, глубина любви и трогательная теплота привязанностей, реализмъ красокъ, историческое чутье, способность создавать самыя простыя жизненныя фигуры, какъ, напримѣръ, Максимъ Максимычъ, или самые вѣрные бытовые очерки, какъ „Бородино“, „Казачья колыбельная пѣсня“, „Валерикъ“,—вся эта сторона таланта Лермонтова, такъ сказать, реальная—давно всѣми признана. Мы же остановимся теперь исключительно на другой сторонѣ этого великаго дарованія, болѣе глубокой и менѣе изслѣдованной,—на сторонѣ сверхчувственной.

Пересмотрите въ этомъ отношенiи всемiрную поэзiю, начиная отъ среднихъ вѣковъ. Здѣсь мы нисколько не сравниваемъ писателей по ихъ величинѣ, а лишь останавливаемся на отношенiи каждаго изъ нихъ къ вопросамъ вѣчности. Дантъ—католикъ; его вѣра ритуальная. Шекспиръ въ „Гамлетѣ“ задумывается надъ вопросомъ: есть ли *тамъ* „сновидѣнья“? а позже, въ „Бурѣ“, склоняется къ пантеизму. Гёте—поклоняется пcallродѣ. Шиллеръ—прежде всего гуманистъ и, повидимому, христiанинъ. Байронъ, подъ влiянiемъ „Фауста“, совершенно запутывается въ „Манфредѣ“; эта драматическая поэма проникнута горчайшимъ пессимизмомъ, за который Гёте, отличавшiйся душевнымъ здоровьемъ, назвалъ Байрона ипохондрикомъ. Мюссе—сомнѣвается и пишетъ философское стихотворенiе „Sur l'existence de Dieu“, гдѣ приводитъ читателя къ стѣнѣ, потому что заставляетъ все человѣчество пѣть гимнъ Богу, чтобы Онъ отозвался на безконечный призывъ любви, — и Богъ, какъ всегда, безмолвствуетъ. Гюго красиво и часто воспѣвалъ христiанскаго Бога и въ дѣтскихъ стихотворенiяхъ, и въ библейскихъ поэмахъ, и въ романахъ. Но всякому чувствовалось, что Гюго любитъ этотъ образъ, какъ патетическiй эффектъ; въ концѣ жизни и Гюго сознался, что пантеизмъ, исчезновенiе въ природѣ кажется ему самымъ вѣроятнымъ исходомъ. Пушкинъ относился трезво къ этому вопросу и осторожно ставилъ вопросительные знаки. Тургеневъ всю жизнь былъ страдающимъ атеистомъ. Достоевскiй держался очень исключительной и мудреной вѣры въ духѣ православiя. Толстой перешелъ къ вѣрѣ общественной, къ практическому ученiю дѣятельной любви. Одинъ Лермонтовъ нигдѣ положительно не высказалъ (какъ и слѣ-

М. Ю. Лермонтовъ въ iюлѣ 1840 г. (Съ рис. бар. Д. П. Палена).

дуетъ поэту), во что онъ вѣрилъ, но зато во всей своей поэзіи оставилъ глубокій слѣдъ своей непреодолимой и для него совершенно ясной связи съ вѣчностью. Лермонтовъ стоитъ въ этомъ случаѣ совершенно одиноко между всѣми. Если Дантъ, Шиллеръ и Достоевскій были вѣрующими, то ихъ вѣра, покоящаяся на общеизвѣстномъ христіанствѣ, не даетъ читателю ровно ничего болѣе этой вѣры. Вѣра, чѣмъ менѣе она категорична, тѣмъ болѣе заразительна. Все, рѣзко обозначенное, подрываетъ ее. Одинъ изъ привлекательнѣйшихъ мистиковъ, Эрнестъ Ренанъ, въ своихъ религіозно-философскихъ этюдахъ всегда сбивался на поэзію. Но Лермонтовъ, какъ вѣрно замѣтилъ В. Д. Спасовичъ, даже и не мистикъ: онъ именно—чистокровнѣйшій поэтъ, „человѣкъ не отъ міра сего“, забросившій къ намъ откуда-то, съ недосягаемой высоты, свои чарующія пѣсни...

Смѣлое, вполнѣ усвоенное Лермонтовымъ, родство съ небомъ даетъ ключъ къ пониманію и его жизни, и его произведеній.

Можно, конечно, найти у Лермонтова слѣды сомнѣній. Въ одномъ письмѣ онъ говоритъ: „Dieu sait, si après la vie le moi existera. C'est terrible, quand on pense, qu'il peut arriver un jour, où je ne pourrai pas dire: moi!—A cette idée l'univers n'est qu'un morceau de boue“. Въ другомъ мѣстѣ:

Конецъ! какъ звучно это слово!
Какъ *много-мало* мыслей въ немъ!
Послѣдній стонъ—и все готово;
Безъ дальнихъ справокъ—а потомъ?..
Потомъ наслѣдникъ...
Простивъ вамъ каждую обиду,
Отслужитъ въ церкви панихиду,
Которой (*я боюсь сказать*)
Не суждено вамъ услыхать.

Въ „Сашкѣ“;

Пусть отдадутъ меня стихіямъ! Птица,
Звѣрь, и огонь, и вѣтеръ, и земля—
Раздѣлятъ прахъ мой, и *душа моя*
Съ душой вселенной, какъ эѳиръ съ эѳиромъ,
Сольется и—развѣется надъ міромъ.

(„Сашка“, LXXXIII.)

Вотъ едва ли не всѣ цитаты, составляющія исключенія изъ общаго правила. Однако и тутъ видно, что Лермонтовъ никакъ не могъ помириться съ мыслью о своемъ ничтожествѣ. Даже исчезая въ стихіяхъ, Лермонтовъ отдѣляетъ свою *душу* отъ праха, желаетъ этой душой слиться со вселенной, наполнить ею вселенную...

Съ этими незначительными оговорками неизбѣжность высшаго міра проходитъ полнымъ аккордомъ черезъ всю лирику Лермонтова. Онъ самъ весь пропитанъ кровною связью съ надзвѣзднымъ пространствомъ. Здѣшняя жизнь—ниже его. Онъ всегда презираетъ ее, тяготится ею. Его душевныя силы, его страсти—громадны, не по плечу

толпѣ; все ему кажется жалкимъ, на все онъ взираетъ глубокими очами вѣчности, которой онъ принадлежитъ: онъ съ ней разстался на время, но непрестанно и безутѣшно по ней тоскуетъ. Его поэзія, какъ бы по безмолвному соглашенію всѣхъ его издателей, всегда начинается „Ангеломъ“, составляющимъ превосходнѣйшій эпиграфъ ко всей книгѣ, чудную надпись у входа въ царство фантазіи Лер-

Мертвый Лермонтовъ. Цейдлера.

монтова. Дѣйствительно, его великая и пылкая душа была какъ бы занесена сюда для „печали и слезъ“, всегда здѣсь „томилась“ и

Звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

Все этимъ объясняется. Объясняется, почему ему было „и скучно, и грустно“, почему любовь только раздражала его, ибо „вѣчно любить невозможно“; почему ему было легко лишь тогда, когда онъ твердилъ какую-то чудную молитву, когда ему вѣрилось и плакалось; почему морщины на его челѣ разглаживались лишь въ тѣ минуты, когда „въ небесахъ онъ видѣлъ Бога“; почему онъ благодарилъ Его за „даръ души, растраченный въ пустынѣ“, и просилъ по-

скорѣе избавить отъ благодарности; почему, наконецъ, въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ стихотвореній онъ воскликнулъ съ увѣренностью ясновидца:

Но я безъ страха жду довременный конецъ:
Давно пора мнѣ міръ увидѣть новый.

Это былъ человѣкъ гордый и въ то же время огорченный своимъ божественнымъ происхожденіемъ, съ глубокимъ сознаніемъ котораго ему приходилось странствовать по землѣ, гдѣ все казалось ему такъ доступнымъ для его ума и такъ гадкимъ для его сердца.

Еще недавно было высказано, что въ поэзіи Лермонтова слышатся слезы тяжкой обиды и что это будто бы объясняется тѣмъ, что не было еще временъ, въ которыя все завѣтное, чѣмъ наиболѣе дорожили русскіе люди, съ такою безцеремонностью приносилось бы въ жертву идеѣ холоднаго, бездушнаго формализма, какъ это было въ эпоху Лермонтова, и что Лермонтовъ славенъ именно тѣмъ, что онъ поистинѣ геніально выразилъ всю ту скорбь, какою были преисполнены его современники!.. Можно ли болѣе фальшиво объяснить источникъ скорби Лермонтова?! Точно и въ самомъ дѣлѣ, послѣ николаевской эпохи, въ періодъ реформъ, Лермонтовъ чувствовалъ бы себя, какъ рыба въ водѣ! Точно послѣ освобожденія крестьянъ и въ особенности въ шестидесятые годы открылась дѣйствительная возможность „вѣчно любить“ одну и ту же женщину? Или совсѣмъ искоренилась „лесть враговъ и клевета друзей“? Или „сладкій недугъ страстей“ превратился въ безконечное блаженство, не „исчезающее при словѣ разсудка“? Или „радость и горе“ людей, отходя въ прошлое, перестали для нихъ становиться „ничтожными?..“ И почему этими вѣковѣчными противорѣчіями жизни могли страдать только современники Лермонтова, въ эпоху формализма? Современный Лермонтову формализмъ не вызвалъ у него ни одного звука протеста. Обида, которою страдалъ поэтъ, была причинена ему „свыше“,—Тѣмъ, Кому онъ адресовалъ свою ядовитую благодарность, о Комъ онъ писалъ:

Ищу кругомъ души родной,
Повѣдать, *что мнѣ Богъ готовилъ*,
Зачѣмъ такъ горько *прекословилъ*
Надеждамъ юности моей!
Придетъ ли вѣстникъ избавленья
Открыть мнѣ жизни назначенье,
Цѣль упованій и страстей?

Ни въ какую эпоху не получилъ бы онъ отвѣтовъ на эти вопросы. Консервативный строй жизни въ лермонтовское время несомнѣнно вліялъ и на его поэзію, но какъ разъ съ обратной стороны. Быть можетъ, именно благодаря патріархальнымъ нравамъ, строго религіозному воспитанію, кіоту съ лампадой въ спальнѣ своей бабушки, Лермонтовъ съ младенчества началъ улетать своимъ ум-

ственнымъ взоромъ все выше и выше надъ уровнемъ повседневной жизни и затѣмъ усвоилъ себѣ тотъ величавый, почти божественный взглядъ на житейскія дрязги, ту широту и блескъ фантазіи, которые составляютъ всю прелесть его лиры и которые едва ли были бы въ немъ возможны, еслибы онъ воспитывался на книжкахъ Молешота и Бюхнера.

Безъ вѣчности души вселенная, по словамъ Лермонтова, была бы для него „комкомъ грязи“.

И, презрѣвъ дѣтства милые дары,
Онъ началъ думать, строить міръ воздушный,
И въ немъ терялся мыслію послушной.
(„Сашка“, LXXI.)

Люблю я съ колокольни иль съ горы,
Когда земля молчитъ и небо чисто,
Теряться взорами средь цѣпи звѣздъ огнистой;
И мнится, что межъ ними и землей
Есть путь, давно измѣренный душой;
И мнится, будто на главу поэта
Стремятся вмѣстѣ всѣ лучи ихъ свѣта.
(„Сашка“, XLVIII.)

Никто такъ прямо не говорилъ съ небеснымъ сводомъ, какъ Лермонтовъ, никто съ такимъ величіемъ не созерцалъ эту голубую бездну. „Прилежнымъ взоромъ“ онъ умѣлъ въ чистомъ эѳирѣ „слѣдить полетъ ангела“, въ тихую ночь онъ чуялъ, какъ „пустыня внемлетъ Богу и звѣзда съ звѣздою говоритъ“. Въ такую ночь ему хотѣлось „забыться и заснуть“, но ни въ какомъ случаѣ не „холоднымъ сномъ могилы“. Совершеннаго уничтоженія онъ не переносилъ.

II.

Онъ не терпѣлъ смерти, т.-е. безсознательныхъ, слѣпыхъ образовъ и фигуръ, въ окружающей его природѣ. „Хотя безъ словъ“, ему „былъ внятенъ разговоръ“ шумящаго ручья,—его „немолчный ропотъ, вѣчный споръ съ упрямой грудою камней“. Ему „свыше было дано“ разгадывать думы

темныхъ скалъ,
Когда потокъ ихъ раздѣлялъ:
Простерты въ воздухѣ давно
Объятья каменныя ихъ
И жаждутъ встрѣчи каждый мигъ;
Но дни бѣгутъ, бѣгутъ года—
Имъ не сойтиться никогда!..

Такъ онъ, по-своему, одухотворялъ природу, читалъ въ ней исторію сродственныхъ ему страданій. Это былъ настоящій волшебникъ, когда онъ брался за балладу, въ которой у него выступали, какъ живыя лица—горы, деревья, море, тучи, рѣка. „Дары Терека“ „Споръ“, „Три пальмы“, „Русалка“, „Морская царевна“, „Ночевала

тучка золотая", „Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой"— все это такія могучія олицетворенія природы, что никакіе успѣхи натурализма, никакія перемѣны вкусовъ не могутъ у нихъ отнять ихъ вѣчной жизни и красоты. Читатель съ самымъ притупленнымъ воображеніемъ всегда невольно забудется и повѣритъ чисто человѣческимъ страстямъ и думамъ Казбека и Шатъ-горы, Каспія и Терека,—тронется слезою стараго утеса и залюбуется мимолетной золотою тучей, ночевавшей на его груди. Одно стихотвореніе въ такомъ же родѣ, „Сосна", заимствовано Лермонтовымъ у Гейне. У Гейне есть еще одна подобная вещица „Лотосъ". Всѣ названныя лермонтовскія пьесы и эти два стихотворенія Гейне составляютъ все, что есть самаго прекраснаго въ этомъ родѣ во всемірной литературѣ; но Лермонтовъ гораздо богаче Гейне. Баллада Гёте „Лѣсной царь", чудесная по своему звонкому, сжатому стиху, все-таки сбиваетъ на дѣтскую сказочку. Нѣжное, фантастическое подъ перомъ Гёте меньше трогаетъ и не даетъ полной иллюзіи.

Презрѣніе Лермонтова къ людямъ, сознаніе своего духовнаго превосходства, своей связи съ божествомъ сказывалось и въ его чувствахъ къ природѣ. Какъ уже было сказано, только ему одному— но никому изъ окружающихъ—*свыше* было дано постигать тайную жизнь всей картины творенія. Устами поэта Шатъ-гора съ ненавистью говоритъ о человѣкѣ вообще...

Онъ настроитъ дымныхъ келій
    По уступамъ горъ;
Въ глубинѣ твоихъ ущелій
    Загремитъ топоръ,
И желѣзная лопата
    Въ каменную грудь,
Добывая мѣдь и злато,
    Врѣжетъ страшный путь.
Ужъ проходятъ караваны
    Черезъ тѣ скалы,
Гдѣ носились лишь туманы
    Да цари-орлы!
Люди хитры!..

Въ „Трехъ пальмахъ"—тотъ же мотивъ; пальмы были не поняты человѣкомъ и изрублены имъ на костеръ. Въ „Морской царевнѣ" витязь хватаетъ за косу всплывшую на волнахъ русалку, думая наказать въ ней нечистую силу, и когда вытаскиваетъ добычу на песокъ, передъ нимъ лежитъ хвостатое чудовище и

Блѣдныя руки хватаютъ песокъ,
Шепчутъ уста *непонятный упрекъ.*

И

Ѣдетъ царевичъ *задумчиво* прочь.

Въ этой прелестной фантазіи снова повторяется какая-то недомолвка, какой-то роковой разладъ между человѣкомъ и природой.

III.

Всегда природа представляется Лермонтову созданіемъ Бога („Мцыри“, XI, „Когда волнуется желтѣющая нива“, „Выхожу одинъ я на дорогу“ и т. д.), ангелы входятъ въ его поэзію, какъ постоянный привычный образъ, какъ знакомыя, живыя лица. Поэтому сюжетъ, связанный съ легендой міразданія, съ участіемъ безплотнаго духа, съ грандіозными пространствами небесныхъ сферъ, неминуемо долженъ былъ особенно привлекать его воображеніе. Лермонтовъ, съ пятнадцати лѣтъ, замыслилъ своего „Демона“. Время показало,

Памятникъ Лермонтову въ Пятигорскѣ.

что эта поэма изъ всѣхъ большихъ произведеній Лермонтова какъ бы наиболѣе связана съ представленіемъ о его музѣ. Поэтъ, повидимому, чувствовалъ призваніе написать ее и отдѣлывалъ всю жизнь. Всю свою неудовлетворенность жизнью, т.-е. здѣшнею жизнью, а не тогдашнимъ обществомъ, всю исполинскую глубину своихъ чувствъ, превышающихъ обыденныя человѣческія чувства, всю необъятность своей скучающей на землѣ фантазіи Лермонтовъ постарался излить устами Демона. Концепція этого фантастическаго образа была счастливымъ, удачнымъ дѣломъ его творчества. Тѣ свойства, которыя казались напыщенными и даже отчасти карикатурными въ такихъ дѣйствующихъ лицахъ, какъ гвардеецъ Печоринъ, свѣтскій дэнди Арбенинъ или черкесъ Измаилъ-Бей, побывавшій въ Петербургѣ,— всѣ эти свойства (личныя свойства поэта) пришлись по мѣркѣ только фантастическому духу, великому падшему ангелу.

Строго говоря,—„Демонъ“ даже на падшій ангелъ; причина его паденія осталась въ туманѣ; это скорѣе—ангелъ, упавшій съ неба на землю, которому досталась жалкая участь

Ничтожной властвовать землей.

Короче, эта—самъ поэтъ. Интродукція въ поэму воспѣваетъ

Лучшихъ дней воспоминанья
. . . .
Тѣхъ дней, когда въ жилищѣ свѣта
Блисталъ онъ, чистый херувимъ,—

точно поэтъ говоритъ о себѣ до рожденія. Чудная строфа объ этихъ воспоминаніяхъ обрывается восклицаніемъ:

И много, много... и всего
Припомнить не имѣлъ онъ силы,

какъ будто самъ поэтъ потерялъ эту нить воспоминаній и не можетъ самъ себѣ дать отчета, какъ онъ очутился здѣсь. Этотъ скорбящій и могучій ангелъ представляетъ изъ себя тотъ удивительный образъ фантазіи, въ которомъ мы поневолѣ чувствуемъ воплощеніе чего-то божественнаго въ какія-то близкія намъ человѣческія черты. Онъ привлекателенъ своею фантастичностью и въ то же время въ немъ нѣтъ пустоты сказачной аллегоріи. Его фигура изъ траурной дымки почти осязаема:

Ни день, ни ночь, ни мракъ, ни свѣтъ,

какъ опредѣляетъ его самъ Лермонтовъ.

То не былъ ада духъ ужасный,
—о нѣтъ!

спѣшитъ добавить авторъ и ищетъ къ нему нашего сочувствія. Демонъ, ни въ чемъ опредѣленномъ не провинившійся, имѣетъ, однако, нѣкоторую строптивостъ противъ неба; онъ иронизируетъ надъ другими ангелами, давая имъ эпитеты „безстрастныхъ“; онъ еще на небѣ невыгодно выдѣлился между другими тѣмъ, что былъ „познанья жаднымъ“; онъ и въ раю испытывалъ, что ему чего-то недостаетъ (впослѣдствіи онъ говорилъ Тамарѣ:

Во дни блаженства мнѣ въ раю
Одной тебя недоставало);

наконецъ, онъ преисполненъ громадною энергіею, глубокимъ знаніемъ человѣческихъ слабостей, отъ него пышетъ самыми огненными чувствами. И все это приближаетъ его къ намъ.

Пролетая надъ Кавказомъ, надъ этой естественной ступенью нисхожденія съ неба на землю, Демонъ плѣняется Тамарой. Онъ сразу очаровался. Онъ

...позавидовалъ невольно
Неполной радости земной.

(Какой эпитетъ!)

Въ немъ чувство вдругъ заговорило
Роднымъ когда-то языкомъ,

потому что на землѣ одна только любовь напоминаетъ блаженство рая. Онъ не можетъ быть злымъ, не можетъ найти въ умѣ коварныхъ словъ. Что дѣлать?

Забыть! Забвенья не далъ Богъ,
Да онъ и не взялъ бы забвенья

для этой минуты высшаго счастья. Можно ли сильнѣе, глубже сказать о прелести первыхъ впечатлѣній любви!

Въ любви Демона къ Тамарѣ звучатъ всѣ любимыя темы вдохновеній самого Лермонтова. Демонъ старается поднять думы Тамары отъ земли,— онъ убѣждаетъ ее въ ничтожествѣ земныхъ печалей. Когда она плачетъ надъ трупомъ жениха, Демонъ напѣваетъ ей плѣнительныя строфы о тѣхъ чистыхъ и безпечныхъ облакахъ и звѣздахъ, къ которымъ такъ часто любилъ самъ Лермонтовъ обращать свои пѣсни. Онъ говоритъ Тамарѣ о „минутной“ любви людей:

Иль ты не знаешь, что такое
Людей минутная любовь?—
Волненье крови молодое!
Но дни бѣгутъ и стынетъ кровь.
Кто устоитъ противъ разлуки,
Соблазна новой красоты,
Противъ усталости и скуки,
Иль своенравія мечты?

Все это лишь развитіе того же мотива о любви и страсти, который уже вылился отъ лица самого поэта въ стихотвореніи; „И скучно. и грустно“. Въ другомъ мѣстѣ Демонъ восклицаетъ:

Что люди? Что ихъ жизнь и трудъ?
Они пришли, они пройдутъ!

Едва ли не съ этой же космической точки зрѣнія, т.-е. съ высоты вѣчности, Лермонтовъ обратилъ къ своимъ современникамъ свою знаменитую „Думу“:

Печально я гляжу на наше поколѣнье!

Его поколѣніе было лучшее, какое мы запомнимъ,—поколѣніе сороковыхъ годовъ,—и онъ, однако, пророчилъ ему, что оно пройдетъ „безъ шума и слѣда“; онъ укорялъ его въ томъ, что у него нѣтъ „надеждъ“, что его страсти осмѣяны „невѣріемъ“, что оно изсушило умъ „наукою безплодной“ и что его не шевелятъ „мечты поэзіи“,—словомъ, онъ бросилъ укоръ, который можно впредь до окончанія міра повторять всякому поколѣнію, какъ и двустишіе „Демона“:

Что люди? Что ихъ жизнь и трудъ?
Они пришли, они пройдутъ!

Передъ рѣшительнымъ свиданіемъ съ Тамарой у Демона на минуту пробуждается невольное сожалѣніе къ ней. Эта странная, едва уловимая горечь смущенія внушается природой каждому передъ порогомъ дѣвственности.

То было злое предвѣщанье...

Дѣйствительно, передъ Демономъ тотчасъ же открыто выступилъ защитникомъ невинности—ангелъ. Демонъ идетъ „любить готовый, съ душой открытой для добра"—и вдругъ эта непонятная сила, почему-то воспрещающая радость, называющая радость зломъ!

Зло не дышало здѣсь понынѣ!
Къ моей любви, къ моей святынѣ
Не пролагай преступный слѣдъ!

Тогда въ душѣ Демона проснулся „старинной ненависти ядъ" къ посланнику этой странной силы:

„Она моя! сказалъ онъ грозно,
Оставь ее! Она моя.
Явился ты, защитникъ, поздно
И ей, какъ мнѣ, ты не судья!
На сердце, полное гордыни,
Я наложилъ печать мою;
Здѣсь больше нѣтъ твоей святыни,
Здѣсь *я* владѣю и люблю!"
И ангелъ грустными очами
На жертву бѣдную взглянулъ
И, медленно взмахнувъ крылами,
Въ эѳирѣ неба потонулъ...

Ангелъ уступилъ безъ боя.

Слѣдуетъ дивная сцена объясненія въ любви. Затѣмъ поцѣлуй—и смерть Тамары; передъ смертью она вскрикнула; въ этомъ крикѣ было все:

...любовь, страданье,
Упрекъ съ послѣднею мольбой,
И безнадежное прощанье,
Прощанье съ жизнью молодой...

Ангелъ уноситъ ея душу. Демонъ, у котораго „вѣяло хладомъ отъ неподвижнаго лица", останавливаетъ его: „она моя", но ангелъ на этотъ разъ не уступаетъ:

Ея душа была изъ тѣхъ,
Которыхъ жизнь—одно мгновенье
Невыносимаго мученья,
Недостигаемыхъ утѣхъ;
Творецъ изъ лучшаго эѳира
Соткалъ живыя струны ихъ,
Онѣ не созданы для міра,
И міръ былъ созданъ не для нихъ!
Цѣной жестокой искупила
Она сомнѣнія свои...
Она страдала и любила—
И рай открылся для любви!

А между тѣмъ на лицѣ Тамары въ гробу

Улыбка странная застыла:
Что въ ней? Насмѣшка ль надъ судьбой,
Нопобѣдимое ль сомнѣнье,
Иль къ жизни хладное презрѣнье,
Иль съ *небомъ* гордая вражда?

А Демонъ остался

Одинъ, какъ прежде, во вселенной
Безъ упованья и любви!..

IV.

Каждый возрастъ, какъ извѣстно, имѣетъ своихъ поэтовъ, и „Демонъ" Лермонтова будетъ вѣчною поэмою для возраста первоначальной отроческой любви. Тамара и Демонъ, по красотѣ фантазіи и страстной силѣ образовъ, представляютъ чету, превосходящую всѣ влюбленныя пары во всемірной поэзіи. Возьмите другія четы, хотя бы, напримѣръ, Ромео и Джульету. Въ этой драмѣ достаточно цинизма, а въ монологѣ Ромео подъ окномъ Джульеты вставлены такіе мудреные комплименты насчетъ звѣздъ и глазъ, что ихъ сразу и не поймешь. Наконецъ, перипетіи оживанія и отравленія въ двухъ гробахъ очень искусственны, слишкомъ отзываются разсчетомъ дѣйствовать на зрительную залу. Вообще на юношество эта драма не дѣйствуетъ. Любовь Гамлета къ Офеліи слишкомъ элегична, почти безкровна; любовь Отелло и Дездемоны, напротивъ, слишкомъ чувственна. Фаустъ любитъ Маргариту не совсѣмъ по-юношески;

Памятникъ Лермонтову (на мѣстѣ дуэли).

неподдѣльнаго экстаза, захватывающаго сердце дѣвушки, у него нѣтъ; Мефистофелю пришлось подсунуть ему бриліанты для подарка Маргаритѣ — истинно стариковскій соблазнъ. Да, Фаустъ любитъ, какъ подмоложенный старикъ. Здѣсь не любовь, а продажа невинности чортомъ старику. Между тѣмъ первая любовь есть состояніе такое шалое, мечтательное, она сопровождается такимъ расцвѣтомъ фантазіи, что пара фантастическая потому именно и лучше, пышнѣе, ярче вбираетъ въ себя всѣ элементы этой зарождающейся любви.

Обѣ фигуры у Лермонтова воплощены въ самыя благодарныя и подходящія формы. Мужчина всегда первый обольщаетъ невинность, онъ клянется, обѣщаетъ, сулитъ золотыя горы; онъ плѣняетъ энергіею, могуществомъ, умомъ, широтой замысломъ—демонъ, совершенный демонъ! И кому изъ отроковицъ не грезится именно такой возлюбленный? Дѣвушка плѣнительна своей чистотой. Здѣсь чистота еще повышена ореоломъ святости: не просто дѣвственница, а больше—схимница, обѣщанная Богу, хранимая ангеломъ:

Зло не дышало здѣсь понынѣ!

Понятно, какой эффектъ получается въ результатѣ. Взаимное притяженіе растетъ неодолимо, идетъ чудная музыка возрастающихъ страстныхъ аккордовъ съ обѣихъ сторонъ—и что же затѣмъ? Затѣмъ обладаніе—и смерть любви... Развѣ не такъ? Вѣдь и Фаустъ Пушкина соглашается съ Мефистофелемъ, что даже въ то блаженнѣйшее время, когда онъ завладѣлъ своей возлюбленной, т.-е. въ то время,

Когда не думаетъ никто,—

онъ уже думалъ:

...Агнецъ мой послушный!
Какъ жадно я тебя желалъ!..
Что жъ грудь моя теперь полна
Тоской и скукой ненавистной?...

Ангелъ уноситъ Тамару, но, конечно, только ту Тамару, которая была до прикосновенія къ ней Демона, невинную—тотъ образъ, къ которому разъ дотронешься—его ужъ нѣтъ, то видѣніе, которое „не создано для міра“—и перегорѣвшій мечтатель „съ хладомъ неподвижнаго лица“ остается обманутымъ одинъ, какъ прежде, во вселенной.

Итакъ, вотъ какова участь поэта, родившагося въ раю, когда онъ, изгнанный на землю, вздумалъ искать здѣсь, въ счастіи земной любви, слѣдовъ своей божественной родины. Есть еще у Лермонтова одна небольшая загадочная баллада „Тамара“, въ сущности, на ту же тему, какъ и „Демонъ“. Тамъ только развязка обратная: отъ поцѣлуевъ красавицы умираютъ всѣ мужчины. Это будто Das ewig Weibliche, которое каждаго манитъ на свой огонь, но затѣмъ отнимаетъ у людей всѣ ихъ лучшія жизненныя силы и отпускаетъ ихъ отъ себя живыми мертвецами.

V.

Любовь дразнила Лермонтова своимъ неизмѣнно повторяющимся и каждый разъ исчезающимъ подобіемъ счастья. Онъ любилъ мстить женщинамъ за это постоянное раздраженіе. Едва ли не отсюда произошло его злобное донъ-жуанство, холодное кокетство съ женщинами, вызвавшее столько нареканій на его память. Печоринъ самъ презираетъ въ себѣ эту недостойную игру съ женщинами, но сознается, что никакъ не можетъ отъ нея отстать: „Я только удовлетворялъ странную потребность сердца, съ жадностью поглощая ихъ чувства, ихъ нѣжность, ихъ радости и страданія,—и никогда не могъ насытиться“.

...„Некстати было бы мнѣ говорить о нихъ съ такою злостью, мнѣ, который кромѣ ихъ на свѣтѣ ничего не любилъ,—мнѣ, который всегда готовъ былъ имъ жертвовать спокойствіемъ, честолюбіемъ, жизнью... Но вѣдь я не въ припадкѣ досады и оскорбленнаго самолюбія стараюсь сдернуть съ нихъ то волшебное покрывало, сквозь которое лишь привычный взоръ проникаетъ. Нѣтъ, все, что я говорю о нихъ, есть слѣдствіе—„ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ“... „Первое страданіе даетъ удовольствіе мучить другого...“ „Я былъ готовъ любить весь міръ—меня никто не понялъ, и я выучился ненавидѣть“. Эти признанія поэта подтверждаютъ нашу характеристику. Въ самомъ заглавіи романа „Герой нашего времени“ слышится невольная иронія поэта, будто онъ хотѣлъ сказать: вотъ какой „герой“ только и можетъ нравиться женщинамъ! Многихъ своихъ критиковъ Лермоновъ поймалъ на удочку названіемъ своего романа и въ особенности—предисловіемъ ко второму изданію, гдѣ, открещиваясь отъ своего сходства съ Печоринымъ, поэтъ высказалъ, будто характеръ Печорина „составленъ изъ пороковъ всего нашего поколѣнія“ и что автору „было весело рисовать современнаго человѣка, какимъ онъ его понимаетъ, и какого къ его и къ вашему несчастью слишкомъ часто встрѣчалъ“. Послѣ этого начали искать въ Печоринѣ признаковъ „типа“, видѣли въ немъ обобщеніе. Но типа Печорина никогда не существовало. На Печоринѣ, конечно, есть внѣшняя печать времени, модная одежда эпохи: его дэндизмъ, пристрастіе къ породѣ и аристократизму, бретерство, фатовство, позированіе à la Байронъ своею холодною гордостью, его практика въ любовныхъ приключеніяхъ по рецепту: „чѣмъ меньше женщину мы любимъ, тѣмъ больше нравимся мы ей“. Но все это—замашки, а не сущность его натуры. Разочарованность, которою свѣтскіе львы того времени щеголяли, гораздо болѣе выдержана въ Онѣгинѣ. Онѣгинъ, напримѣръ, какъ вполнѣ пропитанный благороднымъ сплиномъ, ругаетъ луну, а роща, холмъ и поле, уже на третій день пребыванія въ деревнѣ, наводятъ на него сонъ. Печоринъ же всегда наединѣ съ природой остается поэтомъ, и отправляясь на дуэль, готовый умереть, онъ жадно, какъ

ребенокъ, любуется каждой росинкой на листахъ виноградниковъ. Онѣгинъ почти нигдѣ не измѣняетъ благовоспитанному равновѣсію чувствъ (только въ послѣдней главѣ, изъ тщеславнаго каприза, подъ вліяніемъ препятствій, онъ воспламеняется къ Татьянѣ), Печоринъ же

Могила Лермонтова.

на каждомъ шагу бываетъ готовъ кинуться, отъ полноты чувства, на шею или къ ногамъ тѣхъ, кого онъ затѣмъ безжалостно терзаетъ,—и у него „царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный, когда огонь кипитъ въ крови". Онъ полонъ роковыхъ противорѣчій, терзавшихъ самого Лермонтова, у котораго во всей поэзіи нѣжность

отзывается злобой, а злоба—нѣжностью. Напрасно поэтъ старается оправдать себя тѣмъ, будто такихъ темпераментовъ было много и что въ Печоринѣ онъ изобразилъ человѣка своего времени. Нѣтъ! такихъ яркихъ, разительныхъ, привлекательныхъ въ самой своей ходульности и порочности людей, какъ Печоринъ, мы не знаемъ. Дѣло въ томъ, что поэтъ не долюбливалъ себя, какъ Михаила Юрьевича Лермонтова, т.-е. задорнаго, весьма тяжелаго для жизни гвардейца, и онъ готовъ былъ свалить всѣ свои непривлекательныя свойства на эпоху; но въ немъ былъ и другой человѣкъ. Объ этомъ дуализмѣ Печоринъ говоритъ Вернеру передъ своей дуэлью: „во мнѣ два человѣка: одинъ живетъ въ полномъ смыслѣ этого слова, другой мыслитъ и *судитъ* его; *первый*, быть можетъ, черезъ часъ *простится съ вами и міромъ на вѣки, а второй... второй?*"—Печоринъ прерываетъ себя: „посмотрите, докторъ: это кажется, наши противники". Вотъ этотъ-то *второй, безсмертный,* сидѣвшій въ Печоринѣ, и былъ поэтъ Лермонтовъ, и ни въ комъ другомъ изъ людей той эпохи этого великаго человѣка не сидѣло. Только этотъ одинъ могъ сказать о себѣ отъ имени Печорина: „зачѣмъ я жилъ? для какой цѣли я родился?.. А, вѣрно, она существовала и, вѣрно, было мнѣ назначеніе высокое, потому что я чувствую въ душѣ моей силы необъятныя..." У насъ любили загадывать: что бы могло выйти изъ необъятныхъ силъ, скрытыхъ въ Лермонтовѣ, при иныхъ, болѣе благопріятныхъ для него обстоятельствахъ? При этомъ выводили на справку его безшабашную жизнь и укоряли великосвѣтское общество. Пора бы бросить это гаданье. Изъ Лермонтова вышелъ одинъ изъ великихъ поэтовъ міра: какой еще болѣе высокой роли, какой еще болѣе могучей дѣятельности отъ него требуютъ?!..

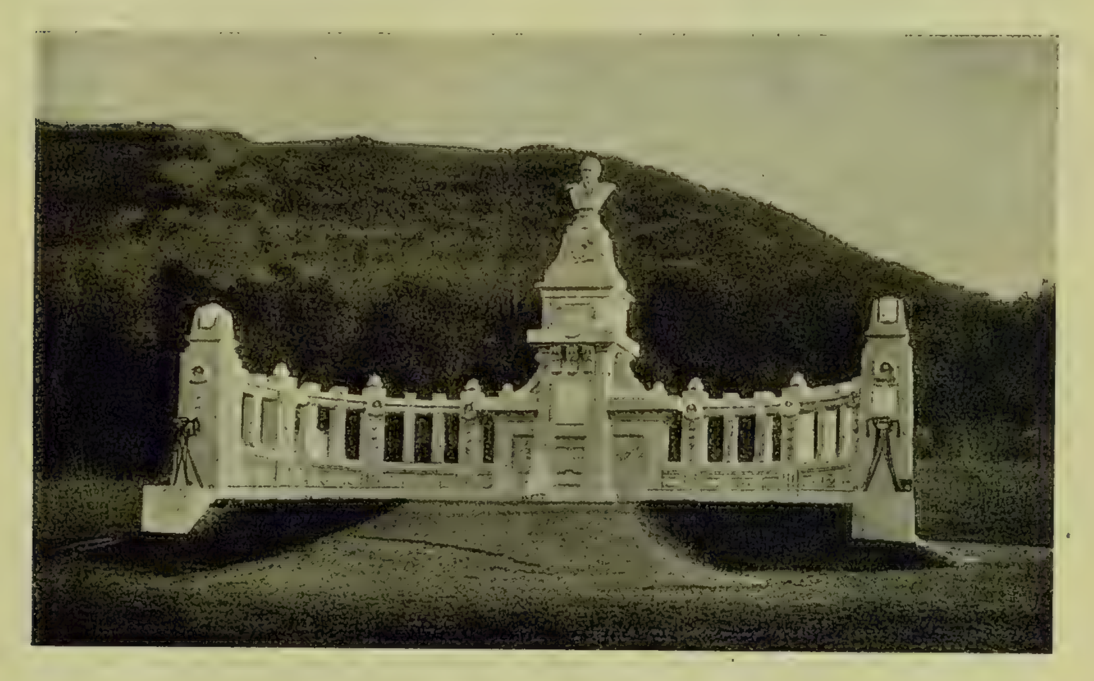
VI.

Сожительство въ Лермонтовѣ безсмерннаго и смертнаго человѣка составляло всю горечь его существованія, обусловило весь драматизмъ, всю привлекательность, глубину и ѣдкость его поэзіи. Одаренный двойнымъ зрѣніемъ, онъ всегда своеобразно смотрѣлъ на вещи. Людской муравейникъ представлялся ему жалкимъ поприщемъ напрасныхъ страданій. Когда, напримѣръ, послѣ одной битвы, генералъ, сидя на барабанѣ, принималъ донесенія о числѣ убитыхъ и раненыхъ, офицеръ Лермонтовъ „съ грустью тайной и сердечной" думалъ о людяхъ:

Жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ?.. Небо ясно;
Подъ небомъ много мѣста всѣмъ:
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?

Поэтъ никогда не пропускалъ случая доказать людямъ ихъ мелочность и близорукость. Громадныя фигуры Наполеона и Пушкина вдохновили его написать горячія импровизаціи—„Послѣднее ново-

селье“ и „На смерть Пушкина“—пьесы, вылившіяся однимъ потокомъ и потому написанныя, вопреки обычаю Лермонтова, пестрымъ размѣромъ, съ произвольнымъ количествомъ стопъ въ отдѣльныхъ строкахъ. Суетность, преходимость и случайность здѣшнихъ привязанностей вызывали самыя глубокія и трогательныя созданія лермонтовской музы. Не говоримъ уже о романсахъ, о неувядаемыхъ пѣсняхъ любви, которыя едва ли у кого другого имѣютъ такую мужественную крѣпость, соединенную съ такою граціей формы и силою чувства, но возьмите, напримѣръ, поэму о купцѣ Калашниковѣ: Лермонтовъ сумѣлъ едва уловимыми чертами привлечь всѣ симпатіи читателя на сторону Кирибѣевича, т.-е. на сторону нарушителя за-

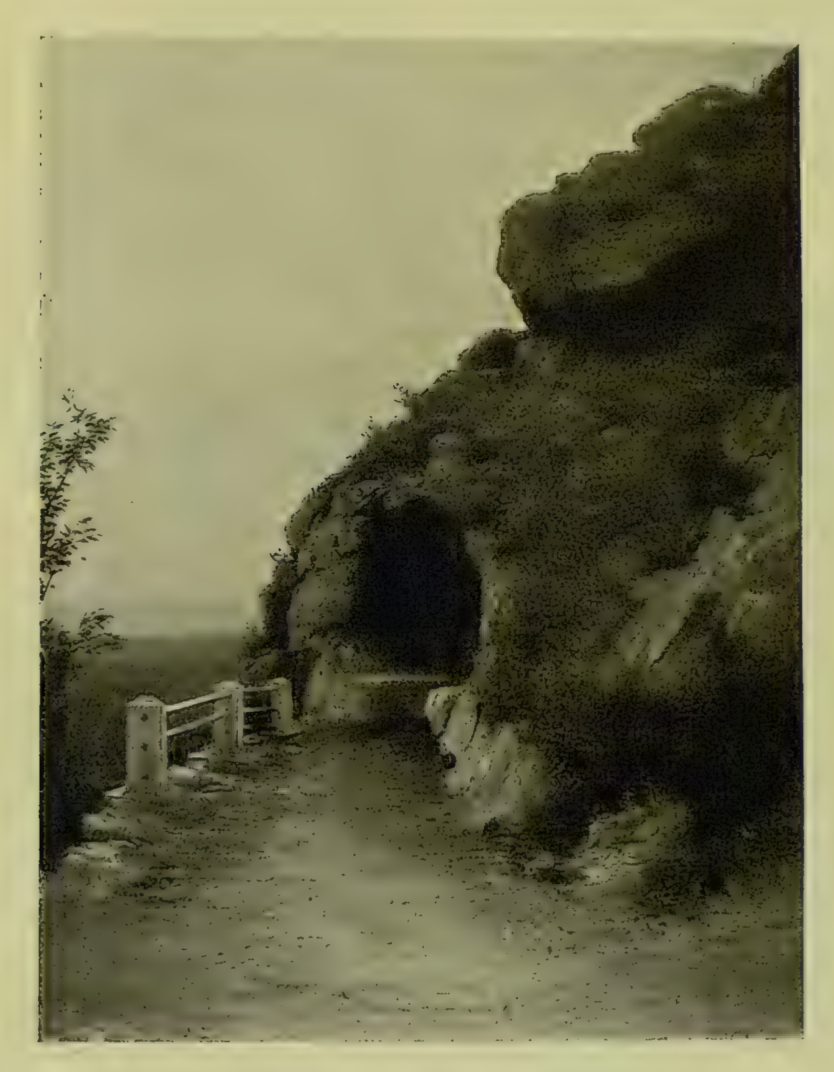
Памятникъ Лермонтову (на мѣстѣ дуэли).

коннаго и добронравнаго семейнаго счастья, и скорбно воспѣлъ роковую силу страсти, передъ которою ничтожны самыя добрыя намѣренія... Или вспомните „Колыбельную пѣсню“—самую трогательную на свѣтѣ: одинъ только Лермонтовъ могъ избрать темою для нея... что же?—неблагодарность! „Провожать тебя я выйду—ты махнешь рукой!..“ И не знаешь, чему больше дивиться: безотрадной ли и невознаградимой глубинѣ материнскаго чувства, или чудовищному эгоизму цвѣтущей юности, которая сама не въ силахъ помнить добро и благодарить за него?

VII.

Оцѣнивая Лермонтова въ своей пламенной и обширной статьѣ, Бѣлинскій прекрасно понималъ всю силу возникшаго передъ нимъ глубокаго таланта. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ, небольшими фразами,

онъ даже обмолвился тѣмъ взглядомъ на поэзію Лермонтова, который теперь, на разстояніи полувѣка, конечно, дается гораздо легче, въ особенности послѣ появленія „Демона“, вовсе не разобраннаго Бѣлинскимъ. Такъ, Бѣлинскій, между прочимъ, замѣтилъ, что „произведенія Лермонтова поражаютъ читателя безотрадностью, безвѣріемъ въ жизнь и чувства человѣческія, при жаждѣ жизни и из-

Лермонтовскій гротъ (близъ Пятигорска).

быткѣ чувства“ (т. IV, ст. 285). Или, приведя стихотвореніе „И скучно и грустно“, Бѣлинскій восклицаетъ: „Страшенъ этотъ глухой могильный голосъ *не здѣшней* муки...“ (тамъ же, ст. 312). Но эти намеки Бѣлинскаго совершенно исчезаютъ въ другомъ его взглядѣ на поэта,—чисто-публицистическомъ. Здѣсь уже Бѣлинскій не преминулъ пожурить Лермонтова за то, что онъ въ своей „Думѣ“ называлъ науку безплодной: „Мы изсушили умъ наукою безплодной“ —

выраженіе, которое, съ нашей точки зрѣнія на поэта, вполнѣ понятно (подобный же упрекъ, по недоразумѣнію, былъ сдѣланъ Бѣлинскимъ и Баратынскому). Или, напримѣръ, въ другомъ мѣстѣ: передъ роковой, трагической развязкой пѣсни о купцѣ Калашниковѣ Бѣлинскій, уже вполнѣ по Гегелю, предается чувствамъ, на которыя Лермонтовъ никогда и не думалъ разсчитывать, которыхъ онъ всего меньше могъ желать отъ своего читателя. Критикъ проповѣдуетъ: „да перемѣнится же наша печаль на радость во имя побѣды общаго надъ частнымъ! Благословимъ непреклонные законы бытія и міродержавныхъ судебъ!..“ Могъ ли когда-нибудь сниться подобный гимнъ умиленія и чуть ли не благодарности передъ „бурями рока“ автору знаменитой и ужасной „Благодарности“?!

Многое можно было бы сказать о другихъ произведеніяхъ Лермонтова, въ особенности объ „Измаилъ-Беѣ“ и „Сашкѣ“, недостаточно извѣстныхъ и оцѣненныхъ,—о его языкѣ въ поэзіи и прозѣ, о богатствѣ напѣвовъ, объ особенномъ, такъ сказать, вѣскомъ ритмѣ его стиха, о раннихъ самостоятельныхъ эпитетахъ, которыми онъ создавалъ новые образы, объ источникѣ нѣкоторыхъ его риторическихъ пріемовъ, о неровности его творчества, о заимствованіяхъ у Байрона и Пушкина, но о всемъ этомъ надо бесѣдовать съ книгою въ рукахъ, приводя цитаты, читая, перечитывая и подробно развивая свои положенія,—да и все это увлекло бы насъ въ сторону отъ главнаго намѣренія: сдѣлать однимъ штрихомъ болѣе или менѣе цѣльный очеркъ поэтической индивидуальности Лермонтова. Эта индивидуальность всегда будетъ намъ казаться загадочною, пока мы не заглянемъ въ „святую—святыхъ“ поэта, въ ту потаенную глубину, гдѣ горѣлъ его священный огонь. Здѣсь мы пытались указать лишь на *внутреннее* озареніе тѣхъ богатыхъ реализмомъ твореній, которыя завѣщалъ намъ Лермонтовъ. Подкладка его живыхъ пѣсенъ и яркихъ образовъ была *нематеріальная.* Во всемъ, что онъ писалъ, чувствуется взоръ человѣка, высоко парящаго „надъ грѣшною землей“, человѣка, „не созданнаго для міра“...

Излишне будетъ касаться вѣчнаго и безплоднаго спора въ публикѣ: кто выше—Лермонтовъ или Пушкинъ? Ихъ совсѣмъ нельзя сравнивать, какъ нельзя сравнивать сонъ и дѣйствительность, звѣздную ночь и яркій полдень. Лермонтовъ, какъ поэтъ, явно недовольный жизнью, давно причисленъ къ пессимистамъ. Но это пессимистъ совершенно особенный, существующій въ единственномъ экземплярѣ. Глава пессимистовъ нашего вѣка, Шопенгауэръ, острымъ орудіемъ своего ума искололъ всѣ радости человѣческія, не оставилъ въ природѣ человѣка живого мѣстечка и съ неумолимою логичностью доказалъ, что существо нашей породы таково, что ни при какихъ рѣшительно условіяхъ, ни на какой иной планетѣ и ни въ какомъ иномъ мірѣ мы не можемъ быть счастливы; это *пессимизмъ,* не оставляющій никакой надежды, *находящій свое послѣднее слово въ отчаяніи.* Но не такое впечатлѣніе даетъ намъ поэзіи Лермонтова. Въ Лермонтовѣ

живутъ какіе-то затаенные идеалы, его взоры всегда обращены къ какому-то иному, лучшему міру. Что воспѣваетъ Лермонтовъ? То же самое, что и всѣ другіе поэты, разочарованные жизнью. Но у другихъ вы слышите минорный тонъ, жалобы на то, что молодость исчезаетъ, что любовь непостоянна, что всему грозитъ неумолимый конецъ,—словомъ, вы встрѣчаете *пессимизмъ безсильнаго унынія*. У Лермонтова, наоборотъ, ко всему этому слышится презрѣніе. Онъ будто говоритъ: „все это глупо, ничтожно, жалко—но только я-то для всего этого не созданъ"!..—„Жизнь—пустая и глупая шутка"...—„Къ ней, должно быть, гдѣ-то существуетъ какое-то дополненіе: иначе вселенная была бы комкомъ грязи"... И съ этимъ убѣжденіемъ онъ бросаетъ свою жизнь, безъ надобности шутя, подъ первой пріятельской пулей... Итакъ, лермонтовскій пессимизмъ есть *пессимизмъ силы, гордости: пессимизмъ божественнаго величія духа*. Подъ куполомъ неба, населеннаго чудною фантазіей, обличеніе великихъ неправдъ земли есть, въ сущности, самая сильная поэзія вѣры въ иное существованіе. Только поэтъ могъ дать почувствовать эту вѣру, какъ сказалъ самъ Лермонтовъ:

Кто толпѣ мои разскажетъ думы?
— *Или поэтъ, или никто.*

И чѣмъ дальше мы отдаляемся отъ Лермонтова, чѣмъ больше проходитъ передъ нами поколѣній, къ которымъ равно примѣняется его горькая „Дума", чѣмъ больше лѣтъ звучитъ съ равною силою его страшное „И скучно и грустно" на землѣ,—тѣмъ болѣе выростаетъ въ нашихъ глазахъ скорбная и любящая фигура поэта, взирающая на насъ глубокими очами полубога изъ своей загадочной вѣчности...

1889 г. **С. А. Андреевскій.**

1. La Tourterelle.

Въ странѣ, природой оживленной,
Гдѣ новой жизнью все цвѣтетъ,
Тамъ, въ рощицѣ уединенной,
Печальна горлинка живетъ.
Весны дыханью не внимаетъ,
Не веселитъ ея зефиръ,
Печальна стонетъ и вздыхаетъ,
Для ней постылымъ сталъ весь міръ.

Туда я часто одинокой
Хожу грусть сердца облегчать,
И горести ея глубокой
Хожу въ молчаніи внимать.
Тоски ея причину знаю,
Но не могу ей пособить,—
Я столько жъ, какъ она, страдаю:
Безъ милой можно ль въ свѣтѣ жить!

Возможно ль сердцу утѣшаться,
Коль не съ кѣмъ чувствъ ему дѣлить!
Возможно ль жизнью наслаждаться,
Коль не съ кѣмъ душу въ душу слить!
Мой стонъ плачевный и унылой
Съ твоимъ я стономъ съединю,
И общую намъ грусть по милой
Съ тобою, птичка, раздѣлю.

Но гласъ твой, можетъ, пронесется,
Какъ легкій вешній вѣтерокъ,
Подруги сердцу онъ коснется,
И прилетитъ къ тебѣ дружокъ.
А я!—Какъ горько мнѣ въ природѣ
Жить съ бѣднымъ сердцемъ сиротой,
Стонать, лить слезы на свободѣ,
Безъ милой дни влачить съ тоской.

2. Осень.

истья въ полѣ пожелтѣли,
И кружатся, и летятъ;
Лишь въ бору поникши ели
Зелень мрачную хранятъ.
Подъ нависшею скалою
Ужъ не любитъ, межъ цвѣтовъ,
Пахарь отдыхать порою
Отъ полуденныхъ трудовъ.
Звѣрь отважный поневолѣ

Скрыться гдѣ-нибудь спѣшитъ;
Ночью мѣсяцъ тусклъ, и поле
Сквозь туманъ лишь серебритъ.

3. Заблужденіе Купидона.

Однажды женщины Эрота отодрали...
Досадой раздраженъ, упрямое дитя,
Напрягши грозный лукъ и за обиду мстя,
Не смѣя къ женщинамъ,—къ намъ ярость острой стали,
Не слушая мольбы усерднѣйшей, стремитъ.
„Вашъ подлый родъ одинъ!"—безумный говоритъ.
Съ тѣхъ поръ-то женщина любви не знаетъ!..
И точно, какъ рабовъ, считаетъ насъ она...
Такъ въ наказаніяхъ всегда почти бываетъ:
Которые смирнѣй, на тѣхъ падетъ вина!

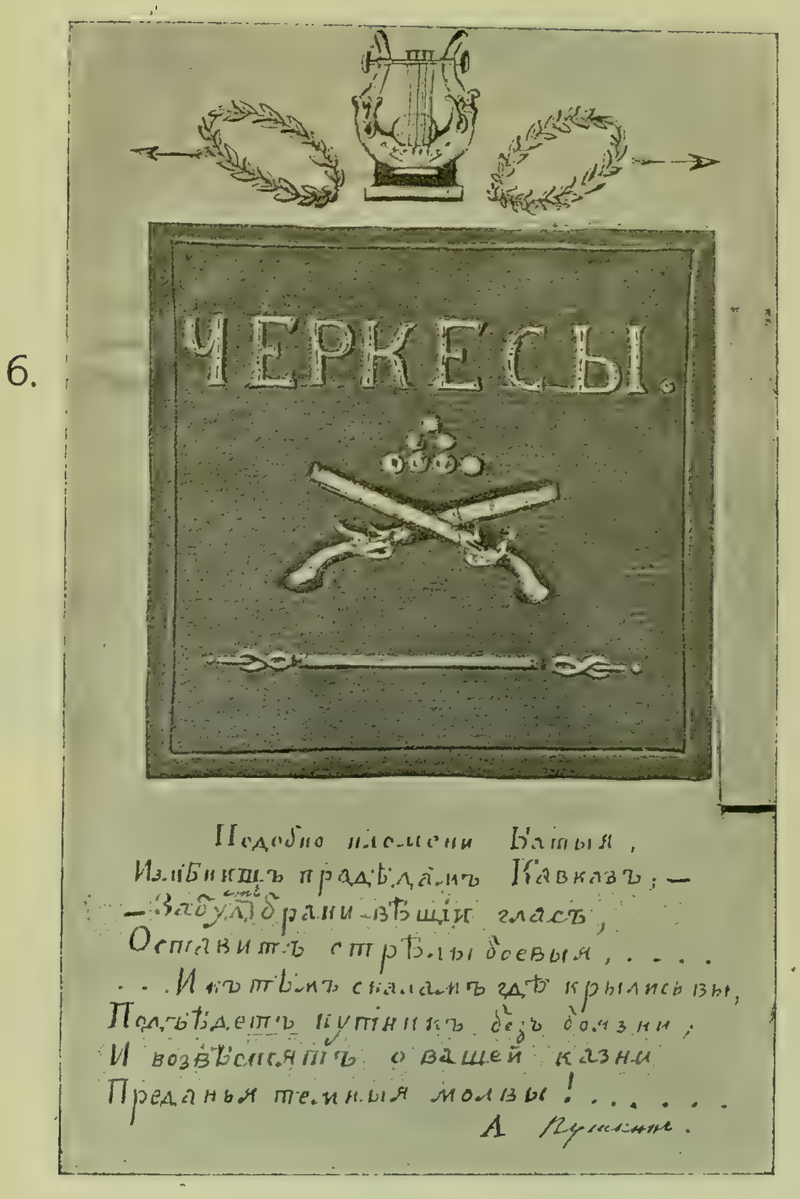
4. Цѣвница.

На склонѣ горъ, близъ водъ, прохожій, зрѣлъ ли ты
Бесѣдку тайную, гдѣ грустныя мечты
Сидятъ задумавшись? Надъ ними сводъ акацій.
Тамъ нѣкогда стоялъ алтарь и музъ и грацій;
И кустъ прелестныхъ розъ, взлелѣянныхъ весной,
Тамъ нѣкогда, кругомъ черемухи млечной,
Струилъ свой ароматъ; шумя, съ прибрежной ивой
Шутилъ подъ часъ зефиръ и рѣзвый и игривой;
Тамъ нѣкогда моя послѣдняя любовь
Питала сердце мнѣ и волновала кровь!
Сокрылось все теперь. Такъ поутру туманы
Отъ солнечныхъ лучей рѣдѣютъ средь поляны.
Исчезло все теперь; но ты осталось мнѣ,
Утѣха страждущихъ, спасенье въ тишинѣ,
О милое, души святое вспоминанье!
Тебѣ жъ, о мирный кровъ, тѣхъ дней, когда страданье
Не вѣдало меня, я сохранилъ залогъ,
Который умертвить не можетъ грозный рокъ,
Мое веселіе, ужъ взятое гробницей,
И ржавый предковъ мечъ съ задумчивой цѣвницей!

5. Поэтъ.

Когда Рафаэль вдохновенный
Пречистой Дѣвы ликъ священный
Живою кистью окончалъ,—
Своимъ искусствомъ восхищенный,
Онъ предъ картиною упалъ.
Но скоро сей порывъ чудесный
Слабѣлъ въ груди его младой,
И утомленный и нѣмой,
Онъ забывалъ огонь небесный.
Таковъ поэтъ: чуть мысль блеснетъ,
Какъ онъ перомъ своимъ прольетъ
Всю душу, звукомъ громкой лиры
Чаруетъ свѣтъ и въ тишинѣ
Поетъ, забывшись въ райскомъ снѣ,
Васъ, васъ, души его кумиры!
И вдругъ хладѣетъ жаръ ланитъ,
Его сердечныя волненья
Все тише, и призракъ бѣжитъ.
Но долго, долго умъ хранитъ
Первоначальны впечатлѣнья.

6.

(Въ Чембарѣ. За дубомъ).

I.

Ужъ въ горахъ солнце исчезаетъ,
Въ долинахъ всюду мертвый сонъ,
Заря блистая угасаетъ,
Вдали гудитъ протяжный звонъ.
Покрыто мглой туманно поле,
Зарница блещетъ въ небесахъ,
Въ долинахъ стадъ не видно болѣ,
Лишь серны скачутъ на холмахъ.

И сѣрый волкъ бѣжитъ чрезъ горы,
Его свирѣпо блещутъ взоры;
Въ тѣни развѣсистыхъ дубовъ
Влѣзаетъ онъ въ свою берлогу.
За нимъ бѣжитъ черезъ дорогу
Съ ружьемъ охотникъ; пара псовъ
На сворахъ рвутся съ нетерпѣнья.
Все тихо, и въ глуши лѣсовъ
Не слышно жалобнаго пѣнья
Пустынной иволги. Лишь тамъ
Весенній вѣтерокъ играетъ,
Перелетая по кустамъ;
Въ глуши кукушка занываетъ,
И на дуплѣ, какъ тѣнь, сидитъ
Полночный воронъ и кричитъ.
Межъ дикихъ скалъ крутитъ, сверкаетъ
Подалѣ Терекъ за горой,
Высокій берегъ подмываетъ,
Крутяся пѣною сѣдой.

II.

Одѣто небо черной мглою,
Въ туманѣ мѣсяцъ чуть блеститъ;
Лишь на сухихъ скалахъ травою
Полночный вѣтеръ шевелитъ.
На хо̀лмахъ маяки блистаютъ:
Тамъ стражи русскіе стоятъ,
Ихъ копья острыя блестятъ,
Другъ друга громко окликаютъ:
„Не спи, козакъ, во тьмѣ ночной
Чеченцы ходятъ за рѣкой!“
Но вотъ они стрѣлу пускаютъ,—
Взвилась,—и падаетъ козакъ
Съ окровавленнаго кургана;
Въ очахъ его смертельный мракъ:
Ему не зрѣть родного Дона,
Ни милыхъ сердцу, ни семью,—
Онъ жизнь окончилъ здѣсь свою.

III.

Въ густомъ лѣсу видна поляна,
Чуть освѣщенная луной;
Мелькаютъ, будто изъ тумана,
Огни на крѣпости большой.
Вдругъ слышенъ шорохъ за кустами:

Въѣзжаютъ нѣсколько людей;
Обкинувъ все кругомъ очами,
Они слѣзаютъ съ лошадей.
На каждомъ шашка, за плечами
Ружье заряжено виситъ,
Два пистолета, борзы кони,
По буркѣ на сѣдлѣ лежитъ.
Огонь черкесы зажигаютъ,
И всѣ садятся тутъ кругомъ.
Привязанные къ деревамъ
Въ лѣсу конѝ траву щипаютъ.
Клубится дымъ, огонь трещитъ,
Кругомъ поляна вся блеститъ.

IV.

Одинъ черкесъ одѣтъ въ кольчугу,
Изъ серебра его нарядъ;
Уздѐни вкругъ него сидятъ,
Другіе жъ всѣ лежатъ по лугу;
Иные чистятъ шашки остры,
Иль навостряютъ стрѣлы быстры.
Кругомъ все тихо, все молчитъ,—
Возсталъ вдругъ князь и говоритъ:
„Черкесы, мой народъ военный,
Готовы будьте всякій часъ
На жертву смерти,—смерти славной
Не всякъ достоинъ здѣсь изъ васъ.
Взгляните: въ крѣпости высокой,
Въ цѣпяхъ, въ тюрьмѣ мой братъ сидитъ,
Въ печали, въ скорби, одинокой.
Его спасу, иль мнѣ не жить!

V.

Вчера я спалъ подъ хладной мглой,
И вдругъ увидѣлъ будто брата,
Что онъ стоялъ передо мной
И мнѣ сказалъ: „минуты трата—
И я погибъ, спаси меня!“
Но призракъ легкій вдругъ сокрылся.
Съ сырой земли поднялся я,
Его спасти я устремился,
И вотъ ищу и ночь и день.
И призракъ легкій не являлся
Съ тѣхъ поръ, какъ брата блѣдна тѣнь
Меня звала, и я старался

Его избавить отъ оковъ.
И я на смерть всегда готовъ!
Теперь, клянуся Магометомъ,
Клянусь, клянуся цѣлымъ свѣтомъ!..
Насталъ неизбѣжимый часъ;
Для русскихъ смерть или мученье,
Иль мнѣ взглянуть въ послѣднiй разъ
На ярко солнца восхожденье“.
Умолкнулъ князь. И всѣ трикратно
Повтóрили его слова:—
„Погибнуть русскимъ невозвратно,
Иль съ тѣла свалится глава“.

VI.

Востокъ алѣя пламенѣетъ,
И день заботливый свѣтлѣетъ.
Уже въ селàхъ кричитъ пѣтухъ;
Ужъ мѣсяцъ въ облакѣ потухъ.
Денница, тихо поднимаясь,
Златитъ холмы и тихiй боръ;
И юный лучъ, со тьмой сражаясь,
Вдругъ показался изъ-за горъ.
Колосья въ полѣ подъ серпами
Ложатся желтыми рядами.
Все утромъ дышитъ. Вѣтерокъ
Играетъ въ Терекѣ на вòлнахъ,
Вздымаетъ зыблемый песокъ.
Сводъ неба синiй тихъ и чистъ;
Прохлада съ рѣчки повѣваетъ,
Прелестный запахъ юный листъ
Съ весенней свѣжестью сливаетъ.
Вездѣ кругомъ сгустился лѣсъ.
Повсюду тихое молчанье;
Струей сквозь темный сводъ древесъ
Прокравшись, днèвное сiянье
Верхи и корни золотитъ.
Лишь вѣтра тихимъ дуновеньемъ
Сорвàнъ, листокъ летитъ, блеститъ,
Смущая тишину паденьемъ.
Но вотъ, примѣтя свѣтъ дневной,
Черкесы на коней садятся,
Быстрѣе стрѣлъ по лѣсу мчатся,
Какъ пчелъ неутомимый рой...
Сокрылися въ тѣни густой.

VII.

О, если бъ ты, прекрасный день,
Гналъ такъ же горесть, страхъ, смятенья,
Какъ гонишь ты ночную тѣнь
И сновъ обманчивыхъ видѣнья!
Заутрень въ градѣ дальній звонъ
По рощѣ вѣтромъ разнесенъ.
И на горѣ стоитъ высокой
Прекрасный градъ; тамъ слышенъ громкій
Стукъ барабановъ, и войска,
Закинувъ ружья на плеча,
Стоятъ на площади въ парадѣ.
Народъ весь въ праздничномъ нарядѣ
Идетъ изъ церкви; стукъ каретъ,
Колясокъ, дрожекъ раздается;
На небѣ стая галокъ вьется.
Всякъ въ домъ свой завтракать идетъ.
Тамъ тихо ставни растворяютъ,
Тамъ по улицѣ гуляютъ,
Иль идутъ войско посмотрѣть
Въ большую крѣпость.—Но чернѣть
Ужъ стали тучи за горами,
И только яркими лучами
Блистало солнце съ высоты,
И вѣтръ бѣжалъ черезъ кусты.

VIII.

Ужъ войско хочетъ расходиться
Въ большую крѣпость на горѣ,—
Но топотъ слышенъ въ тишинѣ,
Вдали густая пыль клубится.
И видятъ, кто-то на конѣ
Съ оглядкой боязливой мчится.
Но вотъ онъ здѣсь ужъ, вотъ слѣзаетъ,
Къ начальнику онъ подбѣгаетъ
И говоритъ: „погибель намъ!
Вели готовиться войскамъ;
Черкесы мчатся за горами.
Насъ было двое, и за нами
Они пустились на коняхъ;
Меня объялъ внезапный страхъ,—
Насилу я отъ нихъ умчался,
Да конь хорошъ, а то бъ попался“.

IX.

Начальникъ всѣмъ полкамъ велѣлъ
Сбираться къ бою. Зазвенѣлъ
Набатный колоколъ. Толпятся,
Мятутся, строятся, дѣлятся;
Ворота крѣпости сперлись.
Иные вихремъ понеслись
Остановить черкесску силу
Иль съ славою вкусить могилу.
И видно зарево кругомъ.
Черкесы поле покрываютъ,
Ряды, какъ львы, перебѣгаютъ;
Со звономъ сшибся мечъ съ мечомъ,—
И разомъ храбраго не стало.
Ядро во мракѣ прожужжало,—
И цѣлый рядъ безстрашныхъ палъ.
Но всѣ смѣшались въ дымѣ черномъ.
Здѣсь бурный конь съ копьемъ вонзеннымъ,
Вскочивши на дыбы, заржалъ,
Сквозь русскіе ряды несется,
Упалъ на землю, сильно рвется,
Покрывши всадника собой.
Повсюду слышенъ стонъ и вой.

X.

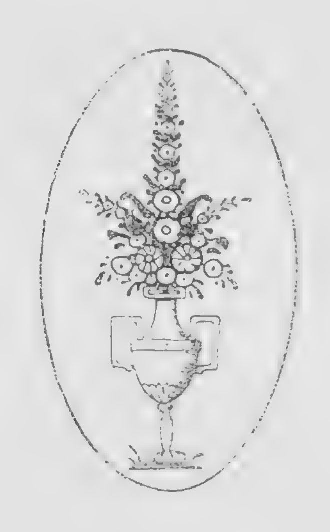
Пушекъ громъ вездѣ грохочетъ;
А здѣсь изрубленный герой
Воззвать къ дружинѣ вѣрной хочетъ,—
И голосъ замеръ на устахъ.
Другой бѣжитъ на полѣ ратномъ,
Бѣжитъ, глотая пыль и прахъ;
Трикратъ сверкнулъ мечомъ булатнымъ,
И въ воздухѣ недвижимъ мечъ;
Звеня, падетъ кольчуга съ плечъ,
Копье рамена прободаетъ,
И хлещетъ кровь изъ нихъ рѣкой.
Несчастный раны зажимаетъ
Холодной, трепетной рукой;
Еще ружье свое онъ ищетъ.
Повсюду стукъ, и пули свищутъ,
Повсюду слышенъ пушекъ вой;
Повсюду смерть и ужасъ мещетъ—
Въ горахъ, и въ долахъ, и въ лѣсахъ

Во градѣ жители трепещутъ,
И гулъ несется въ небесахъ.
Иной черкеса поражаетъ,—
Безплодно мечъ его сверкаетъ;
Махнулъ еще,—его рука,
Подъята вверхъ, окостенѣла;
Бѣжать хотѣлъ,—его нога
Дрожитъ недвижима, замлѣла;
Встаетъ—и палъ. Но вотъ несется
На лошади черкесъ лихой
Сквозь рядъ штыковъ; онъ сильно рвется
И держитъ мечъ надъ головой.
Онъ съ козакомъ вступаетъ въ бой:
Ихъ сабли остры ярко блещутъ,
Ужъ лукъ звенитъ, стрѣла трепещетъ,
Ударъ несется роковой.
Стрѣла блеститъ, свиститъ, мелькаетъ,
И въ мигъ козака убиваетъ.
Но вдругъ толпою окруженъ,
Копьями острыми пронзенъ,
Князь самъ отъ раны издыхаетъ.
Падетъ съ коня,—и всѣ бѣгутъ
И бранно поле оставляютъ.
Лишь ядра русскія ревутъ
Надъ ихъ, ужасно, головой.
По-малу тихнетъ шумный бой.
Лишь подъ горами пыль клубится.
Черкесы побѣжденны мчатся,
Преслѣдоваемы толпой
Сыновъ неустрашимыхъ Дона,
Которыхъ Рейнъ, Лоаръ и Рона
Видали на своихъ брегахъ,—
Несутъ за ними смерть и страхъ.

XI.

Утихло все. Лишь изрѣдка
Услышишь выстрѣлъ за горою,
Иль рѣдко видно козака,
Несущагося прямо къ бою.
И въ станѣ русскомъ ужъ покой.
Спасенъ и градъ, и надъ рѣкой
Маякъ блеститъ, и сторожъ бродитъ,
Въ окружность быстрымъ окомъ смотритъ,
И на плечѣ ружье несетъ.
Лишь только слышно: *кто идетъ?*

Лишь громко *слушай* раздается;
Лишь только рѣдко пронесется
Лихой козакъ чрезъ русскій станъ.
Лишь рѣдко крикнетъ черный вранъ
Голодный, трупы пожирая;
Лишь изрѣдка мелькнетъ блистая
Огонь въ палаткѣ у солдатъ;
И рѣдко чуть блеснетъ булатъ,
Заржавый отъ кро́ви въ сраженьи,
Иль крикнетъ вдругъ въ уединеньи
Близъ стана русскій часовой.
Вездѣ господствуетъ покой.

7.

КАВКАЗКОЙ

ПЛѢННИКЪ.

сочиненіе

М. ЛЕРМАНТОВА.

МОСКВА.
1828.

И днемъ, бѣлѣя, [illegible] надъ нами.
— [illegible] [illegible] [illegible] своими.
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible],
Но [illegible] — [illegible] [illegible] [illegible].
Другъ другу руку подаютъ.

II

Меня тоска, [illegible] [illegible]
Взбѣгаю я на горы крутыя
И въ темну даль гляжу — но тамъ
Летаютъ спокойно по [illegible],
И не [illegible] [illegible],
Не слышно [illegible] [illegible] [illegible].

Тамъ [illegible] [illegible] [illegible],
Не [illegible] [illegible] [illegible].

Кавказскій Плѣнникъ

Въ большомъ аулѣ, подъ горою,
[illegible] [illegible] [illegible] и [illegible],
Черкесы позднею порою
Сидятъ — о коняхъ удалыхъ
[illegible] рѣчь, о [illegible] [illegible],
О разоренныхъ ими странахъ,
И съ ними какъ дрался казакъ
И какъ на русскихъ нападали,
Какъ ихъ плѣнили, побѣждали. —
— Курятъ безпечно свой табакъ.

КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ.

Geniesse und leide!
Dulde und entbehre!
Liebe, hoff'und glaube!
Gonz.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ большомъ аулѣ подъ горою,
Близъ саклей дымныхъ и простыхъ,
Черкесы позднею порою
Сидятъ.—О коняхъ удалыхъ
Заводятъ рѣчь, о мѣткихъ стрѣлахъ,
О разоренныхъ ими селахъ,
И съ ними какъ дрался козакъ,
И какъ на русскихъ нападали,
Какъ ихъ плѣнили, побѣждали.
Курятъ безпечно свой табакъ,
И дымъ віясь летитъ надъ ними...
Иль, стукнувъ шашками своими,
Пѣснь горцевъ громко запоютъ.
Иные на коней садятся,
Но передъ тѣмъ какъ разставаться,
Другъ другу руку подаютъ.

II.

Межъ тѣмъ черкешенки младыя
Взбѣгаютъ на горы крутыя
И въ темну даль глядятъ, но пыль
Лежитъ спокойно по дорогѣ,
И не шелохнется ковыль,
Не слышно шума, ни тревоги.
Тамъ Терекъ издали крутитъ,
Межъ скалъ пустынныхъ протекаетъ
И пѣной зыбкой орошаетъ
Высокій берегъ. Лѣсъ молчитъ.
Лишь изрѣдка олень пугливый

Черезъ пустыню пробѣжитъ,
Или коней табунъ игривый
Молчанье дола возмутитъ.

III.

Лежалъ коверъ цвѣтовъ узорный
По той горѣ и по холмамъ;
Внизу сверкалъ потокъ нагорный
И текъ струисто по кремнямъ.
Черкешенки къ нему сбѣжались,
Водою чистой умывались;
Со смѣхомъ младости простымъ
На дно прозрачное иныя
Бросали кольца дорогія;
И къ волосамъ своимъ густымъ
Цвѣты весенніе вплетали;
Глядѣлися въ зерцало водъ,—
И лица ихъ въ немъ трепетали;
Сплетаясь въ тихій хороводъ,
Восточны пѣсни напѣвали;
И близъ аула, подъ горой,
Сидѣли рѣзвою толпой,
И звуки пѣсни произвольной
Ущелья вторили невольно.

IV.

Послѣдній солнца лучъ златой
На льдахъ сребристыхъ догораетъ,
И Эльборусъ своей главой
Его, какъ туча, закрываетъ...
Ужъ раздалось мычанье стадъ
И ржанье табуновъ веселыхъ:
Они съ полей идутъ назадъ.
Но что за звукъ цѣпей тяжелыхъ?
Зачѣмъ печаль сихъ пастуховъ?
Увы! то плѣнники младые,
Утративъ годы золотые,
Въ пустынѣ горъ, въ глуши лѣсовъ,
Близъ Терека пасутъ уныло
Черкесовъ тучныя стада,
Воспоминая то, что было
И что не будетъ никогда!
Какъ счастье тщетно ихъ ласкало,
Какъ оставляло, наконецъ,
И какъ оно мечтою стало...
И нѣтъ къ нимъ жалостныхъ сердецъ!..

Они въ цѣпяхъ, они рабами!
Сливалось все, какъ въ смутномъ снѣ.
Души не чувствуя, они
Ужъ видятъ гробъ передъ очами.
Несчастные! въ чужомъ краю!
Исчезли сердца упованья!
Въ однѣхъ слезахъ, въ одномъ страданьи
Отраду зрятъ они свою.

V.

Надежды нѣтъ имъ возвратиться,
Но сердце поневолѣ мчится
Въ родимый край. Они душой
Тонули въ думѣ роковой.

. . . .

Но пыль взвивалась надъ холмами
Отъ стадъ и борзыхъ табуновъ;
Они усталыми шагами
Идутъ домой. Лай вѣрныхъ псовъ
Не раздавался вкругъ аула,
Природа шумная уснула;
Лишь слышенъ дѣвъ издалека
Напѣвъ унылый. Вторятъ горы,
И нѣженъ онъ, какъ птичекъ хоры,
Какъ шумъ привѣтный ручейка.

Пѣсня.

1.

Какъ сильной грозою
Сосну вдругъ согнетъ,
Пронзенный стрѣлою
Какъ левъ заревѣтъ;
Такъ русскій средь бою
Предъ нашимъ падетъ,
И смѣлой рукою
Чеченецъ возьметъ
Броню золотую
И саблю стальную,
И въ горы уйдетъ.

2.

Ни конь, оживленный
Военной трубой,
Ни варваръ, смятенный
Внезапной борьбой,

Страшнѣй не трепещетъ,
Когда вдругъ заблещетъ
Кинжалъ роковой.

Внимали плѣнники уныло
Печальной пѣсни сей для нихъ,
И сердце въ грусти страшно ныло...
Ведутъ черкесы къ саклѣ ихъ
И, привязавши у забора,
Ушли. Межъ нихъ огонь трещитъ;
Но не смыкаетъ сонъ ихъ взора,
Не могутъ горесть дня забыть...

VI.

Льетъ мѣсяцъ томное сіянье.
Черкесы храбрые не спятъ,—
У нихъ шумливое собранье:
На русскихъ нападать хотятъ.
Вокругъ осѣдланные кони,
Серебряныя блещутъ брони;
На каждомъ лукъ, кинжалъ, колчанъ,
И шашка на ремняхъ наборныхъ,
Два пистолета и арканъ,
Ружье; и въ буркахъ, въ шапкахъ черныхъ
Къ набѣгу старъ и младъ готовъ,
И слышенъ топотъ табуновъ.
Вдругъ пыль взвилася надъ горами,
И слышенъ стукъ издалека.
Черкесы смотрятъ: межъ кустами
Гирея видно, ѣздока!

VII.

Онъ понуждалъ рукой могучей
Коня, приталкивалъ ногой,
И влекъ за нимъ арканъ летучій
Младова плѣнника собой.
Гирей приблизился. Веревкой
Былъ связанъ русскій, чуть живой.
Черкесъ спрыгнулъ, рукою ловкой
Разрѣзывалъ канатъ. Но онъ
Лежалъ на камнѣ:—смертный сонъ
Леталъ надъ юной головою...
. . . .
Черкесы скачутъ ужъ—какъ разъ
Сокрылись за горой крутою;
Урокомъ бьетъ полночный часъ.

VIII.

От смерти лишь изъ сожалѣнья
Младова русскаго спасли,
Его къ товарищамъ снесли.
Забывши про свои мученья,

Рис. М. Ю. Лермонтова.

Они, не отступая прочь,
Сидѣли близъ него всю ночь...

. . . .

И блѣдный ликъ, въ крови омытый,
Горѣлъ въ щекахъ. Онъ чуть дышалъ,
И, смертнымъ холодомъ облитый,
Протягшись, на травѣ лежалъ.

IX.

Ужъ полдень прямо надъ ауломъ,
На свѣтло-синей высотѣ,
Сіялъ въ обычной красотѣ.
Сливалися съ протяжнымъ гуломъ

Стадовъ черкесскихъ по холмамъ
Дыханье вѣтерковъ проворныхъ,
И ропотъ ручейковъ нагорныхъ,
И пѣнье птичекъ по кустамъ.
Хребта Кавказскаго вершины
Пронзали синеву небесъ,
И оперялъ дремучій лѣсъ
Его зубчатыя стремнины.
Обложенъ ступенями горъ,
Расцвѣлъ узорчатый коверъ.
Тамъ, подъ столѣтними дубами,
Въ тѣни, окованный цѣпями,
Лежалъ нашъ плѣнникъ на травѣ.
Въ слезахъ, склонясь къ младой главѣ,
Товарищи его несчастья
Водой старались оживить.
(Но ахъ! утраченнаго счастья
Никто не могъ ужъ возвратить!..)
. . . .
Вотъ онъ, вздохнувши, приподнялся,
И взоръ его ужъ открывался...
Вотъ онъ взглянулъ, затрепеталъ...
Онъ съ незабытыми друзьями!
Онъ, вспыхнувъ, загремѣлъ цѣпями...
Ужасный звукъ все, все сказалъ!
Несчастный залился слезами,
На грудь къ товарищамъ упалъ
И горько плакалъ и рыдалъ.

X.

Счастливъ еще: его мученья
Друзья готовы раздѣлять
И вмѣстѣ плакать и страдать...
Но кто сего ужъ утѣшенья
Лишенъ въ сей жизни слезъ и бѣдъ,
Кто въ цвѣтѣ юныхъ пылкихъ лѣтъ
Лишенъ того, чѣмъ сердце льстило,
Чѣмъ счастье издали манило
(И если годы унесли
Пору цвѣтовъ) искать, какъ прежде,
Минутной радости въ надеждѣ,—
Пусть не живетъ тотъ на землѣ.

XI.

Такъ плѣнникъ мой съ родной страною
Почти навѣкъ прости сказалъ!

Терзался прошлою мечтою,
Ея мѣста воспоминалъ:

Рис. художн. Г. П. Кондратенко.

Гдѣ онъ провелъ златую младость,
Гдѣ испыталъ и жизни сладость,
Гдѣ много милаго любилъ,

Гдѣ зналъ веселье и страданье,
Гдѣ онъ, несчастный, погубилъ
Святыя сердца упованья...
. . . .

XII.

Онъ слышалъ слово: навсегда!
И, обреченный тяжкой долей,
Почти дружился онъ съ неволей.
Съ товарищами иногда
Онъ пасъ черкесскія стада;
Глядѣлъ онъ съ ними, какъ лавины
Катятся съ горъ и какъ шумятъ,
Какъ лавой снѣжною блестятъ,
Какъ ими кроются долины.
Хотя цѣпями скованъ былъ,
Но часто къ Тереку ходилъ,
И слушалъ онъ, какъ волны воютъ,
Подошвы скалъ угрюмыхъ роютъ,
Текутъ средь дебрей и лѣсовъ...
Смотрѣлъ, какъ въ высотѣ холмовъ
Блестятъ огни сторожевые,
И какъ вокругъ нихъ козаки
Глядятъ на мутный токъ рѣки,
Склонясь на копья боевыя.
Ахъ, какъ желалъ бы тамъ онъ быть!
Но цѣпь мѣшала переплыть.

XIII.

Когда же полдень надъ главою
Горѣлъ въ лучахъ, то плѣнникъ мой
Сидѣлъ въ пещерѣ, гдѣ отъ зною
Онъ могъ сокрыться. Подъ горой
Ходили табуны. Лежали
Въ тѣни другіе пастухи,
Въ кустахъ, въ травѣ и близъ рѣки,
Въ которой жажду утоляли...
И тамъ-то плѣнникъ мой глядитъ,
Какъ иногда орелъ летитъ,
По вѣтру крылья простираетъ,
И, видя жертвы межъ кустовъ,
Когтьми хватаетъ вдругъ и вновь,
Ихъ съ крикомъ кверху поднимаетъ...
„Такъ!—думалъ онъ—я жертва та,
Котора въ пищу имъ взята“.

XIV.

Смотрѣлъ онъ также, какъ кустами
Иль синей степью, по горамъ,
Сайгаки съ быстрыми ногами
По камнямъ острымъ, по кремнямъ,
Летятъ, стремнины презирая...
Иль какъ олень и лань младая,
Услыша пѣнье птицъ въ кустахъ,
Со скалъ, не шевелясь, внимаютъ,
И вдругъ внезапно исчезаютъ,
Взвивая вверхъ песокъ и прахъ.

XV.

Смотрѣлъ, какъ горцы мчатся къ бою,
Иль скачутъ смѣло надъ рѣкою.
Остановились. Лошадей
Толкаютъ смѣлою ногою...
И вдругъ, припавъ къ лукѣ своей,
Близъ береговъ они мелькаютъ,
Стремятъ—и, снова поскакавъ,
Съ утеса падаютъ стремглавъ
И шумно въ брызгахъ исчезаютъ.
Потомъ плывутъ и достигаютъ
Уже противныхъ береговъ.
Они ужъ тамъ, и въ тьмѣ лѣсовъ
Себя отъ козаковъ скрываютъ...
Куда глядите, козаки?
Смотрите, волны у рѣки
Сѣдою пѣной забѣлѣли!
Смотрите, враны на дубахъ
Встрепенулись, улетѣли,
Сокрылись съ крикомъ на холмахъ!
Черкесы путника арканомъ
Въ свои ущелья завлекутъ
И, скрытые ночнымъ туманомъ,
Оковы, смерть вамъ нанесутъ.

XVI.

И часто, отгоняя сонъ,
Въ глухую полночь смотритъ онъ,
Какъ иногда черкесъ чрезъ Терекъ
Плыветъ на вѣрномъ тулукѣ.
Бушуютъ волны на рѣкѣ,
Въ туманѣ виденъ дальній берегъ.
На пнѣ предъ нимъ висятъ кругомъ

Его оружія стальныя:
Колчанъ, лукъ, стрѣлы боевыя,
И шашка острая, ремнемъ
Привязана, звенитъ на немъ.
Какъ точка, въ волнахъ онъ мелькаетъ—
То виденъ вдругъ, то исчезаетъ...
Вотъ онъ причалилъ къ берегамъ:
Бѣда безпечнымъ козакамъ!
Не зрѣть ужъ имъ родного Дона,
Не слышать колоколовъ звона!
Уже чеченецъ подъ горой:
Желѣзная кольчуга блещетъ,
Ужъ лукъ звенитъ, стрѣла трепещетъ,
Ударъ несется роковой...
Козакъ! козакъ! увы, несчастный!
Зачѣмъ злодѣй тебя убилъ?
Зачѣмъ же твой свинецъ опасный
Его такъ быстро не сразилъ?..

XVII.

Такъ плѣнникъ бѣдный мой уныло,
Хоть самъ подъ бременемъ оковъ,
Смотрѣлъ на гибель козаковъ.
Когда жъ полночное свѣтило
Восходитъ, близъ забора онъ
Лежитъ въ аулѣ. Тихій сонъ
Лишь рѣдко очи закрываетъ.
Съ товарищами вспоминаетъ
О милой той родной странѣ,
Груститъ, но больше, чѣмъ они...
Оставивъ тамъ залогъ прелестный,
Свободу, счастье, что любилъ,
Пустился онъ въ край неизвѣстный,
И... все въ краю томъ погубилъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XVIII.

Однажды, погружась въ мечтанье,
Сидѣлъ онъ позднею порой.
На темномъ сводѣ, безъ сіянья,
Безцвѣтный мѣсяцъ молодой
Стоялъ, и лучъ дрожащій, блѣдной,
Лежалъ на зелени холмовъ.

И тѣни шаткія деревъ,
Какъ призраки, на крышѣ бѣдной
Черкесской сакли прилегли.
Въ ней огонекъ уже зажгли;
Краснѣя, онъ въ лампадѣ мѣдной
Чуть освѣщалъ большой заборъ...
Все спитъ: холмы, рѣка и боръ.

XIX.

Но кто въ ночной тѣни мелькаетъ?
Кто легкой тѣнью межъ кустовъ
Подходитъ ближе, чуть ступаетъ,
Все ближе... ближе... черезъ ровъ
Идетъ бредучею стопою?..
Вдругъ, видитъ онъ передъ собою:
Съ улыбкой жалости нѣмой
Стоитъ черкешенка младая.
Даетъ заботливой рукой
Хлѣбъ и кумысъ прохладный свой,
Предъ нимъ колѣна преклоняя.
И взоръ ея изобразилъ
Души порывъ какъ бы смятенной;
Но пищу принялъ русскій плѣнной
И знакомъ ей благодарилъ...

XX.

И долго, долго, какъ нѣмая,
Стояла дѣва молодая,
И взглядъ какъ будто говорилъ:
„Разсѣй себя, невольникъ милый,
Еще не все ты погубилъ!“
И вздохъ не тяжкій, но унылый
Въ груди раздался молодой.
Потомъ чрезъ валъ она крутой
Домой пошла тропою мшистой,
И скрылась вдругъ въ дали тѣнистой,
Какъ нѣкій призракъ гробовой.
И только дѣвы покрывало
Еще очамъ вдали мелькало.
И долго, долго плѣнникъ мой
Смотрѣлъ ей въ слѣдъ. „Она сокрылась—
Подумалъ онъ—но почему
Она къ несчастью моему
Съ такою жалостью склонилась?“
Онъ ночь всю не смыкалъ очей,
Уснулъ за часъ лишь предъ зарей.

XXI.

Четверту ночь къ нему ходила
Она и пищу приносила;
Но плѣнникъ часто все молчалъ,
Словамъ печальнымъ не внималъ.
Ахъ! сердце, полное волненій,
Чуждалось новыхъ впечатлѣній:
Онъ не хотѣлъ ее любить.
И что за радости въ чужбинѣ,
Въ его плѣну, въ его судьбинѣ?
Не могъ онъ прежнее забыть...
Хотѣлъ онъ благодарнымъ быть,—
Но сердце жаркое терялось
Въ его страданіи нѣмомъ
И, какъ въ туманѣ зыбкомъ, въ немъ
Безъ отголоска поглощалось...
Оно и въ шумѣ и въ тиши
Тревожитъ сонъ его души.

XXII.

Всегда онъ, съ думою унылой,
Въ ея блистающихъ очахъ
Встрѣчаетъ образъ вѣчно милой;
Въ ея привѣтливыхъ рѣчахъ
Знакомые онъ слышитъ звуки,
И къ призраку стремятся руки...
Онъ вспомнилъ все—ее зоветъ...
Но вдругъ очнулся. Ахъ, несчастной!
Въ какой онъ безднѣ здѣсь ужасной!
Ужъ жизнь его не расцвѣтетъ.
Онъ гаснетъ, гаснетъ, увядаетъ,
Какъ цвѣтъ прекрасный на зарѣ;
Какъ пламень юный потухаетъ
На освѣщенномъ алтарѣ.

XXIII.

Не понялъ онъ ея стремленья,
Ея печали и волненья;
Не думалъ онъ, чтобы она
Изъ жалости одной пришла,
Взглянувши на его мученья;
Не думалъ также, чтобъ любовь
Точила сердце въ ней и кровь.—
И въ страшномъ былъ недоумѣньи.
Но въ эту ночь ее онъ ждалъ...

Настала ночь ужъ роковая,
И, сонъ отъ очей отгоняя,
Въ пещерѣ плѣнникъ мой лежалъ.—

XXIV.

Поднялся вѣтеръ той порою,
Качалъ во мракѣ дерева,
И свистъ его подобенъ вою,
Какъ воетъ полночью сова.
Сквозь листья дождикъ пробирался,
Вдали на тучахъ громъ катался.
Блистая, молнія струей
Пещеру темну озаряла,
Гдѣ плѣнникъ бѣдный мой лежалъ.
Онъ весь промокъ и весь дрожалъ...

. . . .

Гроза по-малу утихала,
Лишь капала вода съ деревъ;
Кой-гдѣ потоки межъ холмовъ
Струею мутною бѣжали
И въ Терекъ съ брызгами впадали.
Черкесовъ въ темномъ полѣ нѣтъ...
И тучи врозь ужъ разбѣгаютъ,
И кой-гдѣ звѣздочки мелькаютъ,—
Проглянетъ скоро лунный свѣтъ.

XXV.

И вотъ надъ нимъ луна златая
На легкомъ облакѣ всплыла,
И въ верхъ небеснаго стекла,
По сводамъ голубымъ играя,
Блестящій шаръ свой провела.
Покрылись пеленой сребристой
Холмы, лѣса и лугъ съ рѣкой.
Но кто печальною стопой
Идетъ одинъ тропой гористой?
Она... съ кинжаломъ и пилой.
Зачѣмъ же ей кинжалъ булатный?
Ужель идетъ на подвигъ ратный?
Ужель идетъ на тайный бой?...
Ахъ, нѣтъ! наполнена волненій,
Печальныхъ думъ и размышленій,
Къ пещерѣ подошла она.
И голосъ раздался извѣстный...
Очнулся плѣнникъ, какъ отъ сна,
И въ глубинѣ пещеры темной

Садятся... Долго они тамъ
Не смѣли воли дать словамъ...
Вдругъ дѣва шагомъ осторожнымъ
Къ нему, вздохнувши, подошла
И, руку взявъ, съ привѣтомъ нѣжнымъ,
Съ горячимъ чувствомъ, но мятежнымъ,
Слова печальны начала:

XXVI.

„Ахъ, русскій, русскій! что съ тобою?
Почто ты съ жалостью нѣмою
Печаленъ, хладенъ, молчаливъ
На мой отчаянный призывъ?
Еще имѣешь въ свѣтѣ друга,
Еще невѣсты не терялъ...
Готова я часы досуга
Съ тобой дѣлить. Но ты сказалъ,
Что любишь, русскій, ты другую?
Ея бѣжитъ за мною тѣнь,
И вотъ объ чемъ и ночь, и день
Я плачу, вотъ объ чемъ тоскую!..,
Забудь ее! готова я
Съ тобой бѣжать на край вселенной!
Забудь ее, люби меня
Твоей подругой неизмѣнной...“
Но плѣнникъ сердца своего
Не могъ открыть въ тоскѣ глубокой,
И слезы дѣвы черноокой
Души не трогали его...
„Такъ, русскій, ты спасенъ! Но прежде
Скажи мнѣ: жить иль умереть?
Скажи, забыть ли о надеждѣ,
Иль слезы эти утереть?“

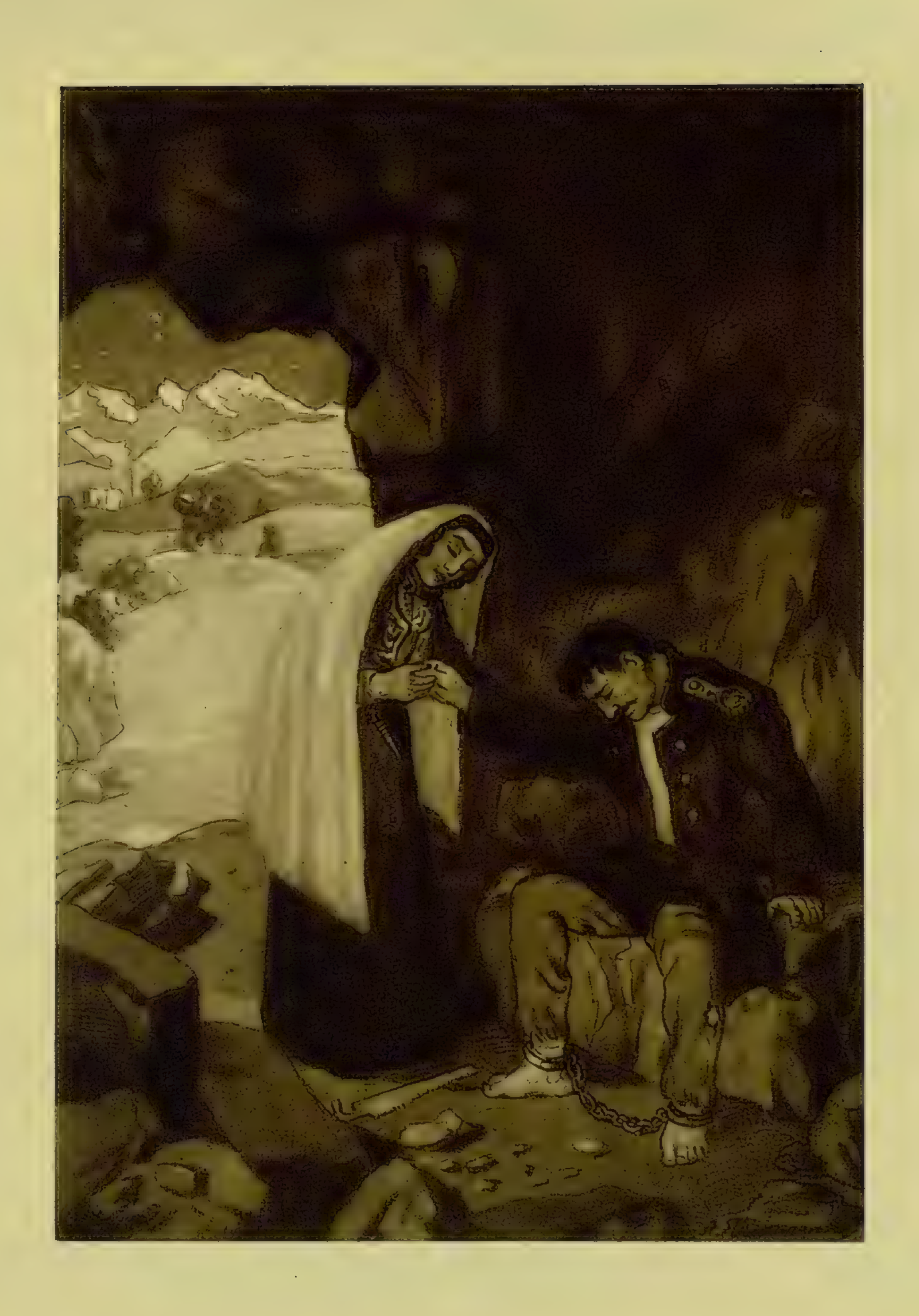
XXVII.

Тутъ вдругъ поднялся онъ. Блеснули
Его прелестные глаза,
И слезы крупныя мелькнули
На нихъ, какъ свѣтлая роса...
„Ахъ, нѣтъ! оставь восторгъ свой нѣжной!
Спасти меня не льстись надеждой:
Мнѣ будетъ гробомъ эта степь!
Не на остаткахъ славныхъ бранныхъ,
Но на костяхъ моихъ изгнанныхъ
Заржавитъ тягостная цѣпь!“
Онъ замолчалъ. Она рыдала...

Рисун. худ. А. Якимченко.

И, руку взявъ, съ привѣтомъ нѣжнымъ,
Съ горячимъ чувствомъ, но мятежнымъ,
Слова печальны начала:..

Но ободрилась, тихо встала,
Взяла пилу одной рукой,
Кинжалъ другою подавала.
И вотъ подъ острою пилой
Скрипитъ желѣзо; распадаетъ,
Блистая, цѣпь и чуть звенитъ.
Она его приподымаетъ,
И такъ, рыдая, говоритъ:

XXVIII.

„Да!.. плѣнникъ... ты меня забудешь...
Прости!.. прости же... навсегда!
Прости навѣкъ!... Какъ счастливъ будешь...
Ахъ!.. вспомни обо мнѣ тогда...
Тогда... быть можетъ, ужъ могилой
Желанной скрыта буду я.
Быть можетъ... скажешь ты уныло:
„Она любила и меня!...“
И дѣвы блѣдныя ланиты,
Почти потухшіе глаза,
Смущенный ликъ, тоской убитый,
Не освѣжитъ одна слеза...
И только рвутся вопли муки...
Она беретъ его за руки
И въ поле темное спѣшитъ,
Гдѣ чрезъ утесы путь лежитъ.

XXIX.

Идутъ, идутъ, остановились;
Вздохнувъ, назадъ оборотились.
Но роковой ударилъ часъ...
Раздался выстрѣлъ—и какъ разъ
Мой плѣнникъ падаетъ... Не муку,
Но смерть изображаетъ взоръ.
Кладетъ на сердце тихо руку...
Такъ медленно по скату горъ,
На солнцѣ искрами блистая,
Спадаетъ глыба снѣго́вая.
Какъ вмѣстѣ съ нимъ поражена,
Безъ чувства падаетъ она;
Какъ будто пуля роковая
Однимъ ударомъ, въ одинъ мигъ,
Обоихъ вдругъ сразила ихъ.

. . . .

XXX.

Но очи русскаго смыкаетъ
Ужъ смерть холодною рукой,—
Онъ вздохъ послѣдній испускаетъ...
И онъ ужъ тамъ, и кровь рѣкой
Застыла въ жилахъ охладѣвшихъ.
Въ его рукахъ оцѣпенѣвшихъ
Еще кинжалъ блестя лежитъ;
Въ его всѣхъ чувствахъ онѣмѣвшихъ
Навѣки жизнь ужъ не горитъ,
Навѣки радость не блеститъ.

XXXI.

Межъ тѣмъ черкесъ съ улыбкой злобной
Выходитъ изъ глуши деревъ,
И, волку хищному подобной,
Бросаетъ взоръ... стоитъ... безъ словъ,
Ногою гордой попираетъ
Убитаго. Увидѣлъ онъ,
Что тщетно потерялъ патронъ,
И вновь чрезъ горы убѣгаетъ.

XXXII.

Но вотъ она очнулась вдругъ
И ищетъ плѣнника очами...
Черкешенка! гдѣ, гдѣ твой другъ?
Его ужъ нѣтъ. Она слезами
Не можетъ ужасъ выражать,
Не можетъ крови омывать.
И взоръ ея, какъ бы безумный,
Порывъ любви изобразилъ.
Она страдала. Вѣтеръ шумный
Свистя покровъ ея клубилъ...
Встаетъ... и скорыми шагами
Пошла съ потупленной главой
Черезъ поляну, за холмами
Сокрылась вдругъ въ тѣни ночной.

XXXIII.

Она ужъ къ Тереку подходитъ.
Увы! зачѣмъ, зачѣмъ она
Такъ робко взоромъ вкругъ обводитъ,
Ужасной грустію полна?...
И долго на бѣгущи волны
Она глядитъ, и взоръ безмолвный

Блеститъ звѣздой въ полночной тьмѣ.
Она на каменной скалѣ.
„О, русскій, русскій!“ восклицаетъ...
Плеснули волны при лунѣ,
Объ берегъ брызнули онѣ...
И дѣва съ шумомъ исчезаетъ.
Покровъ лишь бѣлый выплываетъ,
Несется по глухимъ волнамъ;
Остатокъ грустный и печальный
Плыветъ, какъ саванъ погребальный
И скрылся къ каменнымъ скаламъ...

XXXIV.

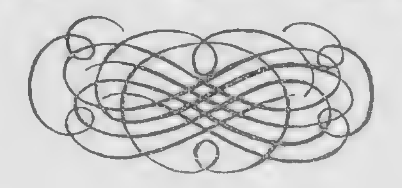
Но кто убійца ихъ жестокой?
Онъ былъ съ сѣдою бородой.
Не видя дѣвы черноокой,
Сокрылся онъ въ глуши лѣсной.
Увы! то былъ отецъ несчастной!
Быть можетъ, онъ ее сгубилъ,
И тотъ свинецъ его опасной
Дочь вмѣстѣ съ плѣнникомъ убилъ?
Не знаетъ онъ,—она сокрылась,
И съ ночи той ужъ не явилась.
Черкесъ, гдѣ дочь твоя? глядишь,
Но ужъ ея не возвратишь!..

XXXV.

Поутру трупъ оледенѣлый
Нашли на пѣнистыхъ брегахъ;
Онъ хладенъ былъ, окостенѣлый.
Казалось, на ея устахъ
Остался голосъ прежней муки;
Казалось, жалостные звуки
Еще не смолкли на губахъ.
Узнали все. Но поздно было!
Отецъ! Убійца ты ея...
Гдѣ упованіе твое?
Терзайся вѣкъ! Живи уныло!
Ея ужъ нѣтъ. И за тобой
Повсюду призракъ роковой.
Кто гробъ ея тебѣ укажетъ?
Бѣги! ищи ее вездѣ!...
„Гдѣ дочь моя?“ И отзывъ скажетъ:
„Гдѣ?“

8.

КОРСАРЪ

Longtemps il eut le sort prospère
Dans ce métier si dangereux.
Las! il devient trop téméraire
Pour avoir étè trop heureux.

La Harpe.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Друзья, взгляните на меня!
Я блѣденъ, худъ, потухла радость
Въ очахъ моихъ, какъ блескъ огня,
Моя давно увяла младость,
Давно, давно нѣтъ ясныхъ дней,
Давно нѣтъ цѣли упованья!
Исчезло все! Одни страданья
Еще горятъ въ душѣ моей.
Я не видалъ своихъ родимыхъ,
Чужой семьей воскормленъ я.
Одинъ лишь братъ былъ у меня,
Предметъ всѣхъ радостей любимыхъ.
Его я старѣ годомъ былъ,
Но онъ равно меня любилъ.
Равно мы слезы проливали,
Когда все спитъ во тьмѣ ночной,
Равно мы горе повѣряли
Другъ другу жаркою душой...
Намъ очарованное счастье
Мелькало рѣдко иногда!
Увы! не зрѣли мы ненастья,
Намъ угрожавшаго тогда...

Мой умеръ братъ. Передъ очами
Еще теперь тотъ страшный часъ,
Когда въ ногахъ его съ слезами
Сидѣлъ. Ахъ! я не зрѣлъ ни разъ
Столь милой смерти хладной муки;

Сложивъ крестообразно руки,
Несчастный тихо угасалъ,
И блѣдны впалыя ланиты,
И смертный взоръ, тоской убитый,
Въ подушкѣ бѣдный сокрывалъ.
Онъ умеръ. Страшнымъ восклицаньемъ
Сраженъ я вдругъ былъ съ содроганьемъ.
Но сожалѣнье, не любовь
Согрѣли жизнь мою и кровь.

Съ тѣхъ поръ, съ обманутой душою,
Ко всѣмъ я недовѣрчивъ сталъ.
Ахъ! не подъ кровлею родною
Я былъ тогда—я увядалъ.
Не могъ съ улыбкою смиренья
Съ тѣхъ поръ я все переносить,
Насмѣшки гордости, презрѣнья;
Я могъ лишь пламеннѣй любить.
Самимъ собою недоволенъ,
Желая быть спокоенъ, воленъ,
Я часто по лѣсамъ бродилъ,
И только тамъ душою жилъ.
Глядѣлъ въ раздуміи глубокомъ,
Когда на деревѣ высокомъ
Пѣвецъ незримый напѣвалъ
Веселье, радость и свободу,
Какъ нѣжно вдругъ ослабѣвалъ,
Какъ онъ треща свисталъ и щелкалъ,
Какъ по лазоревому своду
На легкихъ крыліяхъ порхалъ.
И непонятное волненье
Въ душѣ я сильно ощущалъ.
Всегда любя уединенье,
Возненавидя шумный свѣтъ,
Узнавъ невѣрной жизни цѣну,
Въ сердцахъ людей нашедъ измѣну,
Утративъ жизни лучшій цвѣтъ,
Ожесточился я,—угрюмой
Душа моя смутилась думой...
Не могши болѣе страдать,
Я вдругъ рѣшился убѣжать.

Настала ночь... Я всталъ печально
Съ постели, грустью омраченъ.

Во всемъ дому глубокій сонъ.
Хотѣлось мнѣ хоть взоръ прощальной
На мѣсто бросить то, гдѣ я
Такъ долго жилъ въ тиши безвѣстной,
Гдѣ жизни тѣнь всегда прелестной
Безпечно встрѣтила меня.
Я взялъ кинжалъ, два пистолета
На мнѣ за кожанымъ ремнемъ
Звенѣли. Я страшился свѣта
Луны въ безмолвіи ночномъ...

Но вихорь сердца молодого
Меня влачилъ къ сѣдымъ скаламъ,
Гдѣ между берега крутого
Дунай кипѣлъ, ревѣлъ. И тамъ,
Склонясь на камень головою,
Сидѣлъ я, озаренъ луною...
Ахъ! какъ она томна, блѣдна,
Лила лучи свои златые
Съ небесъ на рощи бреговыя.
Вездѣ знакомыя мѣста,
Все мнѣ напоминало младость,
Все говорило мнѣ, что радость
Навѣки здѣсь погребена.
Хотѣлъ проститься съ той могилой,
Гдѣ прахъ лежалъ, столь сердцу милой.
Перебѣжавши черезъ ровъ,
Пошелъ я тихо по кладбищу.
Душѣ моей давало пищу
Спокойствіе нѣмыхъ гробовъ.
И долго, долго я въ молчаньи
Стоялъ надъ камнемъ гробовымъ.
Казалось, вѣяло въ страданьи
Какимъ-то холодомъ сырымъ.

Потомъ невѣрными шагами
Я удалился; но за мной,
Казалось, тѣнь вездѣ бѣжала...
Я ночь провелъ въ глуши лѣсной.
Заря багряно освѣщала
Верхи холмовъ; ночная тѣнь
Уже рѣдѣла надо мною.
Съ отягощенною главою
Я тамъ сидѣлъ, склонясь на пень...

Но всталъ, пошелъ къ брегамъ Дуная,
Который издали ревѣлъ.
Я въ Грецію идти хотѣлъ,
Чтобъ турокъ сабля роковая
Пресѣкла горестный удѣлъ
(Въ душѣ смѣнилося мечтанье).
Ярчѣе дневное сіянье,—
И вотъ Дунай ужъ предо мной
Синѣлъ съ обычной красотой.
Какъ онъ, прекрасный, величавый,
Игралъ въ прибережныхъ скалахъ!
Воспоминанье о дѣлахъ
Живетъ здѣсь, и протекшей славой
Рѣка гордится. Сѣвъ на брегъ,
Я измѣрялъ Дуная бѣгъ.
Потомъ бросаюсь въ быстры волны,
Онѣ клубятся подъ рукой
(Я спорилъ съ быстрою рѣкой).
Но скоро нà берегъ безмолвный
Я вышелъ. Все въ душѣ моей
Мутилось пѣною Дуная;
И, бросивъ взоръ къ странѣ своей,
„Прости, отчизна золотая!—
Сказалъ,—быть можетъ, въ этотъ разъ
Съ тобой навѣки мнѣ проститься;
Но этотъ мигъ, но этотъ часъ
Надолго въ сердцѣ сохранится!“...
Потомъ я быстро удалился...

Зачѣмъ вамъ сказывать, друзья,
Чтó было, кáкъ потомъ со мною:
Скажу вамъ только то, что я
Вездѣ съ обманутой душою
Бродилъ одинъ, какъ сирота,
Не смѣя ввѣриться, какъ прежде,
Все измѣняющей надеждѣ.
Міръ былъ чужой мнѣ, жизнь—пуста.
Ужъ я былъ въ Греціи прекрасной,
А для души моей несчастной
Ея лишь видъ отравой былъ.
День приходилъ, день уходилъ...
Уже съ Балканскія вершины
Открылись Греціи долины;
Ужъ море синее, блестя
Подъ солнцемъ пламеннымъ Востока,

Какъ шумъ нагорнаго потока,
Обрадовало вдругъ меня...
Но какъ спастися намъ отъ Рока!—
Я здѣсь нашелъ, здѣсь погубилъ
Почти все то, что я любилъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Гдѣ Геллеспонтъ, сѣдой, широкій,
Плеская волнами, шумитъ,
Покрытый лѣсомъ, одинокій,
Афосъ задумчивый стоитъ.
Вѣнчанный грозными скалами,
Какъ неприступными стѣнами
Онъ окруженъ. Ни быстрыхъ волнъ,
Ни свиста вѣтровъ не боится.
Бѣда тому, чей бренный челнъ
Порывомъ ихъ къ нему домчится.
Его высокое чело
Травой и мохомъ заросло.
Между стремнинъ, между кустами,
Изрѣзанъ узкими тропами,
Съ востока рядъ зубчатыхъ горъ
Къ подошвѣ тянется Афоса,
И башни гордыя Летоса
Встрѣчаетъ удивленный взоръ.
Порою корабли водами
На быстрыхъ, бѣлыхъ парусахъ
Летали между островами,
Какъ бы на лебедя крылахъ.
Воспоминанье здѣсь одною
Прошедшей истиной живетъ...
Вотъ цареградскій путь идетъ
Чрезъ поле черной полосою...
(Я шелъ, не чувствуя себя;
Я былъ въ стремительномъ волненьи,
Увидѣвъ, Грецiя, тебя!)

Кустарникъ дикій въ отдаленьи
Терялся межъ угрюмыхъ скалъ—
Межъ скалъ, гдѣ въ счастья упоеньи
Ѳракіецъ храбрый пировалъ.
Теперь все пусто. Вспоминанье
Почти изгладилъ токъ временъ,

И этотъ край обремененъ
Подъ игомъ варваровъ. Страданье
Осталось только въ той странѣ,
Гдѣ прежде греки воспѣвали
Ихъ храбрость, вольность,—но они
Той страшной участи не знали.
И дышитъ все здѣсь стариной,
Минувшей славой и войной.

—

Когда жъ народъ ожесточенный
Хватался вдругъ за мечъ военный,
Въ пещерѣ темной, у скалы,
Какъ будто горные орлы,
Бывало, греки въ ночь глухую
Сбирали шайку удалую,
Чтобы на турокъ нападать,
Плѣнить, рубить, въ моряхъ летать.
И часто барка въ тьмѣ у брега
Была готова для побѣга
Отъ непріятельскихъ полковъ,
Не страшенъ былъ имъ плескъ валовъ.
И въ той пещерѣ отдыхая,
Какъ часто ночью я сидѣлъ,
Воспоминая и мечтая,
Кляня жестокій свой удѣлъ.
И что-то новое пылало
Въ душѣ неопытной моей,
И сердце новое мечтало
О легкомъ вихрѣ прежнихъ дней.
Желалъ я быть въ бояхъ жестокихъ,
Желалъ я плыть въ моряхъ широкихъ
(Любить—кого, не находилъ).
Друзья мои, я молодъ былъ!
Зачѣмъ губить намъ нашу младость,
Зачѣмъ старѣть душой своей?
Прости навѣкъ тогда ужъ радость,
Когда исчезла съ юныхъ дней.

Нашедъ корсаровъ, съ ними въ море
Хотѣлъ я плыть. „Ахъ!—думалъ я—
Война, могила, но не горе,
Быть можетъ, встрѣтитъ тамъ меня“.
Простясь съ печальными брегами,
Я съ маврскимъ опытнымъ пловцомъ

Стремилъ мой бѣгъ межъ островами,
Цвѣтущими надъ влажнымъ дномъ
Святого старца-океана.
Я видѣлъ ихъ. Но жребій мой
Гдѣ свелъ насъ бурною толпой,
Тамъ власть дана мнѣ атамана;
И такъ ужъ было рѣшено,
Что жизнь и смерть—все за одно!

Какъ весело водамъ предаться,
Друзья мои, въ моряхъ летать,
Но долженъ, долженъ я признаться,
Что я готовъ теперь бы дать
Все, что имѣю, за тѣ годы,
Которые ужъ я убилъ
И невозвратно погубилъ.
Прекраснѣй были бы мнѣ воды,
Поля, лѣса, луга, холмы—
И всѣ, всѣ прелести природы...
Но такъ себѣ невѣрны мы!
Живемъ, томимся и желаемъ,
А получивши, забываемъ
О томъ,—уже предметъ другой
Играетъ въ нашемъ воображеньи.
И въ безпрерывномъ такъ томленьи
Мы тратимъ жизнь, о, Боже мой!

Мы часто на берегъ сходили
И часто по степямъ бродили,
Гдѣ конь арабскій вороной
Игралъ скачками подо мной,
Летая въ даль степи широкой.
Уже терялся брегъ далекой,
И я, съ веселою толпой,
Какъ въ морѣ, былъ въ степи сухой.
Или въ лѣсу, въ ночи глубокой,
Когда все спитъ, то мы одни,
При полной въ облакахъ лунѣ,
Въ пещерѣ темной, припѣвая,
Сидимъ,—и чаша между насъ
Идетъ съ весельемъ круговая.
За нею вслѣдъ за часомъ часъ.
И свѣтитъ пламень, чуть блистая,
Треща, синѣя и мелькая...

Я часто́, храбрый, кровожадный,
Носился въ буряхъ боевыхъ...

Рисун. худ. В. Замирайло.

Потомъ мы часто въ корабли
Опять садились, въ быстры волны
Съ отважной дерзостью текли,
Какой-то гордостію полны.
Мы правы были: домъ царей
Не такъ великъ, какъ зыбь морей!

Я часто, храбрый, кровожадный,
Носился въ буряхъ боевыхъ,
Но въ сердцѣ юномъ чувствъ иныхъ
Таился пламень безотрадный.
Чего-то страшнаго я ждалъ,
Грустилъ, томился и желалъ.
Я слышалъ пѣсни удалыя
Веселой шайки средь морей.
Тогда, воспомнивъ золотые
Тѣ годы юности моей,
Я слезы лилъ, не зная Бога.
Мнѣ жизни дальняя дорога
Была скользка. Я былъ, друзья,
Несчастный прахъ изъ бытія.
Какъ бы сражаяся съ судьбою,
Мятежной ярости полна,
Душа, терзанью предана,
Живетъ утратою самою,
Узнавъ лишь тѣнь утраты сей.
Я ждалъ ее еще мятежнѣй,
Еще печальнѣй, безнадежнѣй,
Какъ лишь начало страшныхъ дней,
Опять предъ мной все исчезало,
Какъ свѣтъ предъ тѣнію ночной,
И сердце тяжко изнывало,
Исчезъ и кроткій мой покой,
Исчезло милое волненье
И благородное стремленье
И чувствъ, и мыслей молодыхъ,
Высокихъ, нѣжныхъ, удалыхъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Однажды въ ночь сошлися тучи,
Катился громъ издалека,
И гналъ, стоная, вихрь летучій
Порывомъ бурнымъ облака.

Надулись волны, море плещетъ,
И молнія во мракѣ блещетъ.
Но нашихъ храбрыхъ удальцовъ
Ничто бъ тогда не испугало,—
И море синее стонало
Отъ рѣзкихъ корабля слѣдовъ.
Шипящей пѣною бѣлѣетъ
Корабль, вдругъ рветс̓я къ небесамъ
Волна, качается, чернѣетъ,
И возвращается волнамъ.
Намъ въономъ ужасѣ казалось,
Что море, въ ярости своей,
Съ предѣлами небесъ сражалось,
Земля стонала отъ зыбей;
Что вихри въ вихри ударялись,
И тучи съ тучами слетались,
И устремлялся громъ на громъ,
И море билось съ влажнымъ дномъ,
И черна бездна загоралась
Открытой безд	ною громовъ.
И наше су̀дно воздымалось
То вдругъ до тяжкихъ облаковъ,
То вдругъ, треща, внизъ опускалось.
Но храбрость я не потерялъ:
На палубѣ съ моей толпой
Я часто гибель возвѣщалъ
Одною пушкой вѣстовой.
Мы скоро справились! Кругомъ
Лишь дождь шумѣлъ, ревѣлъ лишь громъ.
Вдругъ, слышенъ выстрѣлъ отдаленный,
Блеснулъ фонарь, какъ бы зажженный
На мачтѣ, въ мрачной глубинѣ...
И скрылся онъ въ туманной мглѣ.
И небо страшно разразилось,
И блескомъ молній озарилось—
И мы узрѣли: быстро къ намъ
Неслося греческое су̀дно.
Все различить мнѣ было трудно.
Предавшися глухимъ волнамъ,
Они на помощь призывали,
Но вѣтры вопли заглушали.
„Скорѣй ладью! спасите ихъ!"
Раздался голосъ въ этотъ мигъ.
О камень су̀дно ударяетъ,
Трещитъ—и съ шумомъ утопаетъ.

Но мы иныхъ еще спасли,
Къ себѣ въ корабль перенесли.
Они безъ чувствъ, водой покрыты,
Лежали всѣ, какъ бы убиты.
И вѣтеръ буйный утихалъ,
И громъ почаще умолкалъ,
Лишь изрѣдка волна вздымалась,
Какъ бы гора, и опускалась.
. . . .
. . . .
Все смолкло. Вдругъ корабль волной
Былъ брошенъ къ мели бреговой.

Хотѣлъ я видѣть мной спасенныхъ,
И къ нимъ поутру я взошелъ.
Тогда на тучахъ озлащенныхъ
Вскатилось солнце. Я узрѣлъ,
Увы! гречанку молодую.
Она почти безъ чувствъ, блѣдна,
Склонившись на руку главою,
Сидѣла, и съ тѣхъ поръ она
Донынѣ въ памяти глубоко...
Она изъ стороны далекой
Была сюда привезена.
Свою весну, златыя лѣта
Воспоминала. Томный взоръ
Чернѣе тьмы, ярчѣе свѣта
Глядѣлъ, казалось, съ давнихъ поръ
На небо. Тамъ звѣзда, блистая,
Давала ей о чемъ-то вѣсть
(О томъ, друзья, что въ сердцѣ есть).
Звѣзду затмила туча злая,
Звѣзда померкла,—и она
Съ тѣхъ поръ печальна и грустна.
Съ тѣхъ поръ, друзья, и я стенаю,
Моя тѣмъ участь рѣшена,
Съ тѣхъ поръ покоя я не знаю.
Но съ тѣхъ же поръ я омертвѣлъ,
Для нѣжныхъ чувствъ окаменѣлъ.

Рисун. худ. В. Замирайло.

*Склонившись на руку главою,
Сидѣла...*

1829 г.

9. Преступникъ.

„Скажи намъ, атаманъ честно́й,
Какъ жилъ ты въ сторонѣ родной?
Чай, прежній жаръ въ тебѣ и нынѣ
Не остываетъ отъ годовъ?
Здѣсь, подъ дубочкомъ ты въ пустынѣ
Потѣшишь добрыхъ молодцовъ!“
— Отецъ мой, вѣкъ свой доживая,
Былъ на второй женѣ женатъ:
Она—красотка молодая,
Онъ былъ и знатенъ и богатъ...
Перетерпѣвши лѣтъ удары,
Когда захочетъ соколъ старый
Подругу молодую взять,—
Такъ онъ не думаетъ, не чуетъ,
Что послѣ будетъ проклинать.
Онъ все голубитъ, все милуетъ,
Къ нему ласкается она,
Его хранитъ въ минуту сна.
Но вдругъ увидѣла другова,
Не стараго, а молодова,—
Лишь первая приходитъ ночь,
Она, безъ всякаго зазрѣнья,
Клевкомъ лишитъ супруга зрѣнья,
И отъ гнѣзда помчится прочь!..
. . . .
Пиры веселья забывая,
И златоструйное вино,
И домъ, гдѣ, чашу наполняя,
Палило кровь мою оно;
Какъ часто я чело покоилъ
Въ колѣнахъ мачехи моей,
И съ нею вмѣстѣ козни строилъ
Противъ отца, среди ночей...

Ея пронзительныхъ лобзаній
Огонь впивалъ я въ грудь свою.
Я помню ночь страстей, желаній,
Мольбы, угрозъ и заклинаній,
Но слезы злобы только лью!..
Богъ вѣсть: меня она любила,
Иль это былъ притворный жаръ,
И мысль печально утаила,
Чтобы вѣрнѣй свершить ударъ?
Иль мнила, что она любима,
Порочной страстію дыша?..
Кто знаетъ? Женская душа,
Какъ океанъ, неизслѣдима!
И дни летѣли. Часъ насталъ!
Ужъ грѣховодникъ въ дни младые,
Я, какъ предъ казнію, дрожалъ...
Гремятъ проклятья роковыя...
Я принужденъ, какъ нѣкій тать,
Изъ дому отчева бѣжать.
О, сколько мукъ! Потеря чести!
Любовь, и стыдъ, и нищета!
Вражда непримиримой мести
И гнѣвъ отца!.. За ворота̀
Бѣжалъ я сирый, одинокій
И, обратившись, бросилъ взоръ
Съ проклятіемъ на домъ высокій,
На тотъ пустой, унылый дворъ,
На прудъ заглохшій, садъ широкій!..
Въ безумьи мрачномъ и нѣмомъ
Желалъ, чтобъ сжегъ небесный громъ
И столъ, за коимъ я съ друзьями
Пилъ чашу радости и нѣгъ,
И рѣчки безыменный брегъ,
Всегда покрытый табунами,
Гдѣ принялъ онъ ударъ свинца,
И возвышѐнныя стремнины,
И тѣ коварныя сѣдины
Неумолимаго отца;
И очи, очи неземныя,
И грудь, и плечи молодыя,
И сладость тайную отрадъ,
И устъ неизлѣчимый ядъ;
И ту зеленую аллею,
Гдѣ я въ лобзаньяхъ утопалъ,
И ложе то, гдѣ я—и съ нею,
И съ этой мачехой лежалъ!..

Въ лѣсахъ, изгнанникъ своевольный,
Двумя жидами принятъ я:
Одинъ—властями недовольный
Купецъ, обманщикъ и судья;
Другой—служитель Аарона,
Ревнитель древняго закона,
Алмазы прежде продавалъ,
Какъ я, изгнанникъ, бѣденъ сталъ.
Какъ я, искалъ по міру счастья,
Бродяга, пасмурный, скупой
На деньги, на ударъ лихой,
На поцалуи сладострастья;
Но скрытенъ, недовѣрчивъ, глухъ
Для всякихъ просьбъ, какъ адскій духъ!..
Придетъ ли ночь и мракъ печальной—
Идемъ къ дорогѣ столбовой:
Тамъ изъ страны проѣзжій дальной
Летитъ на тройкѣ почтовой.
Раздался выстрѣлъ. Съ быстротой
Свинецъ промчался непомѣрной,—
Ударъ губительный и вѣрной!..
Съ обезображеннымъ лицомъ
Упалъ ямщикъ, помчались кони...
И рѣдко лишь ударъ погони
Ихъ не застигнетъ за лѣскомъ.
Разъ, подозрительно блѣдна,
Катилась на небѣ луна.
Вблизи дороги, передъ нами
Лежалъ застрѣленный прошлецъ.
О, какъ ужасенъ былъ мертвецъ
Съ окровавленными глазами!
Смотрю... лицо знакомо мнѣ...
Кого жъ при трепетной лунѣ
Я узнаю?.. Великій Боже!
Я узнаю его... Кого же?
Кто сей погубленный прошлецъ?
Кому же роется могила?
На чьихъ сѣдинахъ кровь застыла?
О!.. други! Это мой отецъ!..
Я ослабѣлъ, упалъ на землю.
Когда жъ потомъ очнулся, внемлю:
Стучатъ... жидовскій разговоръ...
Гляжу: сырой еще бугоръ,
Надъ нимъ лежитъ топоръ съ лопатой,
И конь привязанъ подъ дубкомъ;
И два жида считаютъ злато

Передъ разложеннымъ костромъ...

. . . .

Промчались дни. На дно рѣчное
Одинъ товарищъ мой нырнулъ.
Съ тѣхъ поръ, какъ этотъ утонулъ,
Пошло житье-бытье плохое:
Пріему не было въ корчмахъ,
Жить было негдѣ, отовсюду
Гоняли наглаго Іуду.
Въ далекихъ дебряхъ и лѣсахъ
Мы укрывалися. Безъ страха
Не могъ я спать; мечтались мнѣ
Остроги, пытки въ черномъ снѣ,
То петля гладкая, то плаха!..
Исчезли средства прокормленья.
Одно осталось: зажигать
Дома господскіе, селенья,
И въ суматохѣ пировать.
Среди снѣдающихъ пожаровъ
И домъ родимый запылалъ.
Я весь горѣлъ и трепеталъ,
Какъ въ шумѣ громовыхъ ударовъ!
Вдругъ вижу: раздраженный жидъ
Младую женщину тащи́тъ.
Ея ланиты обгорѣли
И шелкъ каштановыхъ волосъ;
И очи полны, полны слезъ,
На похитителя смотрѣли.
Я не слыхалъ его угрозъ,
Я не слыхалъ ея моленій.
И ужъ въ груди ея торчалъ—
Кинжалъ, друзья мои, кинжалъ!..
Увы! дрожатъ ея колѣни,
Она блѣднѣе стала тѣни,
И перси кровью облились,
И недосказанныя пени
Съ устъ посинѣлыхъ пронеслись.
Пришло Іудѣ наказанье:
Онъ въ ту же самую весну
Повѣшенъ мною на сосну,
На пищу вранамъ. Состраданья
Послѣдній годъ меня лишилъ.
Когда жъ я снова посѣтилъ
Родныя, мрачныя стремнины,
Лѣса и рѣчки и долины,
Столь крѣпко вѣдомыя мнѣ,

То я увидѣлъ: на соснѣ
Виситъ скелетъ полуистлѣвшій,
Изъ глазъ посыпался песокъ,
И коршунъ, тутъ же отлетѣвшій,
Тащилъ руки его кусокъ...
Бѣгутъ года, умчалась младость,
Остыли чувства, сердца радость
Прошла. Молчитъ въ груди моей
Порывъ болѣзненныхъ страстей.
Одни холодные остатки,
Несчастной жизни отпечатки—
Любовь къ свободѣ золотой—
Мнѣ сохранилъ мой жребій чудный.
Старикъ преступный, безразсудный,
Я всѣмъ далекъ, я всѣмъ чужой...
Но жаръ подавленный очнется,
Когда за волюшку мою
Въ кругу удалыхъ приведется,
Что чашу полную налью.
Поминки юности забвенной
Прославлю я и шумъ крамолъ;
И ножъ мой, ножъ окровавленной
Воткну, смѣясь, въ дубовый столъ!..

10. Къ друзьямъ.

Я рожденъ съ душою пылкой,
Я люблю съ друзьями быть,
А подчасъ и за бутылкой
Быстро время проводить.

Я не склоненъ къ славѣ громкой,
Сердце грѣетъ лишь любовь,
Лиры звукъ дрожащій, звонкой
Мнѣ волнуетъ также кровь.

Но нерѣдко средь веселья
Духъ мой страждетъ и груститъ,
Въ шумѣ буйнаго похмелья
Дума нà сердцѣ лежитъ.

11. Къ Пу.....ну.

Забудь, любезный П......нъ,
Мои минувшія сужденья.

Нѣтъ! недостоинъ бѣдный свѣтъ презрѣнья,
Хоть наша жизнь—минута сновидѣнья,
Хоть наша смерть—струны порва́нной звонъ.
Мой умъ его теперь цѣнить иначе станетъ:
Наврядъ ли кто-нибудь изъ насъ страну узритъ,
Гдѣ дружба дружбы не обманетъ,
Любовь любви не измѣнитъ.
Зачѣмъ же все въ семъ мірѣ бросить,
Зачѣмъ и счастья не найти?
Есть розы, другъ, и на земномъ пути!
Ихъ время злобное не всѣ покоситъ!
Пусть добродѣтель въ страхъ падетъ,
Пусть будутъ всѣ мольбы Творцу безплодны,
Навѣки геній пусть умретъ,—
Вездѣ утѣхи есть толпѣ простонародной.
Но тотъ, на комъ лежитъ унынія печать,
Кто, юный, потерялъ лѣта златыя,
Того не могутъ услаждать
Ни дружба, ни любовь, ни пѣсни боевыя!..

12. Къ Д . . . . ву.

Я пробѣгалъ страны Россіи,
Какъ бѣдный странникъ межъ людей:
Вездѣ шипятъ коварства зміи.
Я думалъ: въ свѣтѣ нѣтъ друзей,
Нѣтъ дружбы нѣжно-постоянной,
И безкорыстной, и простой!
Но ты явился, гость незванной,
И вновь мнѣ возвратилъ покой.
Съ тобою чувствами сливаюсь,
Въ рѣчахъ веселыхъ счастье пью;
Но дѣвъ коварныхъ не терплю,—
И больше имъ не довѣряюсь!..

13. Посвященіе N. N.

(При случаѣ ссоры съ Сабуровымъ).

Вотъ, другъ, плоды моей небрежной музы!
Оттѣнокъ чувствъ тебѣ несу я въ даръ,
Хоть ты презрѣлъ священной дружбы узы,
Хоть ты души моей отринулъ жаръ...
Я знаю все: ты вѣтренъ, безразсуденъ,
И ложный другъ ужъ въ сѣть тебя завлекъ,—

Но вспоминай, что путь ко счастью труденъ
Отъ той страны, гдѣ царствуетъ порокъ!..
Готовъ на все для твоего спасенья!
Я такъ клялся, и къ гибели летѣлъ...
Но ты молчалъ и, полный подозрѣнья,
Словамъ моимъ повѣрить не хотѣлъ...
Но часъ придетъ,—своимъ печальнымъ взоромъ
Ты все прочтешь въ нѣмой душѣ моей.
Тогда—бѣги, не трать пустыхъ рѣчей,
Ты осужденъ послѣднимъ приговоромъ!..

14. Пиръ.

(Къ Сабурову. Какъ онъ не понималъ моего пылкаго сердца).

Приди ко мнѣ, любезный другъ,
Подъ сѣнь черемухъ и акацій,
Чтобъ раздѣлить святой досугъ
Въ объятьяхъ мира, музъ и грацій.
Не мясо тучнаго тельца,
Не фрукты Грецiи счастливой
Увидишь ты; не медъ, не пиво
Блеснутъ въ стаканѣ пришлеца!
Но за столомъ любимца Феба
Пируетъ дружба и она;
А снѣдь—кусокъ прекрасный хлѣба
И рюмка краснаго вина.

15. Веселый часъ.

(Стихи въ оригиналѣ найдены во Франціи, на стѣнахъ одной государственной темницы).

Зачѣмъ вы на меня,
Любезные друзья,
Въ рѣшотку такъ глядите?
Не плачьте, не грустите!
Пускай умру сейчасъ,
Коль я въ углу темницы
Смочилъ одинъ хоть разъ
Слезой мои рѣсницы!..
Ликуйте вы одни,
И чаши осушайте,
Любви въ безумномъ снѣ,
Какъ прежде, утопайте,—
Но въ пламенномъ винѣ
Меня воспоминайте!..

Я также въ вашу честь,
Кляня любовь былую,
Хлѣбъ черствый стану ѣсть
И воду пить гнилую...

Предъ мной отличный столъ,
И шаткій, и старинной;
И музыкой ослиной
Скрипитъ повсюду полъ.
Въ окошко свѣтъ чуть льется.
Я на стѣнѣ кругомъ
Пишу стихи углемъ,
Браню, кого придется,
Хвалю, кого хочу,
Нерѣдко хохочу,
Что такъ мнѣ удается!

Иль если крыса въ ночь
Колпакъ на мнѣ сгрызаетъ,
Я не гоняю прочь:
Меня увеселяетъ
Ея безплодный трудъ...
Я повернусь,—и тутъ,
Послыша гласъ тревоги,
Она—давай Богъ ноги!..

Я сторожа дверей
Всегда увеселяю,
Смѣшу,—и тѣмъ сытѣй
Всегда почти бываю...
. . . .
Тогда я припѣваю...
. . . .

Тотъ сча́стливъ, въ комъ ни разъ
Веселья духъ не гасъ!
Хоть онъ всю жизнь страдаетъ,
Но горесть забываетъ
Въ одинъ веселый часъ.

16. Эпиграмма.

Дуракъ и старая кокетка—все равно:
Румяны, горсть бѣлилъ—все знаніе его!..

17. Мадригалъ.

„Душа тѣлесна!“ всѣхъ ты увѣряешь смѣло.
Я соглашусь, любовію дыша:
Твое прекраснѣйшее тѣло
Не что иное, какъ душа!..

18. Романсъ.

Коварной жизнью недовольный,
Обманутъ низкой клеветой,
Летѣлъ изгнанникъ самовольный
Въ страну Италіи златой.
„Забуду ль васъ, сказалъ онъ, други?
Тебя, о сѣвера вино?
Забуду ль, въ мирные досуги
Какъ веселило насъ оно?
„Снѣга и вихрь зимы холодной,
Горячій взоръ московскихъ дѣвъ,
И балалайки звукъ народной,
И томный вечера припѣвъ?
Душа души моей! тебя ли
Загладятъ въ памяти моей
Страна далекая, печали,
Языкъ презрительныхъ людей?
„Нѣтъ! и подъ миртомъ изумруднымъ,
И на Гельвеціи скалахъ,
И въ градѣ Рима многолюдномъ—
Все будешь ты въ моихъ очахъ!“
Въ коляску сѣлъ. Дорогой скучной,
Закрывшись въ плащъ, онъ поскакалъ.
А колокольчикъ однозвучной
Звенѣлъ, звенѣлъ и пропадалъ!

19. Портреты.

1.

(Этотъ портретъ былъ доставленъ одной дѣвушкѣ. Она въ немъ думала узнать меня,—вотъ за какого эгоиста принимаютъ обыкновенно поэта).

Онъ не красивъ, онъ не высокъ,
Но взоръ горитъ, любовь сулитъ;
И на челѣ оставилъ рокъ,
Средь юныхъ дней, печать страстей.

Власы на немъ, какъ смоль, черны;
Блѣдны всегда его уста,
Открыты ль, сомкнуты ль они,
Ліютъ безъ словъ языкъ боговъ...
И пылокъ онъ, когда надъ нимъ
Грозитъ бѣдой перунъ земной!
Не любитъ онъ и славы дымъ.
Средь тайныхъ мукъ, свободы другъ,
Смѣется рѣдко; чаще—вновь
Клянетъ онъ міръ, гдѣ вѣчно сиръ,
Коварность, зависть и любовь...
Все проклялъ онъ, какъ лживый сонъ,
Какъ призракъ дымныя мечты;
Холодный умъ, средь мрачныхъ думъ,
Не тронутъ слезы красоты.
Вездѣ одинъ, природы сынъ,
Не зналъ онъ друга межъ людей:
Такъ бури токъ сухой листокъ
Мчитъ жертвой посреди степей!..

2.

Довольно толстъ, довольно тученъ,
Нашъ полновѣсистый герой
Нерѣдко веселъ, чаще скученъ,
Любезенъ, гордъ, сердитъ порой.
Онъ добръ, членъ нашего Парнаса,
Красавицамъ Москвы смѣшонъ,
На крыльяхъ дряхлаго Пегаса
Летаетъ въ міръ мечтанья онъ.
Глаза не слишкомъ говорливы,
Всегда по модѣ онъ одѣтъ,
А щечки—полненькія сливы,—
Такъ говоритъ докучный свѣтъ.

3.

Лукавъ, завистливъ, золъ и страстенъ,
Отступникъ Бога и людей,
Холоденъ, всѣмъ почти ужасенъ,
Своими ласками опасенъ,
А въ заключеніе—злодѣй!

4.

Все въ мірѣ суета, онъ мнитъ, или отрава,—
Возвышенной души предметъ стремленья—слава.

5.

Всегда онъ съ улыбкой веселой,
Жизнь любитъ и юность румяну,
Но чувства глубоки питаетъ,—
Не знаетъ онъ тайны природы.
Онъ скрытенъ всегда, постояненъ,
Не знаетъ горячихъ страстей.

6.

Онъ любимецъ мягкой лѣни,
Сна и низкихъ всѣхъ людей,
Онъ любимецъ наслажденій,
Врагъ губительныхъ страстей!
Русы волосы кудрями
Упадаютъ средь ланитъ,
Взоръ изнѣженъ, и устами
Онъ лишь рѣдко шевелитъ.

20. Къ генію.

(Напоминаніе о томъ, что было въ Ефремовской деревнѣ въ 1827 году, гдѣ я во второй разъ любилъ 12-ти лѣтъ—и понынѣ люблю).

Когда во тьмѣ ночей мой, не смыкаясь, взоръ
Безъ цѣли бродитъ вкругъ; прошедшихъ дней укоръ
Когда зоветъ меня невольно къ вспоминанью,—
Какому тяжкому я предаюсь мечтанью!..
О, сколько вдругъ толпой тѣснится въ грудь мою
И тѣней и любви свидѣтелей!.. „Люблю!“
Твержу, забывшись, имъ. Но, полный весь тоскою,
Невѣрной дѣвы ликъ мелькаетъ предо мною...
Такъ, счастье вѣдалъ я—и сладкій мигъ исчезъ,
Какъ гаснетъ блескъ звѣзды падучей средь небесъ!
Но я тебя молю, мой неизмѣнный геній:
Дай разъ еще любить! дай жаромъ вдохновеній
Согрѣться мигъ одинъ, послѣдній, и тогда
Пускай остынетъ пылъ сердечный навсегда!
Но прежде тамъ, гдѣ вы, души моей царицы,
Промчится звукъ моей задумчивой цѣвницы!
Молю тебя, молю, хранитель мой святой,
Надъ яблоней мой тирсъ и съ лирой золотой
Повѣсь и начерти: здѣсь жили вдохновенья!
Пѣвецъ знавалъ любви живыя упоенья!..
. . . И я приду сюда, и не узнаю васъ,
О, струны звонкія . . . .

. . . .
Но ты забыла, другъ, когда порой ночной
Мы на балконѣ тамъ сидѣли. Какъ нѣмой,
Смотрѣлъ я на тебя съ обычною печалью.
Не помнишь ты тотъ мигъ, какъ я, подъ длинной шалью
Сокрывши, голову на грудь твою склонялъ—
И былъ отвѣтомъ вздохъ, твою я руку жалъ—
И былъ отвѣтомъ взглядъ и страстный, и стыдливый!
И мѣсяцъ былъ одинъ свидѣтель молчаливый
Послѣднихъ и невинныхъ радостей моихъ!
Ихъ пламень на груди моей давно затихъ!..
Но, милая, зачѣмъ, какъ годъ прошелъ разлуки,
Какъ я почти забылъ и радости, и муки,
Желаешь ты опять привлечь меня къ себѣ?..
Забудь любовь мою! Покорна будь судьбѣ!
Кляни мой взоръ, кляни моихъ восторговъ сладость!..
Забудь!.. Пускай другой твою украситъ младость!..
Ты жъ, чистый житель тѣхъ неизмѣримыхъ странъ,
Гдѣ стелется эѳиръ, какъ вѣчный океанъ,
И совѣсть чистая съ безпечностью драгою,—
Хранители души, останьтесь ввѣкъ со мною!
И будетъ мнѣ луны любезенъ томный свѣтъ,
Какъ смутный памятникъ прошедшихъ милыхъ лѣтъ!..

21. Покаяніе.

Дѣва.

„Я пришла, святой отецъ,
Исповѣдать грѣхъ сердечной,
Горесть—роковой конецъ
Счастья жизни скоротечной!..“

Попъ.

—Если духъ твой изнемогъ,
И въ сердечномъ покаяньи
Изліешь свои страданья,—
Грѣхъ проститъ Великій Богъ!

Дѣва.

„Нѣтъ, не въ той я здѣсь надеждѣ,
Чтобы сбросить тягость бѣдъ:
Все прошло, что было прежде,—
Гдѣ жъ найти уплывшихъ лѣтъ?
Не хочу я предъ Небеснымъ
О спасеньи слезы лить,

Иль спокойствіемъ чудеснымъ
Душу грѣшную омыть.
Я спѣшу передъ тобою
Исповѣдать жизнь мою,
Чтобъ не умертвить съ собою
Все, что въ жизни я люблю!
Слушай, тверже будь, скрѣпися,
Знай, что есть ударъ судьбы;
Но надъ мною не молися:
Не достойна я мольбы.
Я не знала, что такое
Счастье юныхъ, нѣжныхъ дней,
Я не знала о покоѣ,
О невинности дѣтей;
Пылкой страсти вожделѣнью
Я была посвящена,
И геенскому мученью
Предала меня она!..
Но любови тайна сладость
Укрывалася отъ глазъ,
Вслѣдъ за ней бѣжала младость,
Какъ бѣжитъ за часомъ часъ.
Вскорѣ бѣдствіе узнала
И ничтожество свое:
Я любовью торговала—
И не вѣдала ее...
Исповѣдать грѣхъ сердечной
Я пришла, святой отецъ!
Счастья жизни скоротечной
Вѣчный роковой конецъ".

Попъ.

—Если таешь ты въ страданьи,
Если духъ твой изнемогъ,
Но не молишь въ покаяньи,—
Не проститъ Великій Богъ!..

22. Письмо.

(Это вздоръ).

Свѣча горитъ. Дрожащею рукою
Я окончалъ завѣтныя черты.
Болѣзнь и парка мчались надо мною,
И много въ грудь тѣснилося. И ты
Напрасно чашу мнѣ несла здоровья

(Такъ чудилось), съ веселіемъ въ глазахъ,
Напрасно стала здѣсь у изголовья,
И поцѣлуй любви горѣлъ въ устахъ...
Прости навѣкъ! Но вотъ одно желанье:
Приди ко мнѣ, приди въ послѣдній часъ,
Чтобъ усладить предсмертное страданье,
Чтобъ потушить огонь сомкнутыхъ глазъ,
Чтобъ сжать мою хладѣющую руку...
Далеко ты! Не слышишь голосъ мой!
Не при тебѣ узнаю смерти муку!
Не при тебѣ оставлю міръ земной!
Когда жъ письмо въ очахъ твоихъ печальныхъ
Откроется... прочтешь его... тогда,
Быть можетъ, я при пѣсняхъ погребальныхъ
Сойду въ мой домъ подземный навсегда...
Но ты не плачь: мы ближе другъ отъ друга,
Мой духъ всегда готовъ къ тебѣ летать,
Или, въ часы безпечнаго досуга,
Сокрыты прелести твои лобзать.
Настанетъ ночь, пріѣдешь изъ собранья,
И къ ложу тайному придешь одна,
Посмотришь въ зеркало, и жаръ дыханья
Почувствуешь и не увидишь сна,
И пыхнетъ огнь на дѣвственны ланиты,
Къ груди младой прильнетъ безвѣстный духъ,
И надъ главой мелькнетъ призрàкъ забытый,
И звукъ влетитъ въ твой удивленный слухъ.
Узнай въ тотъ мигъ, что это я изъ гроба
На мрачное свиданье прилетѣлъ:
Такъ! душная земли нѣмой утроба
Не всѣхъ тѣней презрительный удѣлъ!
Когда жъ въ саняхъ въ блистательномъ катаньи,
Проѣдешь ты на парѣ вороныхъ,
И за тобой, въ любви живомъ страданьи,
Стоитъ гусаръ безмолвенъ, мраченъ, тихъ;
И по груди обоихъ васъ промчится
Невольный хладъ, и сердце закипитъ,
И ты вздохнешь, гусара взоръ затмится,
Онъ черный усъ рукою закрутитъ;
Услышишь звукъ военнаго металла,
Увидишь блѣдный цвѣтъ его чела:
То тѣнь моя безумная предстала
И мертвый взоръ на путь вашъ навела!
Ахъ! много, много я сказать желаю,
Но медленно слабѣетъ жизни духъ.
Я чувствую, что къ смерти подступаю,

И падаетъ перо изъ слабыхъ рукъ...
Прости... Я бѣгалъ за лучами славы,
Несчàстливо, но пламенно любилъ...
Все измѣнило мнѣ, вездѣ отравы,
Лишь лиры звукъ мнѣ неизмѣненъ былъ!

23. Война.

Зажглась, друзья мои, война,
И развились знамена чести;
Трубой завѣтною она
Манѝтъ въ поля кровавой мести!
Простите, шумные пиры,
Хвалы достойные напѣвы
И Вакха милые дары,
Святая Русь и красны дѣвы!
Забуду я тебя, любовь,
Суетъ и юности отрава,
И полечу свободный вновь
Ловить вѣнокъ небренной славы!

24. Русская мелодія.

(Эту пьесу подавалъ за свою Раичу Дурновъ—другъ, котораго понынѣ люблю и уважаю за его открытую и добрую душу. Онъ мой первый и послѣдній).

Въ умѣ своемъ я создалъ міръ иной,
И òбразовъ иныхъ существованье,
И цѣпью ихъ связалъ между собой;
Я далъ имъ видъ, но не далъ имъ названья.
Вдругъ зимнихъ бурь раздался грозный вой,
И рушилось невѣрное созданье!..

Такъ передъ праздною толпой,
И съ балалайкою народной,
Сидитъ въ тѣни пѣвецъ простой,
И безкорыстный, и свободной!..

Онъ громкій звукъ внезапно раздаетъ
Въ честь дѣвы милой сердцу и прекрасной,—
И звукъ внезапно струны оборветъ,
И слышится начало пѣсни. Но напрасно:
Никто конца ея не допоетъ!..

25. Пѣсня.

Свѣтлый призракъ дней минувшихъ,
Для чего ты
Пробудилъ страстей уснувшихъ
И заботы?
Ты питаешь сладострастья
Скоротечность!
Но гдѣ взять былое счастье
И безпечность?
Гдѣ вы, дружески обѣты
И отвага?
Поглотились бездной Леты
Эти блага!..
Щеки блѣдностью, хоть молодъ,
Ужъ покрылись;
Въ сердцѣ ненависть и холодъ
Водворились.

26. Къ А. С.

(Хотя я этого тогда не думалъ).

Не привлекай меня красой!
Мой духъ погасъ и состарѣлся.
Ахъ! много лѣтъ, какъ взглядъ другой
Въ умѣ моемъ напечатлѣлся!..
Я для него забылъ весь міръ,
Для сей минуты незабвенной!..
Но я теперь, какъ нищій, сиръ,
Брожу одинъ, какъ отчужденной!
Такъ путникъ въ темнотѣ ночной,
Когда узритъ огонь блудящій,
Бѣжитъ за нимъ... Схватилъ рукой...
И пропасть подъ ногой скользящей! .

27. Романсъ.

(Дурнову).

Невинный нѣжною душою,
Не знавши въ юности страстей приливъ,
Ты можешь, другъ, сказать съ какой-то простотою:
Я былъ счастливъ!..
Кто, слишкомъ рано насладившись,

Живетъ, въ душѣ негодованье скрывъ,
Тотъ можетъ, другъ, еще сказать, забывшись:
    Я былъ счастливъ!...
Но я въ сей жизни скоротечной
Такъ испыталъ отчаянья порывъ,
Что не могу сказать чистосердечно:
    Я былъ счастливъ!..

28. Три вѣдьмы.

(Изъ Макбета Фр. Шиллера).

Первая.

    Попался мнѣ одинъ рыбакъ:
Чинилъ онъ, веселъ, сѣти,
Какъ будто въ рубищѣ бѣднякъ
    Имѣлъ златыя горы!
И съ пѣснью день и ночи мракъ
Встрѣчалъ безпечный мой рыбакъ.
Я жъ поклялась ему давно,
Что сердитъ все меня одно...
Однажды рыбу онъ ловилъ,
    И кладъ ему попался:
Кладъ блескомъ очи ослѣпилъ—
    Ядъ черный въ немъ скрывался.
Онъ взялъ его къ себѣ на дворъ.—
И пѣсенъ не было съ тѣхъ поръ!

Другія двѣ.

Онъ взялъ врага къ себѣ на дворъ,—
И пѣсенъ не было съ тѣхъ поръ!

Первая.

И вотъ, гдѣ онъ,—тамъ пиръ горой,
    Толпа увеселеній!
И прочь, какъ съ крыльями, покой
    Быстрѣй умчался тѣни...
Не зналъ безумецъ молодой,
Что деньги вѣдьмы—прахъ пустой!

Вторая и третья.

Не зналъ глупецъ средь тѣхъ минутъ,
Что наши деньги въ адъ ведутъ!

Первая.

Но бѣдность скоро вновь бѣжитъ,
Друзья исчезли ложны,
Онъ прибѣгалъ, чтобъ скрыть свой стыдъ,
Къ врагу людей, безбожный!
И на дорогѣ ужъ большой
Творилъ убійство и разбой...
Я нынѣ близъ рѣки иду
Свободною минутой,—
Тамъ онъ сидѣлъ на берегу,
Терзаясь мукой лютой.
Онъ говорилъ: „мнѣ жизнь пуста!
Вы отвращеній полны,
Блаженство, злато!... вы мечта!..“
И забѣлѣли волны...

29. Къ Нинѣ.

(Изъ Шиллера).

Ахъ! сокрылась въ мракъ ненастной
Счастья скромнаго мечта! .
По одной звѣздѣ прекрасной
Млѣю, бѣдный сирота...
Но, какъ блескъ звѣзды моей,
Ложно счастье прежнихъ дней.

Пусть навѣкъ—съ златымъ мечтаньемъ—
Пусть тебѣ глаза закрыть...
Сохраню тебя страданьемъ:
Ты для сердца будешь жить.
Но, увы! ты любишь свѣтъ,—
И любви моей какъ нѣтъ!

Можетъ ли любви страданье,
Нина, нѣкогда пройти?
Бури свѣта, волнованье
Чувствъ горячихъ унести?
Иль умретъ небесный жаръ,
Какъ земли ничтожный даръ?..

30. Къ NN.

(Къ Сабурову.—Наша дружба смѣшана со столькими разрывами и сплетнями, что воспоминанія объ ней совсѣмъ не веселы. Этотъ человѣкъ имѣетъ женскій характеръ. Я самъ не знаю, отчего такъ дорожилъ имъ).

Ты не хотѣлъ! Но скоро волю рока
Узнаешь ты, и въ бездну упадешь,
Проколетъ грудь раскаянія ножъ.
Предстану я безъ горькаго упрека,
Но ты тогда совсѣмъ мой взоръ поймешь,
Но онъ тебѣ, какъ мечъ, какъ ядъ опасенъ.
Захочешь ты проступку вновь помочь,—
Нѣтъ, поздно, другъ; твой будетъ трудъ напрасенъ:
Обратно взоръ тебя отгонитъ прочь!..
Я оттолкну униженную руку,
Я вспомню дружбу нашу, какъ во снѣ;
Никто со мной дѣлить не будетъ скуку,—
Такихъ друзей не надо больше мнѣ.
Ты хладенъ былъ, когда я зрѣлъ несчастье
Или ударъ печальный клеветы;
Но придетъ часъ, и будешь въ горѣ ты,
И не пробудится въ душѣ моей участье!

31. Эпиграммы.

1.

Есть люди странные, которые съ друзьями
Обходятся, какъ съ сюртуками:
Покуда новъ сюртукъ—въ чести, а тамъ—
Забытъ и подаре́нъ слугамъ.

2.

Тотъ самый человѣкъ пустой,
Кто весь наполненъ самъ собой.

3.

Поэтомъ (хоть и это бремя)
Изъ журналиста быть тебѣ не суждено:
Ругать, и льстить, и лгать въ одно и то же время—
Признаться—очень мудрено!..

4.

(Г-ну П.....)

Аминтъ твой на глупца походитъ,
Когда за счастіемъ бѣжитъ,
А подъ конецъ такъ крѣпко спитъ,
Что даже сонъ другимъ наводитъ.

5.

Стыдить лжеца, шутить надъ дуракомъ
И спорить съ женщиной—все то же,
Что черпать воду рѣшетомъ;
Отъ сихъ троихъ избавь насъ, Боже!

6.

Дамонъ, нашъ врачъ, о другѣ прослезился,
Когда тотъ кончилъ жизнь. Понынѣ онъ груститъ
(Но не о томъ, что жизни другъ лишился);
Пять разъ забылъ онъ взять билеты за визитъ!..

32. Грузинову.

Скажу, любезный мой пріятель,
Ты для меня такой смѣшной;
Ты музъ прилежный обожатель,
Имъ даже жертвуешь собой.
Напрасно, милый другъ! коварныхъ
Къ себѣ не приманишь никакъ;
Вѣдь музы—женщины... И такъ,
Кто жъ видѣлъ женщинъ благодарныхъ?

33. Наполеонъ.

Гдѣ бьетъ волна о брегъ высокой,
Гдѣ дикій памятникъ небрежно положéнъ,
Въ сырой землѣ и въ ямѣ неглубокой,—
Тамъ спитъ герой, друзья!—Наполеонъ!..
Вѣщаютъ такъ и камень одинокой,
И дубъ возвышенный, и волнъ прибрежныхъ стонъ...
Но вотъ, полночь свинцовый свой покровъ
По сводамъ неба распустила,
И влагу дремлющихъ валовъ
Съ могилой тихою Діана осребрила.

Надъ ней сюда пришелъ мечтать
Пѣвецъ возвышенный, но юный.
Воспоминанія стараясь пробуждать,
Онъ арфу взялъ, запѣлъ, ударилъ въ струны...
„Не ты ли, островокъ уединенный,
Свидѣтелемъ былъ чистыхъ дней
Героя дивнаго? Не здѣсь ли звукъ мечей

Наполеонъ, Шодe. (Оруж. палата).

Гремѣлъ, носился гласъ его священный?
Нѣтъ! рокъ хотѣлъ отсюда удалить
И честолюбіе, и кровь, и гулъ военный;
А твой удѣлъ благословенный—
Принять изгнанника и прахъ его хранить!'

Зачѣмъ онъ такъ за славою гонялся?
Для чести счастье презиралъ?
Съ невинными народами сражался?

И скипетромъ стальнымъ короны разбивалъ?
Зачѣмъ шутилъ граждàнъ спокойныхъ кровью,
Презрѣлъ и дружбой, и любовью,
И предъ Творцомъ не трепеталъ?..

„Ему, погибельной войною принужденный,
Почти весь свѣтъ кричалъ: ура!
При визгѣ бурнаго ядра
Уже онъ былъ готовъ... Но... воинъ дерзновенный!..
Творецъ смѣшалъ неколебимый умъ,
Ты побѣжденъ московскими стѣнами...
Бѣжалъ!.. и скрылъ за дальними морями

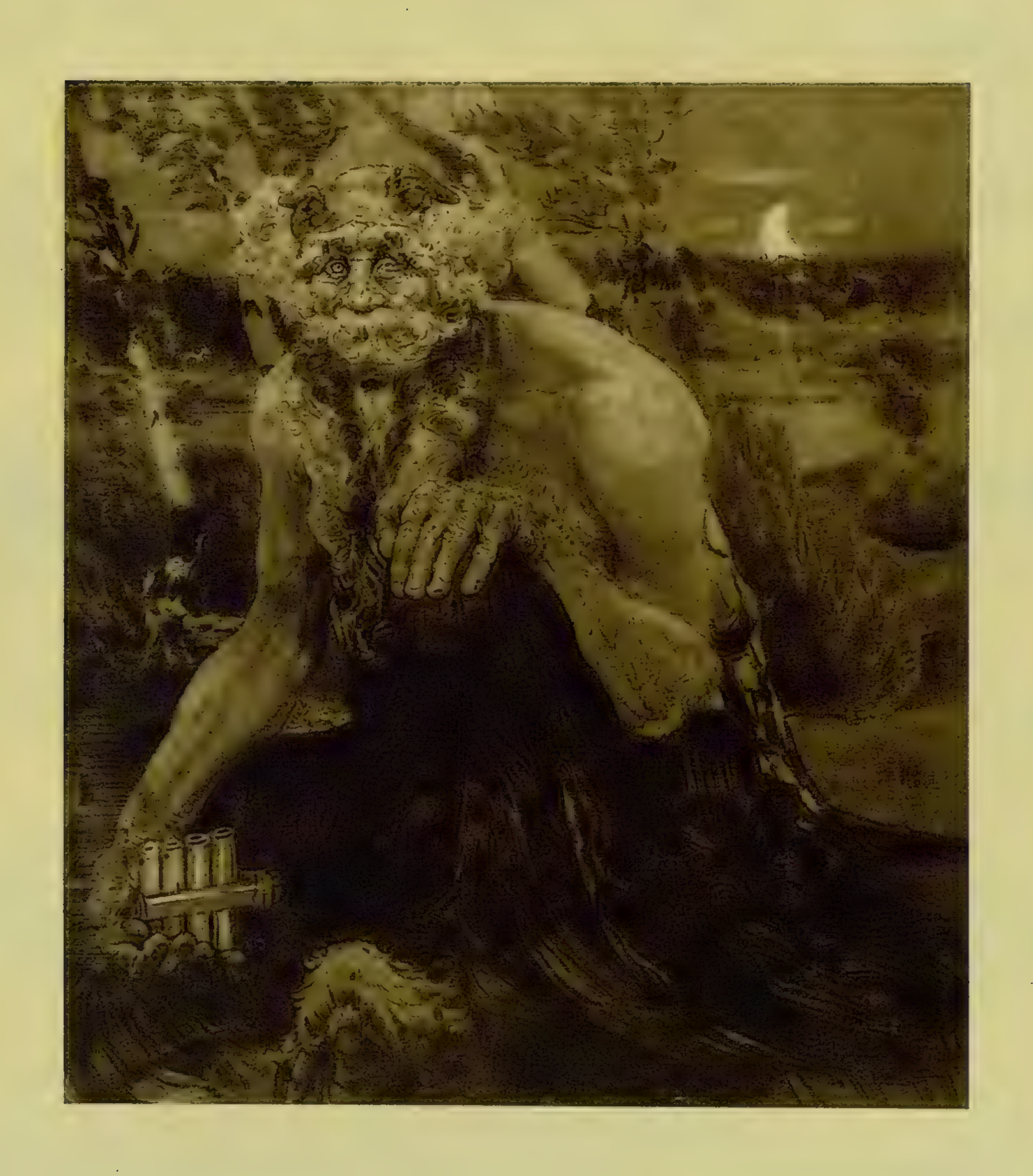
Наполеонъ, преслѣдуемый фуріями. По русск. литогр. начала XIX вѣка.

Слѣды печальные твоихъ высокихъ думъ.
. . . .
Огнемъ снѣдаемъ угрызеній,
Ты здѣсь безвременно погасъ.
Покоенъ ты, и въ тихій утра часъ,
Какъ надъ тобой порхнетъ зефиръ весенній,
Безвѣстный гость, дубравный соловей,
Порою издаетъ томительные звуки.
Въ нихъ слышны слава прежнихъ дней,
И голосъ нѣгъ, и голосъ муки!..

„Когда уже едва свѣтъ днéвный отраженъ
Кристальною играющей волною,
И гаснетъ день,—усталою стопою

Съ карт. М. А. Врубеля. *Панъ.*

Идетъ рыбакъ бреговъ на тихій склонъ,
Несвѣдущій, безмолвно попираетъ,
Таща изорванную сѣть,
Ту землю, гдѣ твой прахъ забытый истлѣваетъ,
Не переставъ простую пѣсню пѣть...“
Вдругъ!.. вѣтерокъ... Луна за тучи забѣжала...
Умолкъ пѣвецъ. Струится въ жилахъ хладъ,
Онъ тайнымъ ужасомъ объятъ...
И струны лопнули, и тѣнь ему предстала:
„Умолкни, о пѣвецъ!—Спѣши отсюда прочь,
Съ хвалой иль язвою упрека.
Мнѣ все равно: въ могилѣ вѣчно ночь,
Тамъ нѣтъ ни почестей, ни счастія, ни рока!
Пускай исторію страстей
И дѣлъ моихъ хранятъ далекіе потомки!
Я прѐзрю пѣснопѣнья громки,—
Я выше и похвалъ, и славы, и людей!..“

34. Панъ.

(Въ древнемъ родѣ. Въ Середниковѣ).

Люблю, друзья, когда за рѣчкой гаснетъ день,
Укрывшися лѣсовъ въ таинственную сѣнь,
Или подъ вѣтвями пустынныя рябины,
Смотрѣть на синія, туманныя равнины.
Тогда приходитъ Панъ съ толпою пастуховъ,
И пляшутъ вкругъ меня на бархатѣ луговъ.
Но чаще богъ овецъ ко мнѣ въ уединенье
Является, ведя святое вдохновенье...
Главу рогатую ласкаетъ легкій хмель,
Въ одной рукѣ его стаканъ, въ другой свирѣль.
Онъ учитъ пѣть меня, и я въ тиши дубравы
Играю и пою, не зная жажды славы.

35. Жалоба турка.

(Письмо къ другу, иностранцу).

Ты зналъ ли дикій край, подъ знойными лучами,
Гдѣ рощи и луга поблекшіе цвѣтутъ,
Гдѣ хитрость и безпечность злобѣ дань несутъ,
Гдѣ сердце жителей волнуемо страстями,
И гдѣ являются порой
Умы и хладные и твердые, какъ камень?
Но мощь ихъ давится безвременной тоской,

И рано гаснетъ въ нихъ добра спокойный пламень.
Тамъ рано жизнь тяжка бываетъ для людей,
Тамъ за утѣхами несется укоризна,
Тамъ стонетъ человѣкъ отъ рабства и цѣпей!..
Другъ! этотъ край... моя отчизна!

P. S. Ахъ! если ты меня поймешь,
Прости свободные намеки.
Пусть истину скрываетъ ложь:
Что жъ дѣлать?—всѣ мы человѣки!...

36. Къ NN * * *.

Не играй моей тоской,
И холодной, и нѣмой.
Для меня бываетъ время:
Какъ о прошломъ вспомню я,
Сердце (Богъ ему судья)
Жметъ невѣдомое бремя!..
Я хладѣю и горю,
Самъ съ собою говорю,
Внемлю смертному напѣву;
Я гляжу на бѣгъ рѣки,
На ударъ моей руки,
На поверженную дѣву!
Я ищу въ ея глазахъ,
Въ измѣнившихся чертахъ
Искру муки, угрызенья...
Но напрасно! злобный рокъ
Начертать сего не могъ,
Чтобъ мое спокоить мщенье!

37. Черкешенка.

Я видѣлъ васъ, холмы и нивы,
Разнообразныхъ горъ кусты,
Природы дикой красоты,
Степей глухихъ народъ счастливый,
И нравы тихой простоты!
Но тамъ, гдѣ Терекъ протекаетъ,
Черкешенку я увидалъ,
Взоръ дѣвы сердце приковалъ,
И мысль невольно улетаетъ
Бродить средь милыхъ дальнихъ скалъ...

Кн. Г. Г. Гагаринъ. *Кавказскіе типы Лермонтовскихъ временъ.*
Турокъ.

Такъ духъ раскаянія, звуки
Послышавъ райскіе, летитъ

Черкешенка. Кн. Г. Г. Гагарина.

Узрѣть еще небесный видъ;
Такъ стонъ любви, страстей и муки
До гроба въ памяти звучитъ.

38. Отвѣтъ.

Кто муки зналъ когда-нибудь,
И чьи къ любви закрылись вѣжды,—
Того отъ страха и надежды
Вторично не забьется грудь.
Онъ любитъ мракъ уединенья,
Онъ больше не знакомъ съ слезой,
Предъ нимъ исчезли упоенья
Мечты безплодной и пустой.
Онъ чувствъ лишенъ: такъ пень лѣсной,
Постигнутъ молньей, догораетъ,
Погасъ,—и скрылся жизни сокъ,
Онъ мертвыхъ вѣтвей не питаетъ,—
На немъ печать оставилъ рокъ.

39. Два сокола.

Степь синѣя разстилалась
Близъ Азовскихъ береговъ;
Западъ гасъ, и ночь спускалась,
Вихрь скользилъ между холмовъ.
И, тряхнувшись, въ полѣ дикомъ
Сѣрый соколъ тихо сѣлъ,
И къ нему съ отвѣтнымъ крикомъ
Братъ стрѣлою прилетѣлъ.
„Братецъ, братецъ, что ты видѣлъ?
Разскажи мнѣ поскорѣй!“
— Ахъ! я свѣтъ возненавидѣлъ
И безжалостныхъ людей.
„Что жъ ты видѣлъ тамъ худова?“
— Кучу каменныхъ сердецъ:
Дѣвѣ смѣхъ—тоска милова,
Для дѣтей—тиранъ отецъ;
Дѣвы мукой слезъ правдивыхъ
Веселятся, какъ игрой,
И у ногъ самолюбивыхъ
Гибнутъ юноши толпой!..
Братецъ, братецъ, ты что жъ видѣлъ?
Разскажи мнѣ поскорѣй!—
„Свѣтъ и я возненавидѣлъ
И измѣнчивыхъ людей:
Ношею обмановъ скрытыхъ
Юность тамъ удручена,

Вспоминаній ядовитыхъ
Старость мрачная полна.
Гордость, вѣрь ты мнѣ, прекрасной

Грузинка. Кн. Г. Г. Гагарина.

Забывается порой,
Но измѣна дѣвы страстной —
Ножъ для сердца вѣковой!..“

40. Грузинская пѣсня.

(Слышано мною что-то подобное на Кавказѣ).

Жила грузинка молодая,
    Въ гаремѣ душномъ увядая.
    Случилось разъ,
    Изъ черныхъ глазъ
Алмазъ любви, печали сынъ,
    Скатился.
Ахъ! ею старый армянинъ
    Гордился!..
Вокругъ нея кристаллъ, рубины,
Но какъ не плакать отъ кручины
    У старика?
    Его рука
Ласкаетъ дѣву всякій день,—
    И что же?
Скрываются красы, какъ тѣнь,
    О, Боже!..
Онъ опасается измѣны,
Его высоки, крѣпки стѣны,
    Но все любовь
    Презрѣла. Вновь
Румянецъ на щекахъ живой
    Явился,
И перлъ между рѣсницъ порой
    Не бился...
Но армянинъ открылъ коварность.
Измѣну и неблагодарность
    Какъ перенесть?
    Досада! месть!
Впервые васъ онъ только самъ
    Извѣдалъ,—
И трупъ преступницы волна̀мъ
    Онъ предалъ.

41. Мой демонъ.

Собранье золъ—его стихія.
Носясь межъ дымныхъ облаковъ,
Онъ любитъ бури роковыя,
И пѣну рѣкъ, и шумъ дубровъ.
Межъ листьевъ желтыхъ, облетѣвшихъ,
Стоитъ его недвижный тронъ,

На немъ, средь вѣтровъ онѣмѣвшихъ,
Сидитъ унылъ и мраченъ онъ...
Онъ недовѣрчивость вселяетъ,
Онъ пре́зрѣлъ чистую любовь,
Онъ всѣ моленья отвергаетъ,
Онъ равнодушно видитъ кровь,
И звукъ высокихъ ощущенiй
Онъ давитъ голосомъ страстей,—
И муза кроткихъ вдохновенiй
Страшится неземныхъ очей.

42. Жена сѣвера.

Покрыта таинствъ легкой сѣткой,
Межъ скалъ полуночной страны,
Она являлася нерѣдко
Въ года волшебной старины.
И финна дикiе сыны
Ей храмины сооружали,
Какъ грозной дочери боговъ,
И скальды сѣверныхъ лѣсовъ
Ей вдохновенье посвящали.
Кто зрѣлъ ее, тотъ умиралъ.
И слухъ въ угрюмой полуночи
Бродилъ, что будто, какъ металлъ,
Язвили голубыя очи,
И только скальды лишь могли
Смотрѣть на дѣву издали.
Они платили пѣснопѣньемъ
За пламенный восторга часъ,
И, пробужденъ нѣмымъ видѣньемъ,
Былъ строенъ ихъ невнятный гласъ!..

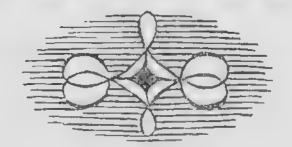
43. Къ другу.

(Эпилогъ къ Д—ву).

Взлелѣянный на лонѣ вдохновенья,
Съ дѣятельной и пылкою душой,
Я не плѣненъ небесной красотой,
Но я ищу земного упоенья.
Любовь пройдетъ, какъ тѣнь пустого сна,
Не буду я счастливымъ близъ прекрасной,
Но ты меня не спрашивай напрасно:
Ты, другъ, узнать не долженъ, кто она.

Навѣкъ мы съ ней разлучены судьбою.
Я побѣдить жестокость не умѣлъ,
Но я ношу отказъ и месть съ собою,
Но я въ любви моей закоренѣлъ.
Такъ, воръ сѣдой заглохшія дубравы
Не кается еще въ своихъ грѣхахъ,
Еще онъ путниковъ, сосѣдей страхъ,
И милъ ему товарищъ, ножъ кровавый!..
Стремится медленно толпа людей,
До гроба самаго отъ самой колыбели,
Игралищемъ и рока, и страстей,
Къ одной святой, неизъяснимой цѣли.
И я къ высокому, въ порывѣ думъ живыхъ,
И я душой летѣлъ во дни былые,
Но мнѣ милѣй страданія земныя—
Я къ нимъ привыкъ, и не оставлю ихъ!..

44. ЦЫГАНЕ

(Опера).

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ I.

(Театръ представляетъ пріятное мѣстоположеніе. Цыгане сидятъ въ шатрахъ; иные ходятъ и, собравшись въ группы, поютъ).

Цыганская пѣсня.

Цыганъ *(поетъ)*.

Мы живемъ среди полей
И лѣсовъ дремучихъ,
Мы счастливѣе царей
И вельможъ могучихъ.
Гей, цыгане, гей, цыганки!..
(и проч.).

ЦЫГАНКА (изъ „Московскаго Вѣстника“ пѣсню).

(Пляшутъ и поютъ... Все умолкаетъ).

Старый цыганъ *(предъ очагомъ).*

Что за жизнь: одному да одному!.. Земфира ушла гулять въ пустынномъ полѣ; она привыкла бродить по дальнимъ лѣсамъ и

Кн. Г. Г. Гагаринъ.

Московскіе цыгане Лермонтовскихъ временъ.

ЦЫГАНЪ

табoрамъ. Но вотъ ужъ и ночь, а все ея нѣтъ... Вотъ и луна спускается къ небосклону. Какъ прекрасно!... (*Смотритъ на мѣсяцъ и подходя къ очагу*). Мой ужинъ скоро простынетъ, а дочь не приходила; видно, придется одному провесть ночь... Но вотъ она!

ЯВЛЕНІЕ II.
(Земфира и за нею юноша).

Старикъ.

Гдѣ ты была такъ долго, дочь моя? Я думалъ, что и ты меня покинешь, какъ сдѣлала коварная мать твоя...

Земфира.

Прости, отецъ мой! но, видишь ты,
Веду я гостя: за кургапомъ
Его въ пустынѣ я нашла,
И въ таборъ на ночь зазвала.
Онъ хочетъ быть, какъ мы, цыганомъ.
Его преслѣдуетъ законъ;
Но я ему подругой буду.
Его зовутъ Алеко, онъ
Готовъ идти за мною всюду.

Старикъ.

Я радъ; останься до утра
Подъ сѣнью нашего шатра,
Или пробудь у насъ и долѣ,
Какъ ты захочешь...

45. Элегія.

О, еслибъ дни мои текли
На лонѣ сладостномъ покоя и забвенья,
Свободно отъ суетъ земли
И далеко отъ свѣтскаго волненья!
Когда бы, усмиря мое воображенье,
Мной игры младости любимы быть могли!
Тогда бъ я былъ съ весельемъ неразлученъ,
Тогда бъ я, вѣрно, не искалъ
Ни наслажденія, ни славы, ни похвалъ,—
Но для меня весь міръ и пустъ, и скученъ!
Любовь невинная не льститъ душѣ моей:
Ищу измѣнъ и новыхъ чувствованій,
Которыя живятъ хоть колкостью своей
Мнѣ кровь, угасшую отъ грусти, отъ страданій,
Отъ преждевременныхъ страстей!..

46. Къ * * *.

Глядися чаще въ зеркала,
Любуйся милыми очами,—
И свѣта шумная хвала
Съ моими скромными стихами
Тебѣ покажутся яснѣй.
Когда же вздохъ самодовольной
Изъ груди вырвется невольно,
Когда въ младой душѣ своей
Самолюбивыя волненья
Не будешь въ силахъ утаить,—
Мою любовь, мои мученья
Ты оправдаешь, можетъ быть!..

47. Въ день рожденія NN.

Чего тебѣ, мой милый, пожелать?
Учись быть счàстлывымъ на разныя манеры,
И продолжай безпечно пировать
Подъ сѣнью Марса и Венеры...

48. Къ * * *.

Мы снова встрѣтились съ тобой.
Но какъ мы оба измѣнились!..
Года унылой чередой
Отъ насъ невидимо сокрылись.
Ищу въ глазахъ твоихъ огня,
Ищу въ душѣ своей волненья...
Ахъ! какъ тебя, такъ и меня
Убило жизни тяготѣнье!..

49. Монологъ.

Повѣрь, ничтожество есть благо въ здѣшнемъ свѣтѣ!..
Къ чему глубокія познанья, жажда славы,
Талантъ и пылкая любовь свободы,
Когда мы ихъ употребить не можемъ?
Мы, дѣти сѣвера, какъ здѣшнія растенья,
Цвѣтемъ недолго, быстро увядаемъ...
Какъ солнце зимнее на сѣромъ небосклонѣ,

Такъ пасмурна жизнь наша, такъ недолго
Ея однообразное теченье...
И душно кажется на родинѣ,
И сердцу тяжко, и душа тоскуетъ...
Не зная ни любви, ни дружбы сладкой,
Средь бурь пустыхъ томится юность наша,
И быстро злобы ядъ ее мрачитъ,
И намъ горька остылой жизни чаша,
И ужъ ничто души не веселитъ.

50. Встрѣча.

(Изъ Шиллера).

Она одна межъ дѣвъ своихъ стояла.
Еще я зрю ее передъ собой.
Какъ солнце вешнее, она блистала
И радостной, и гордой красотой.
Душа моя невольно замирала;
Я издали смотрѣлъ на милый рой...
Но вдругъ, какъ бы летучіе перуны,
Мои персты ударились о струны.

Что я почувствовалъ въ сей мигъ чудесный
И что я пѣлъ—напрасно вновь пою...
Я звукъ нашелъ дотолѣ неизвѣстный,
Я мыслей чистую излилъ струю.
Душѣ отъ чувствъ высокихъ стало тѣсно,
И вмигъ она расторгла цѣпь свою:
Въ ней вспыхнули забытыя видѣнья,
И страсти юныя, и вдохновенья.

51. Баллада.

Надъ моремъ красавица-дѣва сидитъ
И, къ другу ласкаяся, такъ говоритъ:
„Достань ожерелье, спустися на дно,—
Сегодня въ пучину упало оно,—
Ты этимъ докажешь свою мнѣ любовь!“
Вскипѣла лихая у юноши кровь,
И умъ его обнялъ невольный недугъ...
Онъ въ пѣнную бездну кидается вдругъ.
Изъ бездны перловыя брызги летятъ,
И волны тѣснятся, и мчатся назадъ,
И снова приходятъ, и о̀ берегъ бьютъ,—
Вотъ милаго друга онѣ принесутъ.

О счастье! онъ живъ, онъ скалу ухватилъ,
Въ рукѣ ожерелье, но мраченъ какъ былъ!..
Онъ вѣрить боится усталымъ очамъ,
И влажныя кудри бѣгутъ по плечамъ...
„Скажи, не люблю иль люблю я тебя?
Для перловъ прекрасной и жизнь не щадя,
По слову, спустился на черное дно...
Въ коралловомъ гротѣ лежало оно.
Возьми!“ И печальный онъ взоръ устремилъ
На то, что дороже онъ жизни любилъ.
Отвѣтъ былъ: „О, милый! о, юноша мой!
Достань, если любишь, кораллъ дорогой!“
Съ душой безнадежной младой удалецъ
Прыгнулъ, чтобъ найти иль кораллъ, иль конецъ.
Изъ бездны перловыя брызги летятъ,
И волны тѣснятся, и мчатся назадъ,
И снова приходятъ, и ȏ берегъ бьютъ,—
Но милаго друга онѣ не несутъ.

52. Перчатка.

(Изъ Шиллера).

Вельможи толпою стояли
И молча зрѣлища ждали.
Межъ нихъ сидѣлъ
Король величаво на тронѣ;
Кругомъ на высокомъ балконѣ
Хоръ дамъ прекрасный блестѣлъ.
Вотъ царскому знаку внимаютъ,
Скрипучую дверь отворяютъ,—
И левъ выходитъ степной
Тяжелой стопой,
И молча вдругъ
Глядитъ вокругъ;
Зѣвая лѣниво,
Трясетъ желтой гривой,
И, всѣхъ обозрѣвъ,
Ложится левъ.
И царь махнулъ снова,—
И тигръ суровый
Съ дикимъ прыжкомъ
Взлетѣлъ опасной,
И, встрѣтясь съ львомъ,
Завылъ ужасно;
Онъ бьетъ хвостомъ,
Потомъ

Тихо владѣльца обходитъ,
Глазъ кровавыхъ не сводитъ...
Но рабъ предъ владыкой своимъ —
Тщетно ворчитъ и злится,
И невольно ложится
Онъ рядомъ съ нимъ.
Сверху тогда упади
Перчатка съ прекрасной руки,
Судьбы случайной игрою,
Между враждебной четою.
И къ рыцарю вдругъ своему обратясь,
Кунигунда сказала, лукаво смѣясь;
„Рыцарь, пытать я сердца люблю!
Если сильна такъ любовь у васъ,
Какъ вы твердите мнѣ каждый часъ,
То подымите перчатку мою!“
И рыцарь съ балкона въ минуту бѣжитъ,
И дерзко въ кругъ онъ вступаетъ,
На перчатку межъ дикихъ звѣрей онъ глядитъ,
И смѣлой рукой подымаетъ.
И зрители въ робкомъ вокругъ ожиданьи,
Трепéща, на юношу смотрятъ въ молчаньи.
Но вотъ онъ перчатку приноситъ назадъ...
Отвсюду хвала вылетаетъ,
И нѣжный, пылающій взглядъ—
Недальняго счастья закладъ —
Съ рукою дѣвицы героя встрѣчаетъ.
Но, досады жестокой пылая въ огнѣ,
Перчатку въ лицо онъ ей кинулъ;
„Благодарности вашей ненадобно мнѣ!“
И гордую тотчасъ покинулъ.

53. Дитя въ люлькѣ.

(Изъ Шиллера).

Счастливъ ребенокъ—и въ люлькѣ просторно ему!
Но дай время
Сдѣлаться мужемъ,—и тѣсенъ покажется міръ.

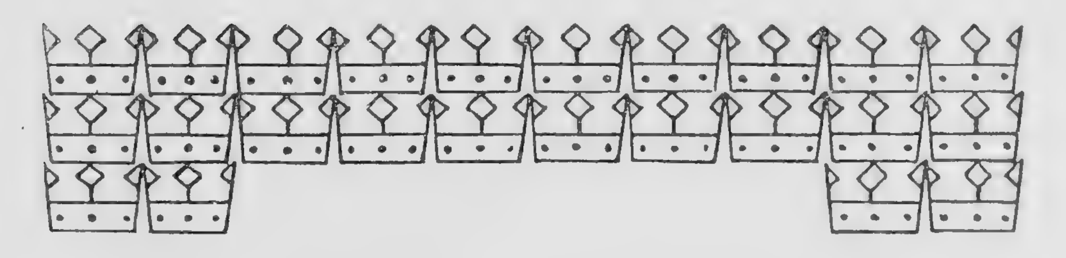
54. Къ * * *.

(Изъ Шиллера).

Дѣлись со мною тѣмъ, что знаешь,
И благодаренъ буду я;
Но ты мнѣ душу предлагаешь —
На кой мнѣ чортъ душа твоя!..

55. Молитва.

Не обвиняй меня, Всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мракъ земли могильный
Съ ея страстями я люблю;
За то, что рѣдко въ душу входитъ
Живыхъ рѣчей Твоихъ струя,
За то, что въ заблужденьи бродитъ
Мой умъ далеко отъ Тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клокочетъ на груди моей;
За то, что дикія волненья
Мрачатъ стекло моихъ очей;
За то, что міръ земной мнѣ тѣсенъ,
Къ Тебѣ жъ проникнуть я боюсь,
И часто звукомъ грѣшныхъ пѣсенъ
Я, Боже, не Тебѣ молюсь!
Но угаси сей чудный пламень—
Всесожигающій костеръ,
Преобрати мнѣ сердце въ камень,
Останови голодный взоръ.
Отъ страшной жажды пѣснопѣнья
Пускай, Творецъ, освобожусь,—
Тогда на тѣсный путь спасенья
Къ Тебѣ я снова обращусь.

56. Олегъ.

I.

Во мглѣ языческой дубравы,
Въ года забытой старины,
Когда то жертвенникъ кровавый
Дымился божеству войны.
Тамъ возносился дубъ высокой,
Священный древностью глубокой;

Какъ неподвижный царь лѣсовъ,
Чело до самыхъ облаковъ
Онъ подымалъ. На немъ висѣли
Кольчуги, сабли и щиты;
Вокругъ—сожженные кусты
И черепа убитыхъ тлѣли...
И пѣсня Лады никогда
Не приносилася сюда...
    Поставленъ вѣры теплымъ чувствомъ,
Блестѣлъ кумиръ въ тѣни вѣтвей,
И ликъ, расписанный искусствомъ,
Былъ смытъ усиліемъ дождей.
Вдали лѣсистыя равнины
И неприступныя вершины
Гранитныхъ скалъ туманъ одѣлъ,
И Волховъ зá лѣсомъ шумѣлъ.
Склоненъ невольно къ удивленью,
Пришелецъ чуждый, въ наши дни
Не презирай сихъ мѣстъ: они
Знакомы были вдохновенью!...
И скальдовъ сѣверныхъ не разъ
Здѣсь раздавался смѣлый гласъ...

II.

    Утихло озеро. Съ стремниной
Молчатъ туманныя скалы,
И вьются дикіе орлы,
Крича надъ зéркальной пучиной.
Ужъ челнока съ давнишнихъ поръ
Волна глухая не лелѣетъ.
Кольцомъ вокругъ утрюмый боръ,
Поднявъ вершины, зеленѣетъ,
Скрываясь за хребтами горъ.
    Давно ни песъ, ни всадникъ смѣлой
Страны глухой и опустѣлой
Не посѣщалъ. Окрестный звѣрь
Забылъ знакомый шумъ ловитвы.
Но кто и для какой молитвы
На берегу стоитъ теперь?...
Съ какою здѣсь онъ мыслью странной?...
Съ мечомъ, въ кольчугѣ, за спиной—
Колчанъ и лукъ, шишакъ стальной
Блеститъ насѣчкой иностранной...
Онъ тихо красный плащъ рукой
На землю бросилъ, не спуская

Недвижныхъ съ озера очей,
И кольца русыя кудрей
Бѣгутъ, на плечи ниспадая.
    Въ героѣ повѣсти моей
Слѣды являлись краткихъ дней,
Но непримѣтно впечатлѣній,
Ни удовольствій, ни волненій,
Ни упоительныхъ страстей.
    И, ставъ у пѣнистаго брега,
Онъ къ духу озера воззвалъ:
„Стрибогъ! Я вновь къ тебѣ предсталъ.
Не могъ ты позабыть Олега:
Онъ приносилъ къ тебѣ враговъ,
Сверша опасные набѣги,
Онъ въ честь тебя ихъ пролилъ кровь.
И тотъ опять средь сихъ лѣсовъ,
Предъ кѣмъ дрожали печенѣги.
Какъ въ день разлуки роковой,
Явись опять передо мной!“
    И шумно взволновались воды,
Растутъ свинцовые валы,
Какъ въ часъ суровой непогоды
Покрылись пѣною скалы.
Возсталъ въ срединѣ столбъ туманный,
Тихонько видъ мѣняя странный...
Яснѣй, яснѣй, яснѣй... и вотъ,
Стрибогъ по озеру идетъ.
Глаза открытые сіяли,
Подъялась влажная рука,
И мокрые власы бѣжали
По голымъ персямъ старика...

III.

Ахъ, было время, время боевъ,
На милой нашей сторонѣ!
Гдѣ жъ тѣ года? Прошли они
Съ мгновенной славою героевъ.
Но тѣни сильныхъ я видалъ,
И громкій голосъ ихъ слыхалъ
Въ часы суровой непогоды.
Когда бушуя плещутъ воды,
И вихрь, клубя сѣдую пыль,
Волнуетъ по полямъ ковыль,—
Они на темно-сизыхъ тучахъ
Разнообразною толпой

Рисун. худ. М. Чемберсъ-Билибиной. *„Стрибогъ! Я вновь къ тебѣ предсталъ.*
Не могъ ты позабыть Олега“...

Летятъ,—щиты въ рукахъ могучихъ...
Ихъ тѣшитъ бурь знакомый вой.
Сплетаясь цѣпію воздушной,
Они вступаютъ въ грозный бой.
Я зрѣлъ ихъ смутною душой,
Я имъ внималъ неравнодушно.
На мнѣ была тоски печать,
Бездѣйствіемъ терзалась совѣсть,
И я рѣшился начертать
Временъ былыхъ простую повѣсть.
Жилъ-былъ когда-то князь Олегъ,
Владѣтель русскаго народа,
Варягъ, боецъ (тогда свобода
Не начинала свой побѣгъ).
Его рушительный набѣгъ
Почти отъ Пскова до Онѣги
Поля и веси покорилъ...
Онъ всѣмъ сосѣдямъ страшенъ былъ:
Предъ нимъ дрожали печенѣги,
Съ нимъ отъ Каспійскихъ береговъ
Козары дружества искали,
Его дружины побѣждали
Свирѣпыхъ жителей дубровъ.
И онъ искалъ на грековъ мести,
Презрѣньемъ гордыхъ раздраженъ...
Царь Византіи былъ смущенъ
Молвой ужасной этой вѣсти...
Но что замедлилъ князь Олегъ
Свой разрушительный набѣгъ?...

57. Два брата.

(Поэма).

— Ахъ, братъ! ахъ, братъ! стыдись, мой братъ!
Обѣты теплые съ мольбами
Забылъ ли? Годъ тому назадъ
Мы были нѣжными друзьями...
Ты помнишь, помнишь, вѣрно, бой,
Когда рубились мы съ тобой
Противъ враговъ родного края;
Или, заботы удаляя,
Съ новорожденною зарей
Встрѣчали вмѣстѣ праздникъ Лады?
И что жъ!—волненіе досады,
Неугомонная вражда

Насъ раздѣлили навсегда!...
— Не называй меня, какъ прежде,
Въ благополучные года,
Въ тѣ дни, какъ вѣрилъ я надеждѣ,
Любви и дружбѣ... Я знавалъ
Волненья сердца дорогія,
И очи, очи голубыя...
Я сердцемъ дѣвы обладалъ,—
Ты у меня его укралъ!...
Ты завладѣлъ моей прекрасной,
Ея любовью и красой,
Ты обманулъ меня... Ужасно!...
И посмѣялся надо мной...
Умолкли. Но еще стоятъ,
Въ душѣ терзаемы враждою.
На каждомъ свѣтлые блестятъ
Мечи съ насѣчкой золотою,
На каждомъ панцырь и шеломъ,
Орлинымъ осѣненъ крыломъ.
Все пусто вкругъ въ дали туманной.
Предъ ними жертвенникъ. На немъ
Кумиръ бѣлѣетъ деревянной.
И только плющъ віясь младой
Лелѣетъ жертвенникъ простой.
Они колѣна преклонили,
Взаимной злобой поклялись,
Вотъ на коней своихъ вскочили
И врозь стрѣлою понеслись.
Давно ль, давно ли другъ безъ друга
Ихъ край родимый не видалъ?
Давно ль, когда одинъ страдалъ
Въ изнеможеніи недуга,
Другой прикованный стоялъ
Нѣжнѣйшей дружбой къ изголовью?
Вдругъ, горькимъ мщеніемъ дыша,
Кипятъ! Надменная душа
Чѣмъ раздражилася? Любовью!
Аскаръ, добычу бранныхъ силъ,
Финляндку юную любилъ;
Она лила въ неволѣ слезы
И помнила средь грустныхъ дней
Скалы Финляндіи своей.
Скалы Финляндіи пустой,
Озеръ стеклянные заливы
И боръ печальный и глухой—
Какъ милы вы, какъ вы счастливы

Своею дикой красотой!...
Дымятся низкія долины,
Гдѣ кучи хижинъ небольшихъ
Съ дворами грязными. Вкругъ ихъ
Растутъ кудрявыя рябины,
На высотахъ чернѣютъ пни
Иль стéбли обгорѣлыхъ сосенъ.
Въ странѣ той кратки дни весны
И продолжительная осень...

Венеція.

58. Венеція.

1.

Поверхностью морей отражена,
Богатая Венеція почила.
Сырой туманъ дымился, и луна
Высокія твердыни осребрила.
Чуть виденъ бѣгъ далекаго вѣтрила;
Студеная вечерняя волна
Едва шумитъ подъ веслами гондолы
И повторяетъ звуки баркаролы.

2.

Мнѣ чудится, что это ночи стонъ,
Какъ мы, своимъ покоемъ недовольной...

Но снова пѣснь! и вновь гитары звонъ!
О, бойтеся, мужья, сей пѣсни вольной!
Совѣтую, хотя мнѣ это больно,
Не выпускать красавицъ вашихъ женъ.
Но если вы въ сей мигъ невѣрны сами,
Тогда, друзья, да будетъ миръ межъ вами!
И миръ съ тобой, прекрасный Чичизбей,
И миръ съ тобой, прекрасная Мелина!
Неситеся по прихоти морей,—
Любовь нерѣдко бережетъ пучина.
Хоть и надъ моремъ царствуетъ судьбина,
Гонитель вѣчный счàстливыхъ людей,
Но талисманъ пустыннаго лобзанья
Уводитъ сердца темныя мечтанья.

3.

Рука съ рукой, свободу давъ очамъ,
Сидятъ въ ладьѣ и шепчутъ межъ собою.
Она ввѣряетъ мѣсячнымъ лучамъ
Младую грудь съ плѣнительной рукою,
Укрытыя досель подъ епанчею,
Чтобъ юношу сильнѣй прижать къ устамъ.
Межъ тѣмъ вдали то грустный, то веселый
Раздался звукъ обычной баркаролы:
„Какъ въ дальнемъ морѣ вѣтерокъ,
Свободенъ вѣчно мой челнокъ,
Какъ рѣчки быстрое русло,
Не устаетъ мое весло.
Гондола по водѣ скользитъ,
А время по любви летитъ;
Опять сравняется вода,—
Страсть не воскреснетъ никогда“.

59.

Забывши волненія жизни мятежной,
Одинъ жилъ въ пустынѣ рыбакъ молодой.
Однажды на скàлѣ прибрежной,
Надъ тихой прозрачной рѣкой,
Онъ съ у̀дой безпечно
Сидѣлъ
И думой сердечной
Къ протекшему счастью летѣлъ...

1830 г.

60. * * *.

Когда послѣднее мгновенье
Мой взоръ навѣки омрачитъ,
И въ міръ, гдѣ казнь или спасенье,
Душа поэта улетитъ,—
Быть можетъ, приговоръ досадной
Прикажетъ возвратиться ей
Туда, гдѣ въ жизни безотрадной
Она томилась столько дней.
Тогда я буду все съ тобою,
И берегись мнѣ измѣнить!...

61. * * *.

Я не для ангеловъ и рая
Всесильнымъ Богомъ сотворенъ;
Но для чего живу страдая,
Про это больше знаетъ Онъ.
Какъ демонъ мой, я зла избранникъ,
Какъ демонъ съ гордою душой,
Я межъ людей безпечный странникъ,
Для міра и небесъ чужой.
Прочти, мою съ его судьбою
Воспоминаніемъ сравни,
И вѣрь безжалостной душою,
Что мы на свѣтѣ съ нимъ одни.

62. Портретъ.

Взгляни на этотъ ликъ: искусствомъ онъ
Небрежно на холстѣ изображенъ,
Какъ отголосокъ мысли неземной,

Не вовсе мертвый, не совсѣмъ живой.
Холодный взоръ не видитъ, но глядитъ,
И всякаго, не нравясь, удивитъ.
Въ устахъ нѣтъ словъ, но быть они должны,—
Для словъ уста такія рождены.
Смотри: лицо какъ будто отошло
Отъ полотна, и блѣдное чело
Лишь потому не страшно для очей,
Что намъ извѣстно—не гроза страстей
Ему дала болѣзненный тотъ цвѣтъ,
И что въ груди сей чувствъ и сердца нѣтъ.
О, Боже, сколько я видалъ людей
Ничтожныхъ предъ картиною моей,
Душа которыхъ менѣе жила,
Чѣмъ обѣщаетъ видъ сего чела!

63. * * *.

Настанетъ день—и міромъ осужденный,
    Чужой въ родномъ краю,
На мѣстѣ казни гордый, хоть презрѣнный,
    Я кончу жизнь мою.
Виновный предъ людьми, не предъ тобою,
    Я твердо жду тотъ часъ.
Что смерть? Лишь ты не измѣнись душою,—
    Смерть не разрознитъ насъ.
Иная есть страна, гдѣ предразсудки
    Любви не охладятъ,
Гдѣ не отниметъ счастія изъ шутки,
    Какъ здѣсь, у брата братъ.
Когда же вѣсть кровавая примчится
    О гибели моей,
И, какъ побѣдѣ, станутъ веселиться
    Толпы другихъ людей...
Тогда... молю!.. единою слезою
    Почти холодный прахъ
Того, кто часто съ скрытою тоскою
    Искалъ въ твоихъ очахъ
Блаженства юныхъ лѣтъ и сожалѣнья;
    Кто предъ тобой открылъ
Таинственную душу и мученья,
    Которыхъ жертвой былъ.
Но если... если надъ моимъ позоромъ
    Смѣяться станешь ты,
И возмутишь неправеднымъ укоромъ

И рѣчью клеветы
Обиженную тѣнь,—не жди пощады:
Какъ червь, къ душѣ твоей
Я прилѣплюсь, и каждый мигъ отрады
Несносенъ будетъ ей,
И будешь помнить прежнюю безпечность,
Не зная воскресить,
И будетъ жизнь тебѣ долга, какъ вѣчность,
А все не будешь жить.

64. К. Д.

Будь со мною, какъ прежде бывала,
О, скажи мнѣ хоть слово одно,
Чтобъ душа въ этомъ словѣ сыскала,
Что̀ хотѣлось ей слушать давно!
Если искра надежды хранится
Въ моемъ сердцѣ,—она оживетъ,
Если можетъ слеза появиться
Въ очахъ, то она упадетъ.
Есть слова—объяснить не могу я,
Отчего у нихъ власть надо мной:
Ихъ услышавъ, опять оживу я,
Но отъ нихъ не воскреснетъ другой.
О, повѣрь мнѣ, холодное слово
Уста оскверняетъ твои,
Какъ листки у цвѣтка молодова
Ядовитое жало змѣи!

65. Пѣсня.

Желтый листъ о стебель бьется
Передъ бурей;
Сердце бѣдное трепещетъ
Предъ несчастьемъ.
Что за важность, если вѣтеръ
Мой листокъ одинокой
Унесетъ далеко, далеко...
Пожалѣетъ ли объ немъ
Вѣтка сирая?
Зачѣмъ грустить мо̀лодцу,
Если рокъ судилъ ему
Угаснуть въ краю чужомъ?
Пожалѣетъ ли объ немъ
Красна дѣвица?

66. Къ Нэерѣ.

Скажи, для чего передъ нами
Ты въ кудри вплетаешь цвѣты?
Себя ли украсишь ты розой
Прелестной, минутной, какъ ты?
Зачѣмъ приводить намъ на память,
Что могутъ ланиты твои
Увянуть, что взоръ твой забудетъ
Восторги надеждъ и любви?
Дивлюсь я тебѣ: равнодушно,
Безпечно ты смотришь впередъ,
Смѣешься надъ временемъ, будто
Нэеру оно обойдетъ...
Ужель ты безумнымъ весельемъ
Прогнать только хочешь порой
Грядущаго тѣни? Ужели
Чужда ты веселью душой?
Пять лѣтъ протекутъ,—ни лобзаньемъ,
Ни сладкой улыбкою глазъ
Къ себѣ на душистое ложе
Опять не заманишь ты насъ.
О! лучше умри поскорѣе,
Чтобъ юный красавецъ сказалъ:
„Кто былъ этой дѣвы милѣе,
Кто раньше ея умиралъ?..“

67. Отрывокъ.

Три ночи я провелъ безъ сна, въ тоскѣ,
Въ молитвѣ на колѣнахъ. Степь и небо
Мнѣ были храмомъ, алтаремъ—курганъ.
И еслибъ кости, скрытыя подъ нимъ,
Пробуждены могли быть человѣкомъ,
То, обожженные моей слезой,
Проникнувшей сквозь землю, мертвецы
Вскочили бъ, загремѣвъ одеждой бранной!
О, Боже! Какъ? Одна, одна слеза
Была плодомъ ужасныхъ трехъ ночей?
Нѣтъ, эта адская слеза, конечно,
Послѣдняя: не то три ночи бъ я
Ея не дожидался.—Кровь собратiй,
Кровь стариковъ, растоптанныхъ дѣтей
Отяготѣла на душѣ моей,
И приступила къ сердцу, и насильно

Заставила его расторгнуть узы
Свои, и въ мщенье обратила все,
Что въ немъ похоже было на любовь.
Свой замыселъ пускай я не свершу,
Но онъ великъ—и этого довольно.
Мой часъ насталъ—часъ славы иль стыда!
Безсмертенъ иль забытъ я навсегда!
Я вопрошалъ природу, и она
Меня въ свои объятья приняла;
Въ лѣсу холодномъ, въ грозный часъ мятели,
Я сладость пилъ съ ея волшебныхъ устъ,
Но для моихъ желаній міръ былъ пустъ:
Они себѣ предмета въ немъ не зрѣли.
На звѣзды устремлялъ я часто взоръ
И на луну, небесъ ночныхъ уборъ,
Но чувствовалъ, что не для нихъ родился:
Я небо не любилъ, хотя дивился
Пространству безъ начала и конца,
Завидуя судьбѣ сего Творца.
Но, потерявъ отчизну и свободу,
Я вдругъ нашелъ себя; въ себѣ одномъ
Нашелъ спасенье цѣлому народу,
И утонулъ дѣятельнымъ умомъ
Въ единой мысли, можетъ быть, напрасной
И безполезной для страны родной,
Но, какъ надежда, чистой и прекрасной,
Какъ вольность, сильной и святой!..

68. Силуэтъ.

Есть у меня твой силуэтъ.
Мнѣ милъ его печальный цвѣтъ,
Виситъ онъ на груди моей,
И мраченъ онъ, какъ сердце въ ней.
Въ глазахъ нѣтъ жизни и огня,
Зато онъ вѣчно близъ меня.
Онъ тѣнь твоя, но я люблю,
Какъ тѣнь блаженства, тѣнь твою.

69. * * *.

Какъ духъ отчаянья и зла,
Мою ты душу обняла.
О, для чего тебѣ нельзя
Ее совсѣмъ взять у меня?

Моя душа—твой вѣчный храмъ,
Какъ божество, твой образъ тамъ:
Не отъ небесъ, лишь отъ него
Я жду спасенья своего.

70. * * *.

Я не люблю тебя! Страстей
И мукъ умчался прежній сонъ;
Но образъ твой въ душѣ моей
Все живъ, хотя безсиленъ онъ.
Другимъ предавшися мечтамъ,
Я все забыть его не могъ:
Такъ храмъ оставленный—все храмъ,
Кумиръ поверженный—все богъ!

71. Н. Ф. И.

Дай Богъ, чтобъ вѣчно вы не знали,
Что значатъ толки дураковъ,
И чтобъ вамъ не было печали
Отъ шпоръ, мундира и усовъ!
Дай Богъ, чтобъ васъ не огорчали
Соперницъ ложныя красы,
Чтобы у ногъ вы увидали
Мундиръ и шпоры и усы!

72. Бухариной.

Не чудно ль, что зовутъ васъ Вѣра?
Ужели можно вѣрить вамъ?
Нѣтъ, я не дамъ своимъ друзьямъ
Такого страшнаго примѣра!..
Повѣрить стоитъ разъ... но что жъ?
Вѣдь самъ раскаиваться будешь:
Законы вѣры не забудешь,
И старовѣромъ прослывешь!

73. Трубецкому.

Нѣтъ! міръ совсѣмъ пошелъ не такъ:
Обиняковъ не понимаютъ.
Скажи не просто: „ты дуракъ“,—
За комплиментъ ужъ принимаютъ!

Все то, на чемъ ума печать,
Они привыкли ненавидѣть...
Такъ стану жъ умнымъ называть,
Когда захочется обидѣть!

74. Г. Павлову.

Какъ васъ зовутъ? Ужель поэтомъ?—
Пойметъ ли міръ небесный гласъ?
Я васъ прошу въ послѣдній разъ,
Не называйтесь такъ предъ свѣтомъ:
Фигляромъ назоветъ онъ васъ!
Пускай никто про васъ не скажетъ:
Вотъ стихотворецъ, вотъ поэтъ!
Васъ этотъ титулъ только свяжетъ,
И будетъ цѣлью всѣхъ клеветъ,—
Съ нимъ привилегій вовсе нѣтъ.

75. Алябьевой.

Вамъ красота, чтобы блеснуть,
Дана.
Въ глазахъ душа, чтобъ обмануть,
Видна!..
Но звалъ ли васъ хоть кто-нибудь:
Она?

76. Л. Нарышкиной.

Всѣмъ жалко васъ: вы такъ устали,
Вы не хотѣли танцовать—
И цѣлый вечеръ танцовали!
Какъ, наконецъ, не перестать?..
Но еслибъ всѣ цѣнить умѣли
Вашъ умъ, любезность вашихъ словъ,—
Клянусь безсмертіемъ боговъ,—
Тогда бъ мазурки опустѣли.

77. Толстой.

Не даромъ она, не даромъ
Съ отставнымъ гусаромъ!

78. Бартеневой.

Скажи мнѣ, гдѣ переняла
Ты обольстительные звуки,
И какъ соединить могла
Отзывы радости и муки?..
Премудрой мыслію вникалъ
Я въ пѣсни ада, въ пѣсни рая.
Но что жъ?—Нигдѣ я не слыхалъ
Того, что слышалъ отъ тебя я.

79. Мартыновой.

Когда поспорить вамъ придется,
Не спорьте никогда о томъ,
Что невозможно быть съ умомъ
Тому, кто въ этомъ признается.
Кто съ вами разъ поговорилъ,
Тотъ съ вами вѣчно спорить будетъ,
Что умъ вашъ вѣчно не забудетъ
И что другое все забылъ!

80. Додо.

Умѣешь ты сердца тревожить,
Толпу очей остановить,
Улыбкой гордой уничтожить,
Улыбкой нѣжной оживить.
Умѣешь ты польстить случайно,
Съ холодной важностью лица,
И умника унизить тайно,
Взявъ пылко сторону глупца!
Какъ въ талисманѣ стихъ небрежной,
Какъ надъ пучиною мятежной
Свободный парусъ челнока—
Ты беззаботна и легка.
Тебя не понялъ сѣверъ хладный:
Въ нашъ кругъ ты брошена судьбой,
Какъ божество страны чужой,
Какъ въ день печали мигъ отрадный!

81. Башилову.

Вы старшина собранья, вѣрно,
Такъ я прошу васъ объявить,
Могу ль я здѣсь нелицемѣрно
Въ глаза всѣмъ правду говорить?
Авось, авось займетъ насъ дѣломъ
Иль хоть забавитъ новый годъ,
Когда одинъ въ собраньи цѣломъ
Ему навстрѣчу не солжетъ.
Итакъ, я васъ не поздравляю,
Что годъ сей дастъ вамъ—знаетъ Богъ.
Зато минувшій, увѣряю,
Отмстилъ за васъ, какъ только могъ!

82. Крапоткиной.

Я оклеветанъ передъ вами.
Какъ оправдаться я могу?
Ужели клятвами, словами?
Но какъ же?—Я сегодня лгу!..

83. Щербатовой.

Повѣрю ль я, чтобъ вы хотѣли
Покинуть общество Москвы,
Когда отъ самой колыбели
Ея кумиромъ были вы?
Что дастъ вамъ скучный брегъ Невы?
Ужель тамъ больше веселятся?
Ужели бàловъ больше тамъ?
Нѣтъ, какъ мудрецъ, скажу я вамъ:
Гораздо лучше оставаться.

84. Булгакову.

На вздоръ и шалости ты хватъ
И мастеръ на бездѣлки,
И, шутовской надѣвъ нарядъ,
Ты былъ въ своей тарелкѣ.
За службу долгую и трудъ,
Авось, на мѣсто класса,
Тебѣ, мой другъ, по смерть дадутъ
Чинъ и мундиръ паяса.

85. Сабуровой.

Какъ? вы поэта огорчили,
И не наказаны потомъ?
Три года ровно вы шутили
Его любовью и умомъ!
Нѣтъ! вы не поняли поэта,
Его души печальный сонъ;
Вы небомъ созданы для свѣта,
Но не для васъ былъ созданъ онъ.

86. Уваровой.

Вы мнѣ однажды говорили,
Что не привыкли въ свѣтѣ жить.
Не спорю въ этомъ. Но не вы ли
Себя заставили любить?
Все, что привычкою другіе
Пріобрѣтаютъ,—вы душой,
И что у нихъ слова пустыя,
То не обманъ у васъ одной.

87. * * *.

Вы не знавали князь Петра?
Танцуетъ, пишетъ онъ порою.
Отъ ногъ его и отъ пера
Московскимъ дурамъ нѣтъ покою.
Ему устать бы ужъ пора—
Ногами, но не головою.

88. Николаю Николаевичу Арсеньеву.

Дай Богъ, чтобъ ты не соблазнялся
Приманкой сладкой бытія,
Чтобъ духъ твой въ небо не умчался,
Чтобъ не изсякла плоть твоя.
Пусть покровительство судьбины
Повсюду будетъ надъ тобой,
Чтобъ умъ твой не вскружили вины
И взоръ красавицы младой.
Ланиты и вино нерѣдко

Фальшивой краскою блестятъ:
Вино — поддѣльное, кокетка —
Для головы и сердца ядъ.

89. * * *.

Люблю я цѣпи синихъ горъ,
Когда, какъ южный метеоръ,
Ярка безъ свѣта и красна
Всплываетъ изъ-за нихъ луна,
Царица лучшихъ думъ пѣвца,
И лучшій перлъ того вѣнца,
Которымъ сводъ небесъ порой
Гордится, будто царь земной.
На западѣ вечерній лучъ
Еще горитъ на ребрахъ тучъ,
И уступить все медлитъ онъ
Лунѣ угрюмый небосклонъ.
Но скоро гаснетъ лучъ зари...
Высоко мѣсяцъ... Двѣ иль три
Младыя тучки окружатъ
Его сейчасъ... Вотъ весь нарядъ,
Которымъ бѣлое чело
Ему убрать позволено.
Кто не знавалъ такихъ ночей
Въ ущельяхъ горъ иль средь степей?
Однажды, при такой лунѣ,
Я мчался на лихомъ конѣ
Въ пространствѣ голубыхъ долинъ,
Какъ вѣтеръ, воленъ и одинъ.
Туманный мѣсяцъ и меня,
И гриву, и хребетъ коня
Сребристымъ блескомъ осыпалъ.
Я чувствовалъ, какъ конь дышалъ,
Какъ онъ, ударивши ногой,
Отбрасываемъ былъ землей.
И я въ чудесномъ забытьи
Движенья сковывалъ свои,
И съ нимъ себя желалъ я слить,
Чтобъ этимъ бѣгъ нашъ ускорить.
И долго такъ мой конь летѣлъ...
И вкругъ себя я поглядѣлъ:
Все та же степь, все та жъ луна...
Свой взоръ ко мнѣ склонивъ, она,
Казалось, упрекала въ томъ,

Что человѣкъ съ своимъ конемъ
Хотѣлъ владычество степей
Въ ту ночь оспаривать у ней!..

90. Солнце.

Какъ солнце зимнее прекрасно,
Когда, бродя межъ сѣрыхъ тучъ,
На бѣлые снѣга напрасно
Оно кидаетъ слабый лучъ!..
Такъ точно, дѣва молодая,
Твой образъ предо мной блеститъ,
Но взоръ твой, счастье обѣщая,
Мою ли душу оживитъ?..

91. * * *.

Я счàстливъ: тайный ядъ течетъ въ моей крови,
Жестокая болѣзнь мнѣ смертью угрожаетъ!..
Дай Богъ, чтобъ такъ случилось!.. Ни любви,
Ни мукъ умершій ужъ не знаетъ,
Шести досокъ жилецъ уединенный,
Не зная ничего, оставленный, забвенный.
Ни славы зовъ, ни голосъ твой
Не возмутятъ надежный мой покой!..

92. Прощанье.

„Не уѣзжай, лезгинецъ молодой!
Зачѣмъ спѣшишь на родину твою?
Твой конь усталъ, въ горахъ туманъ сырой,
А здѣсь тебѣ и кровля, и покой,
И я тебя люблю!..
Ужели унесла заря одна
Воспоминанье райскихъ двухъ ночей?
Нѣтъ у меня подарковъ: я бѣдна,—
Но мнѣ душа Создателемъ дана,
Подобная твоей.
Въ ненастный день заѣхалъ ты сюда,
Подъ мокрой буркой, съ горестнымъ лицомъ...
Ужели для меня сей день, когда
Такъ ярко солнце, хочешь навсегда

Ты мрачнымъ сдѣлать днемъ?
Взгляни: вокругъ синѣютъ цѣпи горъ,
Какъ великаны, грозною толпой,
Лучи зари съ кустами—ихъ уборъ;
Мы вольны и добры...—Зачѣмъ твой взоръ
Летитъ къ странѣ другой?
Повѣрь, отчизна тамъ, гдѣ любятъ насъ;
Тебя не встрѣтитъ средь родныхъ долинъ,—
Ты самъ сказалъ,—улыбка милыхъ глазъ:
Побудь еще со мной хоть день, хоть часъ...
Послушай! часъ одинъ!"
— „Нѣтъ у меня отчизны и друзей,
Кромѣ булатной шашки и коня.
Я счастливъ былъ любовію твоей,
Но все-таки слезамъ очей твоихъ
Не удержать меня.
Кровавой клятвой душу я свою
Отяготивъ, блуждаю много лѣтъ;
Покуда кровь врага я не пролью,
Уста не скажутъ никому: люблю.
Прости! Вотъ мой отвѣтъ"[1]).

93. * * *.

Время сердцу быть въ покоѣ
Отъ волненья своего,
Съ той минуты, какъ другое
Ужъ не бьется для него.
Но пускай оно трепещетъ:
То безумной страсти слѣдъ.
Такъ все бурно море плещетъ,
Хоть надъ нимъ ужъ бури нѣтъ!..
Мой проступокъ—передъ міромъ,
Предъ людьми—моя вина,
Для которыхъ ты кумиромъ,
Но не другомъ быть должна,
И поклонниковъ ты встрѣтишь,
И, блистая предъ толпой,
Межъ рабовъ ты не замѣтишь
Для себя души родной.
Неужель ты не видала
Въ часъ разлуки роковой,
Какъ слеза моя блистала,

[1]) „Измаилъ Бей".

Чтобъ упасть передъ тобой?
Ты отвергнула съ презрѣньемъ
Жертву лучшую мою,
Ты боялась сожалѣньемъ
Воскресить любовь свою.
Но сердечнаго недуга
Не могла ты утаить;
Слишкомъ знаемъ мы другъ друга,
Чтобъ другъ друга позабыть...
Такъ разсѣлись подъ громами,—
Видѣлъ я,—въ единый мигъ,
Пощаженные вѣками
Два утеса бреговыхъ.
Но примѣтно сохранила
Знаки каждая скала,
Что природа съединила,
А судьба ихъ развела.

94. * * *.

Склонись ко мнѣ, красавецъ молодой!
Какъ ты стыдливъ! Ужели въ первый разъ
Грудь женскую ласкаешь ты рукой?
Въ моихъ объятьяхъ вотъ ужъ цѣлый часъ
Лежишь,—а страха все не превозмогъ...
Не лучше ли у сердца, чѣмъ у ногъ?
Дай мнѣ одну минуту въ жизнь свою...
Что злато? Я тебя люблю! люблю!
Ты такъ хорошъ! Бывало, жду, когда
Настанетъ вечеръ, сяду у окна...
И мимо ты идешь, бывало... Да,
Ты помнишь? Серебристая луна,
Какъ ангелъ средь отверженныхъ, межъ тучъ
Блуждала, на тебя кидая лучъ,
И я гордилась тѣмъ, что, наконецъ,
Соперница моя—небесъ жилецъ.
Печать презрѣнья на моемъ челѣ...
Но справедливъ ли міра приговоръ?
Что добродѣтель, если на землѣ
Проступокъ не безчестье—но позоръ?
Повѣрь, невинныхъ женщинъ вовсе нѣтъ;
Лишь по желанью, случай и предметъ
Не вѣчно тутъ. Любить не ставитъ въ грѣхъ
Та одного, та многихъ, эта всѣхъ!
Родителей не знала я своихъ,

Воспитана старухою чужой,
Не знала я веселья дней младыхъ
И даже не гордилась красотой,
Въ пятнадцать лѣтъ, по волѣ злой судьбы,
Я продана мужчинѣ... Ни мольбы,
Ни слезы не могли спасти меня.
Съ тѣхъ поръ я гибну, гибну день отъ дня!
    Мнѣ милъ мой стыдъ! Онъ право мнѣ даетъ
Тебя лобзать, тебя на мигъ одинъ
Отторгнуть отъ мучительныхъ заботъ!
О, наслаждайся! ты—мой господинъ!
Хотя тебѣ случится, можетъ быть,
Меня въ своихъ объятьяхъ задушить—
Блаженствомъ смерть мнѣ будетъ отъ тебя...
Мой другъ, чего не вынесешь любя!..

95. * * *.

    Девятый часъ, ужъ тéмно. Близъ заставы
Чернѣютъ рядомъ старыхъ пять домовъ;
Заборъ кругомъ. Высокій, худощавый
Привратникъ на завалинѣ готовъ
Уснуть. Дождя не будетъ, небо ясно.
Весь городъ спитъ. Онъ долго ждалъ напрасно:
Темны всѣ окна, блещутъ только два,
И тамъ—чѣмъ не богата ты, Москва!
    Но, чу! Къ воротамъ кто-то подъѣзжаетъ.
Лихія дрожки, кучеръ съ бородой
Широкой, кони черные. Слѣзаетъ.
Одѣтъ плащомъ проказникъ молодой.
Скрипитъ за нимъ калитка; подъ ногами
Стучатъ, колеблясь, доски (между нами
Скажу я, онъ ничей не прервалъ сонъ).
Дверь отворилась. Свѣчка. Кто тутъ?—Онъ.
    Его узнала дѣва молодая.
Снимаетъ плащъ и въ комнату ведетъ.
Въ шандалѣ мѣдномъ тускло догорая,
Свѣча на нихъ свой лучъ послѣдній льетъ
И на кровать съ высокою периной,
И нà стѣну съ лубочною картиной;
А въ зеркалѣ съ противной стороны
Два юныя лица теперь отражены...
    Она была прекрасна, какъ мечтанье
Ребенка подъ свѣтиломъ южныхъ странъ.
Что красота? Ужель одно названье?

Иль грудь высокая и гибкій станъ,
Или большія очи? Но порою
Все это не зовемъ мы красотою:
Уста безъ словъ—любить никто не могъ,
Взоръ безъ огня—безъ запаха цвѣтокъ!
    Она была свѣжа, какъ розы Леля,
Она была похожа на портретъ
Мадонны—и Мадонны Рафаэля;
И врядъ ли было ей осьмнадцать лѣтъ.
Лишь святости черты не выражали:
Глаза огнемъ неистовымъ пылали,
И грудь волнуясь поцѣлуй звала...
Онъ былъ не папа,—а она была...
    Ну, что же—просто дѣва молодая,
Которой все богатство—красота!
И впрочемъ, замужъ выдти не желая,
Что было ей таить свои лѣта?
Она притворства, хитрости не знала,
И въ этомъ лишь другимъ не подражала!
Не все ль равно? Любить не ставитъ въ грѣхъ
Та одного, та многихъ, эта всѣхъ!.. [1])

. . . .

96. * * *.

Какъ въ ночь звѣзды падучей пламень,
    Не нуженъ въ мірѣ я;
Хоть сердце тяжело, какъ камень,
    Но все подъ нимъ змѣя.
Меня спасало вдохновенье
    Отъ мéлочныхъ суетъ;
Но отъ своей души спасенья
    И въ самомъ счастьи нѣтъ.
Молю о счастіи, бывало...
    Дождался, наконецъ,—
И тягостно мнѣ счастье стало,
    Какъ для царя вѣнецъ.
И, всѣ мечты отвергнувъ, снова
    Остался я одинъ,
Какъ замка мрачнаго, пустова
    Ничтожный властелинъ.

---

[1]) „Сашка".

97. Къ * * *.

Я не унижусь предъ тобою:
Ни твой привѣтъ, ни твой укоръ
Не властны надъ моей душою.
Знай, мы чужіе съ этихъ поръ.
Ты позабыта; я свободы
Для заблужденья не отдамъ;
И такъ пожертвовалъ я годы
Твоей улыбкѣ и глазамъ;
И такъ я слишкомъ долго видѣлъ
Въ тебѣ надежду юныхъ дней,
И цѣлый міръ возненавидѣлъ,
Чтобы тебя любить сильнѣй!
Какъ знать? Быть можетъ, тѣ мгновенья,
Что протекли у ногъ твоихъ,
Я отнималъ у вдохновенья!..
А чѣмъ ты замѣнила ихъ?..
Быть можетъ, мыслію небесной
И силой духа убѣжденъ,
Я далъ бы міру даръ чудесной,
А мнѣ за то—безсмертье онъ?..
Зачѣмъ такъ нѣжно обѣщала
Ты замѣнить его вѣнецъ?
Зачѣмъ ты не была сначала,
Какою стала, наконецъ!..
Я гордъ!.. Прости, люби другого,
Мечтай любовь найти въ другомъ:
Чего бъ то ни было земного
Я не содѣлаюсь рабомъ.
Къ чужимъ горамъ подъ небо юга,
Я удалюся, можетъ быть,—
Но слишкомъ знаемъ мы другъ друга,
Чтобы другъ друга позабыть.
Отнынѣ стану наслаждаться,
И въ страсти стану клясться всѣмъ,
Со всѣми буду я смѣяться,
А плакать не хочу ни съ кѣмъ.
Начну обманывать безбожно,
Чтобъ не любить, какъ я любилъ,
Иль женщинъ уважать возможно,
Когда мнѣ ангелъ измѣнилъ?
Я былъ готовъ на смерть и муку,
И цѣлый міръ на битву звать,
Чтобы твою младую руку—

Безумецъ!—лишній разъ пожать!
Не знавъ коварную измѣну,
Тебѣ я душу отдавалъ;
Такой души ты знала ль цѣну?
Ты знала—я тебя не зналъ.

98. * * *.

Какъ лучъ зари, какъ розы Леля
Прекрасенъ цвѣтъ ея ланитъ,
Какъ у Мадонны Рафаэля,
Ея молчанье говоритъ.
Съ людьми горда, судьбѣ покорна,
Не откровенна, не притворна,
Нарочно, мнилося, она
Была для счастья создана.
Но свѣтъ чего не уничтожитъ?
Что благородное снесетъ,
Какую душу не сожжетъ,
Чье самолюбье не умножитъ?
И чьихъ не обольститъ очей
Нарядной маскою своей?

99. * * *.

Синія горы Кавказа, привѣтствую васъ! Вы взлелѣяли дѣтство мое, вы носили меня на своихъ одичалыхъ хребтахъ; облаками меня одѣвали; вы къ небу меня пріучили, и я съ той поры все мечтаю о васъ, да о небѣ. Престолы природы, съ которыхъ, какъ дымъ, улетаютъ громовыя тучи! Кто разъ лишь на вашихъ вершинахъ Творцу помолился, тотъ жизнь презираетъ, хотя въ то мгновенье гордился онъ ею!—Часто во время зари я глядѣлъ на снѣга и далекія льдины утесовъ: они такъ сіяли въ лучахъ восходящаго солнца, въ розовый блескъ одѣваясь; они, между тѣмъ какъ внизу все темно, возвѣщали прохожему утро, и розовый цвѣтъ ихъ подобился цвѣту стыда: какъ будто дѣвицы, когда вдругъ увидятъ мужчину купаясь,—въ такомъ ужъ смущеніи, что бѣлой одежды накинуть на грудь не успѣютъ.—Какъ я любилъ твои бури, Кавказъ!—тѣ пустынныя, громкія бури, которымъ пещеры, какъ стражи ночей, отвѣчаютъ. На гладкомъ холмѣ одинокое дерево, вѣтромъ, дождями нагнутое; иль виноградникъ, шумящій въ ущельи; и путь неизвѣстный надъ пропастью, гдѣ, покрываяся пѣной, бѣжитъ безыменная рѣчка; выстрѣлъ нежданный, и страхъ послѣ выстрѣла: врагъ ли коварный, иль просто охотникъ... Все, все въ этомъ краѣ прекрасно...

Воздухъ тамъ чистъ, какъ молитва ребенка,
И люди, какъ вольныя птицы, живутъ беззаботно;
Война ихъ стихія, и въ смуглыхъ чертахъ ихъ душа
говоритъ.
Въ дымной саклѣ, землей иль сухимъ тростникомъ
Покровенной, таятся ихъ жены и дѣвы, и чистятъ
оружье,
И шьютъ серебромъ, въ тишинѣ увядая
Душою, желающей, южной, съ цѣпями судьбы незна-
комой...

100. Романсъ.

Стояла сѣрая скала на берегу морскомъ.
Однажды на чело ея слетѣлъ небесный громъ,
И раздвоилъ ее ударъ,—и новою тропой
Между разрозненныхъ камнѐй течетъ потокъ сѣдой.
Вновь двумъ утесамъ не сойтись, но все они хранятъ
Союза прежняго слѣды—глубокихъ трещинъ рядъ.
Такъ мы съ тобой разлучены злословіемъ людскимъ,
Но для тебя я никогда не сдѣлаюсь чужимъ.
И мы не встрѣтимся опять, и если предъ тобой
Меня случайно назовутъ, ты спросишь: кто такой?
И, проклиная жизнь мою, на память приведешь
Былое... и одну себя невольно проклянешь,
И не изгладишь ты никакъ изъ памяти своей
Не только чувствъ и словъ моихъ,—минуты прежнихъ дней!..

101. Прелестницѣ.

Пускай ханжа глядитъ съ презрѣньемъ
На беззаконный нашъ союзъ,
Пускай людскимъ предубѣжденьемъ
Ты лишена семейныхъ узъ.
Но передъ идолами свѣта
Не гну колѣна я мои:
Какъ ты, не знаю въ немъ предмета
Ни сильной злобы, ни любви.
Какъ ты, кружусь въ весельи шумномъ,
Не чту владыкой никого,
Дѣлюся съ умнымъ и безумнымъ,
Живу для сердца своего.
Живу безъ цѣли, беззаботно,
Для счастья глухъ, для горя нѣмъ,
И людямъ руки жму охотно,

Хоть презираю ихъ межъ тѣмъ.
Мы смѣхомъ брань ихъ уничтожимъ,
Насъ клеветы не разлучатъ,
Мы будемъ счастливы, какъ можемъ,
Они пусть будутъ—какъ хотятъ!

102. * * *.

Ты молодъ, цвѣтъ твоихъ кудрей
Не уступаетъ цвѣту ночи;
Какъ день, твои блистаютъ очи
При встрѣчѣ радостныхъ очей.
Ты отъ души, смѣясь смѣшному,
Какъ скуку, гонишь прочь печаль;
Что̀ бредъ ребяческій другому,
То все тебѣ покинуть жаль.
Волною жизни унесенный
Далеко отъ надеждъ былыхъ,
Какъ путешественникъ забвенный,
Я чуждымъ сталъ между родныхъ.
Предъ мною носятся видѣнья,
Жизнь обманувшія мою,
И, не рожденный для забвенья,
Я вновь черты ихъ узнаю.
И время ихъ не измѣнило—
Они все тѣ же!—Я не тотъ.
Зачѣмъ же гибнетъ все, что мило,
А что жалѣетъ, то живетъ?

103. Had we never loved so kindly.

Еслибъ мы не дѣти были,
Еслибъ слѣпо не любили,
Не встрѣчались, не прощались,—
Мы съ страданьемъ бы не знались.

104. Эпитафія.

Прости! Увидимся ль мы снова?
И смерть захочетъ ли свести
Двѣ жертвы жребія земнова?
Какъ знать! И такъ, прости, прости!..
Ты далъ мнѣ жизнь, но счастья не́ далъ;
Ты самъ на свѣтѣ былъ гонимъ,

Ты въ людяхъ только зло извѣдалъ,—
Но понимаемъ былъ однимъ.
И тотъ одинъ, когда рыдая
Толпа склонялась надъ тобой,
Стоялъ, очей не обтирая,
Небрежный, хладный и нѣмой.
И всѣ, не вѣдая причины,
Винили дерзостно его,
Какъ будто мигъ твоей кончины
Былъ мигомъ счастья для него.
Но что ему ихъ восклицанья?
Безумцы! не могли понять,
Что легче плакать, чѣмъ страдать
Безъ всякихъ признаковъ страданья!

105. * * *.

Измученный тоскою и недугомъ
И угасая въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ,
Проститься я съ тобой желалъ, какъ съ другомъ,—
Но хладенъ былъ прощальный твой привѣтъ.
Но ты не вѣришь мнѣ, ты притворилась,
Что въ шутку приняла слова мои,
Моимъ слезамъ смѣяться ты рѣшилась,
Чтобъ съ сожалѣньемъ не явить любви.
Скажи мнѣ, для чего такое мщенье?
Я виноватъ: другую могъ хвалить,—
Но развѣ я не требовалъ прощенья
У ногъ твоихъ? Но развѣ я любить
Тебя переставалъ, когда толпою
Безумцевъ молодыхъ окружена,
Горда одной своею красотою,
Ты привлекала взоры ихъ одна?—
Я издали смотрѣлъ, почти желая,
Чтобъ для другихъ очей твой блескъ исчезъ.
Ты для меня была, какъ счастье рая
Для демона, изгнанника небесъ.

106. Кавказъ.

Хотя я судьбой, на зарѣ моихъ дней,
О, южныя горы, отторгнутъ отъ васъ,—
Чтобъ вѣчно ихъ помнить, тамъ надо быть разъ...
Какъ сладкую пѣсню отчизны моей,
Люблю я Кавказъ.

Въ младенческихъ лѣтахъ я мать потерялъ.
Но мнилось, что въ розовый вечера часъ
Та степь повторяла мнѣ памятный гласъ.
За это люблю я вершины тѣхъ скалъ,
Люблю я Кавказъ.
Я счàстливъ былъ съ вами, ущелія горъ.
Пять лѣтъ пронеслось: все тоскую по васъ.
Тамъ видѣлъ я пару божественныхъ глазъ,—
И сердце лепечетъ, воспомня тотъ взоръ:
Люблю я Кавказъ!

107. Къ * * *.

Не говори: однимъ высокимъ
Я на землѣ воспламененъ,
Къ нему лишь съ чувствомъ я глубокимъ
Бужу забытой лиры звонъ.
Повѣрь—великое земное
Различно съ мыслями людей:
Сверши съ успѣхомъ дѣло злое—
Великъ, не удалось—злодѣй...
Среди дружинъ необозримыхъ
Былъ чуть не Богъ Наполеонъ,
Разбитый же въ снѣгахъ родимыхъ—
Безумцемъ порицаемъ онъ!
Внимая шумъ волны прибрежной,
Въ изгнаньи дальнемъ онъ погасъ.
И что жъ? Конецъ его мятежной
Не отуманилъ нашихъ глазъ...

108. Опасеніе.

Страшись любви: она пройдетъ.
Она мечтой твой умъ встревожитъ,
Тоска по ней тебя убьетъ,
Ничто воскреснуть не поможетъ.
Краса, любимая тобой,
Тебѣ отдастъ, положимъ, руку...—
Года мелькнутъ... Летунъ сѣдой
Укажетъ вѣчную разлуку.
И бѣденъ, жалокъ будешь ты,
Глядящій съ креселъ иль подушки
На безобразныя черты
Твоей докучливой старушки.

Коль мысли о былыхъ лѣтахъ
Въ твой умъ закрадутся порою,
И вспомнишь, какъ на сихъ щекахъ
Играло жизнью молодою...
Безъ друга лучше дни влачить,
И къ смерти радостнѣй клониться,
Чѣмъ два удара выносить
И сердцемъ о двоихъ крушиться!..

109. Стансы.

Люблю, когда, борясь съ душою,
Краснѣетъ дѣвица моя:
Такъ передъ вихремъ и грозою
Красна вечерняя заря.
Люблю и вздохъ, что ночью лунной
Въ лѣсу изъ устъ ея скользитъ:
Звукъ тихой арфы златострунной
Такъ съ хладнымъ вѣтромъ говоритъ.
Но слаще встрѣтить средь моленья
Ея слезу очамъ моимъ:
Такъ, зря Спасителя мученья,
Невинный плакалъ херувимъ.

110. Н. Ф. И.....вой.

Любилъ съ начала жизни я
Угрюмое уединенье,
Гдѣ укрывался весь въ себя,
Бояся, грусть не утая,
Будить людское сожалѣнье.
Счастливцы, мнилъ я, не поймутъ
Того, что самъ не разберу я,
И черныхъ думъ не унесутъ
Ни радость дружескихъ минутъ,
Ни страстный пламень поцѣлуя.
Мои неясныя мечты
Я выразить хотѣлъ стихами,
Чтобы, прочтя сіи листы,
Меня бы примирила ты
Съ людьми и буйными страстями.
Но взоръ спокойный, чистый твой
Въ меня вперился изумленный;
Ты покачала головой,

Сказавъ, что боленъ разумъ мой,
Желаньемъ вздорнымъ ослѣпленный.
Я, вѣруя твоимъ словамъ,
Глубоко въ сердце погрузился;
Однако же нашелъ я тамъ,
Что умъ мой не по пустякамъ
Къ чему-то тайному стремился.
Къ тому, чего даны въ залогъ
Съ толпою звѣздъ ночные своды,
Къ тому, что̀ обѣщалъ намъ Богъ,
И что̀ бъ уразумѣть я могъ
Черезъ мышленія и годы.
Но пылкій, но суровый нравъ
Меня грызетъ отъ колыбели...
И, въ жизни зло лишь испытавъ,
Умру я, сердцемъ не познавъ
Печальныхъ думъ печальной цѣли.

111. Ночь I.

Я зрѣлъ во снѣ, что будто умеръ я.
Душа, не слыша на себѣ оковъ
Тѣлесныхъ, разсмотрѣть могла бъ яснѣй
Весь міръ,—но было ей не до того:
Боязненное чувство занимало
Ее. Я мчался безъ дорогъ; предъ мною
Не сѣрое, не голубое небо
(И мнилося, не небо было то,
А тусклое, бездушное пространство)
Виднѣлось; и ничто вокругъ меня
Различныхъ тѣней кинуть не могло,
Которыя по немъ мелькали.
И два противныхъ дикихъ звука,
Два отголоска цѣлыя природы
Боролися,—и ни одинъ изъ нихъ
Не могъ назваться побѣжденнымъ. Страхъ
Припомнить жизни гнусныя дѣянья,
Иль о добрѣ свершенномъ возгордиться —
Мѣшалъ мнѣ мыслить. И летѣлъ, летѣлъ я
Далеко, безъ желанія и цѣли.
И встрѣтился мнѣ свѣтозарный Ангелъ.
И такъ, сверкнувши взоромъ, мнѣ сказалъ:
„Сынъ праха, ты грѣшилъ,—и наказанье
Должно тебя постигнуть, какъ другихъ.
Спустись на землю, гдѣ твой трупъ

Зарытъ; ступай, и тамъ живи и жди,
Пока придетъ Спаситель,—и молись...
Молись, страдай,—и выстрадай прощенье...“
И снова я увидѣлъ край земной.
Досадой видъ его меня наполнилъ,
И боль душевныхъ ранъ, на краткій мигъ
Лишь заглушенная боязнью, съ новой силой
Огнемъ отчаянья возобновилась.
И (странно мнѣ), когда увидѣлъ ту,
Которую любилъ такъ сильно прежде,
Я чувствовалъ одинъ холодный трепетъ
Досады горькой,—и толпа друзей
Ликующихъ меня не удержала.
Съ презрѣніемъ на кубки я взглянулъ,
Гдѣ грѣхъ съ виномъ кипѣлъ. Воспоминанье
Въ меня впилось когтями,—я вздохнулъ
Такъ глубоко, какъ только можетъ мертвый,
И полетѣлъ къ своей могилѣ. Ахъ!
Какъ бѣденъ тотъ, кто видитъ, наконецъ,
Свое ничтожество, и въ чьихъ глазахъ
Все, для чего трудился долго онъ,—
На воздухъ разлетѣлось...
И я сошелъ въ темницу, узкій гробъ,
Гдѣ гнилъ мой трупъ,—и тамъ остался я.
Здѣсь кость была уже видна, здѣсь мясо
Кусками синее висѣло; жилы тамъ
Я примѣчалъ съ засохшею въ нихъ кровью...
Съ отчаяньемъ сидѣлъ я и взиралъ,
Какъ быстро насѣкомыя роились
И поѣдали жадно свою пищу:
Червякъ то выползалъ изъ впадинъ глазъ,
То вновь скрывался въ безобразный черепъ,
И каждое его движенье
Меня терзало судорожной болью.
Я долженъ былъ смотрѣть на гибель друга,
Такъ долго жившаго съ моей душою,—
Послѣдняго, единственнаго друга,
Дѣлившаго ея земныя муки.
И я помочь ему желалъ, но тщетно...
Уничтоженья быстрые слѣды
Текли по немъ, и черви умножались;
Они дрались за пищу остальную
И смрадную сырую кожу грызли.
Остались кости,—и онѣ исчезли.
Въ гробу былъ прахъ... и больше ничего...
Одною полонъ мрачною заботой,

Я припадалъ на бренные останки,
Стараясь ихъ дыханіемъ согрѣть...
О, сколько бъ я тогда отдалъ земныхъ
Блаженствъ, чтобъ хоть одну, одну минуту
Почувствовать въ нихъ теплоту. Напрасно...
Они остались хладны, хладны, какъ презрѣнье!..
Тогда я бросилъ дикія проклятья
На моего отца и мать, на всѣхъ людей...
И мнѣ блеснула мысль: творенье ада!
Что̀, если время совершитъ свой кругъ
И погрузится въ вѣчность невозвратно,
И ничего меня не успокоитъ,
И не придутъ сюда простить меня?..
И я хотѣлъ изречь хулы на небо,—
Хотѣлъ сказать...
Но голосъ замеръ мой,—и я проснулся...

112. Разлука.

Я виноватъ передъ тобою:
Цѣны услугъ твоихъ не зналъ.
Слезами горькими, тоскою
Я о прощеньи умолялъ.
Готовъ былъ, ставши на колѣни,
Проступкомъ называть мечты:
Мои мучительныя пени
Безсмысленно отвергнулъ ты.
Зачѣмъ такъ рано, такъ ужасно
Я долженъ былъ узнать людей,
И счастьемъ жертвовать напрасно
Холодной гордости твоей?..
Свершилось! вѣчную разлуку,
Трепѐща, вижу предъ собой...
Ледя̀ную встрѣчаю руку
Моей пылающей рукой.
Желаю, чтобъ воспоминанье,
Въ чужихъ людяхъ, въ чужой странѣ,
Не принесло тебѣ страданье
При сожалѣньи обо мнѣ...

113. Ночь II.

Погаснулъ день. И тьма ночная своды
Небесные, какъ саваномъ, покрыла.
Кой-гдѣ во тьмѣ вертѣлись и мелькали

Свѣтящіяся точки,
И между нихъ земля вертѣлась наша.
На ней, спокойствіемъ объятой тихимъ,
Уснуло все—и я одинъ лишь нѐ спалъ.
Одинъ я нѐ спалъ... Страшнымъ полусвѣтомъ,
Межъ радостью и горестью срединой,
Мое тѣснилось сердце,—и желалъ я
Веселіе или печаль умножить
Воспоминаньемъ объ убитой жизни.
Послѣднее, однако, было легче!..
Вотъ съ запада скелетъ неизмѣримый
По мрачнымъ сводамъ началъ подниматься
И звѣзды заслонилъ собою...
И цѣлые міры предъ нимъ уничтожались,
И все трещало подъ его шагами,
Ничтожество за ними оставалось!
И вотъ приблизился къ земному шару
Гигантъ всесильный.—Все на ней уснуло,
Ничто встревожиться не мыслило;—единый,
Единый смертный видѣлъ, что̀ не дай Богъ
Созданію живому видѣть...
И вотъ онъ поднялъ костяныя руки —
И въ каждой онъ держалъ по человѣку
Дрожащему,—и мнѣ они знакомы были.
И кинулъ взоръ на нихъ я—и заплакалъ.
И странный голосъ вдругъ раздался: „Малодушный!
Сынъ праха и забвенія, не ты ли,
Изнемогая въ мукакъ нестерпимыхъ,
Ко мнѣ взывалъ?.. Я здѣсь, я смерть!..
Мое владычество безбрежно!..
Вотъ двое. Ты ихъ знаешь, ты любилъ ихъ,—
Одинъ изъ нихъ погибнетъ. Позволяю
Опредѣлить неизбѣжимый жребій...
И ты умрешь, и въ вѣчности погибнешь,
И ихъ нигдѣ, нигдѣ вторично не увидишь...
Знай, какъ исчезаетъ время, такъ и люди—
Его рожденье; только Богъ лишь вѣченъ...
Рѣшись, несчастный!..“
Тутъ невольный трепетъ
По мнѣ мгновенно началъ разливаться,
И зубы, крѣпко застучавъ, мѣшали
Словамъ жестокимъ вырваться изъ гру̀ди.
И, наконецъ, преодолѣвъ свой ужасъ
Къ скелету, я воскликнулъ: „оба! оба!..
Я вѣрю: нѣтъ свиданья—нѣтъ разлуки!..
Они довольно жили, чтобы вѣчно

Продлилося ихъ наказанье.
Ахъ! и меня возьми—земного червя,
И землю раздроби—гнѣздо разврата,
Безумства и печали!..
Все, все беретъ она у насъ обманомъ
И не даритъ намъ ничего, кромѣ рожденья!..
Проклятье этому подарку!..
Мы безъ него тебя бы не знавали,
Поэтому и тщетной, бѣдной жизни,
Гдѣ нѣтъ надеждъ—и всюду опасенья.
Да гибнутъ же друзья мои, да гибнутъ!..
Лишь объ одномъ я буду плакать:
Зачѣмъ они не дѣти!..“
И видѣлъ я, какъ руки костяныя
Моихъ друзей сдавили: ихъ не стало,—
Не стало даже призраковъ и тѣней...
Туманомъ облачился образъ смерти
И такъ пошелъ на сѣверъ. Долго, долго,
Ломая руки и глотая слезы,
Я на Творца роопталъ, страшась молиться!..

114. * * *.

Въ старинны годы жили-были
Два рыцаря-друзья.
Не разъ они въ Сіонъ ходили,
Желаніемъ горя,
Съ огромной ратью, съ королями—
Его освободить,
И крестъ священный знаменами
Своими осѣнить...

115. Незабудка.

(Сказка).

Въ старинны годы люди были
Совсѣмъ не то, что въ наши дни:
(Коль въ мірѣ есть любовь) любили
Чистосердечнѣе они.
О древней вѣрности, конечно,
Слыхали какъ-нибудь и вы;
Но какъ сказанія молвы
Все дѣло перепортятъ вѣчно,

То я вамъ точный образецъ
Хочу представить, наконецъ.
У влаги ручейка холодной,
Подъ тѣнью липовыхъ вѣтвей,
Не опасаясь злыхъ очей,
Однажды рыцарь благородный
Сидѣлъ съ любезною своей...
Тихонько ручкой молодою
Она красавца обняла,
Полна невинной простотою
Бесѣда мирная текла.
„Другъ, не клянися мнѣ напрасно!
Сказала дѣва—вѣрю я:
Ясна, чиста любовь твоя,
Какъ эта звонкая струя,
Какъ этотъ сводъ надъ нами ясной;
Но какъ она въ тебѣ сильна,
Еще не знаю. Посмотри-ка,
Тамъ рдѣетъ пышная гвоздика...
Но, нѣтъ! гвоздика не нужна;
Подалѣе, какъ ты, унылый
Чуть виденъ голубой цвѣтокъ...
Сорви же мнѣ его, мой милый;
Онъ для любви не такъ далекъ!“
Вскочилъ мой рыцарь восхищенный
Ея душевной простотой;
Черезъ ручей прыгнувъ, стрѣлой
Летитъ онъ—цвѣтикъ драгоцѣнный
Сорвать поспѣшною рукой...
Ужъ близко цѣль его стремленья,
Какъ вдругъ подъ нимъ (ужасный видъ!)
Земля невѣрная дрожитъ;
Онъ вязнетъ, нѣтъ ему спасенья!..
Взоръ кинувъ, полный весь огня,
Своей красавицѣ безгласной,
„Прости! не позабудь меня!..“
Воскликнулъ юноша несчастной,—
И мигомъ пагубный цвѣтокъ
Схватилъ рукою безнадежной,
И сердца пылкаго въ залогъ
Его онъ кинулъ дѣвѣ нѣжной.
Цвѣтокъ печальный съ этихъ поръ
Любови дорогъ: сердце бьется,
Когда его примѣтитъ взоръ.
Онъ незабудкою зовется.
Въ мѣстахъ сырыхъ, вблизи болотъ,

Какъ бы страшась прикосновенья,
Онъ ищетъ тамъ уединенья,
И цвѣтомъ *неба* онъ цвѣтетъ,
Гдѣ смерти нѣтъ и нѣтъ забвенья.
Вотъ повѣсти конецъ моей.—
Судите, быль иль небылица.
А виновата ли дѣвица—
Сказала, вѣрно, совѣсть ей!

116. Совѣтъ.

Если, другъ, тебѣ сгрустнется,
Ты не дуйся, не сердись:
Все съ годами пронесется,—
Улыбнись и разгрустись.
Дѣвъ измѣны молодыя,
И невѣрный путь честей,
И мгновенья скуки злыя—
Стоятъ ли тоски твоей?
Не ищи страстей тяжелыхъ;
И, покуда Богъ даетъ,
Нектаръ пей часовъ веселыхъ,—
А печаль сама придетъ.
И, людей не презирая,
Не берись учить другихъ:
Лучшимъ быть не воображая,
Скоро ты полюбишь ихъ.
Сердце—глупое творенье,
Но и сердцемъ можно жить,
И безумное волненье
Можно также укротить...
Бѣденъ, кто, судьбы въ ненастье
Всѣ надежды испытавъ,
Наконецъ, находитъ счастье,
Чувство счастья потерявъ!

117. Одиночество.

Какъ страшно жизни сей оковы
Намъ въ одиночествѣ влачить:
Дѣлить веселье всѣ готовы,—
Никто не хочетъ грусть дѣлить.
Одинъ я здѣсь, какъ царь воздушной,
Страданья въ сердцѣ стѣснены,

И вижу, какъ, судьбѣ послушно,
Года уходятъ, будто сны.
И вновь приходятъ—съ позлащенной,
Но той же, старою мечтой;
И вижу гробъ уединенной,—
Онъ ждетъ: что жъ медлить надъ землей?
Никто о томъ не покрушится,
И будутъ (я увѣренъ въ томъ)
О смерти больше веселиться,
Чѣмъ о рожденіи моемъ.

118. Въ альбомъ.

1.

Нѣтъ, я не требую вниманья
На грустный бредъ души моей;
Не открывать свои желанья
Привыкнулъ я съ давнишнихъ дней.
Пишу, пишу рукой небрежной,
Чтобъ здѣсь, чрезъ много скучныхъ лѣтъ,
Отъ жизни краткой, но мятежной
Какой-нибудь остался слѣдъ.

2.

Быть можетъ, нѣкогда случится,
Что, всѣ страницы пробѣжавъ,
На эту взоръ нашъ устремится,
И вы промолвите: онъ правъ!
Быть можетъ, долго стихъ унылый
Вашъ взглядъ удержитъ надъ собой,
Какъ близъ дороги столбовой
Пришельца—памятникъ могилы.

119. Гроза.

Реветъ гроза, дымятся тучи
Надъ темной бездною морской,
И хлещутъ пѣною кипучей,
Толпяся, волны межъ собой.
Вкругъ скалъ огнистой лентой вьется
Печальной молніи змѣя,
Стихій тревожный рой мятется,—
И здѣсь стою недвижимъ я.

Стою.—Ужель тому ужасно
Стремленье всѣхъ надземныхъ силъ,
Кто въ жизни чувствовалъ напрасно,
И жизнію обманутъ былъ?
Вокругъ кого, сей ядъ сердечной,
Вились сужденья клеветы,
Какъ вкругъ скалы остроконечной,
Губитель пламень, вьешься ты?
О, нѣтъ! Летай огонь воздушный,
Свистите вѣтры надъ главой,
Я здѣсь холодный, равнодушный,
И трепетъ не знакомъ со мной.
Гроза шумитъ въ моряхъ съ конца въ конецъ,
Корабль летитъ по волѣ бурныхъ водъ,
Одинъ на немъ спокоенъ лишь пловецъ;
Чело печать глубокихъ думъ несетъ,
Угасшій взоръ на тучи устремленъ;
Не вѣдаютъ: ни кто, ни что здѣсь онъ!..
Конечно, онъ живалъ между людей,
И знаетъ жизнь отъ сердца своего:
Крикъ ужаса, моленья, скрипъ снастей
Не трогаютъ молчанія его.

120. Звѣзда.

Свѣтись, свѣтись, далекая звѣзда,
Чтобъ я въ нощи встрѣчалъ тебя всегда;
Твой слабый лучъ, сражаясь съ темнотой,
Несетъ мечты душѣ моей больной;
Она къ тебѣ летаетъ высоко,—
И груди сей свободно и легко...
Я видѣлъ взглядъ, исполненный огня
(Ужъ онъ давно закрылся для меня),
Но, какъ къ тебѣ, къ нему еще лечу,
И, хоть нельзя,—смотрѣть его хочу...

121. Звѣзда.

(Еврейская мелодія).

Видали ль когда, какъ ночная звѣзда
Въ зеркальномъ заливѣ блеститъ,
Какъ трепещетъ въ струяхъ, какъ серебряный прахъ
Отъ нея, разсыпаясь, бѣжитъ...

Но поймать ты не льстись и ловить не берись:
Обманчивы лучъ и волна...
Мракъ тѣни твоей только ляжетъ на ней,
Отойди жъ—и заблещетъ она.
Свѣтлой радости такъ безпокойный призра̀къ
Насъ манитъ подъ хладною мглой;
Ты схватить—онъ шутя убѣжитъ отъ тебя,
Ты обманутъ—онъ вновь предъ тобой.

122. Вечеръ послѣ дождя.

Гляжу въ окно. Ужъ гаснетъ небосклонъ.
Прощальный лучъ на вышинѣ колоннъ,
На купола̀хъ, на трубахъ и крестахъ
Блеститъ, горитъ въ обманутыхъ очахъ;
И мрачныхъ тучъ огнистые края
Рисуются на небѣ, какъ змѣя,
И вѣтерокъ, по саду пробѣжавъ,
Волнуетъ стебли омочѐнныхъ травъ...
Одинъ межъ нихъ примѣтилъ я цвѣтокъ,
Какъ будто перлъ, покинувшій востокъ.
На немъ вода блистаючи дрожитъ,
Главу свою склонивши, онъ стоитъ,
Какъ дѣвушка въ печали роковой:
Душа убита, радость надъ душой,—
Хоть слезы льетъ изъ пламенныхъ очей,
Но помнитъ все о красотѣ своей.

123. Наполеонъ.

(Дума).

Въ невѣрный часъ, межъ днемъ и темнотой,
Когда туманъ синѣетъ надъ водой,—
Въ часъ грѣшныхъ думъ, видѣній, тайнъ и дѣлъ,
Которыхъ лучъ узрѣть бы не хотѣлъ,
А тьма укрыть,—чья тѣнь, чей образъ тамъ,
На берегу, склонивши взоръ къ волнамъ,
Стоитъ вблизи нагбеннаго креста?
Онъ—не живой, но также не мечта
Сей острый взглядъ съ возвышеннымъ челомъ
И двѣ руки, сложѐнныя крестомъ.

Предъ нимъ лепечутъ волны и бѣгутъ,
И вновь приходятъ и о скалы бьютъ.

Какъ легкія вѣтрила, облака
Надъ моремъ носятся издалека.
И вотъ глядитъ невѣдомая тѣнь
На тотъ востокъ, гдѣ новый брезжитъ день.
Тамъ Франція, тамъ край ея родной,
И славы слѣдъ, быть можетъ, скрытый мглой;
Тамъ средь войны ея неслися дни...
О, для чего такъ кончились они?!

Наполеонъ I. Г. Верне.

Прости, о слава, обманувшій другъ!
Опасный ты, но чудный, мощный звукъ...
И скиптръ!.. О васъ забылъ Наполеонъ...
Хотя давно умершій, любитъ онъ
Сей малый островъ, брошенный въ моряхъ,
Гдѣ сгнилъ его и червемъ съѣденъ прахъ,
Гдѣ онъ страдалъ, покинутъ отъ друзей,
Презрѣвъ судьбу съ гордыней прежнихъ дней,
Гдѣ стаивалъ онъ на брегу морскомъ,
Какъ нынѣ грустенъ, руки сжавъ крестомъ.

О! какъ въ лицѣ его еще видны
Слѣды заботъ и внутренней войны;
И быстрый взоръ, дивящій слабый умъ,
Хоть чуждъ страстей, все полонъ прежнихъ думъ.
Сей взоръ, какъ трепетъ, въ сердце проникалъ,
И тайныя желанья узнавалъ.
Онъ тотъ же все; и той же шляпой онъ,
Сопутницею жизни, осѣненъ.
Но посмотри: ужъ день блеснулъ въ струяхъ,—
Призрака нѣтъ, все пусто на скалахъ.

Нерѣдко внемлетъ житель сихъ бреговъ
Чудесные разсказы рыбаковъ.
Когда гроза бунтуетъ и шумитъ,
И блещетъ молнія, и громъ гремитъ,
Мгновенный лучъ нерѣдко озарялъ
Печальну тѣнь, стоящую межъ скалъ.
Одинъ изъ нихъ, какъ ни былъ страхъ великъ,
Могъ различить недвижный смуглый ликъ,
Подъ шляпою, съ нахмуреннымъ челомъ
И двѣ руки, сложенныя крестомъ.

124. Эпитафія Наполеону.

Да, тѣнь твою никто не порицаетъ,
Мужъ рока! Ты съ людьми—что надъ тобою рокъ.
Кто зналъ тебя возвесть, лишь тотъ низвергнуть могъ, —
Великое жъ ничто не измѣняетъ.

125. Къ глупой красавицѣ.

(Меня спрашивали, зачѣмъ я не говорю съ одной дѣвушкой, а только смотрю...).

Тобой плѣняться издали
Мое все зрѣніе готово,
Но слышать—Боже сохрани
Мнѣ отъ тебя одно хоть слово!
Иль смѣхъ, иль страхъ въ душѣ моей
Замѣнитъ сладкое мечтанье,
И глупый смыслъ твоихъ рѣчей
Оледенитъ очарованье...
Такъ смерть красна издалека,
Пускай она летитъ стрѣлою,
За ней я слѣдую пока,—
Лишь только бъ не она за мною...
За ней я всюду полечу,

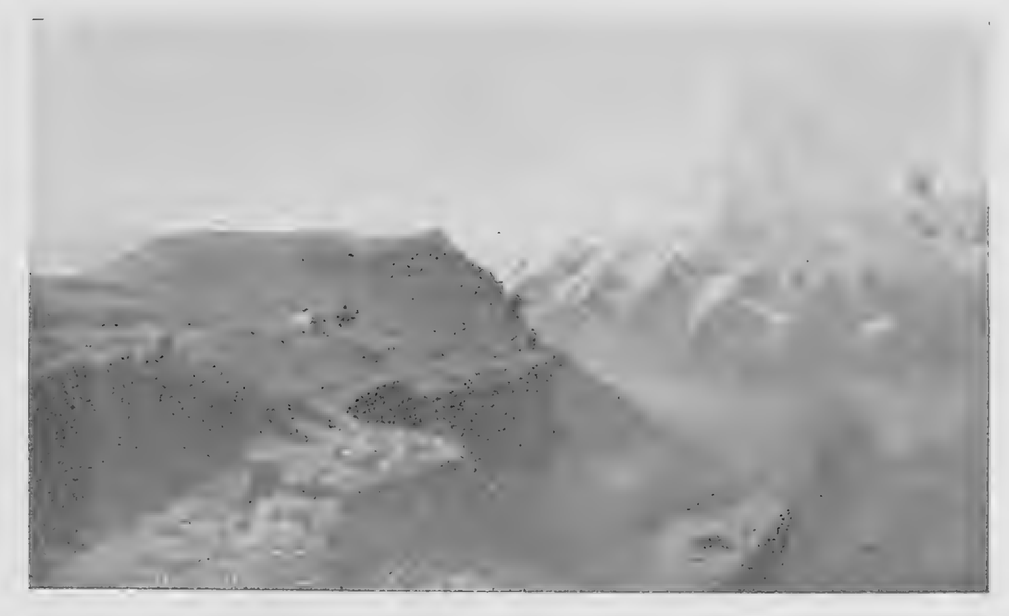
И наслажуся въ созерцаньѣ,
Но самъ привлечь ея вниманье—
Ни за полміра не хочу.

126. Очи- N. N.

Нѣтъ смерти здѣсь!—И сердце вторитъ: нѣтъ!
Для смерти слишкомъ веселъ этотъ свѣтъ.
И не твоимъ глазамъ Творецъ судилъ
Горѣть, играть для тлѣнья и могилъ!..
Хоть все возьметъ могильная доска,
Ихъ пожалѣетъ смерти злой рука.
Ихъ лучъ—съ небесъ; и, какъ въ родныхъ краяхъ,
Они блеснутъ звѣздами въ небесахъ!

127. Кавказу.

Кавказъ! далекая страна!
Жилище вольности простой!
И ты несчастьями полна
И окровàвлена войной!
Ужель пещеры и скалы
Подъ дикой пеленою мглы
Услышатъ также крикъ страстей,
Звонъ славы, злата и цѣпей?..
Нѣтъ! прошлыхъ лѣтъ не ожидай,
Черкесъ, въ отечество свое:
Свободѣ прежде милый край
Примѣтно гибнетъ для нее.

Кавказскій видъ. Рисун. М. Ю. Лермонтова.

Рисун. худ. М. Зайцева. *Лермонтовъ ребенкомъ на Кавказѣ.*

128. УТРО НА КАВКАЗѢ

Свѣтаетъ. Вьется дикой пеленой
Вокругъ лѣсистыхъ горъ туманъ ночной.
Еще у ногъ Кавказа тишина.
Молчитъ табунъ, рѣка журчитъ одна.
Вотъ на скалѣ новорожденный лучъ
Зардѣлся вдругъ, прорѣзавшись межъ тучъ,
И розовый по рѣчкѣ и шатрамъ
Разлился блескъ, и свѣтитъ тамъ и тамъ.
Такъ дѣвушки, купаяся въ тѣни,
Когда увидятъ юношу они,
Краснѣютъ всѣ, къ землѣ склоняютъ взоръ...
Но какъ бѣжать, коль близокъ милый воръ!..

129. Крестъ на скалѣ.

(M-lle Souchkoff).

Въ тѣснинѣ Кавказа я знаю скалу,
Туда долетѣть лишь степному орлу;
Но крестъ деревянный чернѣетъ надъ ней,
Гніетъ онъ и гнется отъ бурь и дождей.
И много ужъ лѣтъ протекло безъ слѣдовъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ онъ виденъ съ далекихъ холмовъ,

И каждая кверху подъята рука,
Какъ будто онъ хочетъ схватить облака.

Графиня Е. Ростопчина. (Е. Сушкова).

О, еслибъ взойти удалось мнѣ туда,
Какъ я бы молился и плакалъ тогда...
И послѣ я сбросилъ бы цѣпь бытія,
И съ бурею братомъ назвался бы я.

130. Стансы.

Я не крушуся о быломъ,—
Оно меня не усладило,
Мнѣ нечего запомнить въ немъ,
Чего бъ тоской не отравило!
Какъ настоящее, оно
Страстями чудными облито,

И вьюгой зла занесено,
Какъ снѣгомъ крестъ въ степи забытый.
Отвѣта на любовь мою
Напрасно жаждалъ я душою,
И если о любви пою,—
Она была моей мечтою.
Я къ одиночеству привыкъ,
Я бъ не умѣлъ ужиться съ другомъ,
Я бъ съ нимъ препровожденный мигъ
Почелъ потеряннымъ досугомъ.
Мнѣ скучно въ день, мнѣ скучно въ ночь,—
Надежды нѣту въ утѣшенье:
Она навѣкъ умчалась прочь,
Какъ жизни каждое мгновенье.
На свѣтлый западъ удалюсь,—
Видъ моря грусть мою разсѣетъ;
Ни съ кѣмъ въ отчизнѣ не прощусь,
Никто о мнѣ не пожалѣетъ!...
Быть можетъ, будетъ мнѣ о комъ
Тогда вздохнуть, и Провидѣнье
Заплатитъ мнѣ спокойнымъ днемъ
За долгое мое мученье.

131. * * *.

Прости, мой другъ!... Какъ призракъ, я лечу
Въ далекій край: печали я ищу;
Хочу грустить, но лишь не предъ тобой.
Ты можешь жить, не слыша голосъ мой.
Изъ всѣхъ блаженствъ, отнятыхъ у меня,
Осталось мнѣ одно: видать тебя,
Тотъ взоръ, что небо жалостью зажгло.
Все кончено!—Ни блѣдное чело,
Ни пасмурный и недовольный взглядъ
Ничѣмъ, ничѣмъ его не омрачатъ!...
Меня забыть прекрасной нѣтъ труда,
И я тебя забуду навсегда.
Я мучусь, если мысль ко мнѣ придетъ,
Что и тебя несчастіе убьетъ,
Что нѣкогда съ ланитъ и съ устъ мечта,
Какъ дымъ, слетитъ, завянетъ красота,
Забьется сердце медленнѣй—свинецъ
Тоски на немъ,—и что всему конецъ!...
Однако жъ я желалъ бы увидать
Твой хладный трупъ, чтобы себѣ сказать:

„Чего еще! Желанья отняты,—
Бѣднякъ, теперь совсѣмъ, совсѣмъ оставленъ ты!“

132. Челнокъ.

Воетъ вѣтръ и свиститъ предъ недальней грозой.
По морю, на темный востокъ,
Озаряемый молньей, кидаемъ волной,
Несется невѣрный челнокъ.
Два гребца въ немъ сидятъ съ безпокойнымъ челомъ,
И что то у ногъ ихъ подъ бѣлымъ холстомъ.
И вихорь сильнѣй по волнамъ пробѣжалъ,
И сорванъ летучій покровъ;
Подъ нимъ человѣкъ неподвижно лежалъ,—
И блѣдный, какъ жертва гробовъ,
Взоръ мраченъ и дикъ, какъ сраженія дымъ,
Какъ туча на небѣ иль волны подъ нимъ.
Въ чалмѣ онъ богатой, съ обритой главой,
И цѣпь на рукахъ и ногахъ,
И рана близъ сердца и токъ кровяной
Не держитъ опасности страхъ;
Онъ смерть равнодушнѣе спутниковъ ждетъ,
Хотя его прежде она уведетъ.
Такъ съ смертію вѣчно: чѣмъ ближе она,
Тѣмъ менѣе жалко намъ свѣтъ;
Двѣ могилы не такъ намъ страшны, какъ одна,
Потому что надежды здѣсь нѣтъ.
И еслибъ не ждалъ я счастливаго дня,
Давно не дышала бы грудь у меня!...

133. (Отрывокъ).

На жизнь надѣяться страшась,
Живу, какъ камень межъ камней,
Излить страданія скупясь:
Пускай сгніютъ въ груди моей!
Разсказъ моихъ сердечныхъ мукъ
Не возмутитъ ушей людскихъ:
Ужель при сшибкѣ камней звукъ
Проникнетъ въ середину ихъ?
Хранится пламень неземной
Со дней младенчества во мнѣ,
Но велѣно ему судьбой,
Какъ жилъ, погибнуть въ тишинѣ.

Я твердо ждалъ его плодовъ,
Съ собой бесѣдовать любя;
Утихнетъ звукъ сердечныхъ словъ,—
Одинъ, одинъ останусь я!
Для тайныхъ думъ я пренебрегъ
И путь любви, и славы путь,
Все, чѣмъ хоть мало въ свѣтѣ могъ
Иль отличиться, иль блеснуть.
Бѣднѣйшій средь существъ земныхъ
Останусь я въ кругу людей,
Навѣкъ лишась достоинствъ ихъ
И добродѣтели своей!
Двѣ жизни въ насъ до гроба есть.
Есть грозный духъ; онъ чуждъ уму,
Любовь, надежда, скорбь и месть,
Все, все подвержено ему.
Онъ основалъ жилище тамъ,
Гдѣ можемъ память сохранять,
И предвѣщаетъ гибель намъ,
Когда ужъ поздно избѣгать.
Терзать и мучить любитъ онъ,
Въ его рѣчахъ нерѣдко ложь...
Онъ точитъ жизнь, какъ скорпіонъ.
Ему повѣрилъ я,—и что жъ!
Взгляните на мое чело,
Всмотритесь въ очи, въ блѣдный цвѣтъ;
Лицо мое вамъ не могло
Сказать, что мнѣ пятнадцать лѣтъ.
И скоро старость приведетъ
Меня къ могилѣ. Я взгляну
На жизнь,—на весь ничтожный плодъ,
И о прошедшемъ вспомяну.
Придетъ сей вѣрный другъ могилъ
Съ своей холодной красотой;
Объ чемъ страдалъ, что я любилъ,
Тогда лишь будетъ мнѣ мечтой.
Ужель единый гробъ для всѣхъ
Уничтоженіемъ грозитъ?
Какъ знать! Тогда, быть можетъ, смѣхъ
Полмертваго воспламенитъ!
Придетъ веселость—звукъ чужой
Понынѣ въ словарѣ моемъ,—
И я объ юности златой
Не погорюю предъ концомъ.
Теперь я вижу: пышный свѣтъ
Не для людей былъ сотворенъ,

Мы сгибнемъ, нашъ сотрется слѣдъ.
Таковъ нашъ рокъ, таковъ законъ.
Нашъ духъ вселенной вихрь умчитъ
Къ безбрежнымъ, мрачнымъ сторонамъ,
Нашъ прахъ лишь землю умягчитъ
Другимъ, чистѣйшимъ существамъ.
Не будутъ проклинать они;
Межъ нихъ ни злата, ни честей
Не будетъ; станутъ течь ихъ дни
Невинные, какъ дни дѣтей;
Межъ нихъ ни дружбу, ни любовь
Приличья цѣпи не сожмутъ,
И братьевъ праведную кровь
Они со смѣхомъ не прольютъ!..
Къ нимъ станутъ (какъ всегда могли)
Слетаться ангелы. А мы
Увидимъ этотъ рай земли,
Окованы надъ бездной тьмы.
Укоры зависти, тоска
И вѣчность съ цѣлію одной...
Вотъ казнь за цѣлые вѣка
Злодѣйствъ, кипѣвшихъ подъ луной!

134. Въ Воскресенскѣ.

1.

(Написано на стѣнахъ жилища Никона).

Оставленная пустынь предо мной
Бѣлѣется вечернею порой.
Послѣдній лучъ на ней еще горитъ,
Но колоколъ растреснувшій молчитъ.
Его, бывало, заунывный гласъ
Звалъ братію ко всенощнѣ въ сей мирный часъ.
Зеленый мохъ, растущій надъ окномъ,
Заржавленныя ставни, и кругомъ
Высокая полынь,—все, все безъ словъ
Намъ говоритъ о таинствахъ гробовъ.

. . . .

Таковъ старикъ, подъ грузомъ тяжкихъ лѣтъ
Еще хранящій жизни первый цвѣтъ;
Хотя онъ свѣжъ,—на немъ печать могилъ
Тѣхъ юношей, которыхъ пережилъ.

2.

(Тамъ же въ монастырѣ).

Предъ мной готическое зданье
Стоитъ, какъ тѣнь былыхъ годовъ.
При немъ тѣснится чувствова́нье
Къ намъ въ грудь того, чему нѣтъ словъ,
Что выше теплаго участья,

Патріархъ Никонъ (съ портрета въ Воскресенскомъ монастырѣ).

Святѣй любви, спокойнѣй счастья.
Быть можетъ, черезъ много лѣтъ
Сія священная обитель
Оставитъ только мрачный слѣдъ.
И любопытный посѣтитель
Въ развалинахъ людей искать
Напрасно станетъ, чтобъ узнать,

Гдѣ образъ Божеской могилы
Между златыхъ колоннъ стоялъ,

Патріархъ Никонъ въ Воскрес. монастырѣ. Картина худ. В. Шварца.

Гдѣ теплились паникадилы,
Гдѣ ликъ отшельниковъ звучалъ,

И гдѣ предъ Богомъ изливали
Свои грѣхи, свои печали...
И тамъ—какъ знать?—найдетъ пришлецъ
Пергаментъ пыльный. Онъ увидитъ,
Какъ сердце любитъ поконецъ
И безконечно ненавидитъ,
Какъ ни вериги, ни клобукъ
Не облегчаютъ нашихъ мукъ.
Онъ тѣхъ людей узритъ гробницы,
Ихъ эпитафіи пройдетъ,
Временъ тогдашнихъ небылицы
За рѣчи истинны почтетъ,
Не мысля, что въ семъ мѣстѣ сгнили
Сердца, которыя любили!...

135. Къ....

Простите мнѣ, что я рѣшился къ вамъ
Писать. Перо въ рукѣ...—Могила
Передо мной! Но что жъ? Все пусто тамъ;
Все прахъ, что нѣкогда она манила
Къ себѣ. Вокругъ меня толпа родныхъ,
Слезами жалости покрыты лица...
И я пишу, пишу...—Но не для нихъ.
Любви моей не холодитъ гробница.
Любви... Но вы не знали мукъ моихъ!
Я чувствую, что это трудъ ничтожный,—
Не усладитъ послѣднихъ онъ минутъ.
Но такъ и быть,—пишу, пока возможно.
Сей трудъ—души моей любимый трудъ!
Прими письмо мое. Твой взоръ увидитъ,
Что я не могъ стѣснить души своей
Къ молчанью: такъ ужасна власть страстей!
Тебя письмо страдальца не обидитъ...
Я въ жизни много, много испыталъ!
Ошибся въ дружбѣ... О! храни моихъ мученій
Слова... Прости! И больше нѣтъ волненій...
Прости, мой другъ... И подписалъ: „Евгеній“.

136. Ночь III.

(Сидя въ Середниковѣ, у окна).

Темно. Все спитъ. Лишь только жукъ ночной,
Жужжа, въ долинѣ пролетитъ порой;
Изъ-подъ травы блистаетъ червячокъ,

Отъ нашихъ думъ, отъ нашихъ бурь далекъ.
Высокихъ липъ сталъ пасмурнѣй навѣсъ,
Когда луна взошла среди небесъ.
Нѣтъ, въ первый разъ примѣтна такъ она!—
Онъ здѣсь. Стоитъ, какъ мраморъ, у окна,
Тѣнь отъ него чернѣетъ на стѣнѣ,
Недвижный взоръ поднятъ, но не къ лунѣ,—
Онъ полонъ всѣмъ, чѣмъ только ядъ страстей
Ужасенъ былъ и милъ сердцамъ людей.
Свѣча горитъ, забыта на столѣ,
И блескъ ея съ лучомъ луны въ стеклѣ
Мѣшается, играетъ, какъ любви
Огонь живой съ презрѣніемъ въ крови!
Кто жъ онъ? Кто жъ онъ, сей нарушитель сна?
Чѣмъ эта грудь мятежная полна?
О, еслибъ вы умѣли угадать
Въ его очахъ, что хочетъ онъ скрывать!
О, еслибъ могъ единый бѣдный другъ
Хотя смягчить души его недугъ!

137. Прости.

(Изъ Байрона).

Прости. Коль могутъ къ небесамъ
Взлетать молитвы о другихъ,
Моя молитва будетъ тамъ
И даже улетитъ за нихъ.
Что пользы плакать и вздыхать:
Слеза кровавая порой
Не можетъ болѣе сказать,
Чѣмъ звукъ прощанья роковой!...
Нѣтъ слезъ въ очахъ, уста молчатъ,
Отъ тайныхъ думъ томится грудь,
И эти думы—вѣчный ядъ,
Имъ не пройти, имъ не уснуть.
Не мнѣ о счастьи бредить вновь,
Лишь знаю я (и могъ снести),
Что тщетно въ насъ жила любовь,
Лишь чувствую. Прости! прости!...

138. Элегія.

Дробись, дробись, волна ночная,
И пѣной орошай брега въ туманной мглѣ.
Я здѣсь стою близъ моря на скалѣ,

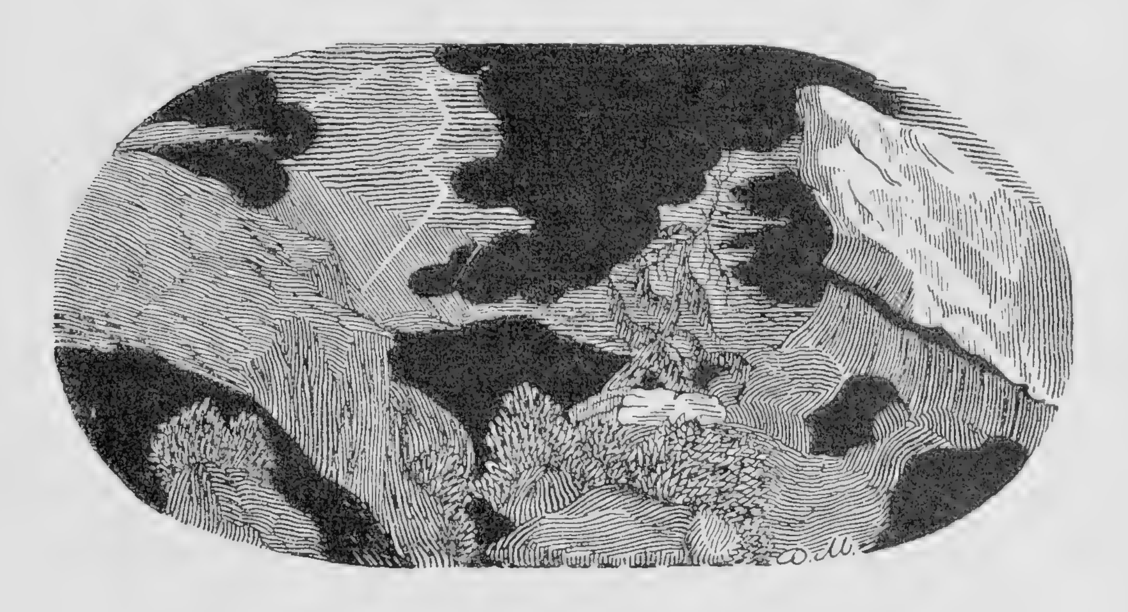
Стою, задумчивость питая,
Одинъ, покинувъ свѣтъ, и чуждый для людей,
И никому тоски повѣрить не желая.
Вблизи меня палатки рыбарѐй,
Межъ нихъ блеститъ огонь гостепріимный,
Семья безпечная сидитъ вкругъ огонька
И, внемля повѣсть старика,
Себѣ готовитъ ужинъ дымный.
Но я далекъ отъ счастья ихъ душой,
Я помню блескъ обманчивой столицы,
Веселій пагубныхъ невозвратимый рой...
И что жъ?—Слеза бѣжитъ съ рѣсницы,
И сожалѣніе мою тревожитъ грудь;
Года погибшіе являются всечасно,—
И этотъ взоръ, задумчивый и ясной...
Твержу, твержу душѣ: забудь!
Онъ все передо мной: я все твержу напрасно!
О, еслибъ я въ семъ мѣстѣ былъ рожденъ,
Гдѣ не живетъ среди людей коварность,—
Какъ много бы я былъ судьбою одолженъ.
Теперь у ней нѣтъ правъ на благодарность!
Какъ жалокъ тотъ, чья младость принесла
Морщину лишнюю для стараго чела,
И, отобравъ всѣ милыя желанья,
Одно печальное раскаянье дала;
Кто чувствовалъ, какъ я, чтобъ чувствовать страданья,
Кто рано свѣтъ узналъ и съ страшной пустотой,
Какъ я, оставилъ брегъ земли своей родной
Для добровольнаго изгнанья!

139. Эпитафія.

Простосердечный сынъ свободы,
Для чувствъ онъ жизни не щадилъ,
И вѣчныя черты природы
Онъ часто списывать любилъ.
Онъ вѣрилъ темнымъ предсказаньямъ,
И талисманамъ, и любви,—
И неестественнымъ желаньямъ
Онъ отдалъ въ жертву дни свои.
И въ немъ душа запасъ хранила
Блаженства, муки и страстей.
Онъ умеръ. Здѣсь его могила.
Онъ не былъ созданъ для людей!

140. Sentenz.

Когда бы могъ весь свѣтъ узнать,
Что жизнь, съ надеждами, мечтами,
Не что иное, какъ тетрадь
Съ давно извѣстными стихами!

141. ГРОБЪ ОССІАНА

(Узнавъ отъ путешественника описаніе сей могилы).

Подъ занавѣсою тумана,
Подъ небомъ бурь, среди степей,
Стоитъ могила Оссіана
Въ горахъ Шотландіи моей.
Летитъ къ ней духъ мой усыпленной
Родимымъ вѣтромъ подышать,
И отъ могилы сей забвенной
Вторично жизнь свою занять!..

142. Посвященіе.

Прими, прими мой грустный трудъ
И, если можешь, плачь надъ нимъ.
Я много плакалъ,—не придутъ
Вновь эти слезы: вѣчно имъ

Не освѣжать моихъ очей.
Когда катилися они,
Я думалъ, думалъ все объ ней,
Жалѣлъ и ждалъ другіе дни!
Ужъ нѣтъ ея,—и слезъ ужъ нѣтъ,
И нѣтъ надеждъ! Передо мной
Блеститъ надменный глупый свѣтъ
Съ своей красивой пустотой!
Ужель я для него писалъ?
Ужели важному шуту
Я вдохновенье посвящалъ,
Являя сердца полноту?
Цѣнить онъ только злато могъ,
И гордыхъ думъ не постигалъ.
Мой геній сплелъ себѣ вѣнокъ
Въ ущелинахъ кавказскихъ скалъ;
Однимъ высокимъ увлеченъ,
Онъ только жертвуетъ любви;
Принесть тебѣ лишь можетъ онъ
Любимые труды свои.

143. Кладбище.

(На кладбищѣ написано).

Вчера до самой ночи просидѣлъ
Я на кладбищѣ. Все смотрѣлъ, смотрѣлъ
Вокругъ себя, полстертыя слова
Я разбиралъ. Невольно голова
Наполнилась мечтами вновь; очей
Я не былъ въ силахъ оторвать съ камнѐй...
Одинъ ушелъ ужъ въ землю, и на немъ
Все стерлось; тамъ крестъ къ кресту челомъ
Нагнулся, будто любитъ, будто сонъ
Земныхъ страстей узналъ въ семъ мѣстѣ онъ...
Вкругъ тихо, сладко все, какъ мысль о ней!
Краснѣючи, волнуется пырей
На солнцѣ вечера. Надъ головой
Жужжа, со днемъ прощаются игрой
Толпящіяся мошки,—какъ народъ
Существъ, уставшихъ отъ работъ!...
Стократъ великъ, Кто создалъ міръ! великъ!..
Сихъ мелкихъ тварей надмогильный крикъ
Творца не больше ль славитъ иногда,
Чѣмъ въ пепелъ обращенныя стада,
Чѣмъ человѣкъ, сей царь надъ общимъ зломъ,
Съ коварнымъ сердцемъ, съ ложнымъ языкомъ?..

144. Посвященіе.

Тебѣ я нѣкогда ввѣрялъ
Души взволнованной мечты;
Я бѣденъ былъ,—ты это зналъ,
И бѣдняка не кинулъ ты.
Ты примирилъ меня съ судьбой,
Съ мятежной властію страстей;
Тобой, единственно тобой,
Я сталъ, чѣмъ былъ съ давнишнихъ дней.
И муза, по моей мольбѣ,
Сошла опять съ святой горы;
Но вѣрь, принадлежитъ тебѣ—
Ея вѣнокъ, ея дары!

145. Моя мольба.

(Послѣ разговора съ одной извѣстной очень мнѣ старушкой, которая восхищалась. и читала, и плакала надъ Грандисономъ).

Да охранюся я отъ мушекъ,
Отъ дѣвъ, не знающихъ любви,
Отъ дружбы слишкомъ нѣжной и...
Отъ романтическихъ старушекъ.

146. Къ С.

(При выѣздѣ изъ Середникова къ Miss Blackeys. Шутка, предположенная отъ M. Kord).

Вблизи тебя до этихъ поръ
Я не слыхалъ въ груди огня;
Встрѣчалъ ли твой прелестный взоръ,
Не билось сердце у меня.
Въ лѣсахъ, по узенькимъ тропамъ,
Нерѣдко я бродилъ съ тобой,
Ихъ шумомъ любовался тамъ,
Меня не трогалъ голосъ твой.
И что жъ? Разлуки первый звукъ
Меня заставилъ трепетать...
Нѣтъ, нѣтъ! онъ не предвѣстникъ мукъ.
Я не люблю! зачѣмъ скрывать!
Однако же хоть день, хоть часъ
Еще желалъ бы здѣсь пробыть,
Чтобъ блескомъ этихъ чудныхъ глазъ
Души тревоги усмирить.

147. Гость.

Какъ прошлецъ иноплеменный,
Въ облакахъ луна скользитъ,
Колокольчикъ отдаленный
То замолкнетъ, то звенитъ.
„Что за гость въ ночи морозной?"
Мужу говоритъ жена,
Сидя рядомъ, въ вечеръ поздной,
Возлѣ тусклаго окна...
Вотъ кибитка подъѣзжаетъ.
На высокое крыльцо
Изъ кибитки вылѣзаетъ
Незнакомое лицо.
И слуга вошелъ съ свѣчею,
Бѣдный вслѣдъ за нимъ монахъ...
Нынѣ позднею порою
Заплутался онъ въ лѣсахъ.
И ему ночлегъ дается.
Что жъ стоишь, отшельникъ, ты?
Свѣчки лучъ печально льется
На печальныя черты.
Чуднымъ взоръ огнемъ свѣтился,
Онъ хозяйку вдругъ узналъ,
Онъ дрожитъ, и вотъ забылся,
И къ ногамъ ея упалъ.
Мужъ ушелъ тогда.—О! прежде
Жилъ чернецъ лишь для нея,
Обманулся онъ въ надеждѣ,
Погубилъ онъ съ нею все.
Но промчалось изступленье...
Путникъ въ комнатѣ своей,
Чтобъ рыданья и мученье
Схоронить отъ глазъ людей.
Но рыданія звучали
Вплоть до бѣлыя зари,
Наконецъ и замолчали...
По-утру къ нему вошли:
На полу онъ, посинѣлый,
Какъ замученный, лежалъ,
И безчувственное тѣло
Плащъ печальный покрывалъ!..

148. 1830. Мая 16 числа.

Боюсь не смерти я, о, нѣтъ!
Боюсь исчезнуть совершенно,—
Хочу, чтобъ трудъ мой вдохновенной
Когда-нибудь увидѣлъ свѣтъ.
Хочу,—и снова затрудненье!
Зачѣмъ? Что пользы будетъ мнѣ?
Мое свершится разрушенье
Въ чужой, невѣдомой странѣ.
Я не хочу бродить межъ вами
По разрушеніи! Творецъ!
На то ли я звучалъ струнами,
На то ли созданъ былъ пѣвецъ?
На то ли вдохновенье, страсти
Меня къ могилѣ привели?..
И нѣтъ въ душѣ довольно власти,—
Люблю мученія земли.
И этотъ образъ... Онъ за мною
Въ могилу силится бѣжать,
Туда, гдѣ обѣщалъ мнѣ дать
Ты мѣсто къ вѣчному покою.
Но чувствую,—покоя нѣтъ
И тамъ, и тамъ его не будетъ.
Тѣхъ длинныхъ, тѣхъ жестокихъ лѣтъ
Страдалецъ вѣчно не забудетъ!..

149. Къ * * *.

(Прочитавъ жизнь Байрона, написанную Муромъ).

Не думай, чтобъ я былъ достоинъ сожалѣнья,
Хотя теперь слова мои печальны... Нѣтъ,
Нѣтъ! всѣ мои жестокія мученья—
Одно предчувствіе гораздо большихъ бѣдъ.
Я молодъ, но кипятъ на сердцѣ звуки,
И Байрона достигнуть я бъ хотѣлъ:
У насъ одна душа, однѣ и тѣ же муки;
О, еслибъ одинаковъ былъ удѣлъ!..
Какъ онъ, ищу забвенья и свободы,
Какъ онъ, въ ребячествѣ пылалъ ужъ я душой,
Любилъ закатъ въ горахъ, пѣнящіяся воды,
И бурь земныхъ и бурь небесныхъ вой.
Какъ онъ, ищу спокойствія напрасно,
Гонимъ повсюду мыслію одной.
Гляжу назадъ—прошедшее ужасно,
Гляжу впередъ—тамъ нѣтъ души родной.

150. Эпитафія.

(Утонувшему игроку).

Кто яму для другихъ копать трудился,
Тотъ самъ въ нее упалъ,—гласитъ писанье такъ.
Ты это оправдалъ, бостонный мой чудакъ:
Топилъ людей,—и утопился...

151. Дереву.

Давно ли съ зеленью радушной
Передо мной стояло ты,
И я корѣ твоей послушной
Ввѣрялъ любимыя мечты.
Лишь годъ назадъ, два талисмана
Свѣтилися въ тѣни твоей,
И даже замысла обмана
Не скрылося въ душѣ дѣтей...
Дѣтей!.. О! да, я былъ ребенокъ.
Промчался легкой страсти сонъ;
Дремоты флеръ былъ слишкомъ тонокъ,—
Въ единый мигъ прорвался онъ.
И деревцо съ моей любовью
Погибло, чтобы вновь не цвѣсть;
Я жизнь ея купилъ бы кровью,
Но какъ перемѣнить, что̀ есть?
Ужели также вдохновенье
Умретъ невозвратимо съ нимъ?
Иль шуму свѣтскаго волненья
Бороться съ сердцемъ молодымъ?
Нѣтъ, нѣтъ!—Мой духъ безсмертенъ силой,
Мой геній вѣки пролетитъ,
И эти вѣтви, надъ могилой
Пѣвца-страдальца, освятитъ!..

152. Предсказаніе.

(Это моя мечта).

Настанетъ годъ, Россіи черный годъ,
Когда царей корона упадетъ,
Забудетъ чернь къ нимъ прежнюю любовь,
И пища многихъ будетъ смерть и кровь;
Когда дѣтей, когда невинныхъ женъ

Низвергнутый не защититъ законъ;
Когда чума отъ смрадныхъ мертвыхъ тѣлъ
Начнетъ бродить среди печальныхъ селъ,
Чтобы платкомъ изъ хижинъ вызывать;
И станетъ гладъ сей бѣдный край терзать;
И зарево окраситъ волны рѣкъ...
Въ тотъ день явится мощный человѣкъ,
И ты его узнаешь,—и поймешь,
Зачѣмъ въ рукѣ его булатный ножъ.
И горе для тебя! Твой плачъ, твой стонъ
Ему тогда покажется смѣшонъ;
И будетъ все ужасно, черно въ немъ,
Какъ длинный плащъ съ клонящимся перомъ.

153. * * *.

Все тихо. Полная луна
Блеститъ межъ ветелъ надъ прудомъ,
И возлѣ берега волна
Съ холоднымъ рѣзвится лучомъ.
Никто, никто не усладилъ
Въ изгнаньи семъ тоски мятежной!
Любить?—три раза я любилъ,
Любилъ три раза безнадежно.

154. 1830 годъ. Іюля 15-го.

Зачѣмъ семьи родной безвѣстный кругъ
Я покидалъ? Все сердце грѣло тамъ,
Все было мнѣ наставникъ или другъ,
Все вѣрило младенческимъ мечтамъ.
Какъ ужасы плѣняли юный духъ!
Какъ я рвался на волю къ облакамъ!
Готовъ лобзать уста друзей былъ я,
Не посмотрѣвъ, не скрыта ль въ нихъ змѣя.
Но въ общество иное я вступилъ,
Узналъ людей и дружескій обманъ,
Сталъ подозрителенъ, и погубилъ
Безпечности душевной талисманъ.
Чтобы никто теперь не говорилъ:
Онъ будетъ другъ мнѣ! Боль старинныхъ ранъ
Изъ груди извлечетъ не рѣчь, но стонъ;
И не привѣтъ,—упрекъ услышитъ онъ.
Ахъ! Я любилъ, когда я былъ счастливъ,
Когда лишь отъ любви могъ слезы лить.

Но эту грудь страданьемъ напоивъ,
Скажите, мнѣ возможно ли любить?
Страшусь, въ объятья дѣву заключивъ,
Живую душу ядомъ отравить,
И показать, что сердце у меня
Есть жертвенникъ, сгорѣвшій отъ огня.
Но лучше я, чѣмъ для людей кажусь:
Они въ лицѣ не могутъ чувствъ прочесть;
И что молва кричитъ о мнѣ—боюсь—
Когда бъ я зналъ, не могъ бы перенесть...
Противу нихъ во мнѣ горитъ, клянусь,
Не злоба, не презрѣніе, не месть,
Но... для чего старалися они
Такъ отравить ребяческіе дни?
Согбенный лукъ, порвавши тетиву,
Гремитъ,—но вновь не будетъ прямъ, какъ былъ.
Чтобъ цѣпь ихъ сбросить, я, поднявъ главу,
Послѣднее усиліе свершилъ.
Что жъ!—Нынѣ жалкій, грустный, я живу
Безъ дружбы, безъ надеждъ, безъ думъ, безъ силъ,
Блѣднѣй, чѣмъ лучъ безчувственной луны,
Когда въ окно скользитъ онъ вдоль стѣны.

Москва.

155. Булеваръ.

Съ минуту лишь съ бульвара прибѣжавъ,
Я взялъ перо. И, право, очень радъ,
Что ужъ надъ нимъ моихъ не можетъ правъ
Отбить какой-нибудь бульварный хватъ.
Сатировъ я, для помощи призвавъ,
Подговорю,—и все пойдетъ на ладъ:
Ругай людей, но лишь ругай остро,
Не то... ко всѣмъ чертямъ твое перо!..
Приди же изъ подземнаго огня,
Чертенокъ мой, взъерошенный острякъ,
И попугаемъ сядь вблизи меня.
„Дуракъ!“ скажу,—и ты кричи: „дуракъ!“.
Не устоитъ бульварная семья.
Хоть морщи лобъ, хотя сожми кулакъ,
Невинная красотка въ сорокъ лѣтъ,—
Пятнадцати тебѣ все нѣтъ, какъ нѣтъ!
И ты, мой старецъ съ рыжимъ парикомъ,
Ты, депутатъ столѣтій и могилъ,
Дрожащій весь и схожій съ жеребцомъ,
Какъ кровь ему изъ всѣхъ пускаютъ жилъ,—

Ты здѣсь бредешь и смотришь сентябремъ,
Хоть тамъ княжна лепечетъ: „какъ онъ милъ!“
А для того и силится хвалить,
Чтобъ свой порокъ въ Ч**** извинить!..
Подалѣе, на креслахъ тамъ другой
Едва сидитъ согбенный сынъ земли.
Онъ, какъ знатокъ, глядитъ въ лорнетъ двойной.
Власы его въ серебряной пыли.
Онъ одаренъ восточною душой,
Коль душу въ немъ въ сто лѣтъ найти могли,—

Петровскій бульваръ въ Москвѣ въ началѣ XIX вѣка.

Но я клянусь (пусть, кончивъ—буду прахъ),
Она тонка, когда въ его ногахъ.
И что жъ? Онъ правъ, онъ правъ, друзья мои!
Глупецъ, кто жилъ, чтобъ на діэтѣ быть,
Уменъ, кто отдалъ дни свои любви!
И этотъ мужъ копилъ, чтобы любить,—
Замѣнъ души онъ находилъ въ крови.
Но тотъ блаженъ, кто можетъ говорить,
Что онъ вкушалъ до капли медъ земной,
Что онъ любилъ и тѣломъ, и душой!..
И я любилъ!.. Опять къ своимъ страстямъ!..
Брось, брось свои безумныя мечты!..

Пора склонить вниманіе на дамъ,
На этихъ кандидатокъ красоты,
На ихъ нарядъ... Какъ описать все вамъ?
Въ нарядѣ ихъ нѣтъ милой простоты:
Все такъ высоко, такъ взгромождено,
Какъ бурею на нихъ нанесено.
    Примѣтна спесь въ ихъ пошлой болтовнѣ,
Уста всегда сказать готовы: нѣтъ.
И холодны онѣ, какъ при лунѣ
Намъ кажется прабабушки портретъ.
Когда гляжу, то, право, жалко мнѣ,
Что вкусъ такой имѣетъ модный свѣтъ;
Вѣдь думаютъ тенетомъ лентъ, кисей,
Какъ зайчиковъ, поймать моихъ друзей.
    Сидѣлъ я разъ случайно подъ окномъ;
И вдругъ головка вышла изъ окна,
Незавита и въ чепчикѣ простомъ.
Но какъ божественна была она!
Уста и взоръ! Стыжусь! въ умѣ моемъ
Головка та ничѣмъ не изгнана,
Какъ нѣкій сонъ младенческихъ ночей
Или какъ пѣсня матери моей.
И сколько лѣтъ уже прошло съ тѣхъ поръ!..
О, вѣрьте мнѣ, красавицы Москвы:
Блистательный вашъ головной уборъ
Вскружить не въ силахъ нашей головы.
Всѣ платья, шляпы, букли ваши—вздоръ,
Такой же вздоръ, какой твердите вы,
Когда идете здѣсь толпой кометъ,
А маменьки бѣгутъ за вами вслѣдъ.
    Но для чего кометами я васъ
Назвалъ,—глупецъ тупѣйшій то пойметъ,
И самъ Башуцкой объяснитъ тотчасъ:
Комета за собою хвостъ влечетъ,
И это всѣми признано у насъ,
Хотя—что въ немъ, никто не разберетъ;
За вами жъ хвостъ оставленныхъ мужьевъ,
Вздыхателей и бѣдныхъ жениховъ!
    О, женихи! о, бѣдный Мосоловъ!
Какъ не вздохнуть, когда тебя найду,
Педантика, изъ рода пѣтушковъ,
Средь юныхъ дѣвъ, какъ будто бы въ саду.—
Хотя и держишься размѣру словъ,
Но ты согласенъ на свою бѣду,
Что лучше все не думавъ говорить,
Чѣмъ глупо думать и глупѣй судить.

Онъ чванится, что точно русскій онъ,
Но если бы таковъ былъ весь народъ,
То я бы изъ Руси пустился вонъ...
И то сказать, чудесный патріотъ
Лишь своему языку обучёнъ,—
Онъ этимъ край родной не выдаетъ,
А то бъ узнали всей земли концы,
Что есть у насъ подобные глупцы.

(Продолженіе впредь).

156. Пѣснь Барда.

Я долго былъ въ чужой странѣ,
Дружинъ Днѣпра сѣдой пѣвецъ!
И вдругъ пришло на мысли мнѣ
Къ нимъ возвратиться наконецъ.
Пришелъ съ гуслями за спиной,
Былую пѣсню заигралъ...
Напрасно! князь земли родной
Приказу ханскому внималъ.
Въ пустыни, гдѣ являлся врагъ,
Понесъ я старую главу,
И попиралъ мой каждый шагъ
Окровавлённую траву.
Сходились къ брошеннымъ костямъ
Толпы звѣрей и птицъ лѣсныхъ,
Затѣмъ, что больше было тамъ
Число убитыхъ, чѣмъ живыхъ.
Кто могъ бы пѣсню спѣть одну?
Отчаяннымъ движеньемъ рукъ
Задѣвъ дрожащую струну,
Случалось, исторгалъ я звукъ,
Но умиралъ такъ скоро онъ!
И еслибъ слышалъ сынъ цѣпей,
То гибнущей свободы стонъ
Не тронулъ бы его ушей.
Вдругъ кто то у меня спросилъ:
Зачѣмъ я часто слезы лью?
Гдѣ человѣкъ такъ вольно жилъ?
О комъ бренчу, о комъ пою?
Пронзила эта рѣчь меня,—
Надеждъ пропалъ послѣдній рой;
На землю гусли бросилъ я—
И молча раздавилъ ногой.

157. 10-е іюля 1830 г.

Опять вы, гордые, возстали
За независимость страны,
И снова передъ вами пали
Самодержавія сыны.
И снова знамя вольности кровавой
Явилося—побѣды мрачной знакъ;
Оно любимо было прежде славой,
Суворовъ былъ его сильнѣйшій врагъ...

158. Парижъ. 30 іюля 1830 г.

Ты могъ быть лучшимъ королемъ,
Ты не хотѣлъ. Ты полагалъ
Народъ унизить подъ ярмомъ,
Но ты французовъ не узналъ!

Ф. П. С. Жераръ. Карлъ X.

Есть судъ земной и для царей,—
Провозгласилъ онъ твой конецъ.
Съ дрожащей головы твоей
Ты въ бѣгствѣ уронилъ вѣнецъ.

И загорѣлся страшный бой...
И знамя вольности, какъ духъ,
Идетъ предъ гордою толпой,—
И звукъ одинъ наполнилъ слухъ,
И брызнула въ Парижѣ кровь.
О, чѣмъ заплатишь ты, тиранъ,
За эту праведную кровь,
За кровь людей, за кровь гражданъ?
Когда послѣдняя труба
Разрѣжетъ звукомъ синій сводъ,
Когда откроются гроба,
И прахъ свой прежній видъ возьметъ,
Когда появятся вѣсы,
И ихъ подыметъ Судія,—
Не встанутъ у тебя власы?
Не задрожитъ рука твоя?
Глупецъ! что будешь ты въ тотъ день,
Коль нынѣ стыдъ ужъ надъ тобой?—
Предметъ насмѣшекъ ада, тѣнь,
Призракъ, обманутый судьбой!..
Безсмертной раною убитъ,
Ты обернешь молящій взглядъ,
И строй кровавый закричитъ:
„Онъ виноватъ! Онъ виноватъ!“

159. Благодарю.

Благодарю!.. Вчера мое признанье
И стихъ мой ты безъ смѣха приняла.
Хоть ты страстей моихъ не поняла,
Но за твое притворное вниманье
Благодарю!

Въ другомъ краю ты нѣкогда плѣняла;
Твой чудный взоръ и острота рѣчей
Останутся навѣкъ въ душѣ моей;
Но не хочу, чтобы ты мнѣ сказала:
Благодарю!

Я бъ не желалъ умножить въ цвѣтѣ жизни
Печальную толпу твоихъ рабовъ,
И отъ тебя услышать вмѣсто
Язвительной, жестокой укоризны—
Благодарю!

О, пусть холодность мнѣ твой взоръ покажетъ,
Пусть онъ убьетъ надежды и мечты
И все, что въ сердцѣ возродила ты;
Душа моя тебѣ тогда лишь скажетъ:
Благодарю!

Середниково. 12 августа 1830 г.

160. Чума въ Саратовѣ.

Cholera-morbus (1830 года августа 15 дня).

1.

Чума явилась въ нашъ предѣлъ.
Хоть страхомъ сердце стѣснено,
Изъ милліона мертвыхъ тѣлъ
Мнѣ будетъ дорого одно.
Его землѣ не отдадутъ,
И крестъ его не осѣнитъ,
И пламень, гдѣ его сожгутъ,
Навѣкъ мнѣ сердце охладитъ.

2.

Никто не прикоснется къ ней,
Чтобъ облегчить послѣдній мигъ.
Уста волшебницы очей
Не приманятъ къ себѣ другихъ.
Лобзая ихъ, я бъ былъ счастливъ,
Когда бъ въ себя ядъ смерти впилъ,
Затѣмъ, что, сладость ихъ испивъ,
Я дѣву нѣкогда забылъ.

161. Чума.

(Отрывокъ).

79.

Два человѣка въ этотъ страшный годъ,
Когда всѣхъ занимала смерть одна,
Хранили чувство дружбы. Жизнь ихъ, родъ—
Незнанія хранила тишина.
Толпами гибъ отчаянный народъ,
Вкругъ нихъ валялись трупы,—и страна
Веселья стала гробъ. И въ эти дни
Безъ страха обнималися они!..

80.

Одинъ былъ юнъ годами и душой,
Имѣлъ блистающій и быстрый взоръ,
Играла кровь въ щекахъ порой,
Въ движеніяхъ и въ мысляхъ онъ былъ скоръ

И мужественъ съ лица. Но онъ съ тоской
И ужасомъ глядѣлъ на гладный моръ,
Молился, плакалъ онъ и день, и ночь,
Отталкивалъ и сонъ, и пищу прочь.

81.

Другой узналъ, казалось, жизни зло,
И разорвалъ свои надежды самъ:
Высокое и блѣдное чело
Являло наблюдательнымъ очамъ,
Что сердце много мукъ перенесло
И было прежде отдано страстямъ.
Но, несмотря на мрачный сей удѣлъ,
И онъ какъ бы невольно жить хотѣлъ...
И, наконецъ, ударилъ часъ...

82.

Безмолвствуя, на друга онъ взиралъ,
И въ жилахъ останавливалась кровь;
Онъ вздрагивалъ, садился, онъ вставалъ,
Ходилъ, блѣднѣлъ, и вдругъ садился вновь,
Ломалъ въ безумьи руки,—но молчалъ...
Онъ подавлялъ въ груди своей любовь
И сердца безпокойный, вѣщій гласъ,
Что скоро бьетъ неизбѣжимый часъ.

83.

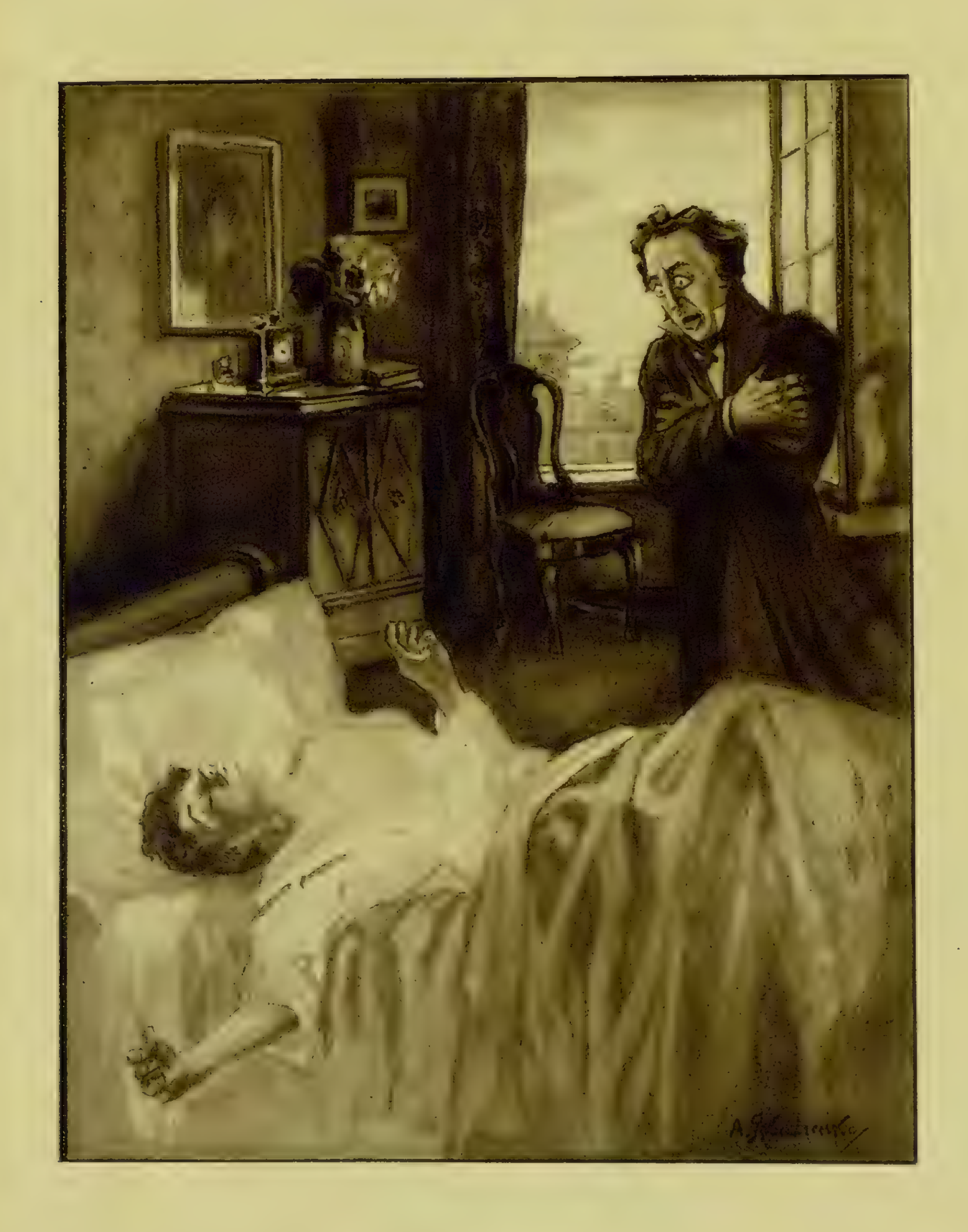
И часъ пробилъ. Его нѣжнѣйшій другъ
Сталъ медленно слабѣть. Хоть говорить
Не могъ ужъ юноша, его недугъ
Не отнималъ еще надежду жить;
Казалось, судоржнымъ движеньемъ рукъ
Старался онъ кончину удалить...
Но вотъ утихъ... взоръ ясный поднялъ онъ,
Закрылъ... Хотя бъ одинъ послѣдній стонъ!..

84.

Какъ сумасшедшій, руки сжавъ крестомъ,
Стоялъ его товарищъ. Онъ хотѣлъ
Смѣяться, но съ открытымъ ртомъ
Остался... Взглядъ его оцѣпенѣлъ...
Пришли къ нимъ люди. Зацѣпивъ крючкомъ
Холодный трупъ, къ высокой грудѣ тѣлъ
Они безъ сожалѣнья повлекли,
И подложили бревенъ и зажгли.

Рисун. худ. А. Якимченко. *Какъ сумасшедшій, руки сжавъ крестомъ
Стоялъ его товарищъ. Онъ хотѣлъ
Смѣяться, но съ открытымъ ртомъ
Остался...*

85.

Когда жъ потомъ въ себя пришелъ живой,
И увидалъ, что унесенъ мертвецъ,—
Онъ завернулся въ плащъ широкій свой,
Чтобъ ожидать безтрепетно конецъ.
И сталъ въ глазахъ двоиться лучъ дневной,
Глава отяжелѣла, какъ свинецъ,
И душу рокъ отъ тѣла оторвалъ,
И будто снопъ на землю онъ упалъ.

Августа 1830 г.

162. * * *.

Плачь, плачь, Израиля народъ!
Ты потерялъ звѣзду свою:
Она вторично не взойдетъ,
И будетъ мракъ въ земномъ краю.
По крайней мѣрѣ есть одинъ,
Который все съ ней потерялъ;
Безъ думъ, безъ чувствъ, среди долинъ
Онъ тѣнь слѣдовъ ея искалъ!...

163. Нищій.

У вратъ обители святой
Стоялъ просящій подаянья
Бѣднякъ, изсохшій, чуть живой
Отъ глада, жажды и страданья.
Куска лишь хлѣба онъ просилъ,
И взоръ являлъ живую муку,
И кто то камень положилъ
Въ его протянутую руку.
Такъ я молилъ твоей любви,
Съ слезами горькими, съ тоскою;
Такъ чувства лучшія мои
Обмануты навѣкъ тобою!

164. Къ ...

Не говори,—я трусъ, глупецъ!..
О! если такъ меня терзало
Сей жизни мрачное начало,
Какой же долженъ быть конецъ?

165. Стансы.

I.

Взгляни, какъ мой спокоенъ взоръ,
Хотя звѣзда судьбы моей
Померкнула съ давнишнихъ поръ—
И съ нею думы свѣтлыхъ дней!
Слеза, которая не разъ
Рвалась блеснуть передъ тобой,
Ужъ не придетъ, какъ этотъ часъ,
На смѣхъ подосланный судьбой.

II.

Смѣялась надо мною ты,
И я презрѣньемъ отвѣчалъ;
Съ тѣхъ поръ сердечной пустоты
Я ужъ ничѣмъ не замѣнялъ.
Ничто не сблизитъ больше насъ,
Ничто мнѣ не отдастъ покой,
Хоть въ сердцѣ шепчетъ чудный гласъ:
„Я не могу любить другой“!

III.

Я жертвовалъ другимъ страстямъ,—
Но если первыя мечты
Служить не могутъ снова намъ,
То чѣмъ же ихъ замѣнишь ты?
Чѣмъ успокоишь жизнь мою,
Когда ужъ обратила въ прахъ
Мои надежды въ семъ краю,
А, можетъ быть, и въ небесахъ?

26 августа 1830 года.

166. Ночь IV.

(1830 года, ночью, августа 28).

Одинъ я въ тишинѣ ночной.
Свѣча сгорѣвшая трещитъ,
Перо въ тетрадкѣ записной
Головку женскую чертитъ.
Воспоминанье о быломъ,
Какъ тѣнь въ кровавой пеленѣ,
Спѣшитъ указывать перстомъ
На то, что было мило мнѣ.

Слова, которыя могли
Меня тревожить въ тѣ года,
Пылаютъ предо мной вдали,
Хоть мной забыты навсегда.
И тамъ скелеты прошлыхъ лѣтъ
Стоятъ унылою толпой,
Межъ ними есть одинъ скелетъ,—
Онъ обладалъ моей душой.
Какъ могъ я не любить тотъ взоръ?
Презрѣнья женскаго кинжалъ
Меня пронзилъ... Но нѣтъ, съ тѣхъ поръ
Я все любилъ, я все страдалъ...
Сей взоръ невыносимый—онъ
Бѣжитъ за мною, какъ призракъ,
И я до гроба осужденъ
Другого не любить никакъ.
О! я завидую другимъ!
Въ кругу семейственномъ, въ тиши,
Смѣяться просто можно имъ
И веселиться отъ души.
Мой смѣхъ тяжелъ мнѣ, какъ свинецъ:
Онъ плодъ сердечной пустоты.
О, Боже! вотъ что—наконецъ,
Я вижу—мнѣ готовилъ Ты.
Возможно ль!—Первую любовь
Такою горечью облить!
Притворствомъ взволновавъ мнѣ кровь,
Хотѣть насмѣшкой остудить!
Желалъ я на другой предметъ
Излить огонь страстей своихъ...
Но память, слезы первыхъ лѣтъ!
Кто устоитъ противу нихъ?!

167. Экспромтъ.

Три граціи считались въ древнемъ мірѣ,
Родились вы... все три, а не четыре!

168. Весна.

Когда весной разбитый ледъ
Рѣкой взволнованной идетъ,
Когда среди луговъ мѣстами
Чернѣетъ голая земля,

И мгла ложится облаками
На полуюныя поля,—
Мечтанье злое грусть лелѣетъ
Въ душѣ неопытной моей.
Гляжу—природа молодѣетъ,
Не молодѣть лишь только ей;
Ланитъ спокойныхъ пламень алый
Съ собою время уведетъ,
И тотъ, кто такъ страдалъ, бывало,
Любви къ ней въ сердцѣ не найдетъ.

169. * * *.

Когда къ тебѣ молвы разсказъ
Мое названье принесетъ
И моего рожденья часъ
Передъ полміромъ проклянетъ;
Когда мнѣ пищей станетъ кровь,
И буду жить среди людей,
Ничью не радуя любовь,
И злобы не боясь ничьей,—
Тогда раскаянья кинжалъ
Пронзитъ тебя,—и вспомнишь ты,
Что̀ при прощаньи я сказалъ.
Увы! то были не мечты,
И если только, наконецъ,
Моя лишь грудь поражена,
То, вѣрно, прежде зналъ Творецъ,
Что ты страдать не рождена.

170. * * *.

Передо мной лежитъ листокъ,
Совсѣмъ ничтожный для другихъ,
Но въ немъ сковалъ случайно рокъ
Толпу надеждъ и думъ моихъ.
Исписанъ онъ твоей рукой,
И я вчера его укралъ,
И для добычи дорогой
Готовъ страдать, какъ ужъ страдалъ!

171. * * *.

Свершилось! полно ожидать
Послѣдней встрѣчи и прощанья!
Разлуки часъ и часъ страданья
Придутъ,—зачѣмъ ихъ отклонять!
Ахъ, я не зналъ, когда глядѣлъ
На чудные глаза прекрасной,
Что часъ прощанья, часъ ужасной,
Ко мнѣ внезапно подлетѣлъ.
Свершилось! голосомъ безцѣннымъ
Мнѣ больше сердца не питать;
Запрусь въ углу уединенномъ
И буду плакать... вспоминать!

1 октября 1830 г.

172. * * *.

Итакъ, прощай, впервые этотъ звукъ
Тревожитъ такъ жестоко грудь мою.
Прощай!—Шесть буквъ приносятъ столько мукъ!
Уносятъ все, что я теперь люблю!
Я встрѣчу взоръ съ ея прекрасныхъ глазъ
И можетъ быть... какъ знать... въ послѣднiй разъ!

173. Глупой красавицѣ.

Амуръ спросилъ меня однажды,
Хочу ль испить его вина...
Я не имѣлъ въ то время жажды,
Но выпилъ кубокъ весь до дна.
Теперь желалъ бы я напрасно
Смочить горящiя уста,
Затѣмъ, что чаша влаги страстной,
Какъ голова твоя, пуста.

4 октября 1830 г.

174. Могила бойца.

(Дума)

I.

Онъ спитъ послѣднимъ сномъ давно,
Онъ спитъ послѣднимъ сномъ;
Надъ нимъ бугоръ насыпанъ былъ,
Зеленый дернъ кругомъ.

II.

Сѣдыя кудри старика
    Смѣшалися съ землей...
Онѣ взвѣвались по плечамъ
    За чашей пировой.

III.

Онѣ бѣлы, какъ пѣна волнъ,
    Біющихся у скалъ;
Уста, любимицы бесѣдъ,
    Впервые хладъ сковалъ.

IV.

И блѣдны щеки мертвеца,
    Какъ ликъ его враговъ
Блѣднѣлъ, когда являлся онъ
    Одинъ средь ихъ рядовъ.

V.

Сырой землей покрыта грудь,
    Но ей не тяжело;
  червь, движенья не боясь,
    Ползетъ черезъ чело.

VI.

На то ль онъ жилъ и мечъ носилъ,
    Чтобъ въ часъ вечерней мглы
Слетались на курганъ его
    Пустынные орлы?

VII.

Хотя пѣвецъ родной земли
    Не разъ ужъ пѣлъ о немъ,
Но пѣснь—все пѣснь, а жизнь—все жизнь!..
    Онъ спитъ послѣднимъ сномъ.

1830 года, 5 октября. Во время холеры-morbus.

175. Смерть.

    Закатъ горитъ огнистой полосою.
Любуюсь имъ безмолвно подъ окномъ.
Быть можетъ, завтра онъ заблещетъ надо мною
Безжизненнымъ, холоднымъ мертвецомъ.
Одна лишь дума въ сердцѣ опустѣломъ,—

То мысль о ней... О! далеко она,
И надъ моимъ недвижнымъ, блѣднымъ тѣломъ
Не упадетъ слеза ея одна!
Ни другъ, ни братъ прощальными устами
Не поцѣлуетъ здѣсь моихъ ланитъ,
И сожалѣнью чуждыми руками
Въ сырую землю буду я зарытъ.
Мой духъ утонетъ въ безднѣ безконечной!..
Но ты... О! пожалѣй о мнѣ, краса моя!
Никто не могъ тебя любить, какъ я,
Такъ пламенно и такъ чистосердечно.

1830 г., октября 9.

176. * * *.

(Новгородъ, 13 октября 1830 года).

Сыны снѣговъ, сыны славянъ,
Зачѣмъ вы мужествомъ упали?
Зачѣмъ?.. Погибнетъ вашъ тиранъ,
Какъ всѣ тираны погибали!..
До нашихъ дней при имени свободы
Трепещетъ ваше сердце и кипитъ!..
Есть бѣдный градъ, тамъ видѣли народы
Все то, къ чему теперь вашъ духъ летитъ...

177. Баллада.

Въ избушкѣ позднею порою
Славянка юная сидитъ.
Вдали багровой полосою
На небѣ зарево горитъ...
И люльку дѣтскую качая,
Поетъ славянка молодая:
„Не плачь, не плачь! Иль сердцемъ чуешь,
Дитя, ты близкую бѣду?..
О, полно, рано ты тоскуешь:
Я отъ тебя не отойду,
Скорѣе мужа я утрачу...
Дитя, не плачь! и я заплачу!
„Отецъ твой сталъ за честь и Бога
Въ ряду бойцовъ противъ татаръ,
Кровавый слѣдъ—ему дорога,
Его булатъ блеститъ, какъ жаръ.
Взгляни, тамъ зарево краснѣетъ:
То битва сѣмя смерти сѣетъ.

„Какъ рада я, что ты не въ силахъ
Понять опасности своей,
Не плачутъ дѣти на могилахъ,
Имъ чуждъ и стыдъ и страхъ цѣпей;
Ихъ жребій зависти достоинъ...“
Вдругъ шумъ,—и въ двери входитъ воинъ,
Брада въ крови, избиты латы...
„Свершилось!“ восклицаетъ онъ,
„Свершилось!.. Торжествуй, проклятый!
Нашъ милый край порабощенъ.
Татаръ мечи не удержали,—
Орда взяла, и наши пали“.
И онъ упалъ—и умираетъ
Кровавой смертію бойца.
Жена ребенка поднимаетъ
Надъ блѣдной головой отца:
„Смотри, какъ умираютъ люди,
И мстить учись у женской груди!“

178. * * *.

Нерѣдко люди и бранили,
И мучили меня за то,
Что часто имъ прощалъ я то,
Чего бъ они мнѣ не простили.
И началъ рокъ меня томить,
Каралъ безвинно и за дѣло;
Отъ сердца чувство отлетѣло,
И я не могъ ему простить.
Я снова межъ людей явился
Съ холоднымъ, сумрачнымъ челомъ;
Но взглядъ, куда бъ ни обратился,
Встрѣчался съ радостнымъ лицомъ!

179. Романсъ.

Въ тѣ дни, когда ужъ нѣтъ надеждъ,
И есть одно воспоминанье,
Веселье чуждо нашихъ вѣждъ,
И легче на груди страданье.

180. Отрывокъ.

Примѣтивъ юной дѣвы грудь
Судьбой случайной какъ-нибудь,
Иль взоръ, исполненный огнемъ,—
Недвижно сердце было въ немъ,
Какъ соколъ, на скалѣ морской
Сидящій позднею порой.
Хоть недалеко и блестятъ
(Сѣдой пустыни водъ нарядъ)
Вѣтрила бѣдныхъ челноковъ,—
Движенье дальнихъ облаковъ
Слѣдитъ его прилежный глазъ.
И такъ проходитъ скучный часъ.
Онъ знаетъ: эти челноки,
Что гонятъ мимо вѣтерки,
Не для него сюда плывутъ,
Они блеснутъ, они пройдутъ!..

181. Баллада.

(Изъ Байрона).

1.

Берегись! берегись! Надъ бургосскимъ путемъ
Сидитъ одинъ черный монахъ;
Онъ бормочетъ молитву во мракѣ ночномъ,
Панихиду о прошлыхъ годахъ.
Когда Мавръ пришелъ въ нашъ родимый домъ,
Оскверняючи церкви порогъ,
Онъ безъ дальнихъ словъ выгналъ всѣхъ чернецовъ,—
Одного только выгнать не могъ.

2.

Для добра или зла (я слыхалъ не одинъ,
И не мнѣ бы о томъ говорить),
Когда возвратился тѣхъ мѣстъ господинъ,—
Онъ никакъ не хотѣлъ уходить.
Хоть никто не видалъ, какъ по замку блуждалъ
Монахъ,—но зачѣмъ возражать?
Ибо слышалъ не разъ я старинный разсказъ,
Который страшусь повторять.
Рождался ли сынъ, онъ рыдалъ въ тишинѣ;
Когда жъ прекратился сей родъ,
Онъ по звучнымъ поламъ при блѣдной лунѣ
Бродилъ взадъ и впередъ.

(Продолженіе впредь).

182. * * *.

Вверху одна
Горитъ звѣзда,
Мой взоръ она
Манитъ всегда;
Мои мечты
Она влечетъ,
И съ высоты
Мнѣ радость льетъ.
Таковъ же былъ
Тотъ нѣжный взоръ,
Что я любилъ
Судьбѣ въ укоръ:
Мукъ никогда
Онъ зрѣть не могъ;
Какъ та звѣзда,
Онъ былъ далекъ.
Усталыхъ вѣждъ
Я не смыкалъ
И безъ надеждъ
Къ нему взиралъ.

183. Раскаянье.

Къ чему мятежное роптанье,
Укоръ владѣющей судьбѣ?..
Она была добра къ тебѣ—
Ты создалъ самъ свое страданье.
Безсмысленный! ты обладалъ
Душою чистой, откровенной,
Всеобщимъ зломъ не зараженной,—
И этотъ кладъ ты потерялъ!
Огонь любви первоначальной
Ты въ ней рѣшился зародить,
И далѣе не могъ любить,
Достигнувъ цѣли сей печальной.
Ты прѐзрѣлъ все; между людей
Стоишь, какъ дубъ въ странѣ пустынной,
И тихій плачъ любви невинной
Не могъ потрясть души твоей.
Не дважды Богъ даетъ намъ радость,
Взаимной страстью веселя;
Безъ утѣшенія, томя,

Пройдетъ и жизнь твоя, какъ младость.
Ея лобзанья встрѣтишь ты
Въ устахъ обманщицы прекрасной,
И будутъ предъ тобой всечасно
Предмета перваго черты.
    О! вымоли ея прощенье!
Пади, пади къ ея ногамъ!
Не то—ты приготовишь самъ
Свой адъ, отвергнувъ примиренье.
Хоть будешь ты еще любить,
Но прежнимъ чувствамъ нѣтъ возврату:
Ты вѣчно первую утрату
Не будешь въ силахъ замѣнить.

184. * * *.

    Случалось, съ вихремъ и грозой
Носились тучи надо мной.
Хоть я одинъ въ челнѣ моемъ,
Васъ не боюсь я, дождь и громъ!
    Не такъ съ душою!—Если въ ней
Кипитъ опасный бой страстей,
Ты не мечтай, чтобъ онъ затихъ,
И жалости не жди отъ нихъ.

185. * * *.

    Я видѣлъ разъ ее въ веселомъ вихрѣ бала...
Казалось, мнѣ она понравиться желала;
Очей привѣтливость, движеній быстрота,
Природный блескъ ланитъ и груди полнота—
Все, все наполнило бъ мнѣ умъ очарованьемъ,
Когда бъ совсѣмъ инымъ, безсмысленнымъ желаньемъ
Я не былъ угнетенъ, когда бъ передо мной
Не пролетала тѣнь съ насмѣшкою пустой,
Когда бъ я только могъ забыть черты другія,—
Лицо безцвѣтное и взоры ледяные!..

186. Подражаніе Байрону.

    Не смѣйся, другъ, надъ жертвою страстей.
Вѣнецъ терновый я сужденъ влачить.
Не быть ей вѣчно у груди моей.
И что жъ!.. я не могу другой любить!

Какъ цѣпь гремитъ за узникомъ, за мной
Такъ мысль о будущемъ,—и нѣтъ иной...
    Я вижу длинный рядъ тяжелыхъ лѣтъ,
А тамъ людьми презрѣнный гробъ... Онъ ждетъ,
И до него надежды нѣтъ, и нѣтъ
За нимъ того, что ожидаетъ тотъ,
Кто жилъ одной любовью, погубилъ
Все въ жизни для нея,—а все любилъ!
    И вынесть могъ сей взоръ ледяный я,
И могъ тогда ей тѣмъ же отвѣчать!..
Увижу на рукахъ ея дитя,
И стану я при ней его ласкать,
И въ каждой ласкѣ мать узнаетъ вновь,
Что время не могло унесть любовь!..

187. Къ Дурнову.

Довольно любилъ я, чтобъ вѣчно грустить,
    Для счастья же мало любилъ.
Но полно! что пользы мнѣ душу открыть?
    Зачѣмъ я не то, что я былъ?
Въ вечернее время, въ часъ перваго сна,
    Какъ блещетъ туманъ средь долинъ,
На мѣстѣ, гдѣ прежде бывала она,
    Брожу безпокоенъ, одинъ.
        Тогда ты глаза и лицо примѣчай,
            Движенья спѣши понимать,
        И если тебѣ удалось... то ступай!
            Я больше не могъ бы сказать.

188. Арфа.

I.

    Когда зеленый дернъ мой скроетъ прахъ,
Когда, простясь съ недолгимъ бытiемъ,
Я буду только звукъ въ твоихъ устахъ,
Лишь тѣнь въ воображенiи твоемъ;
Когда друзья младые на пирахъ
Меня не станутъ поминать виномъ,—
Тогда возьми простую арфу ты:
Она была мой другъ и другъ мечты.

II.

Повѣсь ее въ дому противъ окна,
Чтобъ вѣтеръ осени игралъ надъ ней,
И чтобъ ему отвѣтила она
Хоть отголоскомъ пѣсенъ прошлыхъ дней.
Но не проснется звонкая струна
Подъ бѣлоснѣжною рукой твоей,
Затѣмъ, что тотъ, кто пѣлъ твою любовь,
Ужъ будетъ спать, чтобъ не проснуться вновь.

189. * * *.

На темной скалѣ, надъ шумящимъ Днѣпромъ
Растетъ деревцо молодое;
Деревцо мое вѣтеръ ни ночью, ни днемъ
Не можетъ оставить въ покоѣ
И, листъ обрывая, ломаетъ и гнетъ,
Но съ берега въ волны никакъ не сорветъ.
Таковъ несчастливецъ, гонимый судьбой;
Хоть взяты желанья могилой,—
Онъ долженъ влачить, одинокъ подъ луной,
Обломки сей жизни остылой;
Онъ долженъ надежды свои пережить
И, съ любовію въ сердцѣ, бояться любить!

190. Пѣсня.

Что въ полѣ за пыль пылитъ?
Что за пыль пылитъ, столбомъ валитъ?..
Злы татаровья полонъ дѣлятъ:
То тому, то сему—по добру̀ коню.
А какъ зятю теща доставалася,
Онъ заставилъ ее три дѣла дѣлать:
А первое дѣло—гусей пасти,
А второе дѣло—бѣлъ кужель прясти,
А третье дѣло—дитя качать.
А я глазыньками гусей пасу,
И я рученьками бѣлъ кужель пряду,
И я ноженьками дитя качаю;
Ты баю-баю, мило дитятко!
Ты по батюшкѣ—злой татарченокъ,
А по матушкѣ—родной внученокъ;

У меня вѣдь есть примѣточка—
На бѣлой груди что копеечка.
Какъ услышала моя доченька,
Закидалася, заметалася:
„Ты родная моя матушка!
Ахъ, ты что давно не сказалася?
Ты возьми мои золоты ключи,
Отпирай мои кованы ларцы
И бери казны, сколько надобно,
Жемчугу да злата-серебра!“
— Ахъ, ты, милое мое дитятко!
Мнѣ не надобно твоей золотой казны,
Отпусти меня на святую Русь:
Не слыхать здѣсь пѣнія церковнаго,
Не слыхать звону колокольнаго.

191. Пѣсня.

Не знаю, обманутъ ли былъ я,
Осмѣянъ тобой или нѣтъ,
Но клянуся, что самъ любилъ я,
И остался отъ этого слѣдъ.
Заклинаю тебя всѣмъ небеснымъ
И всѣмъ, что не сбудется вновь,
И счастіемъ мнѣ неизвѣстнымъ,—
О, прости мнѣ мою любовь!
Ты не вѣришь словамъ безъ искусства,
Но со-временемъ эти листы
Тебѣ объяснятъ мои чувства
И то, что отвергнула ты.
И ты вздохнешь, можетъ статься,
Со слезою на ясныхъ очахъ,
О томъ, кто не будетъ нуждаться
Ни въ печали чужой, ни въ слезахъ.
И міръ не увидитъ холодный
Ни желанье, ни грусть, ни мечты
Души молодой и свободной
Съ тѣхъ поръ, какъ не видишь ихъ ты.
Но если бы я возвратился
Ко днямъ позабытыхъ тревогъ,
Вновь такъ же страдать я бъ рѣшился
И любить бы иначе не могъ.

192.

(САТИРА).

У бѣса праздникъ. Скачетъ представляться
Чертей и душъ усопшихъ мелкій сбродъ;
Кухмейстеры за кушаньемъ трудятся;
Прозябнувши, придворный въ залѣ ждетъ.
И вотъ за столъ всѣ по чинамъ садятся,
И вотъ лакей картофель подаетъ,
Затѣмъ что самодержецъ Мефистофель
Былъ родомъ нѣмецъ и любилъ картофель.
По правую сидѣлъ пріѣзжій ***,
По лѣвую—начальникъ докторовъ,
Великій Фаустъ, мужъ отличныхъ правилъ
(Распространять сужденья дураковъ
Онъ средство намъ превѣчное доставилъ).
Сидятъ. Вдругъ, настежь дверь, и звукъ шаговъ:
Три демона, войдя съ большимъ поклономъ,
Кладутъ свои подарки передъ трономъ.

1-й Демонъ.

„Вотъ сердце женщины. Она искала
Отъ неба даже скрыть свои дѣла,
И многимъ это сердце обѣщала,
И никому его не отдала.
Она себѣ бѣды лишь не желала,
Лишь злобѣ до конца вѣрна была.
Не откажись отъ скромнаго даянья,
Хоть эта вещь не стоила названья“.
„C'est trop commun!“ воскликнулъ бѣсъ державный,

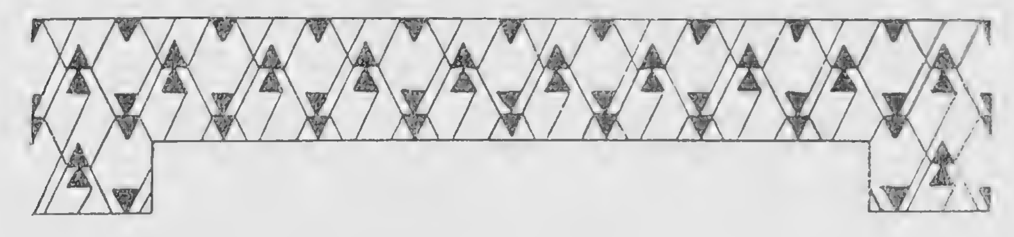
Съ презрительной улыбкою своей.—
„Подарокъ твой—подарокъ былъ бы славный,
Но новизна—царица нашихъ дней.
И мало ли случалося недавно,
И какъ не быть пріятныхъ мнѣ вѣстей?
Я думаю, слыхали даже стѣны
Про эти безконечныя измѣны“.—

2-й Демонъ.

„На столъ твой я принесъ вино свободы.
Никто не могъ имъ жажды утолить,
Его земные опились народы,
И начали въ куски короны бить.
Но какъ помочь? кто противъ общей моды?
И намъ ли разрушенье усыпить?
Прими жъ напитокъ сей, земли властитель,
Единственный мой царь и повелитель!“
Тутъ всѣ цари невольно взбѣленились:
Съ тарелками вскочили съ мѣстъ своихъ,
Боясь, чтобъ черти не напились,
Чтобъ и отсюда не прогнали ихъ.
Придворные въ молчаніи косились,
Смекнувъ, что лучше прочь въ подобный мигъ...
Но главный бѣсъ съ геройскою ухваткой
На землю выплеснулъ напитокъ сладкой.

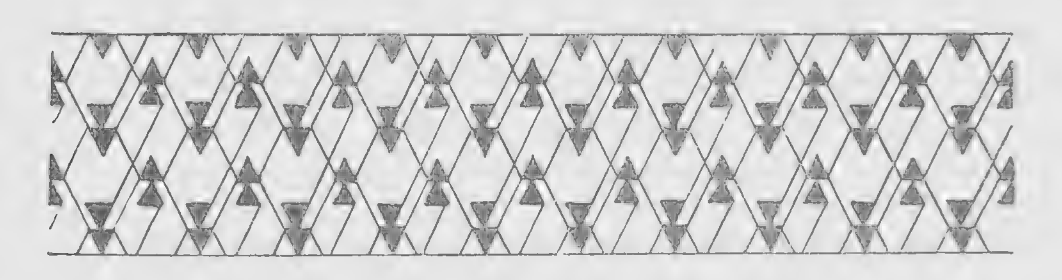
3-й Демонъ.

„Въ Москву болѣзнь холеру притащили.
Врачи вступились за нее тотчасъ,
Они морили, и они лѣчили,
И больше уморили во сто разъ.
Одинъ изъ нихъ, которому служили
Мы нѣкогда, во-время вспомнилъ насъ,
И онъ кого то хлору пить заставилъ—
И къ прадѣдамъ здороваго отправилъ“.
Сказалъ, и подаетъ стаканъ фатальный
Властителю поспѣшною рукой.
„Такъ вотъ сосудъ любезный и печальный,
Драгой залогъ науки докторской!
Благодарю. Хотя съ полночи дальной,
Но мнѣ милѣе всѣхъ подарокъ твой“.—
Такъ молвилъ Асмодей, и все смѣялся,
Покуда пиръ вечерній продолжался...

193. Сонъ.

Я видѣлъ сонъ. Прохладный гаснулъ день,
Отъ дома длинная ложилась тѣнь;
Луна, взойдя на небѣ голубомъ,
Играла въ стеклахъ радужнымъ огнемъ.
Все было тихо, какъ луна и ночь,
И вѣтръ не могъ дремоты превозмочь.
И на большомъ крыльцѣ, межъ двухъ колоннъ,
Я видѣлъ дѣву: какъ послѣдній сонъ
Души, на небо призванной, она
Сидѣла тутъ плѣнительна, грустна.
Хоть, можетъ быть, притворная печаль
Блестѣла въ этомъ взорѣ,—но едва ль:
Ея рука такъ трепетна была,
И грудь ея младая такъ тепла.
У ногъ ея ребенокъ, можетъ быть,
Сидѣлъ... Ахъ! рано началъ онъ любить!
Во цвѣтѣ лѣтъ, съ привязчивой душой,
Зачѣмъ ты здѣсь, страдалецъ молодой?..
И онъ сидѣлъ, и съ страхомъ руку жалъ,
И глазъ ея движенья провожалъ.
И не прочелъ онъ въ нихъ судьбы завѣтъ:
Мученіе, заботы многихъ лѣтъ,
Болѣзнь души, потоки горькихъ слезъ,
Все, что оставилъ, все, что перенесъ...
И дорожилъ онъ взглядомъ тѣхъ очей,
Причиною погибели своей...

194. На картину Рембрандта.

Ты понималъ, о мрачный генiй,
Тотъ грустный, безотчетный сонъ,
Порывъ страстей и вдохновенiй,
Все то, чѣмъ удивилъ Байронъ.

Автопортретъ Рембрандта.

Я вижу—ликъ полуоткрытый
Означенъ рѣзкою чертой...
То не бѣглецъ ли знаменитый
Въ одеждѣ инока святой?
Быть можетъ, тайнымъ преступленьемъ
Высокiй умъ его убитъ;
Все темно вкругъ; тоской, сомнѣньемъ
Надменный взглядъ его горитъ.
Быть можетъ, ты писалъ съ природы,
И этотъ ликъ не идеалъ,

Или въ страдальческіе годы
Ты самъ себя изображалъ?—
Но никогда великой тайны
Холодный не проникнетъ взоръ,
И этотъ трудъ необычайный
Бездушнымъ будетъ злой укоръ.

195. Къ * * *.

О, полно извинять развратъ!
Ужель злодѣямъ щитъ порфира?
Пусть ихъ глупцы боготворятъ,
Пусть имъ звучитъ другая лира,—
Но ты остановись, пѣвецъ:
Златой вѣнецъ—не твой вѣнецъ.
Изгнаньемъ изъ страны родной
Хвались повсюду, какъ свободой!
Высокой мыслью и душой
Ты рано одаренъ природой;
Ты видѣлъ зло, и передъ зломъ
Ты гордымъ не поникъ челомъ.
Ты пѣлъ о вольности, когда
Тиранъ гремѣлъ, грозили казни;
Боясь лишь вѣчнаго суда
И чуждый на землѣ боязни,
Ты пѣлъ,—и въ этомъ есть краю
Одинъ, кто понялъ пѣснь твою.

196. Прощанье.

Прости, прости!
О, сколько мукъ
Произвести
Сей можетъ звукъ.
Въ далекій край
Уносишь ты
Мой адъ, мой рай,
Мои мечты.

Твоя рука
Отъ устъ моихъ
Такъ далека...
О, лишь на мигъ,
Прошу, приди
И оживи
Въ моей груди
Огонь любви.

Я здѣсь больной,
Одинъ, одинъ,
Съ моей тоской.
Какъ властелинъ,
Разлуку я
Переживу ль?..
И ждать тебя
Назадъ могу ль?

Пусть я прижму
Уста къ тебѣ,

И такъ умру
На зло судьбѣ.
Что за нужда?

Прощанья часъ
Пускай тогда
Застанетъ насъ!

197. Къ пріятелю.

Мой другъ, не плачь передъ разлукой,
И преждевременною мукой
Младое сердце не тревожь:
Ты самъ же послѣ осмѣешь
Тоску любови легковѣрной,
Которая закралась въ грудь.
Что разъ потеряно, то, вѣрно,
Вернется къ намъ когда-нибудь.
Но невиновенъ рокъ бываетъ,
Что чувство въ насъ неглубоко,
Что наше сердце измѣняетъ
Надеждамъ прежнимъ такъ легко;
Что, получивъ опять предметы,
Недавно взятые судьбой,
Не узнаемъ мы ихъ примѣты,
Не прельщены ихъ красотой;
И даже прежнему пристрастью
Не вѣримъ слабою душой,
И даже то относимъ къ счастью,
Что намъ казалося бѣдой.

198. Смерть.

Оборвана цѣпь жизни молодой,
Оконченъ путь, билъ часъ,—пора домой...
Пора туда, гдѣ будущаго нѣтъ,
Ни прошлаго, ни вѣчности, ни лѣтъ;
Гдѣ нѣтъ ни ожиданій, ни страстей,
Ни горькихъ слезъ, ни славы, ни честей;
Гдѣ вспоминанье спитъ глубокимъ сномъ,
И сердце, въ тѣсномъ домѣ гробовомъ,
Не чувствуетъ, что червь его грызетъ.
Пора!—Усталъ я отъ земныхъ заботъ.
Ужель бездушныхъ удовольствій шумъ,
Ужели пытки безполезныхъ думъ,
Ужель самолюбивая толпа,
Которая отъ мудрости глупа,
Ужели дѣвъ коварная любовь—

Прельстятъ меня передъ кончиной вновь?!
Ужели захочу я жить опять,
Чтобы душой по-прежнему страдать
И столько же любить?—Всесильный Богъ!
Ты зналъ: я долѣе терпѣть не могъ...
Пускай меня обхватитъ цѣлый адъ,
Пусть буду мучиться,—я радъ, я радъ...
Хотя бы вдвое противъ прошлыхъ дней,—
Но только дальше, дальше отъ людей!..

199. Волны и люди.

Волны катятся одна за другою
Съ плескомъ и шумомъ глухимъ;
Люди проходятъ ничтожной толпою
Также одинъ за другимъ.
Вòлнамъ ихъ воля и холодъ дороже
Знойныхъ полудня лучей;
Люди хотятъ имѣть души... и что же?
Души въ нихъ—волнъ холоднѣй!

200. Звуки.

Что за звуки! неподвиженъ внемлю
Сладкимъ звукамъ я.
Забываю вѣчность, небо, землю,
Самого себя...
Всемогущій, что за звуки! Жадно
Сердце ловитъ ихъ,
Какъ въ пустынѣ путникъ безотрадной
Каплю водъ живыхъ...
И въ душѣ они опять раждаютъ
Сны веселыхъ лѣтъ,
И въ одежду жизни одѣваютъ
Все, чего ужъ нѣтъ.
Принимаютъ образъ эти звуки,
Образъ милый мнѣ;
Мнится, слышу тихій плачъ разлуки,
И душа въ огнѣ...
И опять безумно упиваюсь
Ядомъ прежнихъ дней,
И опять я въ мысляхъ полагаюсь
На слова людей.

201. 11-го іюля.

Между лиловыхъ облаковъ
Однажды вечера свѣтило
За снѣжной цѣпію холмовъ
Краснѣя ярко заходило.
И возлѣ дѣвы молодой,
Послѣднимъ блескомъ озаренной,
Стоялъ я, блѣдный, чуть живой,
И съ головы ея безцѣнной
Моихъ очей я не сводилъ...
Какъ долго это я мгновенье
Въ туманной памяти хранилъ!
Ужель все было сновидѣнье?
И ложе дѣвы, и окно,
И трепетъ милыхъ устъ, и взгляды,
Въ которыхъ мнѣ запрещено
Судьбой искать себѣ отрады?
Нѣтъ! только счастье ослѣпить
Умѣетъ мысли и желанья,
И сномъ никакъ не можетъ быть
Все, въ чемъ хоть искра есть страданья!

202. Первая любовь.

Въ ребячествѣ моемъ тоску любови знойной
Ужъ сталъ я понимать душою безпокойной;
На мягкомъ ложѣ сна не разъ во тьмѣ ночной,
При свѣтѣ трепетномъ лампады образной,
Воображеніемъ, предчувствіемъ томимой,
Я предавалъ свой умъ мечтѣ непобѣдимой:
Я видѣлъ женскій ликъ—онъ хладенъ былъ, какъ ледъ—
И очи... этотъ взоръ въ груди моей живетъ;
Какъ совѣсть, душу онъ хранитъ отъ преступленій;
Онъ слѣдъ единственный младенческихъ видѣній...
И дѣву чудную любилъ я, какъ любить
Не могъ еще съ тѣхъ поръ, не стану, можетъ быть!
Когда же улеталъ мой призракъ драгоцѣнный,
Я въ одиночествѣ кидалъ свой взглядъ смущенный
На стѣны желтыя, и, мнилось, тѣни съ нихъ
Сходили медленно до самыхъ ногъ моихъ...
И мрачно, какъ онѣ, воспоминанье было
О томъ, что лишь мечта, и между тѣмъ такъ мило!

203. Поле Бородина.

1.

Всю ночь у пушекъ пролежали
Мы безъ палатокъ, безъ огней,
Штыки вострили да шептали
Молитвы родины своей.
Шумѣла буря до разсвѣта,
Я, голову поднявъ съ лафета,
Товарищу сказалъ:
„Братъ, слушай пѣсню непогоды,
Она дика, какъ пѣснь свободы!“
Но, вспоминая прежни годы,
Товарищъ не слыхалъ.

2.

Пробили зорю барабаны,
Востокъ туманный побѣлѣлъ,
И отъ враговъ ударъ нежданный
На батарею прилетѣлъ.
И вождь сказалъ передъ полками:
„Ребята, не Москва ль за нами!
Умремте жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!“

И мы погибнуть обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.

3.

Что Чесма, Рымникъ и Полтава!
Я, вспомня, леденѣю весь.
Тамъ души волновала слава,
Отчаяніе было здѣсь.
Безмолвно мы ряды сомкнули;
Громъ грянулъ, завизжали пули;
Перекрестился я.
Мой палъ товарищъ, кровь лилася,
Душа отъ мщенія тряслася,
И пуля смерти понеслася
Изъ моего ружья.

4.

Маршъ-маршъ пошли впередъ, и болѣ
Ужъ я не помню ничего.
Шесть разъ мы уступали поле
Врагу, и брали у него.
Носились знамена, какъ тѣни,
Я спорилъ о могильной сѣни.
Въ дыму огонь блестѣлъ;
На пушки конница летала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

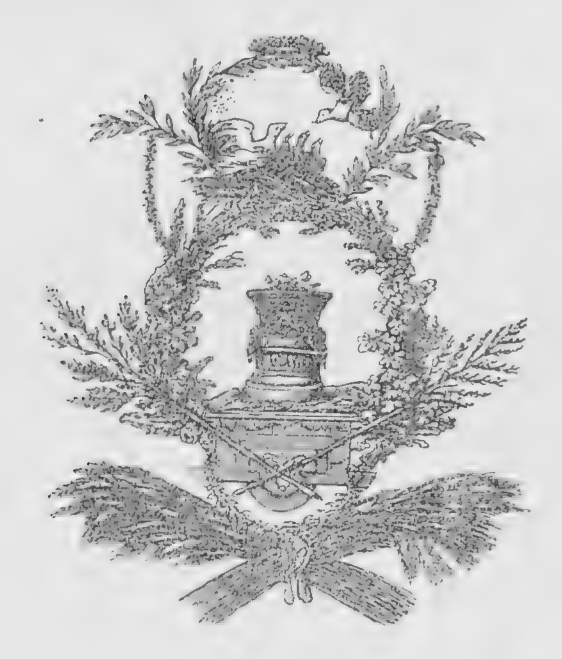
5.

Живые съ мертвыми сравнялись.
И ночь холодная пришла,
И тѣхъ, которые остались,
Густою тьмою развела.
И батареи замолчали,
И барабаны застучали—
Противникъ отступилъ.
Но день достался намъ дороже!
Въ душѣ сказавъ: „помилуй, Боже!“
На трупъ застывшій, какъ на ложе,
Я голову склонилъ.

6.

И крѣпко, крѣпко наши спали
Отчизны въ роковую ночь.
Мои товарищи, вы пали,—

Но этимъ не могли помочь.
Однако же въ преданьяхъ славы
Все громче Рымника, Полтавы
Гремитъ Бородино!
Скорѣй обманетъ гласъ пророчій,
Скорѣй небесъ погаснутъ очи,
Чѣмъ въ памяти сыновъ полночи
Изгладится оно.

204. Мой домъ.

Мой домъ вездѣ, гдѣ есть небесный сводъ,
Гдѣ только слышны звуки пѣсенъ;
Все, въ чемъ есть искра жизни, въ немъ живетъ,
Но для поэта онъ не тѣсенъ.
До самыхъ звѣздъ онъ кровлей досягаетъ,
И отъ одной стѣны къ другой—
Далекій путь, который измѣряетъ
Жилецъ не взоромъ, но душой.
Есть чувство правды въ сердцѣ человѣка—
Святое вѣчности зерно;
Пространство безъ границъ, теченье вѣка
Объемлетъ въ краткій мигъ оно.
И Всемогущимъ мой прекрасный домъ
Для чувства этого построенъ,—
И осужденъ страдать я долго въ немъ,
И въ немъ лишь буду я спокоенъ.

205. Смерть.

Ласкаемый цвѣтущими мечтами,
Я тихо спалъ, и вдругъ я пробудился,
Но пробужденье тоже было сонъ.
И думая, что цѣпь обманчивыхъ
Видѣній мной разрушена, я вдвое
Обманутъ былъ воображеньемъ, если
Одно воображеніе творитъ
Тотъ новый міръ, который заставляетъ
Насъ презирать безчувственную землю.
Казалось мнѣ, что смерть дыханьемъ хладнымъ
Ужъ начинала кровь мою студить;
Не часто сердце билося, но крѣпко,
Съ болѣзненнымъ какимъ то содроганьемъ.
И тѣло, видя свой конецъ, старалось
Вновь удержать души нетерпѣливой
Порывы, но товарищу былому
Съ досадою душа внимала, и укоры
Ихъ разставанье сдѣлали печальнымъ.
Между̀ двухъ жизней, въ страшномъ промежуткѣ
Надеждъ и сожалѣній, ни о той,
Ни о другой не мыслилъ я. Одно
Сомнѣнье волновало грудь мою,
Послѣднее сомнѣнье! Я не могъ
Понять, какъ можно чувствовать блаженство
Иль горькія страданья далеко
Отъ той земли, гдѣ въ первый разъ я понялъ,
Что я живу, что жизнь моя безбрежна;
Гдѣ жадно я искалъ самопознанья,
Гдѣ столько я любилъ и потерялъ,—
Любилъ согласно съ этимъ бреннымъ тѣломъ,
Безъ коего любви не понималъ я.
Такъ думалъ я... И вдругъ душой забылся,
И чрезъ мгновенье снова жилъ я,
Но не видалъ вокругъ себя предметовъ
Земныхъ, и болѣе не помнилъ я
Ни боли, ни тяжелыхъ безпокойствъ
О будущей судьбѣ моей и смерти.
Все было мнѣ такъ ясно и понятно,
И ни о чемъ себя не вопрошалъ я,
Какъ будто бы вернулся я туда,
Гдѣ долго жилъ, гдѣ все извѣстно мнѣ;
И лишь едва чувствительная тягость
Въ моемъ полетѣ мнѣ напоминала

Мое земное, краткое изгнанье.
Вдругъ предо мной въ пространствѣ безконечномъ
Съ великимъ шумомъ развернулась книга
Подъ неизвѣстною рукой... И много
Написано въ ней было... Но лишь мой
Ужасный жребій ясно для меня
Начертанъ былъ кровавыми словами:
„Безплотный духъ, иди и возвратись
На землю!..“ Вдругъ предо мной исчезла книга,
И опустѣло небо голубое.
Ни ангелъ, ни печальный демонъ ада
Не разсѣкалъ крыломъ полей воздушныхъ,
Лишь тусклыя планеты, пробѣгая,
Едва кидали искру на пути.
Я вздрогнулъ, прочитавъ свой жребій.
Какъ, мнѣ летѣть опять на эту землю,
Чтобъ увидать ряды тѣхъ золъ, которымъ
Причиной были дѣтскія ошибки?
Увижу я страданія людей,
И тайныхъ мукъ ничтожныя причины,
И къ счастію людей увижу средства,
И невозможно будетъ научить ихъ...
Но такъ и быть, лечу на землю... Первый
Предметъ—могила съ пышнымъ мавзолеемъ,
Подъ коимъ трупъ мой люди схоронили.
И захотѣлось мнѣ во гробъ проникнуть,
И я сошелъ въ темницу—длинный гробъ,
Гдѣ гнилъ мой трупъ, и тамъ остался я.
Здѣсь кость была уже видна, здѣсь мясо
Кусками синее висѣло, жилы тамъ
Я примѣчалъ съ засохшею въ нихъ кровью.
Съ отчаяньемъ сидѣлъ я и взиралъ,
Какъ быстро насѣкомыя роились
И съ жадностью глотали пищу смерти.
Червякъ то выползалъ изъ впадинъ глазъ,
То вновь скрывался въ безобразный черепъ.
И что же? каждое его движенье
Меня терзало судорожной болью.
Я долженъ былъ смотрѣть на гибель друга,
Такъ долго жившаго съ моей душою,
Послѣдняго единственнаго друга,
Дѣлившаго ея печаль и радость,—
И я помочь желалъ, но тщетно, тщетно...
Уничтоженья быстрые слѣды
Текли по немъ, и черви умножались,
И спорили за пищу остальную,

И смрадную сырую кожу грызли...
Остались кости—и они исчезли,
И прахъ одинъ лежалъ на мѣстѣ тѣла.
Одной исполненъ мрачною надеждой,
Я припадалъ на бренные остатки,
Стараясь ихъ дыханіемъ согрѣть,
Иль оживить моей безсмертной жизнью.
О! сколько бъ о̀тдалъ я тогда земныхъ
Блаженствъ, чтобъ хоть одну, одну минуту
Почувствовать въ нихъ теплоту... Напрасно!
Закону лишь послушные, они
Остались хладны, хладны, какъ презрѣнье...
Тогда изрекъ я дикія проклятья
На моего отца и мать, на всѣхъ людей...
Съ отчаяньемъ безсмертья долго, долго,
Жестокаго свидѣтель разрушенья,
Я на Творца роптал, страшась молиться,
И я хотѣлъ изречь хулы на небо,
Хотѣлъ сказать . . . .
Но замеръ голосъ мой, и—я проснулся.

206. Стансы.

Мнѣ любить до могилы Творцомъ суждено;
Но по волѣ того же Творца
Все, что̀ любитъ меня, то погибнуть должно,
Иль, какъ я же, страдать до конца.
Моя воля надеждамъ противна моимъ,
Я люблю и страшусь быть взаимно любимъ.
На пустынной скалѣ незабудка весной
Одна безъ подругъ расцвѣла,—
И ударила буря, и дождь проливной,
И, какъ прежде, недвижна скала;
Но красивый цвѣтокъ ужъ на ней не блеститъ,
Онъ вѣтромъ надломленъ и градомъ убитъ.
Такъ точно и я: подъ ударомъ судьбы,
Какъ утесъ, неподвиженъ стою,
Но не мысли никто перенесть сей борьбы,
Если руку пожметъ онъ мою.
Я не чувствъ, но поступковъ своихъ властелинъ,
Я несча̀стливъ пусть буду,—несча̀стливъ одинъ.

207. * * *.

Quand je te vois sourire,
Mon coeur s'épanouit,

Et je voudrais te dire
Ce que mon coeur me dit.
Alors toute ma vie
A mes yeux apparaît,
Je maudis, et je prie,
Et je pleure en secret.
Car sans toi, mon seul guide,
Sans ton regard de feu
Mon passé paraît vide,
Comme le ciel sans Dieu.
Et puis, caprice étrange,
Je me surprends bénir
Le beau jour, oh! mon ange,
Où tu m'as fait souffrir.

208. Русская пѣсня.

1.

Клоками бѣлый снѣгъ валится...
Что жъ дѣва красная боится
Съ крыльца сойти —
Воды снести?
Какъ попъ, когда онъ гробъ несетъ,
Такъ пѣснь мятелица поетъ.
Играетъ,
И у тесовыхъ у воротъ
Дворовый песъ все цѣпь грызетъ,
И лаетъ.

2.

Но не собаки лай печальный,
Не вой мятели погребальный
Рождаютъ страхъ
Въ ея глазахъ.
Недавно милый схороненъ,—
Блѣднѣй снѣговъ предстанетъ онъ
И скажетъ:
„Ты измѣнила!“ ей въ лицо,
И ей завѣтное кольцо
Покажетъ.

209. Романсъ къ И...

Когда я унесу въ чужбину,
Подъ небо южной стороны,
Мою жестокую кручину,

Мои обманчивые сны,
И люди съ злобой ядовитой
Осудятъ жизнь мою порой,
Ты будешь ли моей защитой
Передъ безчувственной толпой?
О, будь!.. О, вспомни нашу младость!
Злословья жертву пощади,
Клянися въ томъ, чтобъ вовсе радость
Не умерла въ моей груди,
Чтобъ я сказалъ въ землѣ изгнанья:
Есть сердце, лучшихъ дней залогъ,
Гдѣ почтены мои страданья,
Гдѣ міръ ихъ очернить не могъ!

210. Двѣ невольницы.

Beware, my lord, of jealousy.
Othello. W. Schakespeare.

I.

„Люблю тебя, моя Заира,
Гречанка нѣжная моя!
У ногъ твоихъ богатства міра
И правовѣрная земля.
Когда глазами голубыми
Ты водишь медленно кругомъ,
Я молча слѣдую за ними,
Какъ рабъ съ мечтами неземными
За неземнымъ своимъ вождемъ.
Пусть пляшетъ бойкая Гюльнара,
Пускай подъ бѣлою рукой
Звенитъ испанская гитара:
О, не завидуй, ангелъ мой!
Всѣ пѣсни пламенной Гюльнары,
Всѣ звуки трепетной гитары,
Всѣхъ розъ восточныхъ ароматъ,
Топазы, жемчугъ и рубины—
Султанъ Ахметъ оставить радъ
За поцѣлуя звукъ единый
И за одинъ твой страстный взглядъ!“
— Султанъ! Я въ дикой бѣдной долѣ,
Но съ гордымъ духомъ рождена,
И въ униженьи, и въ неволѣ
Я презирать тебя вольна!
Старикъ, забудь свои желанья:
Другой ужъ пилъ мои лобзанья,

И первой страсти я вѣрна!
Конечно, грозному султану
Сопротивляться я не стану,
Но знай: ни пыткой, ни мольбой
Любви изъ сердца ледянова
Ты не исторгнешь! Я готова...
Скажи: палачъ готовъ ли твой?

II.

Тиха, душиста и свѣтла
Настала ночь. Она была
Роскошнѣе, чѣмъ ночь Эдема.
Заснулъ обширный Цареградъ,
Лишь волны дальныя шумятъ
У стѣнъ крутыхъ. Окно гарема
Отворено̀, и свѣтъ луны
Скользя мелькаетъ вдоль стѣны;
И блещутъ стекла расписныя
Холоднымъ, радужнымъ огнемъ;
И блещутъ стѣны парчевыя,
И блещутъ кисти золотыя;
Диваны мягкіе кругомъ.
Дыша прохладою ночною,
Сложивши ноги подъ собою,
Облокотившись на окно,
Сидѣла смуглая Гюльнара.
Въ молчанье все погружено.
Изъ бѣлыхъ рукъ ея гитара
Упала тихо на диванъ;
И взоръ чрезъ шумный океанъ
Летитъ—туда ль, гдѣ въ кущахъ мира
Она ловила жизни сонъ,
Гдѣ зрѣетъ персикъ и лимонъ
На берегу Гвадалквивира?—
Нѣтъ! Онъ боязненно склоненъ
Къ подножью стѣнъ, гдѣ пѣна дремлетъ.
Едва дыша, испанка внемлетъ,
И свѣтитъ ей въ лицо луна.
Не отъ того ль она блѣдна?
Чу! томный крикъ... Волной плеснуло...
И на кристаллѣ той волны
Заколебалась тѣнь стѣны...
И что то бѣлое мелькнуло
И скрылось! Снова тишина.
Гюльнары нѣтъ ужъ у окна.
Съ улыбкой гордости ревнивой

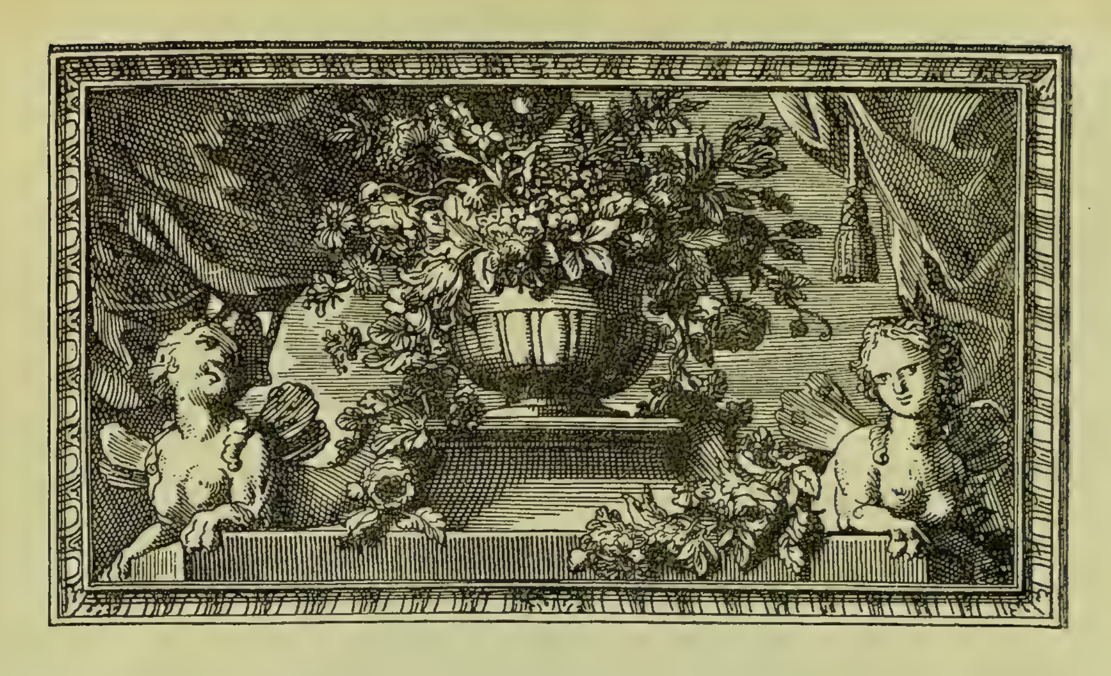
Она гитару вновь беретъ,
И пѣснь Испаніи счастливой
Съ какой-то дикостью поетъ.
И часто, часто слово мщенье
Звучитъ за томною струной,
И злобной радости волненье
Во взорахъ дѣвы молодой.

211. Черны очи.

Много звѣздъ у лѣтней ночи:
Отчего же только двѣ у васъ,
Очи юга, черны очи?
Нашей встрѣчи былъ недобрый часъ.
Кто ни спроситъ—звѣзды ночи
Лишь о райскомъ счастьи говорятъ;
Въ вашихъ звѣздахъ, черны очи,
Я нашелъ для сердца рай и адъ.
Очи юга, черны очи!
Въ васъ любви прочелъ я приговоръ;
Звѣзды дня и звѣзды ночи—
Для меня вы стали съ этихъ поръ!

212. Къ * * *.

Когда твой другъ съ пророческой тоскою
Тебѣ ввѣрялъ толпу своихъ заботъ,
Не знала ты невинною душою,
Что смерть его позорная зоветъ,
Что голова, любимая тобою,
Съ твоей груди на плаху перейдетъ.
Онъ былъ рожденъ для мирныхъ вдохновеній,
Для славы, для надеждъ, но межъ людей
Онъ не годился,—и враждебный геній
Его души не наложилъ цѣпей.
И не слыхалъ Творецъ его моленій,—
И онъ погибъ во цвѣтѣ лучшихъ дней.
И близокъ часъ... и жизнь его потонетъ
Въ забвеньи, безъ слѣда, какъ звукъ пустой.
Никто слезы прощальной не уронитъ,
Чтобъ снесть упрекъ, оправданный толпой,
И лишь волна полночная простонетъ
Надъ сердцемъ, гдѣ хранился образъ твой!

213. Джуліо.

(Великимъ постомъ и послѣ)
(Я слышалъ этотъ разсказъ отъ одного путешественника).

ВСТУПЛЕНІЕ.

Осенній день тихонько угасалъ
На высотѣ гранитныхъ Шведскихъ скалъ.
Туманъ облекъ поверхности озеръ,
Такъ что едва замѣтить могъ бы взоръ
Бѣгущій бѣлый парусъ рыбака.
Я выходилъ тогда изъ рудника,
Гдѣ золото — земныхъ трудовъ предметъ —
Тамъ люди достаютъ ужъ много лѣтъ.
Здѣсь обратились страсти всѣ въ одну,
И вѣчный стукъ тревожитъ тишину;
Между столповъ гранитныхъ и аркадъ
Блеститъ огонь трепещущихъ лампадъ,
Какъ мысль въ умѣ, подавленномъ тоской,
Кидая свѣтъ безсильный и пустой.
Но если очи, въ безпривѣтной мглѣ
Угасшія, морщины на челѣ,
Но если блѣдный, вялый цвѣтъ ланитъ
И равнодушный, молчаливый видъ,
Но если вздохъ, потерянный въ тиши,
Являютъ грусть глубокую души,—
О, не завидуйте судьбѣ такой:
Печальна жизнь въ могилѣ золотой!
Повѣрьте мнѣ: немногіе изъ нихъ
Могли собрать плоды трудовъ своихъ.

Не нахожу достаточныхъ рѣчей,
Чтобъ описать восторгъ души моей,
Когда я вновь взглянулъ на небеса,
И освѣжила голову роса.
Тянулись цѣпью острыя скалы̀
Передо мной; пустынные орлы
Носилися, крича средь высоты.
Я зрѣлъ вдали кудрявые кусты
У озера спокойныхъ береговъ
И стебли черные сухихъ дубовъ.
Отъ рудника вился желтѣя путь.
Какъ я желалъ скорѣй въ себя вдохнуть
Прохладный воздухъ, вольный, какъ народъ
Тѣхъ горъ, куда сей узкій путь ведетъ.
Вожатому подарокъ я вручилъ,
Но, признаюсь, меня онъ удивилъ,
Когда не принялъ денегъ. Я не могъ
Понять, зачѣмъ, и снова въ кошелекъ
Не смѣлъ ихъ положить... Его черты
(Развалины минувшей красоты,
Хоть не являли старости онѣ),
Казалося, знакомы были мнѣ.
И подойдя, взявъ за руку меня,
„Напрасно бъ—онъ сказалъ—скрывался я.
Такъ, Джуліо предъ вами,—но не тотъ,
Кто по струямъ венеціанскихъ водъ
Въ укра̀шенной гондолѣ пролеталъ.
Я жилъ, я жилъ и много испыталъ.
Не для корысти я въ странѣ чужой:
Могилы тьма сходна̀ съ моей душой,
Въ которой страсти, лѣта и мечты
Изрыли бездну вѣчной пустоты...
Но я молю васъ только объ одномъ,
Молю: возьмите этотъ свитокъ,—въ немъ,
Въ немъ міръ всю жизнь души моей найдетъ,
И, можетъ быть, онъ васъ остережетъ!“
Тутъ скрылся быстро пасмурный чудакъ,
И посмѣялся я надъ нимъ: бѣднякъ,
Я полагалъ, разсудокъ потерявъ,
Не потерялъ еще свой пылкій нравъ.
Но, пробѣгая свитокъ (видитъ Богъ),
Я много слезъ остановить не могъ.

ПОВѢСТЬ.

Есть край: его Италіей зовутъ.
Какъ Божьи птицы, мнится, тамъ живутъ

Покойно, вольно и безпечно, и пришлецъ,
Германіи иль Англіи жилецъ,
Дивится часто счастію людей,
Скрывающихъ улыбкою очей
Безумный пылъ и тайный ядъ страстей.
Вамъ, жителямъ холодной стороны,
Не перенять сей ложной тишины,
Хотя ни месть, ни ревность, ни любовь
Не могутъ въ васъ зажечь такъ сильно кровь,
Какъ въ томъ, кто близъ Неаполя рожденъ,—
Для крайностей вашъ духъ не сотворенъ!..
Спокойны вы!.. На вашъ унылый край
Навѣкъ я промѣнялъ сей южный рай,
Гдѣ тополи, обвитые лозой,
Хотятъ шатеръ достигнуть голубой,
Гдѣ любятъ моря синіе валы
Баюкать тѣнь береговой скалы.
Вблизи Неаполя мой пышный домъ
Бѣлѣется на берегу морскомъ,
И вкругъ него веселые сады;
Мосты, фонтаны, бюсты и пруды
Я не могу на память перечесть.
И тамъ, у водъ, въ лимонной рощѣ, есть
Бесѣдка; всѣхъ другихъ она милѣй,
Однако вспомнить я боюсь о ней.
Она душистымъ запахомъ полна,
Уединенна и всегда темна.
Ахъ! здѣсь любовь моя погребена,
Здѣсь крестъ, нагнутый временемъ, торчитъ
Надъ холмикомъ, гдѣ Лоры трупъ сокрытъ.
При вѣрной помощи тѣней ночныхъ,
Бывало, мы, укрывшись отъ родныхъ,
Туманною озарены луной,
Спѣшили съ ней туда рука съ рукой;
И Лора, лютню взявъ, пѣвала мнѣ...
Ея плечо горѣло, какъ въ огнѣ,
Когда къ нему я голову склонялъ
И пойманные кудри цѣловалъ.
Какъ гордо волновалась грудь твоя,
Коль очи въ очи томно устремя,
Твой Джуліо слова любви твердилъ;
Лукаво милый пальчикъ мнѣ грозилъ,
Когда я, у твоихъ склоняясь ногъ,
Восторгъ въ душѣ остановить не могъ...
Случалось, послѣ я любилъ сильнѣй,
Чѣмъ въ этотъ разъ, но жалость лишь о сей

Любви живетъ, горитъ въ груди моей.
Она прошла,—таковъ судьбы законъ:
Неумолимъ и непреклоненъ онъ,—
Одной луны не умираетъ свѣтъ,
Какъ памятникъ всего, чего ужъ нѣтъ.
О, тѣнь священная! простишь ли ты
Тому, кто обманулъ твои мечты,
Кто обольстилъ невинную тебя
И навсегда оставилъ, не скорбя?
Я страсть твою употребилъ во зло...
Но ты взгляни на блѣдное чело,
Которое изрыли не труды,—
На немъ раскаянья и мукъ слѣды;
Взгляни на степь, куда я убѣжалъ,
На снѣжныя вершины Шведскихъ скалъ,
На эту бездну смрадной темноты,
Гдѣ носятся, какъ дымъ, твои черты,
На ложе, гдѣ съ рыданіемъ, съ тоской
Кляну себя съ минутой роковой...
И сжалься, сжалься, сжалься надо мной!..
Когда мы женщину обманемъ, тайный страхъ
Живетъ для насъ въ младыхъ ея очахъ:
Какъ въ зеркалѣ, вину во взорѣ томъ
Мы различивъ, укоръ себѣ прочтемъ.
Вотъ отчего, оставя отчій домъ,
Я поспѣшилъ, безсмысленный, бѣжать,
Чтобъ гдѣ-нибудь разсѣянье сыскать!
Но съ Лорой я проститься захотѣлъ.
Я объявилъ, что мнѣ въ чужой предѣлъ
Отправиться на много должно лѣтъ,
Чтобъ осмотрѣть великій Божій свѣтъ.
„Зачѣмъ тебѣ?—воскликнула она,—
Что дастъ тебѣ чужая сторона,
Когда ты здѣсь не хочешь быть счастлѝвъ?...
Подумай, Джуліо!“ Тутъ, взоръ склонивъ,
Она меня рукою обняла.
„Ахъ, я почти увѣрена была,
Что не откажешь въ просьбѣ мнѣ одной:
Не покидай меня, возьми съ собой,
Не преступи вторично свой обѣтъ...
Теперь... ты долженъ знать!...“—Нѣтъ, Лора, нѣтъ! —
Воскликнулъ я.—Оставь меня, забудь;
Привязанность былую не вдохнуть
Въ холодную къ тебѣ отнынѣ грудь...
Какъ странники на небѣ, облака,
Свободно сердце, и любовь легка!—

И поблѣднѣвъ, какъ будто бы сквозь сна,
Въ отвѣтъ сказала тихо мнѣ она:
„Итакъ, прости на вѣкъ, любезный мой,
Жестокій другъ, обманщикъ дорогой!
Когда бы зналъ, что оставляешь ты...
Однако, прочь безумныя мечты!
Надежда! сердце это не смущай...
Ты болѣе не мой... Прощай!... прощай!...
Желаю, чтобъ тебя въ чужой странѣ
Не мучила бы память обо мнѣ...“
То былъ глубокой, вѣщей скорби гласъ.
Такъ мы разстались. Кто жальчѣй изъ насъ,—
Пускай въ своемъ умѣ разсудитъ тотъ,
Кто нѣкогда сіи листы прочтетъ.
Зачѣмъ цѣну̀ утраты на землѣ
Мы познаемъ, когда ужъ въ вѣчной мглѣ
Сокровище потонетъ, и никакъ
Нельзя разгнать его покрывшій мракъ?
Любовь младыхъ прелестныхъ женскихъ глазъ
По рѣдкости сокровище для насъ
(Такъ мало дѣвъ, умѣющихъ любить):
Мы день и ночь должны его хранить.
И горе, если скроется оно:
Навѣкъ блаженства сердце лишено.
Мы только разъ одинъ въ кругу земномъ
Горимъ взаимной нѣжности огнемъ.
Пять цѣлыхъ лѣтъ провелъ въ Парижѣ я,
Шалилъ, имѣнье съ временемъ губя.
Первоначальной страсти жаръ святой
Я называлъ младенческой мечтой.
Дорога славы, заманивъ мой взоръ,
Наскучила мнѣ. Совѣсти укоръ
Убить любовью новой захотѣвъ,
Я сталъ искать бесѣды юныхъ дѣвъ.
Когда же охладѣлъ къ нимъ, наконецъ,
Представила мнѣ дружба свой вѣнецъ:
Повеселивъ меня немного дней,
Распался онъ на головѣ моей...
Я сталъ бродить, печаленъ и одинъ,—
Меня увѣрили, что это сплинъ;
Когда же надоѣли доктора,
Я хладнокровно ихъ согналъ съ двора.
Душа моя была пуста, жестка.
Я походилъ тогда на бѣдняка:
Надѣясь кладъ найти, глубокій ровъ
Онъ ископалъ среди своихъ садовъ.

Испортить не страшась гряды цвѣтовъ;
Рылъ, рылъ, вдругъ что то застучало,—онъ
Вздрогнулъ: предметъ трудовъ его найденъ!
Приблизился, торопится, глядитъ...
Что жъ?—передъ нимъ гнилой скелетъ лежитъ!
„Заботы вьются въ сумракѣ ночей
Вкругъ ложа мягкаго, златыхъ кистей;
У изголовья совѣсть—скорпіонъ
Отъ вѣждъ засохшихъ гонитъ сладкій сонъ;
Какъ вѣтръ преслѣдуетъ по небу вдаль
Оторванныя тучки,—такъ печаль,
Въ одну и ту же съ нами сѣвъ ладью,
Не отстаетъ ни въ кущѣ, ни въ бою".
Такъ римскій говоритъ поэтъ-мудрецъ.
Ахъ! это испыталъ я, наконецъ,
Отправившись, не зная самъ куда,
И съ Сеною простившись навсегда...
Ни дикихъ горъ Швейцаріи снѣга,
Ни Рейна вдохновенные брега
Ничѣмъ мнѣ умъ наполнить не могли
И сердцу ничего не принесли...
Венеція! О, какъ прекрасна ты,
Когда, какъ звѣзды, спавши съ высоты,
Огни по влажнымъ улицамъ твоимъ
Скользятъ, и съ блескомъ синимъ, золотымъ,
То затрепещутъ и погаснутъ вдругъ,
То вновь зажгутся. Тамъ далекій звукъ,
Какъ благодарность въ злой душѣ, порой
Раздастся—и умретъ во тьмѣ ночной:
То пѣснь красавицы, съ ней другъ ея,
Они поютъ, и мчится ихъ ладья.
Народъ, тѣснясь на берегу, кипитъ,
Оттуда любопытный взоръ слѣдитъ
Какой-нибудь красивый павильонъ,
Который бѣгло въ волнахъ отраженъ.
Разнообразный плескъ и веселъ шумъ
Приводятъ много чувствъ и много думъ;
И много чудныхъ случаевъ раждалъ
Ничѣмъ ненарушимый карнавалъ.
Я прихожу въ гремящій маскарадъ.
Нарядовъ блескъ тамъ ослѣпляетъ взглядъ.
Здѣсь не узнаетъ мужъ жены своей,—
Какой-нибудь лукавый чичисбей,
Подъ маской, близъ него проходитъ съ ней,—
И мужъ готовъ божиться, что жена
Лежитъ въ дому, отчаянно больна...

Но если все проникъ ревнивый взоръ,—
Тотчасъ кинжалъ рѣшитъ недолгій споръ,
Хотя не нужна пролитàя кровь:
Ужъ не воротитъ женскую любовь!...
Такъ мысля, въ залѣ я блуждалъ
И разныхъ лицъ движенья наблюдалъ;
Но, какъ пустыя грезы сновъ пустыхъ,
Чтобъ разсказать,—я не запомню ихъ.
И вижу маску: мнѣ грозитъ она.
Огонь паровъ застольнаго вина
Смутилъ мой умъ, волнуя кровь мою.
Я въ домино окутался, встаю,
Открылъ лицо, за тайнымъ чудакомъ
Стремлюсь, и покидаю шумный домъ.
Быстрѣе ногъ преслѣдуютъ его
Мои глаза. Не помня ничего,
Вослѣдъ за нимъ, хотя и не хотѣлъ,
На лѣстницу крутую я взлетѣлъ,
Огромные покои предо мной,
Отдѣланы съ искусственной красой;
Сіяли свѣчи яркія въ углахъ,
И живопись дышала на стѣнахъ.
Ни блескъ, ни сладкій ароматъ цвѣтовъ
Желаньемъ ускоряемыхъ шаговъ
Остановить въ то время не могли:
Они меня съ предчувствіемъ несли
Туда, гдѣ, на диванѣ опустясь,
Мой незнакомецъ, бѣгомъ утомясь,
Сидѣлъ. Уже я близко у дверей...
Вдругъ (изумленіе души моей
Чьи краски на землѣ изобразятъ?)
Съ него упалъ обманчивый нарядъ,—
И женщина единственной красы
Стояла близъ меня. Ея власы
Катились на волнуемую грудь
Съ восточной нѣгой. Я не смѣлъ дохнуть,
Покуда взоръ, весь слитый изъ огня,
На землю томно не упалъ съ меня...
Ахъ! онъ стрѣлой во глубь проникъ!
Не выразилъ бы чувствъ моихъ въ сей мигъ
Ни ангельскій, ни демонскій языкъ!...
Средь горъ Кавказскихъ есть, слыхалъ я, гротъ,
Откуда Терекъ молодой течетъ.
О скалы неприступныя дробясь,
Съ Казбека въ пропасть иногда скатясь,
Отверзтіе лавина завалитъ,—

Какъ мертвый, онъ на время замолчитъ...
Но лишь враждебный снѣгъ промоетъ онъ,—
Быстрѣй его не будетъ Аквилонъ.
Бѣги, сайгакъ, отъ берега въ тотъ часъ
И жаждущій табунъ,—умчитъ онъ васъ,
Сей токъ, покрытый пѣною густой,
Свободный, какъ чеченецъ удалой.
Такъ и любовь: покрыта скуки льдомъ,
Прорвется, и мучительнымъ огнемъ
Должна свою разрушить колыбель,
Достигнетъ или не достигнетъ цѣль!...
И бѣденъ тотъ, кому судьбина, давъ
И влюбчивый и своевольный нравъ,
Позволила узнать подробно міръ,
Гдѣ человѣкъ всегда гонимъ и сиръ;
Гдѣ жизнь—измѣнъ взаимныхъ вѣчный рядъ,
Гдѣ память о добрѣ и злѣ—все ядъ,
И гдѣ они, покорствуя страстямъ,
Приносятъ только сожалѣнье намъ!
Я былъ любимъ, самъ страстію пылалъ,
И много дней Мелиной обладалъ.
Летучихъ наслажденій властелинъ,
Изъ этихъ денъ я не забылъ одинъ.
Златило утро дальній небосклонъ,
И запахъ розъ съ бреговъ былъ разнесенъ
Далеко въ море; свѣжая волна,
Играющимъ лучомъ пробуждена,
Отзывы пѣсни рыбаковъ несла.
Въ ладьѣ, при вѣрной помощи весла,
Неслися мы съ Мелиною самъ-другъ,
Внимая сладкій и небрежный звукъ;
За нами, въ блескѣ утреннихъ лучей,
Венеція, какъ пышный мавзолей
Среди песковъ Египта золотыхъ,
Изъ волнъ поднявшись, озирала ихъ.
Въ восторгѣ я твердилъ любви слова
Подругѣ пламенной; моя глава,
Когда я спорить уставалъ съ водой,
Въ колѣна ей склонялася порой.
Я счастливъ былъ! Невѣдомый никѣмъ,
Казалось, я покоенъ былъ совсѣмъ,
И въ первый разъ лишь могъ о томъ забыть,
О чемъ грустилъ, не зная возвратить.
Но дьяволъ, сокрушитель благъ земныхъ,
Блаженства намъ даритъ на краткій мигъ,
Чтобы ударъ судьбы сразилъ сильнѣй,

Рисун. худ. Д. Митрохина. Недвижная, какъ мертвая больна.
Мнѣ преграждаетъ дерзкій путь она.

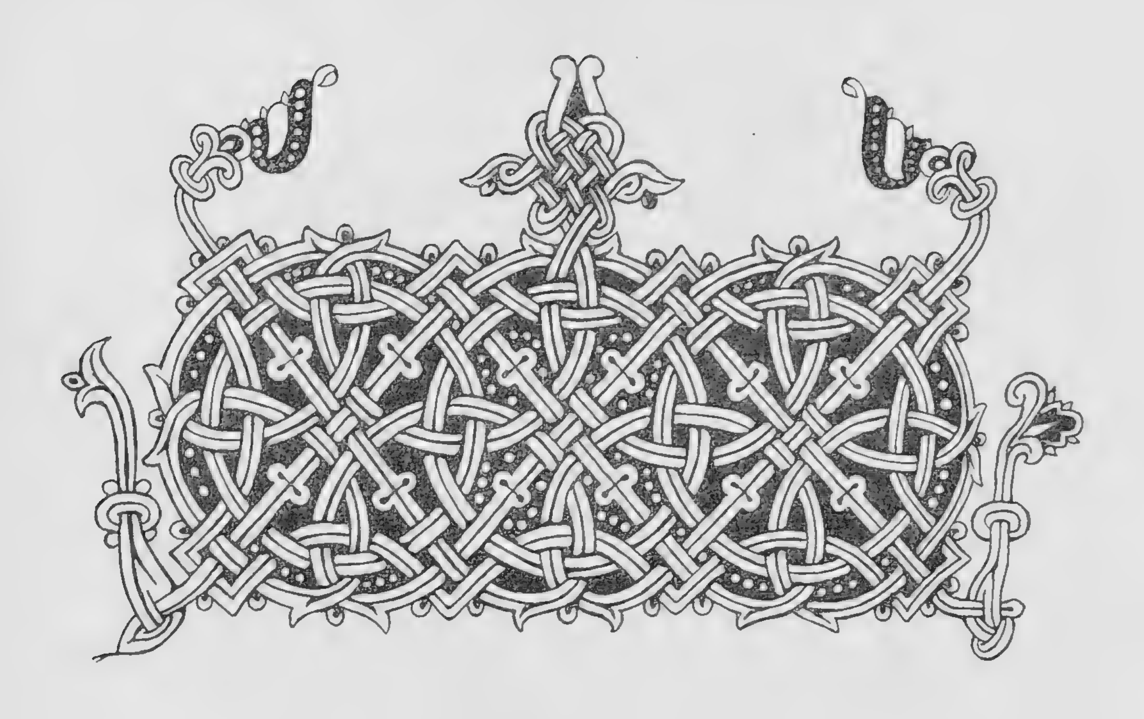

D.M.

Чтобы съ жестокой тягостью своей
Несчастье унесло отъ жадныхъ глазъ
Все, что ему завидно въ насъ...
Однажды (ночь на городъ ужъ легла,
Луна, какъ въ дымѣ, безъ лучей плыла
Между сырыхъ тумановъ; вѣтръ ночной,
Багровый западъ съ тусклою луной—
Все предвѣщало бури, но во мнѣ
Уснули, мнилось, навсегда онѣ)
Я ѣхалъ къ милой. Радость и любовь
Мою младую волновали кровь;
Я былъ любимъ Мелиной, былъ богатъ,
Все вкругъ мнѣ веселило слухъ и взглядъ:
Роптанье струй, мельканье челноковъ,
Сквозь окна освѣщеніе домовъ
И баркаролла мирныхъ рыбаковъ.
Къ красавицѣ взошелъ я. Цѣлый домъ
Былъ пустъ и тихъ, какъ завоеванъ сномъ.
Вотъ проникаю въ комнаты, и вдругъ
Я роковой вблизи услышалъ звукъ—
Звукъ поцѣлуя... Праведный Творецъ,
Зачѣмъ въ сей мигъ мнѣ не послалъ конецъ?
Зачѣмъ, затрепетавъ, какъ средь огня,
Не выскочило сердце изъ меня?
Зачѣмъ, окаменѣвшій, я опять
Движенье жизни долженъ былъ принять?...
Бѣгу, стремлюсь,—трещитъ и настежь дверь...
Кидаюся, какъ разъяренный звѣрь,
Въ ту комнату,—и быстрый шумъ шаговъ
Мой слухъ мгновенно поразилъ безъ словъ.
Схвативъ свѣчу, я—въ темный коридоръ,
Гдѣ ревностью пылая, встрѣтилъ взоръ
Скользящую, какъ нѣкій духъ ночной,
По стѣнамъ тѣнь. Дрожащею рукой
Схвативъ кинжалъ, машу передъ собой!...
И вотъ настигъ... въ минуту удержу...
Рука... рука... хочу схватить,—гляжу:
Недвижная, какъ мертвая, блѣдна,
Мнѣ преграждаетъ дерзкій путь она!
Подъемлю злобно очи... страшный видъ!...
Качая головой, призракъ стоитъ...
Кого жъ я въ немъ, встревоженный, узналъ?—
Мою обманутую Лору!... Я упалъ!...
Печаленъ степи видъ, гдѣ безъ препонъ
Скитается летучій Аквилонъ,
И гдѣ кругомъ, какъ зорко ни смотри,

Встрѣчаете березы двѣ иль три,
Которыя подъ синеватой мглой
Чернѣютъ вечеромъ въ дали пустой.
Такъ жизнь скучна, когда боренья нѣтъ:
Въ ней мало дѣлъ мы можемъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
Въ минувшее проникнувъ, различить,
Она души не будетъ веселить.
Но жребій я узналъ совсѣмъ иной:
Убитъ я не былъ раннею тоской,
Страстей огонь, неизлѣчимый ядъ,
Еще теперь въ душѣ моей кипятъ...
И ихъ слѣды узналъ я въ этотъ разъ.
Въ безпамятствѣ, не открывая глазъ,
Лежалъ я долго; кто принесъ меня
Домой—не могъ узнать я. День отъ дня
Разсудокъ мой свѣжѣй и тверже былъ,
Какъ вновь меня внезапно посѣтилъ
Томительный и пламенный недугъ.
Я былъ при смерти. Ни единый другъ
Не приходилъ провѣдать о больномъ...
Какъ часто въ душномъ сумракѣ ночномъ
Со страхомъ пробѣгалъ я жизнь мою,
Готовяся предстать предъ Судію;
Какъ часто, мучимъ жаждой огневой,
Я утолить ее не могъ водой
Задохшейся, и теплой, и гнилой;
Какъ часто хлѣбъ передъ лишеннымъ силъ
Черствѣлъ, хотя еще не тронутъ былъ;
И сколькихъ слезъ, стараясь мужемъ быть,
Я долженъ былъ всю горечь проглотить!...
    И долго я томился. Наконецъ,
Родныхъ полей блуждающій бѣглецъ,
Я возвратился къ нимъ.
Въ большомъ саду
Однажды я задумавшись иду,
И вдругъ предъ мной бесѣдка. Узнаю
Зеленый сводъ, гдѣ я сказалъ „люблю“
Невинной Лорѣ (я еще объ ней
Не спрашивалъ сосѣдственныхъ людей).
Но страхъ пустой мой умъ преодолѣлъ.
Вхожу,—и что жъ бродящій взглядъ узрѣлъ?—
Могилу!—Свѣжій лѣтній вѣтерокъ
Порою несъ увялый къ ней листокъ,
И, незабудками испещрена,
Дышала сыростью и мглой она.
Не ужасомъ, но пасмурной тоской

Я былъ подавленъ въ мигъ сей роковой!
Презрѣнье, гордость въ этой тишинѣ
Старались жалость побѣдить во мнѣ.—
Такъ вотъ что я любилъ!... Такъ вотъ о комъ
Я столько думъ питалъ въ умѣ моемъ!...
И стоило ль любить и покидать,
Чтобы странамъ чужимъ нести казать
Испорченное сердце (плодъ страстей),
Въ чемъ недостатка нѣтъ между людей?...
Такъ вотъ что я любилъ! Клянусь, мой Богъ,
Ты лучшую ей участь дать не могъ:
Пресѣчь должна кончина бытіе,—
Чѣмъ раньше, тѣмъ и лучше для нея!
    И блещутъ, дѣва, незабудки надъ тобой,
Хотя забвенья стали пеленой;
Сплела изъ нихъ земля тебѣ вѣнецъ,
Ихъ вырастили матерь и отецъ,
На дернъ роняя слезы каждый день,
Пока туманная ложася тѣнь
Съ холодной сладкою росой ночей
Не освѣжала старыхъ ихъ очей...
. . . .
И я умру!—Но только вѣтръ степей
Восплачетъ надъ могилою моей!...
Преодолѣть стараясь думъ борьбу,
Такъ я предчувствовалъ свою судьбу...
. . . .
И я оставилъ прихотливый свѣтъ,
Въ которомъ для меня веселья нѣтъ,
И гдѣ раскаянье бѣжитъ отъ насъ,
Покуда юность не оставитъ глазъ.
Но я былъ старъ, я многое свершилъ!
Повѣрьте: не одно лишенье силъ,
Послѣдствіе толпой протекшихъ дней,—
Браздитъ чело и гаситъ жизнь очей!...
Я потому съ досадой ихъ кидалъ
На міръ, что самъ себя въ немъ презиралъ!
Я мнилъ: въ моемъ лицѣ легко прочесть,
Что въ сей груди такое чувство есть.—
Я гордъ былъ—и не снесъ бы, какъ позоръ,
Пытающій, нескромный, хитрый взоръ.
Какъ могъ бы я за чашей хохотать
И яркій даръ похмелья выпивать,
Когда всечасно мстительный металлъ
Въ больного сердца струны ударялъ?
Онѣ меня будили въ тьмѣ ночной,
Когда и умъ, какъ взглядъ, подернутъ мглой,

Чтобы нагнать еще ужаснѣй сонъ,—
Не уходилъ съ зарей багровой онъ.
Чѣмъ болѣ улыбалось счастье мнѣ,
Тѣмъ больше я терзался въ глубинѣ;
Я счастіе, казалося, привлекъ,
Когда его навѣки отнялъ рокъ,
Когда любилъ въ огнѣ мученій злыхъ
Я женщинъ мертвыхъ болѣе живыхъ.
Есть сумерки души во цвѣтѣ лѣтъ,
Межъ радостью и горемъ полусвѣтъ:
Жметъ сердце безотчетная тоска,
Жизнь ненавистна, но и смерть тяжка.
Чтобы спастись отъ этой пустоты
Воспоминаньемъ иль игрой мечты,—
Умножь одну или другую ты.
Послѣднее мнѣ было легче! Я
Опять бѣжалъ въ далекіе края,
И здѣсь, въ сей безднѣ, въ сѣверныхъ горахъ,
Зароютъ мой изгнаннический прахъ.
Безъ имени въ землѣ онъ долженъ гнить,
Чтобъ никого не могъ остановить.
Такъ я живу. Подземный мракъ и хладъ,
Однообразный стукъ, огни лампадъ
Мнѣ нравятся. Товарищей толпу
Презрѣннѣе себя всегда я чту,
И самолюбье веселитъ мой нравъ:
Такъ радъ слѣпой, кривого увидавъ!...
. . . .
И я люблю, когда нѣмая грусть
Меня кольнетъ, на воздухъ выйти. Пусть,
Пусть укоритъ меня обширный сводъ,
За коимъ въ славѣ возсѣдаетъ Тотъ,
Кто былъ, и есть, и вѣчно не прейдетъ.
Задумавшись, нерѣдко я сижу
Надъ дикою стремниной, и гляжу
Въ туманныя поля, передо мной
Отдохшія подъ свѣжею росой.
Тогда, какъ я, воскликнешь къ небесамъ,
Ломая руки: дайте прежнимъ днямъ
Воскреснуть!—Но ничто ихъ не найдетъ,—
И молодость вторично не придетъ!...
Ахъ! много чувствъ и мрачныхъ, и живыхъ
Открыть хотѣлъ бы Джуліо. Но ихъ
Пускай обниметъ ночь, какъ и меня!
Уже въ лампадѣ нѣтъ почти огня...
Страница кончена—и (хоть чудна)
Съ ней повѣсть жизни, прежде чѣмъ она...

214. Литвинка.

I.

Чей старый теремъ на горѣ крутой
Рисуется съ зубчатою стѣной?
Безсмѣнный царь синѣющихъ полей,
Кого хранитъ онъ твердостью своей?
Кто темнымъ сводамъ повѣрять привыкъ
Молитвы шопотъ и веселья кликъ?
Его владѣльца назову я вамъ:
Подъ именемъ Арсенія друзьямъ
И недругамъ своимъ онъ былъ знакомъ,
И не мечталъ объ имени другомъ.
Его права оспаривать не смѣлъ
Еще никто, онъ больше не хотѣлъ!
Не вѣдалъ онъ владыки и суда,
Не посѣщалъ сосѣдей никогда,
Богатый въ мирѣ, славный на войнѣ;
Когда къ нему являлися они,—
Онъ избѣгалъ довѣрчивыхъ бесѣдъ,
Презрѣніемъ дышалъ его привѣтъ;
Онъ даже лаской гостя унижалъ,
Хотя, быть можетъ, самъ того не зналъ.
Не потому ль, что слишкомъ рано онъ
Повелѣвать толпѣ былъ пріученъ?

II.

На ложѣ наслажденья и въ бою
Провелъ Арсеній молодость свою.
Когда звучалъ ударъ его меча,
И красная являлась епанча,
Бѣжалъ татаринъ, и бѣжалъ литвинъ,
И часто стоилъ войска онъ одинъ!
Вся въ ранахъ грудь отважнаго была;
И посреди морщинъ его чела,
Приличнѣйшій нарядъ для всякихъ лѣтъ,
Краснѣлъ рубецъ—литовской сабли слѣдъ.

III.

И, возвратясь домой съ полей войны,
Онъ не прижалъ къ устамъ уста жены;
Онъ не привезъ парчи ей дорогой,
Отбитой у татарки кочевой,
И даже для подарка не сберегъ
Ни жемчуга, ни золотыхъ серегъ.
И, возвратясь въ забытый старый домъ,
Онъ не спросилъ о сынѣ молодомъ;
О подвигахъ своихъ въ чужой странѣ
Онъ не хотѣлъ разсказывать женѣ;
И, въ часъ свиданья, радости слеза
Хоть озарила нѣжные глаза,
Но прежде, чѣмъ упасть она могла,
Страданія слезою ужъ была...
Онъ измѣнилъ ей!... Что святой обрядъ
Тому, кто ищетъ лишь земныхъ наградъ?
Какъ путники небесны, облака,
Свободно сердце, и любовь легка...

IV.

Два дня прошло, и юная жена
Исчезла; и старуха лишь одна
Изгнанье раздѣлить рѣшилась съ ней
Въ монастырѣ, далеко отъ людей
(И потому поближе къ небесамъ);
Ихъ жизнь—одна молитва будетъ тамъ.
Но женщины обманутой душа,
Для свѣта умертвясь и имъ дыша,
Могла ль забыть того, кто столько лѣтъ
Одинъ былъ для нея и жизнь и свѣтъ?
Онъ измѣнилъ, увы! Но потому
Ужель ей дòлжно измѣнить ему?...

Печаль несчастной жертвы и законъ—
Все презиралъ для новой страсти онъ,
Для плѣнницы, литвинки молодой,
Для гордой дѣвы изъ земли чужой.
Въ угодность ей, за пару сладкихъ словъ
Изъ хитрыхъ устъ, Арсеній былъ готовъ
На жертву принести жену, дѣтей,
Отчизну, душу, все—въ угодность ей!

V.

Свѣтило дня, краснѣя сквозь туманъ,
Садится горделиво за курганъ,
И, отдѣливъ ряды дождливыхъ тучъ,
Вдоль по землѣ скользитъ прощальный лучъ
Такъ сладостно, такъ тихо и свѣтло,
Какъ будто міра мрачное чело
Его любви достойно! Наконецъ,
Оставилъ онъ долину, и вѣнецъ
Горы высокой—теремъ озарилъ,
И пламень свой негрѣющій разлилъ
По стекламъ расписнымъ свѣтлицы той,
Гдѣ такъ недавно, съ радостью живой,
Облокотясь на столикъ, у окна,
Ждала супруга вѣрная жена;
Гдѣ съ дѣтскою досадой сынъ ея
Чуть поднималъ отцовское копье.
Теперь... гдѣ сынъ и мать? На мѣстѣ ихъ
Сидитъ литвинка, дочь степей чужихъ.
Безмолвная подруга лучшихъ дней—
Разстроенная лютня передъ ней,
И, по струнѣ оборванной скользя,
Блеститъ зари послѣдняя струя...
Устала Клара отъ душевныхъ бурь,
И очи, голубыя, какъ лазурь,
Она сидитъ, на западъ устремивъ;
Но не зари плѣнялъ ее разливъ:
Тамъ родина! Пѣвецъ и воинъ тамъ
Не разъ къ ея склонялися ногамъ!
Тамъ вольны дѣвы! Тамъ никто бы ей
Не смѣлъ сказать: „хочу любви твоей!..."

VI.

Она должна съ покорностью нѣмой
Любить того, кто грозною войной
Опустошилъ поля ея отцовъ;

Она должна привѣты нѣжныхъ словъ
Затверживать, и ненависть, тоску—
Учить любви святому языку;
Младую грудь къ волненью принуждать,
И страстью небывалой объяснять
Летучій вздохъ и влажный пламень глазъ.
Она должна... Но мщенью будетъ часъ!

VII.

Вечерній пиръ готовъ. Рабы шумятъ,
Въ покояхъ пышныхъ блещетъ свѣтъ лампадъ,
Въ серебряномъ ковшѣ кипитъ вино,
Къ его пирамъ привыкнувшій давно
Арсеній пьетъ янтарную струю,
Чтобъ этимъ совѣсть потопить свою...
И плѣнница, его встрѣчая взоръ,
Читаетъ въ немъ къ веселью приговоръ:
И ложная улыбка, громкій смѣхъ,
Кромѣ ея, обманываютъ всѣхъ.
И вѣря той улыбкѣ, восхищенъ
Арсеній, и литвинку обнялъ онъ;
И кудри золотыхъ ея волосъ,
Нѣжнѣе шелка и душистѣй розъ,
Скатилися прозрачной пеленой
На грубый лукъ, отмѣченный войной.
Лукаво посмотрѣвъ, принявши видъ
Невольной грусти, Клара говоритъ:
„Ты любишь ли меня?“—„Какой вопросъ!—
Воскликнулъ онъ,—кто жъ больше перенесъ
И для тебя такъ много погубилъ,
Какъ я?... И твой Арсеній не любилъ?!
И, человѣкъ,—я бъ могъ обнять тебя,
Не трепеща душою, не любя?...
О, шутками меня не искушай!
Мой адъ—среди людскихъ заботъ, мой рай—
У ногъ твоихъ!... И если я не тутъ,
И если рукъ моихъ твои не жмутъ,—
Дворецъ и плаха для меня равны!
Досадой дни мои отравлены!
Я непороченъ у груди твоей,
Суровъ и дикъ между другихъ людей!
Тебѣ въ колѣна голову склонивъ,
Я, какъ дитя, безпеченъ и счастливъ,
И теплое дыханье устъ твоихъ
Пріятнѣй мнѣ кureній дорогихъ!...
Ты рождена, чтобы повелѣвать:

Моя любовь то можетъ доказать.
Пусть я твой рабъ,—но лишь не рабъ судьбы!
Достойны ли тебя ея рабы?
Повѣрь, когда бъ меня не создалъ Богъ,
Онъ ниспослать бы въ міръ тебя не могъ!“ —

VIII.

„О, еслибъ точно ты любилъ меня,—
Сказала Клара, голову склоня,—
Я не жила бы въ теремѣ твоемъ.
Ты говоришь: онъ—мой... А что мнѣ въ немъ?
Богатствомъ дивнымъ, гордой высотой
Очамъ онъ милъ,—но сердцу онъ чужой.
Здѣсь въ рощѣ воды чистыя текутъ,
Но рѣчку ту не Виліей зовутъ;
И вѣтеръ, здѣсь колеблющій траву,
Мнѣ не приноситъ пѣсни про Литву!...
Нѣтъ, русскій, я не вѣрую любви!
Безъ милой воли—что̀ дары твои?“
И отвернулась Клара, и укоръ
Изобразилъ презрѣнья хладный взоръ.
Недвижимъ былъ Арсеній близъ нея,
И, кромѣ воли, отдалъ бы онъ все,
Чтсбъ получить одинъ, одинъ лишь взглядъ
Изъ тѣхъ, которыхъ все блаженство—ядъ.

IX.

Но что за гость является ночной,
Стучитъ въ ворота сильною рукой?
И сторожъ, быстро пробудясь отъ сна,
Кричитъ: „кто тамъ?“—„Впустите! Ночь темна..
Въ долинѣ буря свищетъ и реветъ,
Какъ дикій звѣрь, и тьмитъ небесный сводъ.
Впустите обогрѣться хоть на часъ,
А завтра, завтра мы оставимъ васъ;
Но никогда въ моленіяхъ своихъ
Гостепріимный кровъ степей чужихъ
Мы не забудемъ!“ Стражъ не отвѣчалъ,
Но ключъ въ замкѣ упрямомъ завизжалъ,
О доски тяжкій загремѣлъ затворъ,—
Расхлопнулись ворота, и на дворъ
Два странника въѣзжаютъ, фонаремъ
Озарены; идутъ въ господскій домъ;
Широкій плащъ на каждомъ, и порой
Звенитъ и блещетъ что то подъ полой.

X.

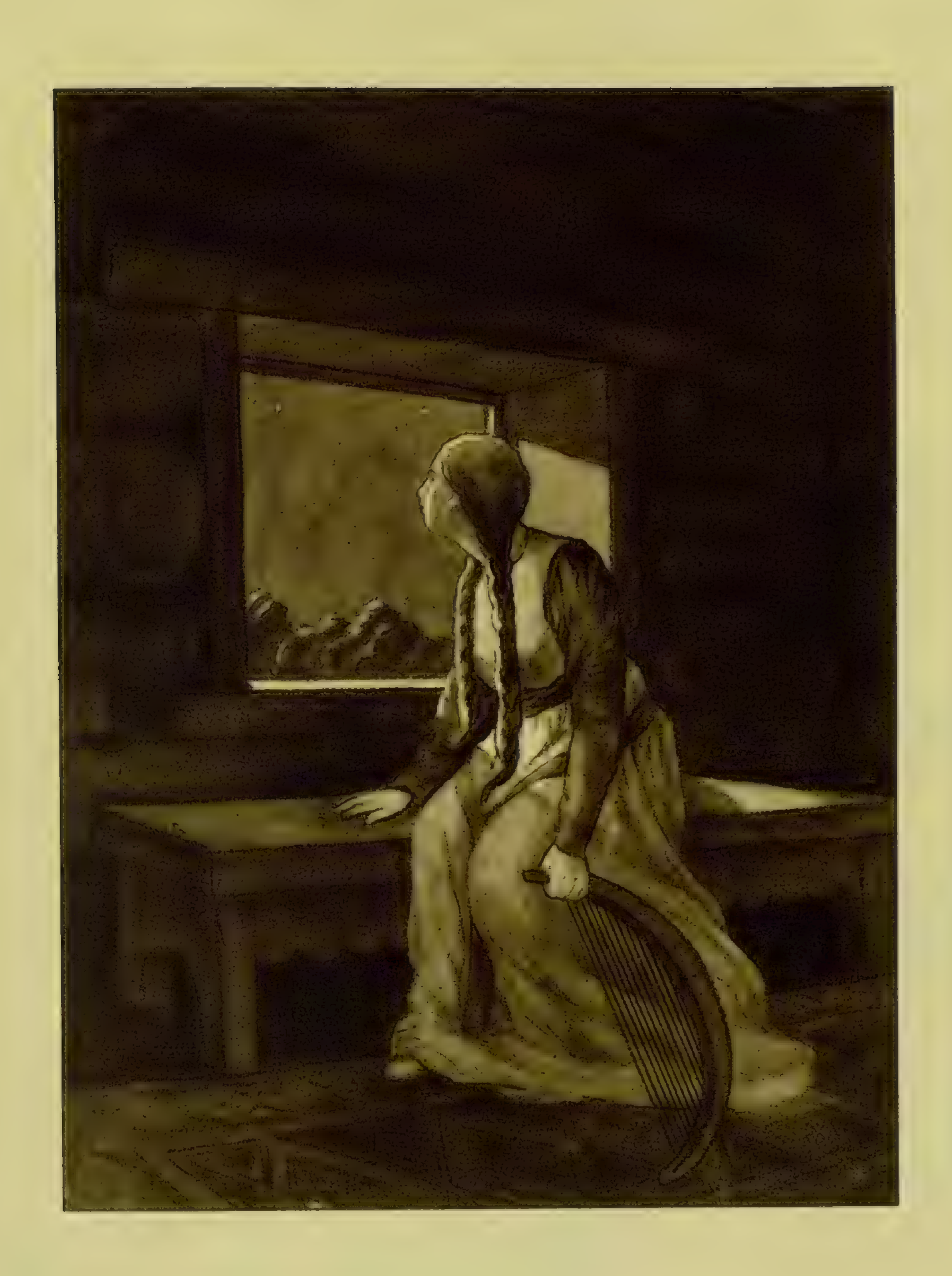
Арсеній приглашаетъ ихъ за столъ
И съ ними рѣчь привѣтную завелъ;
Но странники, хоть имъ владѣлецъ радъ,
Не много пьютъ и меньше говорятъ.
Одинъ изъ нихъ еще во цвѣтѣ лѣтъ,
Другой, согбенный жизнью, худъ и сѣдъ,
И по рѣчамъ замѣтно, что привыкъ
Употреблять не русскій онъ языкъ.
И младшій гость по виду былъ смѣлѣй:
Онъ не сводилъ пронзительныхъ очей
Съ литвинки молодой, и взоръ его
Для многихъ бы не значилъ ничего...
Но, видно, ей когда то былъ знакомъ
Тотъ дикій взоръ съ возвышеннымъ челомъ!
Иль что-нибудь онъ ей о прошлыхъ дняхъ
Напоминалъ,—какъ знать?... Не женскій страхъ
Ее заставилъ вздрогнуть и вздохнуть,
И голову поспѣшно отвернуть,
И бѣлою рукой закрыть глаза,
Чтобъ измѣнить не смѣла ей слеза...

XI.

„Ты поблѣднѣла, Клара!“—„Я больна!...“
И въ комнату свою спѣшитъ она.
Окно открывши, сѣла передъ нимъ,
Чтобъ освѣжиться воздухомъ ночнымъ.
Туманъ въ широкомъ полѣ; огонекъ
Блеститъ вдали, забытъ и одинокъ;
И вѣтеръ, нарушитель тишины,
Шумитъ, скользя во мракѣ вдоль стѣны;
То лай собакъ, то колокола звонъ
Его дыханьемъ въ полѣ разнесенъ.
И Клара внемлетъ... О, какъ много думъ
Вмѣщалъ въ себѣ безпечный, рѣзвый умъ!
О, еслибъ кто-нибудь увидѣть могъ
Хоть половину всѣхъ ея тревогъ,
Онъ на себя, не смѣя измѣрять,
Всю тягость ихъ рѣшился бы принять,
Чтобы чело, гдѣ радость и любовь
Смѣялись прежде, прояснилось вновь,
Чтобъ заигралъ румянецъ на щекахъ,
Какъ радуга въ вечернихъ облакахъ.
И что могло такъ дѣву взволновать?
Не пришлецы ль?... Но гдѣ и какъ узнать?...

Рис. худ. Чемберсъ Билибиной. *Несбыточнымъ мечтаньямъ предана,*
Къ окну склонивтись, думаетъ она.

Чѣмъ для души страданія сильнѣй,
Тѣмъ вѣчный слѣдъ ихъ глубже тонетъ въ ней,
Покуда все, что небомъ ей дано,
Не превратятъ въ страданіе одно.

XII.

Раздвинулъ тучи мѣсяцъ золотой,
Какъ херувимъ—духо̀въ враждебный рой,
Какъ упованья сладостный привѣтъ
Отъ сердца гонитъ память прошлыхъ бѣдъ.
Свидѣтель равнодушный тайнъ и дѣлъ,
Которыхъ день узнать бы не хотѣлъ,
А тьма укрыть,—онъ странствуетъ одинъ,
Небесной степи блѣдный властелинъ.
Обрисовавъ литвинки юный ликъ,
Въ окно свѣтлицы лучъ его проникъ,
И, придавая чудный блескъ стеклу,
Безпечно разыгрался на полу,
И озарилъ персидскій онъ коверъ,
Высокихъ стѣнъ единственный уборъ.
Но что за звукъ раздался за стѣной?
Протяжный стонъ, исторгнутый тоской,
Подобный звуку пѣсни... Еслибъ онъ
Невѣдомымъ пѣвцомъ былъ повторенъ...
Но вотъ опять!... Такъ точно... Кто жъ поетъ?...
Ты, плѣнница, узнала? вѣрно тотъ,
Чей взоръ туманный съ пасмурнымъ челомъ
Тебя смутилъ, тебѣ давно знакомъ...
Несбыточнымъ мечтаньямъ предана,
Къ окну склонившись, думаетъ она:
Въ одной Литвѣ такъ сладко лишь поютъ!
Туда, туда меня они зовутъ!
И имъ отозвался въ груди моей
Такой же звукъ, залогъ счастливыхъ дней.

XIII.

Минувшее дышало въ пѣснѣ той,
Какъ вольность вольной, какъ она—простой,
И все, чѣмъ сердцу родина мила,
Въ родимой пѣснѣ плѣнница нашла.
И въ этомъ наслажденьи былъ упрекъ;
И все, что женской гордости лишь могъ
Внушить позоръ, явилось передъ ней
Хладнѣй презрѣнья, мщенія страшнѣй...
Она схватила лютню, и струна
Звенитъ, звенитъ... и вдругъ, пробуждена

Восторгомъ и надеждою, въ отвѣтъ
Запѣла дѣва... Этой пѣсни нѣтъ
Нигдѣ,—она мгновенна лишь была,
И въ чьей груди родилась—умерла,
И понялъ, кто внималъ! Не мудрено:
Понятье о небесномъ намъ дано;
Но слишкомъ для земли насъ создалъ Богъ,
Чтобъ кто-нибудь ее запомнить могъ.

XIV.

Взошла заря, и отдѣлился лѣсъ
Стѣной зубчатой на краю небесъ.
Но отчего же сторожъ у воротъ
Молчитъ и въ доску мѣдную не бьетъ?
Что теремъ не обходитъ онъ кругомъ?
Ужель онъ спитъ?—Онъ спитъ, но... вѣчнымъ сномъ!
Тяжелый кинутъ на землю затворъ,
И близъ него старикъ: закрытый взоръ,
Уста и руки сжаты навсегда,
И вся въ крови сѣдая борода.
Сбѣжалась куча боязливыхъ слугъ,
Съ бездѣйствіемъ отчаянья, вокругъ
Убитаго, при первомъ свѣтѣ дня,
Они стояли, головы склоня,
И каждый состраданіемъ пылалъ,
Но что начать—никто изъ нихъ не зналъ...
И гдѣ ночной убійца? Чья рука
Не дрогнула надъ сердцемъ старика?
Кто растворилъ высокое окно
И узкое оттуда полотно
Спустилъ на дворъ? Чей поясъ голубой
Въ пескѣ затоптанъ маленькой ногой?
Гдѣ странники? Къ воротамъ виденъ слѣдъ...
Понятно все: ихъ нѣтъ... и Клары нѣтъ!

XV.

И долго неожиданную вѣсть
Никто не смѣлъ Арсенію принесть;
Но, наконецъ, рѣшились. Онъ внималъ,
Хотѣлъ вскочить и неподвиженъ сталъ,
Какъ мраморный кумиръ, какъ бы мертвецъ,
Съ открытымъ взглядомъ встрѣтившій конецъ.
И этотъ взоръ, не зря, смотрѣлъ впередъ,
Блестя огнемъ, былъ холоденъ, какъ ледъ;
Рука, сомкнувшись, кверху поднялась,
И рѣчь изъ синихъ губъ оторвалась.

На клятву походила рѣчь его.
Но въ ней никто не понялъ ничего,
Она была на языкѣ родномъ,
Но глухо пронеслась, какъ дальній громъ...

XVI.

Бѣжали дни. Арсеній сталъ опять,
Какъ прежде, видѣть, слышать, понимать;
Но сердце, пораженное тоской,
Ужъ было мѐртво,—хоть въ груди живой.
Умѣлъ изгнать онъ изъ него любовь,—
Но, что прошло, небывшимъ сдѣлать вновь
Кто подъ луной умѣетъ? Кто мечтамъ
Назначитъ кругъ завѣтный, какъ словамъ?
И отъ души какая можетъ власть
Отсѣчь ея мучительную часть?
Бѣжали дни. Ничѣмъ ужъ не былъ онъ
Отнынѣ опечаленъ, удивленъ;
Надъ нимъ висѣть, чернѣть гроза могла,
Не измѣнивъ обычный цвѣтъ чела...
Но если онъ, не зная отвести,
Ударъ судьбы умѣлъ перенести,
Но если показать онъ не желалъ,
Что могъ страдать, какъ нѣкогда страдалъ,—
То язва, имъ презрѣнная, потомъ
Все становилась глубже день со днемъ...
Онъ Клару не умѣлъ бы пережить,
Когда бы только смерть... но измѣнить!...
И прежде презиралъ ужъ онъ людей,—
Отнынѣ изъ безумца сталъ злодѣй.
И чѣмъ же могъ онъ сдѣлаться другимъ
Съ его умомъ и сердцемъ огневымъ?

XVII.

Есть сумерки души, несчастья слѣдъ,
Когда ни мрака въ ней, ни свѣта нѣтъ;
Она сама собою стѣснена,
Жизнь ненавистна ей, и смерть страшна;
И небо обвинить нельзя ни въ чемъ,
И, какъ на зло, все весело кругомъ!
Въ прекрасномъ мірѣ—жертва тайныхъ мукъ,
Въ созвучіи вселенной—ложный звукъ,
Она встрѣчаетъ блескъ природы всей,
Какъ встрѣтилъ бы улыбку палачей
Приговорѐнный къ казни; и назадъ
Она кидаетъ безпокойный взглядъ.

Но слѣдъ волны потерянъ въ безднѣ водъ,
И листъ отпавшій вновь не зацвѣтетъ.
Есть демонъ сокрушитель благъ земныхъ:
Онъ радость намъ даритъ на краткій мигъ,
Чтобы ударъ судьбы сразилъ скорѣй;
Врагъ истины, врагъ неба и людей,
Нашъ слабый духъ ожесточаетъ онъ,
Пока страданья не умчатъ, какъ сонъ,
Все, что мы въ жизни цѣнимъ только разъ,—
Все, что ему еще завидно въ насъ.

XVIII.

Противъ Литвы пошелъ великій князь.
Его дружины, местью воспалясь,
Грозятъ полямъ и рощамъ той страны,
Гдѣ загорится пламенникъ войны.
Желая защищать свои права,
Дрожитъ за вольность гордая Литва;
И клювы хищныхъ птицъ и зубъ волковъ
Скользятъ ужъ по костямъ ея сыновъ.

XIX.

И въ русскій станъ, осеннимъ сѣрымъ днемъ,
Явился разъ, одинъ, безъ слугъ, пѣшкомъ,
Боецъ, извѣстный храбростью своей,
И сдѣлался предметомъ всѣхъ рѣчей.
Давно не поднималъ онъ щитъ и шлемъ,
Заржавленный покоемъ... И зачѣмъ
Явился онъ?—Не честь страны родной
Онъ защищать хотѣлъ своей рукой,
И между многихъ вражескихъ сердецъ
Одно лишь поразить хотѣлъ боецъ.

XX.

Вдоль по рѣкѣ съ бѣгущею волной
Разноситъ вѣтеръ бранный шумъ и вой.
Въ широкомъ полѣ цвѣтъ своихъ дружинъ
Свели сегодня русскій и литвинъ.
Чертой багряной сѣрый небосклонъ
Отъ голубыхъ полей ужъ отдѣленъ;
Темнѣютъ облака на небесахъ,
И вихрь несетъ въ глаза песокъ и прахъ.
Все бой кипитъ. И гнется русскій строй,
И, окруженъ отчаянной толпой,
Хотѣлъ бѣжать... Но чей знакомый гласъ
Всѣ души чудной силою потрясъ?

Явился воинъ: красный плащъ на немъ,
Онъ безъ щита, онъ уронилъ шеломъ.
Вооруженъ сѣкирою стальной,
Предсталъ,—и врагъ валится, и другой,
Съ запекшеюся кровью на устахъ,
Упалъ съ нимъ рядомъ... Обнялъ тайный страхъ
Сыновъ Литвы. Ослушные кони
Браздамъ не вѣрятъ. Тщетно бы они
Хотѣли вновь побѣду удержать:
Ихъ гонятъ, бьютъ,—они должны бѣжать.
Но даже въ бѣгствѣ, обратясь назадъ,
Они ударовъ тяжкихъ сыплютъ градъ.

XXI.

Арсеній былъ чудесный тотъ боецъ.
Онъ кровію рѣшился, наконецъ,
Огонь въ груди проснувшійся залить.
Онъ ненавидитъ міръ, чтобъ не любить
Одно созданье!... Кучи мертвецовъ
Кругомъ него простерты безъ щитовъ,
И радостью блистаетъ этотъ взоръ,
Которымъ месть владѣетъ съ давнихъ поръ.
Арсеній шелъ, опередивъ своихъ,
Какъ метеоръ межъ облаковъ ночныхъ.
Когда жъ замѣтилъ онъ, что былъ одинъ
Среди жестокихъ, вражескихъ дружинъ,
То было поздно!... „Вижу, часъ настал!"—
Подумалъ онъ, и мечъ его искалъ
Своей послѣдней жертвы. „Это онъ!"—
За нимъ воскликнулъ кто то. Пораженъ,
Арсеній обернулся,—и хотѣлъ
Проклятье произнесть, но не успѣлъ...
Какъ ангелъ брани, въ легкомъ шишакѣ,
Стояла Клара съ саблею въ рукѣ,
И юноши тѣснилися за ней.
И словомъ и движеніемъ очей
Распоряжая пылкою толпой,
Она была, казалось, ихъ судьбой.
И, встрѣтивши Арсенія, она
Не вздрогнула, не сдѣлалась блѣдна,
И твердъ былъ голосъ дѣвы молодой,
Когда, взмахнувши бѣлою рукой,
Она сказала: „Воины, впередъ!
Надежды нѣтъ, покуда не падетъ
Надменный этотъ русскій! Передъ нимъ
Они бѣгутъ, но мы не побѣжимъ.

Кто первый мнѣ его покажетъ кровь,
Тому моя рука, моя любовь!"

XXII.

Арсеній отвернулъ надменный взоръ,
Когда онъ услыхалъ свой приговоръ.
„И ты противъ меня!"—воскликнулъ онъ.
Но эта рѣчь была скорѣе стонъ,
Какъ будто сердца лучшая струна
Въ тотъ самый мигъ была оборвана.
Съ презрѣньемъ мечъ свой бросилъ онъ потомъ,
И обернулся медленно плащомъ,
Чтобы изъ нихъ никто сказать не смѣлъ,
Что въ часъ конца Арсеній поблѣднѣлъ.
И три копья пронзили эту грудь,
Которой такъ хотѣлось отдохнуть,
Гдѣ столько лѣтъ съ добромъ боролось зло
И, наконецъ, оно превозмогло.
Какъ царь дубравы, гордо онъ упалъ,—
Не вздрогнулъ, не взглянулъ, не закричалъ;
Хотя бъ молитву или злой упрекъ
Онъ произнесъ!—Но нѣтъ, онъ былъ далекъ
Отъ этихъ чувствъ, онъ вѣкъ счастливый свой
Опередилъ невѣрящей душой.
Онъ кончилъ жизнь съ досадой на челѣ,
Жалѣя, мысля объ одной землѣ;
Свой адъ и рай онъ здѣсь умѣлъ сыскать,—
Другихъ не зналъ и не хотѣлъ онъ знать.

XXIII.

И опустѣлъ его высокій домъ
И странниковъ не угощаютъ въ немъ,
И дворъ заросъ зеленою травой,
И пыль покрыла сѣрой пеленой
Святые образа, дубовый столъ
И пестрые ковры! И гладкій полъ
Не скрипнетъ ужъ подъ легкою ногой
Красавицы лукавой и младой!
Ни острый мечъ въ серебряныхъ ножнахъ,
Ни шлемъ стальной не блещутъ на стѣнахъ,—
Они забыты въ полѣ роковомъ,
Гдѣ онъ погибъ. Въ покоѣ лишь одномъ
Все, все, какъ прежде: лютня у окна,
И вкругъ нея обвитая струна,
И двѣ одежды женскія лежатъ
На мягкомъ ложѣ, будто бы назадъ

Тому лишь день, какъ дѣва странъ чужихъ
Сюда небрежно положила ихъ.
И, раздувая пологъ парчевой,

И три копья пронзили эту грудь,
Которой такъ хотѣлось отдохнуть...

Скользитъ по нимъ прохладный вѣтръ ночной,
Когда сквозь тонкій занавѣсъ окна
Глядитъ луна, нескромная луна!

XXIV.

Есть монастырь. И тамъ въ недѣлю разъ,
За упокой, молящихъ слышенъ гласъ,
И съ честью передъ набожной толпой
Арсеній поминается порой;
И блещетъ въ церкви длинный рядъ гробовъ,
Украшенный гербомъ отцовъ;
Но никогда межъ нихъ не будетъ тотъ,
Съ которымъ славный кончился ихъ родъ.
Ни свѣжій дернъ, ни пышный мавзолей
Не тяготитъ сырыхъ его костей;
Никто объ немъ не плакалъ,—лишь одна
Монахиня... Богъ знаетъ, кто она!...
Богъ знаетъ, что пришло на мысли ей
Жалѣть о томъ, кто не жалѣлъ о ней!
Увы! онъ не любилъ, онъ не жалѣлъ,
Онъ даже быть любимымъ не хотѣлъ,
И для нея одной онъ былъ жестокъ...
Но развѣ лучше поступилъ съ нимъ рокъ?
И какъ не плакать вѣчно ей о томъ,
Кто такъ обманутъ былъ, съ такимъ умомъ,
Кто на землѣ съ ней разлученъ судьбой,
И къ счастью не воскреснетъ въ жизни той?...
Въ печальномъ только сердцѣ можетъ страсть
Имѣть неограниченную власть.
Такъ, въ трещинѣ развалинъ иногда
Береза выростаетъ: молода
И зелена, и взоры веселитъ,
И украшаетъ сумрачный гранитъ;
И часто отдыхающій пришлецъ
Груститъ о ней и мыслитъ; наконецъ,
Порывамъ бурь и зною предана,
Увянетъ преждевременно она!...
Но что жъ?—Усилья вихря и дождей
Не могутъ обнажить ея корней,
И пыльный листъ, встрѣчая жаръ дневной,
Трепещетъ все на вѣткѣ молодой.

215. Исповѣдь.

I.

День гасъ. Въ нарядѣ голубомъ
Крутясь бѣжалъ Гвадалквивиръ.
И не заботяся о томъ,

Что есть подъ нимъ какой то міръ,
Для счастья чуждый, полный зломъ,—
Свѣтило южное текло,
Безпечно, пышно и свѣтло.
Но въ монастырскую тюрьму
Игривый лучъ не проникалъ;
Какую бъ радость одному
Туда принесъ онъ, еслибъ зналъ!
Главу склоня, въ темницѣ той
Сидѣлъ отшельникъ молодой,
Испанецъ родомъ и душой.
Таковъ былъ рокъ! Зачѣмъ, за что?
Не зналъ и знать не могъ никто.
Но въ преступленьи обвиненъ,
Онъ оправданья не искалъ;
Онъ зналъ людей и зналъ законъ,—
И ничего отъ нихъ не ждалъ.
Но вотъ по лѣстницѣ крутой
Звучатъ шаги, открылась дверь,
И старецъ дряхлый и сѣдой
Взошелъ въ тюрьму. Зачѣмъ теперь,
Чтò сожалѣнья и привѣтъ
Тому, кто гибнетъ въ цвѣтѣ лѣтъ!

II.

„Ты здѣсь опять! Напрасный трудъ!...
Не говори, что Божій судъ
Опредѣляетъ мнѣ конецъ,—
Все люди, люди, мой отецъ!...
Пускай погибну, смерть моя
Не продолжитъ ихъ бытія,
И дни грядущіе мои
Имъ не присвоить; и въ крови,
Неправой казнью пролитòй,
Въ крови безумца молодой—
Согрѣть имъ вновь не суждено
Сердца, увядшія давно;
И гробъ безъ камня и креста,
Какъ жизнь ихъ ни была свята,
Не будетъ слабымъ ихъ ногамъ
Ступенью новой къ небесамъ;
И тѣнь невиннаго, повѣрь,
Не отопретъ имъ рая дверь!
Меня могила не страшитъ:
Тамъ, говорятъ, страданье спитъ
Въ холодной вѣчной тишинѣ.

Но съ жизнью жаль разстаться мнѣ:
Я молодъ, молодъ... Зналъ ли ты,
Что значитъ молодость, мечты?
Или не зналъ,—или забылъ,
Какъ ненавидѣлъ и любилъ,
Какъ сердце билося живѣй
При видѣ солнца и полей
Съ высокой башни угловой,
Гдѣ воздухъ свѣжъ, и гдѣ порой
Въ глубокой скважинѣ стѣны,
Дитя невѣдомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидитъ, испуганный грозой?
Пускай теперь прекрасный свѣтъ
Тебѣ постылъ: ты слѣпъ, ты сѣдъ,
И отъ желаній ты отвыкъ...
Что за нужда?—ты жилъ, старикъ;
Тебѣ есть въ мірѣ что забыть!—
Ты жилъ! я также могъ бы жить!

III.

„Ты слушать исповѣдь мою
Сюда пришелъ,—благодарю.
Не постигаю, что была
У нихъ за мысль?—Мои дѣла
И безъ меня ты долженъ знать,—
А душу можно ль разсказать?
И еслибъ могъ я эту грудь
Передъ тобою развернуть,
Ты, вѣрно, не прочелъ бы въ ней,
Что я преступникъ иль злодѣй!
Пусть монастырскій вашъ законъ
Рукою неба утвержденъ,
Но въ этомъ сердцѣ есть другой,
Ему не менѣе святой.
Онъ оправдалъ меня,—одинъ
Онъ сердца полный властелинъ;
И тайну страшную мою
Я какъ могила сохраню,
Пока земля въ урочный часъ,
Какъ двухъ друзей, не приметъ насъ.
Доселѣ жизнь была мнѣ—плѣнъ
Среди угрюмыхъ вашихъ стѣнъ,
Гдѣ дѣтства свѣтлые года
Я проводилъ. Богъ вѣсть куда,
Какъ сонъ, безъ счастія и бѣдъ,

Промчались тѣни лучшихъ лѣтъ;
И воскресить тѣ дни едва ль
Желалъ бы я,—а все ихъ жаль!
Зачѣмъ молчаніе храня,
Такъ грозно слушаешь меня?
Я воленъ... я не братъ живыхъ;
Судей безчувственныхъ моихъ
Не проклинаю... Но, старикъ,
Я признаюся, мой языкъ
Не станетъ ихъ благодарить
За то, что прежде, можетъ быть,
Чѣмъ лучъ зари на той стѣнѣ
Погаснетъ въ мирной тишинѣ,—
Я, свѣжій, пылкій, молодой,
Который здѣсь передъ тобой
Живу, какъ жилъ тому пять лѣтъ,—
Весь превращуся въ слово: нѣтъ!...
И прахъ, лишенный бытія,
Ужъ будетъ прахъ одинъ,—не я.

IV.

„И могъ ли я во цвѣтѣ лѣтъ,
Какъ вы, душой оставить свѣтъ
И жить, не вѣдая страстей,
Подъ солнцемъ родины моей?
Ты позабылъ, что сѣдина
Межъ этихъ кудрей не видна,
Что пламень въ сердцѣ молодомъ
Не остудишь мольбой, постомъ.
Когда надъ бездною морской
Свирѣпой бури слышенъ вой,
И громъ гремитъ по небесамъ,—
Вели не трогаться волнамъ!
И сердцу бурному вели
Не слушать голоса любви!...
Да, еслибъ черный сей нарядъ
Не допускалъ до сердца ядъ,
Тогда я былъ бы виноватъ,
Но подъ одеждой власяной
Я человѣкъ, какъ и другой.
И ты, безчувственный старикъ,
Когда бъ ея небесный ликъ
Тебѣ явился хоть во снѣ,
Ты позавидовалъ бы мнѣ,
И въ изступленьи, можетъ быть,
Рѣшился бъ также согрѣшить;

Отвергнувъ все, законъ и честь,
Ты былъ бы счàстливъ перенесть
За слово, ласку или взоръ,
Мое страданье, мой позоръ!...

V.

„Я о спасеньи не молюсь,
Небесъ и ада не боюсь.
Пусть вѣчно мучусь: не бѣда!
Вѣдь съ ней не встрѣчусь никогда!
Разлуки первый грозный часъ
Сталъ вѣкомъ, вѣчностью для насъ.
И еслибъ рай передо мной
Открытъ былъ властью неземной,
Клянусь, я прежде, чѣмъ вступилъ,
У вратъ священныхъ бы спросилъ,
Найду ли тамъ, среди святыхъ,
Погибшій рай надеждъ моихъ?
Нѣтъ, перестань, не возражай!..
Чтò безъ нея земля и рай?
Пустыя, звонкія слова,
Блестящій храмъ безъ божества.
Увы! отдай ты мнѣ назадъ
Ея улыбку, милый взглядъ,
Отдай мнѣ свѣжія уста,
И голосъ сладкій, какъ мечта...
Одинъ лишь слабый звукъ отдай...
О, старецъ! что такое рай?..

VI.

„Смотри, въ сырой тюрьмѣ моей
Не видно солнечныхъ лучей.
Но разъ на мрачное окно
Упалъ одинъ, давнымъ-давно,
И съ этихъ поръ между камнèй,
Ничтожный слѣдъ веселыхъ дней,
Забытъ, какъ узникъ, одинокъ,
Растетъ блѣднѣющій цвѣтокъ;
Но вовсе онъ не расцвѣтетъ,
И гдѣ родился—тамъ умретъ!
И не сходна ль, отецъ святой,
Его судьба съ моей судьбой?
Знай, можетъ быть, ея ужъ нѣтъ!...
И вотъ послѣдній мой отвѣтъ:
Поди, бѣги, зови скорѣй
Окровавлèнныхъ палачей...

Судить и медлить вамъ на что?
Она не тутъ,—и все ничто!
Прощай, старикъ; вотъ казни часъ!...
За нихъ молись. Въ послѣднiй разъ
Клянусь тебѣ передъ Творцомъ,
Что не виновенъ я ни въ чемъ.
Скажи, что умеръ я, какъ могъ,
Безъ угрызенiй и тревогъ,
Что съ тайной гибельной моей
Я не разстался для людей.
Забудь, что жилъ я... что любилъ
Гораздо болѣе, чѣмъ жилъ...
Кого любилъ?—Отецъ святой,
Вотъ что умретъ во мнѣ, со мной!
За жизнь, за мiръ, за небо вамъ
Я тайны этой не продамъ!"

VII.

И онъ погибъ,—и погребенъ.
И въ эту ночь могильный звонъ
Былъ степи вѣтромъ принесенъ
Къ стѣнамъ обители другой,
Объятой сонной тишиной.
И въ храмъ высокiй онъ проникъ...
Тамъ, гдѣ сiялъ Мадонны ликъ
Въ дыму трепещущихъ лампадъ,
Какъ призраки, стояли въ рядъ
Двѣнадцать дѣвъ, которыхъ свѣтъ
Причелъ къ умершимъ съ давнихъ лѣтъ.
Неслась мольба ихъ къ небесамъ,
И отвѣчалъ старинный храмъ
Ихъ пѣсни мирной и святой.
И пѣли всѣ, кромѣ одной.
Какъ херувимъ, она была
Обворожительно мила;
Въ ея лицѣ никто бъ не могъ
Открыть печалей и тревогъ.
Но что такое женскiй взглядъ?
Въ глазахъ былъ рай, а въ сердцѣ адъ!...
Прилежнымъ ухомъ у окна
Шумъ вѣтра слушала она,
Какъ будто долженъ былъ принесть
Онъ рѣчь любви иль смерти вѣсть!....
Когда жъ унылый звонъ проникъ
Въ обширный храмъ,—то слабый крикъ
Раздался, пролетѣлъ и въ мигъ

Утихъ. Но тотъ, кто услыхалъ,
Подумалъ вѣрно иль сказалъ,
Что дважды изъ груди одной
Не вылетаетъ звукъ такой!...
Любовь и жизнь онъ взялъ съ собой.

216. Послѣдній сынъ вольности.

ПОВѢСТЬ.

Посвящается Н. С. Шеншину.

1.

Бывало, для забавы я писалъ,
Тревожимый младенческой мечтой;
Бывало, я любовію страдалъ
И, съ бурною пылающей душой,
Я въ вѣтреныхъ стихахъ изображалъ
Таинственныхъ видѣній милый рой;
Но дни надеждъ ко мнѣ не прйдутъ вновь,
Но измѣнила первая любовь!...

2.

И я одинъ, одинъ былъ брошенъ въ свѣтъ,
Искалъ друзей — и не нашелъ людей;
Но ты явился: нѣжный твой привѣтъ
Завязку снялъ съ обманутыхъ очей.
Прими жъ, товарищъ, дружескій обѣтъ,
Прими же пѣсню родины моей,
Хоть эта пѣснь, быть можетъ, милый другъ, —
Оборванной струны послѣдній звукъ!...

When sall such hero live again?
Byron. The Giaour.

Приходитъ осень, золотитъ
Вѣнцы дубовъ. Трава полей
Отъ продолжительныхъ дождей
Къ землѣ прижалась; и бѣжитъ
Ловецъ напрасно по холмамъ:
Ему не встрѣтить звѣря тамъ;
А если даже онъ найдетъ,
То вѣтеръ стрѣлы разнесетъ.
На льдинахъ вѣтеръ тотъ рожденъ,
Порывисто качаетъ онъ
Сухой шиповникъ на брегахъ

Ильмѐня. Въ сизыхъ облакахъ
Станицы бѣлыхъ журавлей
Летятъ на югъ до лучшихъ дней,
И чайки озера кричатъ
Имъ вслѣдъ и вьются надъ водой,
И звѣзды ночью не блестятъ,
Одѣтыя сырою мглой.
Приходитъ осень. Ужъ стада
Бѣгутъ въ гостепріимну сѣнь;
Краснѣя догораетъ день
Въ туманѣ. Пусть онъ никогда
Не озаритъ лучомъ своимъ
Густой Новогородскій дымъ,
Пусть не надуется во-вѣкъ
Дыханьемъ теплымъ вѣтерка
Летучій парусъ рыбака
Надъ вѐлнами славянскихъ рѣкъ!
Увы! предъ властію чужой
Склонилась гордая страна,
И пѣсня вольности святой
(Какая бъ ни была она)
Уже забвенью предана̀.
Свершилось! Дерзостный Варягъ
Боговъ славянскихъ побѣдилъ.
Одинъ неосторожный шагъ
Свободный край поработилъ!...
Но есть понынѣ горсть людей
Въ дичѝ лѣсовъ, въ дичѝ степей:
Они, увидѣвъ падшій громъ,
Не перестали помышлять
Въ изгнаньи дальномъ и глухомъ,
Какъ вольность пробудить опять.
Отчизны вѣрные сыны
Еще надеждою полны.
Такъ, межъ грядами темныхъ тучъ,
Сквозь слезы бури, солнца лучъ
Увеселяетъ утромъ взоръ
И золотитъ туманы горъ.
На небо дымъ валитъ столбомъ.
Откуда онъ? Тамъ, гдѣ шумитъ
Потокъ сердитый, надъ холмомъ,
Треща, большой огонь горитъ,
Пестрѣетъ частый лѣсъ кругомъ,—
На волчьихъ кожахъ, безъ щитовъ,
Сидятъ недвижно у огня,
Молчанье мрачное храня,

Какъ тѣни грусти, семь бойцовъ:
Шесть юношей, одинъ старикъ.
Они славяне! Бранный кликъ
Своихъ дружинъ имъ не слыхать,
И долго, долго не видать
Имъ милыхъ ближнихъ... Но они
Простились съ озеромъ роднымъ,
Чтобъ не промчалися ихъ дни
Подъ самовластіемъ чужимъ,
Чтобъ не склоняться вѣчно вь прахъ,
Чтобъ тѣни предковъ, изъ земли
Возставъ, съ упрекомъ на устахъ,
Тревожить сонъ ихъ не пришли!..
О! еслибъ только Чернобогъ
Удару мщенія помогъ!...
Не равная была борьба...
И вотъ война! и вотъ судьба!...
„Зачѣмъ я мечъ свой вынималъ,
И душу веселила кровь?—
Одинъ изъ юношей сказалъ,—
Побѣды мы не встрѣтимъ вновь,
И наши имена покрыть
Должно забвенье; можетъ быть,
И несвершонный подвигъ нашъ
Изгладится въ умахъ людей.
Такъ недостроенный шалашъ
Разноситъ бурный вихрь степей!“
—„О, горе намъ!—сказалъ другой.—
Великъ, ужасенъ гнѣвъ боговъ!
Но пусть и на главу враговъ
Спадетъ онъ гибельной звѣздой!
Пусть въ битвѣ страхъ обыметъ ихъ,
Пускай падутъ отъ стрѣлъ своихъ!“—
Такъ говорили межъ собой
Изгнанники. Вотъ всталъ одинъ...
Съ руками, сжатыми крестомъ,
И съ блѣднымъ пасмурнымъ челомъ
На мглу волнистую долинъ
Онъ посмотрѣлъ, и, наконецъ,
Такъ молвилъ старику боецъ:
„Подобно ласкѣ женскихъ рукъ,
Смягчаетъ горе пѣсни звукъ;
Такъ спой же, добрый Ингелотъ,
О чемъ-нибудь! о чемъ-нибудь
Ты спой, чтобъ облегчилась грудь,
Которую тоска гнететъ.

Пой для другихъ! моя же месть
Ихъ дѣтской жалобы сильнѣй;
Что было, будетъ и что есть—
Все упадаетъ передъ ней!"
—„Вадимъ!—старикъ ему въ отвѣтъ,—
Зачѣмъ не для тебя?—иль нѣтъ,
Не надо! Что ты ввѣрилъ мнѣ—
Уснетъ въ сердечной глубинѣ!
Другую пѣсню я спою.
Садись и слушай пѣснь мою!"
И въ бѣлыхъ кудряхъ старика
Играли крылья вѣтерка,
И вдохновенный взоръ блеснулъ.
И пѣсня громко раздалàсь,
Прерывисто она неслась,
Какъ битвы отдаленный гулъ.
Потокъ, вблизи холма катясь,
Срывая мохъ съ камнѐй и пней,
Согласовалъ свой ропотъ съ ней;
И даже призраки бойцовъ,
Склонясь изъ дымныхъ облаковъ,
Внимали съ высоты порой
Сей пѣснѣ дикой и простой.

Пѣснь Ингелота.

1.

Собрались люди мудрые
Вкругъ постели Гостомысловой:
Смерть надъ нимъ летаетъ коршуномъ!
Но махнувши слабою рукой,
Говоритъ онъ рѣчь друзьямъ своимъ:

2.

„Ахъ, вы люди Новгородскіе!
Между васъ змѣя-раздоръ шипитъ,
Призовите князя чуждаго,
Чтобъ владѣлъ онъ краемъ родины!"...
Такъ сказалъ, и умеръ Гостомыслъ.

3.

Кривичи, Славяне, Весь и Чудь
Шлютъ пословъ за море синее,
Чтобы звать князей варяжскихъ странъ:
„Край нашъ славенъ, но порядка нѣтъ!"
Говорятъ послы князьямъ чужимъ.

4.

Рюрикъ, Труворъ и Синавъ клялись
Не вести дружины за собой;
Но съ зарей блеснуло множество
Острыхъ копій, бѣлыхъ пàрусовъ
Сквозь синѣющій туманъ морской.

5.

Обманулись вы, сыны Славянъ!
Чей бѣлѣетъ станъ подъ городомъ?
Завтра, завтра дерзостный Варягъ
Будетъ княземъ Новагорода,
Завтра будете рабами вы!...

6.

Тридцать юношей сбираются:
Месть въ душѣ, въ глазахъ отчаянье...
Ночи мгла спустилась на холмы,
Полный мѣсяцъ всталъ, и юноши
Въ спящій станъ враговъ являются.

7.

На щиты склонясь, Варяги спятъ,
Лучъ луны играетъ по кудрямъ.
Вотъ струею потекла ихъ кровь,
Гибнетъ врагъ... Но что за громкій звукъ?
Чье копье ударилось о щитъ?

8.

И вскочили пробужденные,
Злоба въ крикѣ и движеніяхъ...
Долго защищались юноши.
Много пало... только шесть осталося...
Миръ костямъ убитыхъ въ полѣ томъ!

9.

Княжитъ Рюрикъ въ Новѣгородѣ.
Въ дикихъ дебряхъ бродятъ юноши,
Съ ними есть одинъ старикъ сѣдой,
Онъ поетъ о родинѣ святой,
Онъ поетъ о милой вольности!

„Ужель мы только будемъ пѣть,
Иль съ безнадежіемъ нѣмымъ

На стыдъ отечества глядѣть,
Друзья мои?—спросилъ Вадимъ.—
Клянусь, великій Чернобогъ,
И въ первый и въ послѣдній разъ:
Не буду у варяжскихъ ногъ!
Иль онъ, иль я: одинъ изъ насъ
Падетъ, въ примѣръ другимъ падетъ!...
Молва о немъ изъ рода въ родъ
Пускай передаетъ разсказъ,—
Но до конца вражда!“... Сказалъ,
И на колѣна онъ упалъ,
И руки сжалъ, и поднялъ взоръ,
И страшно взглядъ его блестѣлъ,
И темнокрасный метеоръ
Изъ тучи въ тучу пролетѣлъ.
И встали, и пошли они
Пустынной узкою тропой.
Курился долго дымъ густой
На томъ холмѣ, и долго пни
Трещали въ медленномъ огнѣ,
Маня безпечныхъ пастуховъ,
Пугая кроликовъ и совъ
И ласточекъ на вышинѣ.
Скользнувъ между вечернихъ тучъ,
На море легъ кровавый лучъ;
И солнце пламеннымъ щитомъ
Нисходитъ въ свой подводный домъ.
Однѣ варяжскія струи,
Поднявши головы свои,
Любуясь на его закатъ,
Тѣснятся, шепчутъ и шумятъ;
И серна на крутой скалѣ,
Чернѣя въ отдаленной мглѣ,
Какъ духъ, недвижима глядитъ
Туда, гдѣ небосклонъ горитъ.
Сегодня съ этихъ береговъ
Въ ладью ступило семь бойцовъ:
Одинъ старикъ, шесть молодыхъ;
Вадимъ отважный былъ межъ нихъ
И бѣлый парусъ понесло
Порывомъ вѣтра, и весло
Ударилось о синій валъ.
И въ той ладьѣ Вадимъ стоялъ
Между изгнанниковъ-друзей,
Подобный призраку морей.
Что думалъ онъ, о чемъ грустилъ,—

Онъ даже старцу не открылъ.
Въ прощальномъ, мутномъ взорѣ томъ
Изобразилось то, о чемъ
Пересказать почти нельзя.
Такъ удалялася ладья,
Оставя пѣны бѣлый слѣдъ.
Все мраченъ въ ней стоялъ Вадимъ,
Воспоминаньемъ прежнихъ лѣтъ,
Быть можетъ, витязь былъ томимъ...
Въ какой далекій край они
Отправились? чего искать?
Кто можетъ это разсказать?
Ихъ нѣтъ... Бѣгутъ толпою дни...
На вышинѣ скалы крутой
Растетъ порой цвѣтокъ младой:
И въ сердцѣ грознаго бойца
Любви есть мѣсто. До конца
Онъ вѣренъ чувству одному,
Какъ вѣренъ слову своему.
Вадимъ любилъ. Кто не любилъ?
Кто, вѣчно слѣдуя уму,
Врожденный голосъ заглушилъ?
Какъ моря видъ, какъ видъ степей,
Любовь дика въ странѣ моей!...
Прекрасна Леда, какъ звѣзда
На небѣ утреннемъ. Она
Свѣжа, какъ южная весна,
И какъ пустынный цвѣтъ горда,
Какъ пѣсня юности жива,
Какъ птица вольности рѣзва,
Какъ вспоминаніе дѣтей,
Мила и грустію своей
Младая Леда. И Вадимъ
Любилъ. Но былъ ли онъ любимъ?...
Нѣтъ!—равнодушной Леды взоръ
Презрѣнья холодъ оковалъ;
Отвергнутъ витязь. Но съ тѣхъ поръ
Онъ все любилъ, онъ все страдалъ.
До униженья, до мольбы
Онъ не хотѣлъ себя склонить;
Могъ презирать ударъ судьбы
И могъ о немъ не говорить.
Желалъ онъ на другой предметъ
Излить огонъ страстей своихъ;
Но память, слезы многихъ лѣтъ!..
Кто устоитъ противу нихъ?

И рана, легкая сперва,
Была все глубже день со днемъ,
И утѣшенія слова
Встрѣчалъ онъ съ пасмурнымъ челомъ.
Свобода, мщенье и любовь—
Все вдругъ въ немъ волновало кровь.
Старался часто Ингелотъ
Тревожить пылъ его страстей,
И полагалъ, что въ нихъ найдетъ
Онъ пользу родины своей.
Я не виню тебя, старикъ!
Ты Славянинъ: суровъ и дикъ!
Но и подъ этой пеленой
Ты воспиталъ огонь святой!..
Когда на челнокѣ Вадимъ
Помчался по волнамъ морскимъ,
То показалъ во взорѣ онъ
Души глубокую тоску,
Но ни одинъ прощальный стонъ
Онъ не повѣрилъ вѣтерку,
И ни единая слеза
Не отуманила глаза.
И онъ покинулъ край родной,
Гдѣ игры дѣтства, какъ могли,
Ему веселье принесли,
И гдѣ лукавою толпой
Его надежды обошли;
И въ мірѣ можетъ только месть
Опять назадъ его привесть!..
Зима сребристой пеленой
Одѣла горы и луга.
Князь Рюрикъ съ силой боевой
Пошелъ недавно на врага.
Глубоки ранніе снѣга,
На сучьяхъ иней. Звучный ледъ
Сковалъ поверхность гладкихъ водъ.
Стадами волки по ночамъ
Подходятъ къ тихимъ деревнямъ.
Трещитъ морозъ. Шумитъ мятель.
Вершиною качаетъ ель.
Съ полнеба день на степь глядитъ
И за туманъ уйти спѣшитъ.
И путникъ посреди полей
Невѣрный тщетно ищетъ путь;
Ему не зрѣть своихъ друзей,
Ему холоднымъ сномъ заснуть,

И долженъ сгнить въ чужихъ снѣгахъ
Его непогребенный прахъ!..
Откуда зарево блеститъ?
Не градъ враждебный ли горитъ?—
Тотъ городъ Рюрикомъ зажженъ.
Но скоро ль возвратится онъ
Съ богатой данью? Скоро ль мечъ
Князь вложитъ въ мирныя ножны?
И не пора ль ему пресѣчь
Зловѣщій, буйный кликъ войны?
Ночь. Теменъ зимній небосклонъ.
Въ Новгòродѣ глубокій сонъ,
И все объято тишиной,
Лишь лай домашнихъ псовъ порой
Набѣгомъ вѣтра принесенъ.
И только въ хижинѣ одной
Лучина поздняя горитъ,
И Леда передъ ней сидитъ
Одна; немолчное давно
Прядетъ, гудетъ веретено
Въ ея рукѣ. Старуха мать
Надъ снѣгомъ вышла погадать.
И наконецъ она вошла...
Морщины блѣднаго чела
И скорый хитрый взглядъ очей—
Все ужасомъ дышало въ ней.
Въ движеньи судорожномъ рукъ
Видна душевная борьба.
Ужель бѣдой грозитъ судьба?
Ужели рядъ жестокихъ мукъ
Искусствомъ тайнымъ эту ночь
Въ грядущемъ видѣла она?—
Трепещетъ и не смѣетъ дочь
Спросить. Волшебница мрачна,
Сама въ себя погружена.
Пока пѣтухъ не прокричалъ,
Старухи бредъ и чудный стонъ
Дремоту Леды прерывалъ,
И краткій сонъ ей былъ не въ сонъ!..
И по утру передъ окномъ
Примѣтила широкій кругъ,
И снѣгъ былъ весь истоптанъ въ немъ.
И долго въ городѣ о томъ
Ходилъ тогда недобрый слухъ.
. . . .
Шесть разъ мѣнялася луна,—

Давно окончена война.
Князь Рюрикъ и его вожди
Спокойно ждутъ, когда весна
Свое дыханье и дожди
Пошлетъ на бѣлые снѣга,
Когда печальные луга
Покроютъ пестрые цвѣты,
Когда надъ озеромъ кусты
Позеленѣютъ, и струи
Заблещутъ пѣной молодой,
И въ рощѣ Лады въ часъ ночной
Затянутъ пѣсню соловьи.
Тогда опять поднимутъ мечъ,
И кровь сосѣдей станетъ течь,
И зарево, какъ метеоръ,
На тучахъ испугаетъ взоръ.
Надеждою обольщена,
Вотще душа Славянъ ждала
Возврата вольности: весна
Пришла, но вольность не пришла.
Ихъ заговоры, ихъ слова
Варягъ-властитель презиралъ;
Всѣ ихъ законы, всѣ права,
Казалось, онъ пренебрегалъ.
Своей дружиной окружонъ,
Передъ народъ являлся онъ,
Свои побѣды исчислялъ,
Лукавой рѣчью убѣждалъ.
Рука искуснаго льстеца
Играла глупою толпой,—
И благородныя сердца
Томились тайною тоской...
И праздникъ Лады настаетъ:
Повсюду радость! Какъ весной
Изъ улья мчится шумный рой,
Такъ въ рощу близкую народъ
Изъ Новагорода идетъ.
Пришли. Изъ вѣтвей и цвѣтовъ
Видны вѣнки на головахъ,
И звучно пѣсни въ честь боговъ
Ужъ раздались на берегахъ
Ильменя синяго. Любовь
Подъ тѣнью липовыхъ вѣтвей
Скрывается отъ глазъ людей.
Съ досадою нахмуря бровь,
На игры юношей глядѣть

Старикъ не смѣетъ. Сѣдина
Ему не запрещаетъ пѣть
Про Дида-Ладо. Вотъ луна
Явилась, будто шаръ златой,
Надъ рощей темной и густой;
Она была тиха, ясна,
Какъ сердце Леды въ этотъ часъ...
Но отчего въ четвертый разъ
Князь Рюрикъ, къ липѣ прислоненъ,
Съ нея не сводитъ свѣтлыхъ глазъ?
Какою думой занятъ онъ?
Зачѣмъ лишь этотъ хороводъ
Его вниманіе влечетъ?..
Страшись, невинная душа!
Страшися! Пылкій этотъ взоръ,
Желаньемъ, страстію дыша,
Тебя погубитъ, и позоръ
Подавитъ голову твою.
Страшись, какъ гибели своей,
Чтобы не молвилъ онъ: люблю!
Опасенъ ядъ его рѣчей!
Нѣтъ сожалѣнья у князей:
Ихъ ненависть, какъ ихъ любовь,
Бѣдою вѣчною грозитъ;
Но сытитъ первую лишь кровь,
Вторую—лишь дѣвичій стыдъ.
У закоптѣлаго окна
Сидитъ волшебница одна
И ждетъ молоденькую дочь.
Но Леды нѣтъ. Какъ быть?—ужъ ночь,
Сіяетъ въ облакахъ луна...
Толпа проходитъ за толпой
Передъ окномъ. Недвижный взглядъ
Старухи полонъ тишиной,
И безпокойства не горятъ
На ледяныхъ ея чертахъ,
Но тайны чудной налегло
Клеймо на блѣдное чело,
И видъ ея вселяетъ страхъ.
Она съ луны не сводитъ глазъ.
Бѣжитъ за часомъ скучный часъ...
И вотъ у двери слышенъ стукъ,
И быстро Леда входитъ вдругъ,
И падаетъ къ ея ногамъ...
Власы катятся по плечамъ,
Испугомъ взоръ ея блеститъ...

„Погибла!—дѣва говоритъ,—
Онъ вырвалъ у меня любовь,
Блаженства не найду я вновь...
Проклятье на него! Злодѣй
Нашъ князь!.. Мои мольбы, мой стонъ
Презрительно отвергнулъ онъ!
О! ты о мнѣ хоть пожалѣй,
Мать! мать!.. убей меня!.. убей!..“
—„Законъ судьбы несокрушимъ,
Мы всѣ ничтожны передъ нимъ“,—
Старуха отвѣчаетъ ей.
И встала бѣдная, и тихъ
Отчаянный казался взоръ,
И удалилась. И съ тѣхъ поръ
Не вылеталъ изъ устъ младыхъ
Печальный ропотъ иль укоръ.
Всегда съ поникшей головой,
Стыдомъ томима и тоской,
На отуманенный Ильмѐнь
Смотрѣла Леда цѣлый день
Съ береговыхъ, высокихъ скалъ
Никто ея не узнавалъ:
Надеждой не дышала грудь,
Улыбки гордой больше нѣтъ,
На щеки—страшно и взглянуть,
Блѣднѣ, какъ утра первый свѣтъ.
Она увяла въ цвѣтѣ лѣтъ!..
Съ жестокой радостью дѣтей
Смѣются дѣвушки надъ ней,
И мать сердито гонитъ прочь...
Она одна и день, и ночь.
Такъ колосъ на̀ полѣ пустомъ,
Забытъ неопытнымъ жнецомъ,
Стоитъ подъ бурей одинокъ,
И буря гнетъ мой колосокъ!..
И разъ въ туманный сѣрый день
Пропала дѣва. Ночи тѣнь
Прошла, еще заря пришла,—
И что жъ?—заря не привела
Домой красавицу мою.
Никто не зналъ во всемъ краю,
Куда сокрылася она;
И смерть, какъ жизнь ея, темна!..
Жалѣли юноши о ней,
Проклятья тайныя неслись
Къ властителю. Ахъ! не нашлись

Въ ихъ душахъ чувства прежнихъ дней,
Когда за отнятую честь
Мечомъ бойца платила месть.
Но на землѣ еще была
Одна рука, чтобъ отомстить,
И было сердце, гдѣ убить
Любви чужбина не могла!..
Пока надежды слабый свѣтъ
Не вовсе тучами одѣтъ,
Пока невольная слеза
Еще пытается глаза
Коварной влагой омочить,
Пока мы можемъ позабыть
Хоть въ половину, хоть на мигъ,
Измѣны, страсти лѣтъ былыхъ,
Какъ мы любили въ тѣ года,
Какъ сердце билося тогда;
Пока мы можемъ какъ-нибудь
Отъ страшной цѣли отвернуть
Не вовсе углубленный умъ,—
Какъ много ядовитыхъ думъ
Боятся потревожить насъ!—
Но есть неизбѣжимый часъ...
И поздно или рано онъ
Разрушитъ жизни сладкій сонъ,
Завѣсу съ прошлаго стащитъ,
И все въ грядущемъ отравитъ;
Освѣтитъ бездну пустоты,
И насъ (хоть будетъ тяжело)
Презрѣть заставитъ—намъ на зло—
Правдоподобныя мечты.
И съ этихъ поръ иной обманъ
Душевныхъ не излѣчитъ ранъ!—
Высокій дубъ, краса холмовъ,
Передъ явленіемъ снѣговъ
Роняетъ листъ, но вновь весной
Покрытъ короной листовой,
И, зеленѣя, въ жаркій день
Прохладную онъ стелетъ тѣнь,
И буря вкругъ него шумитъ,
Но великана не свалитъ.
Когда же пламень громовой
Могучій корень опалитъ,
То листьевъ свѣжею толпой
Онъ не одѣнется во-вѣкъ...
Ему подобенъ человѣкъ!..

Свѣтаетъ. Побѣлѣлъ восходъ,
И озарилъ вершины горъ,
И сталъ синѣть безмолвный боръ.
На зеркало недвижныхъ водъ
Ложится тѣнь отъ береговъ,
И надъ болотомъ, межъ кустовъ,
Огни блудящіе спѣшатъ
Укрыться отъ дневныхъ огней:
И птицы озера шумятъ
Между пріютныхъ камышей.
Летитъ въ пустыню черный вранъ,
И въ чащу кроется теперь
Съ какимъ то страхомъ дикій звѣрь.
Грядой волнистою туманъ
Встаетъ между зубчатыхъ скалъ,
Куда никто не проникалъ,
Гдѣ камни темной пеленой
Уныло кроетъ мохъ сырой.
Взошла заря. Зачѣмъ? зачѣмъ?—
Она одно освѣтитъ всѣмъ:
Она освѣтитъ бездну тьмы,
Гдѣ гибнемъ невозвратно мы;
Потери новыя людей
Она лукаво озаритъ,
И сердце каждое лишитъ
Всѣхъ удовольствій прежнихъ дней,
И сожалѣнья не возьметъ,
И вспоминанья не убьетъ...
Два путника лѣсной тропой
Идутъ подъ утреннею мглой
Къ ущеліямъ славянскихъ горъ;
Заря ихъ привлекаетъ взоръ,
Играя межъ вѣтвей густыхъ
Березъ и сосенъ вѣковыхъ.
Одинъ еще во цвѣтѣ лѣтъ,
Другой—старикъ, и худъ, и сѣдъ.
На нихъ одежды чуждыхъ странъ;
На младшемъ—съ стрѣлами колчанъ
И лукъ, и ржавчиной покрытъ
Его шишакъ, и мечъ звенитъ
На немъ. Тяжелыхъ мукъ бразды
И битвъ давнишніе слѣды
Хранитъ его чело, но взглядъ
И всѣ движенья говорятъ,
Что не погасъ огонь святой
Подъ сей кольчугой боевой...

Ихъ видъ суровъ, и шагъ ихъ скоръ,
И полонъ грусти разговоръ.
„Прошу тебя, не уменьшай
Восторгъ души моей! Опять
Я здѣсь! опять родимый край
Сужденъ изгнанника принять;
Опять, какъ алая заря,
Надежда веселитъ меня;
И я увижу милый кровъ,
Гдѣ длился пиръ моихъ отцовъ,
Гдѣ я мечомъ играть любилъ,
Хоть мечъ былъ свыше дѣтскихъ силъ.
Тамъ выросъ я, тамъ защищалъ
Своихъ боговъ, свои права,
Тамъ за свободу я бы палъ,
Когда бы не твои слова.
Старикъ! гдѣ жъ замыслы твои?
Ты зрѣлъ ли, какъ легли въ крови
Сыны свободные Славянъ
На берегу далекихъ странъ?
Чужой народъ намъ не помогъ,
Онъ принялъ правду за предлогъ,
Гостей врагами почиталъ.
Старикъ! старикъ! кто бъ отгадалъ,
Что прахъ друзей моихъ уснетъ
Въ землѣ безвѣстной и чужой,
Что подъ небесной синевой
Одинъ Вадимъ да Ингелотъ
На сердцѣ будутъ сохранять
Старинной вольности любовь,
Что имъ однимъ лишь увидать
Дано свою отчизну вновь?...
Но что жъ?... быть можетъ, наша вѣсть
Не извлечетъ слезы изъ глазъ,
Которые увидятъ насъ;
Быть можетъ, праведную месть
Судьба обманетъ въ третій разъ!...“
Такъ юный воинъ говорилъ,
И влажный взоръ его бродилъ
По дикимъ сòснамъ и камнѝмъ
И по туманнымъ небесамъ.
„Пусть такъ!—старикъ ему въ отвѣтъ,—
Но черезъ много, много лѣтъ
Все будетъ славиться Вадимъ;
И грознымъ именемъ твоимъ
Народы устрашатъ князей,

Какъ тѣнью вольности своей,
И скажутъ: онъ за милый край,
Не размышляя, пролилъ кровь,
Онъ презрѣлъ счастье и любовь...
Дивись ему и подражай!“
Съ улыбкой горькою боецъ
Спѣшилъ отъ старца отвернуть
Свои глаза: младую грудь
Печаль давила, какъ свинецъ.
Онъ вспомнилъ о любви своей,
Невольно сердце потряслось,
И все волненіе страстей
Изъ блѣдныхъ устъ бы излилось,
Когда бы не боялся онъ,
Что, вмѣсто рѣчи, только стонъ
Молчанье возмутитъ кругомъ,
И онъ, поникнувши челомъ,
Шаги примѣтно ускорялъ,
И спутнику не отвѣчалъ.
Идутъ и видятъ вдругъ курганъ
Сквозь синій утренній туманъ;
Шиповникъ и репей кругомъ.
И что то бѣлое на немъ
Недвижно на травѣ лежитъ;
И дикій коршунъ тутъ сидитъ,
Какъ духъ лѣсовъ, на пнѣ большомъ—
То отлетитъ, то подлетитъ;
И вдругъ, примѣтивъ межъ деревъ
Вдали нежданныхъ пришлецовъ,
Онъ приподнялся на ногахъ,
Махнулъ крыломъ и полетѣлъ,
И, уменьшаясь въ облакахъ,
Какъ лодка на морѣ, чернѣлъ.
На томъ холмѣ, въ травѣ густой
Бездушный, хладный трупъ лежалъ,
Одѣтый бѣлой пеленой.
Пустыни вѣтръ ее срывалъ,
Кудрями длинными игралъ,
И даже не боялся дуть
На эту дѣвственную грудь,
Которая была бѣлѣй,
Была нѣжнѣй и холоднѣй,
Чѣмъ снѣгъ зимы. Закрытый взглядъ
Жестокой смертію объятъ,
И несравненная рука
Ужъ посинѣла и жестка...

И къ мертвой подошелъ Вадимъ...
Но что за перемѣна съ нимъ?—
Затрясся, поблѣднѣлъ, упалъ...
И раздался межъ ближнихъ скалъ
Какой то длинный крикъ иль стонъ...
Похожъ былъ на послѣднiй онъ!
И кто бы крикъ сей услыхалъ,
Навѣрно бъ самъ въ себѣ сказалъ,
Что сердца лучшая струна
Въ минуту эту порвана̀!...
О! если бы одна любовь
Въ душѣ у витязя жила,
То онъ бы не очнулся вновь;
Но месть любовь превозмогла!
Онъ долго на землѣ лежалъ,
И странныя слова шепталъ,
И только могъ понять старикъ,
Что то родной его языкъ.
И наконецъ страдалецъ всталъ:
„Не все ль я вынесъ?—онъ сказалъ,—
О, Ингелотъ! любилъ ли ты?...
Взгляни на блѣдныя черты
Умершей Леды... Посмотри...
Скажи... иль нѣтъ, не говори!...
Свершилось! я на месть иду!
Я въ мiрѣ ничего не жду:
Здѣсь я нашелъ, здѣсь погубилъ
Все, что искалъ, все, что любилъ!...“
И мечъ спѣшитъ онъ обнажить,
И началъ имъ могилу рыть.
Старикъ невольно испустилъ
Тяжелый сожалѣнья вздохъ,
И безнадежному помогъ.
Готовъ ужъ смерти тѣсный домъ,
И дернъ готовъ, и камень тутъ;
И бѣдной Леды трупъ кладутъ
Въ сырую яму... И потомъ
Ее засыпали землей,
И дернъ покрылъ ее сырой,
И камень положѐнъ надъ нимъ.
Безъ думъ, безъ трепета, безъ слезъ
Послѣднiй долгъ свершилъ Вадимъ,
И этотъ день, какъ легкiй дымъ,
Надежду и любовь унесъ.
Онъ сталъ на свѣтѣ сирота.
Душа его была пуста.

Онъ сѣлъ на камень гробовой,
И по челу провелъ рукой;
Но грусть — ужасный властелинъ:
Съ чела не сгладилъ онъ морщинъ!
Но сердце билося опять,
И онъ не могъ его унять!...
„Дѣвица! миръ твоимъ костямъ! —
Промолвилъ тихо Ингелотъ, —
Одна лишь цѣль богами намъ
Дана, и каждый къ ней придетъ,
И жалокъ, и безумецъ тотъ,
Кто ропщетъ на законъ судьбы...
Къ чему? — мы всѣ его рабы!"
И оба встали, и пошли,
И скрылись въ голубой дали.
. . . .
Горитъ на небѣ ясный день,
Бѣгутъ златыя облака,
Синѣетъ быстрая рѣка,
И ровенъ, какъ стекло, Ильмѐнь.
Изъ Новагòрода народъ
Тѣсняся на̀ берегъ идетъ.
Тамъ есть возвышенный курганъ,
На немъ священный истуканъ,
Изображая бога битвъ,
Бѣлѣетъ издали. Предметъ
Благодаренiй и молитвъ,
Стоитъ онъ здѣсь ужъ много лѣтъ;
Но лишь недавно князь предъ нимъ
Склòненъ съ почтенiемъ нѣмымъ.
Толпой Варяговъ окружонъ,
На жертву предлагаетъ онъ
Добычу счàстливой войны.
Пѣснь раздалася въ честь боговъ, —
И груды пышныя даровъ
На холмъ святой положены̀...
Разсыпались толпы людей,
Зажглися пни, и пиръ шумитъ,
И Рюрикъ весело сидитъ
Между сѣдыхъ своихъ вождей.
Но что за крикъ? откуда онъ?
Кто этотъ воинъ молодой?
Кто Рюрика зоветъ на бой?
Кто для погибели рожденъ?...
Въ своемъ заржавомъ шишакѣ
Предсталъ Вадимъ: булатъ въ рукѣ,

Какъ змѣи кудри на плечахъ,
Отчаянье и месть въ очахъ.
„Варягъ! — сказалъ онъ, — выходи!
Свободное въ моей груди
Трепещетъ сердце... Испытай,
Сверши злодѣйство до конца;
Паденье одного бойца
Не можетъ погубить мой край:
И такъ ужъ онъ у ногъ чужихъ,
Забывъ побѣды дней былыхъ...
Новогородцы! обо мнѣ
Не плачьте... Я родной странѣ
И жизнь и счастіе принесъ...
Не требуетъ свобода слезъ!“
И онъ мечомъ своимъ взмахнулъ,—
И мечъ, какъ молнія, сверкнулъ;
И рѣчь всѣ души потрясла,
Но пробудить ихъ не могла!...
Вскочилъ надменный буйный князь,
И мрачно также вынулъ мечъ,
Извѣстный въ бурѣ грозныхъ сѣчъ.
Вскочилъ — и битва началась.
Кипя, съ оружіемъ своимъ,
На князя кинулся Вадимъ...
Такъ, надъ пучиной бурныхъ водъ,
На легкій челнъ бѣжитъ волна,
И — сразу лодку разобьетъ,
Или сама раздроблена.
И долго билися они,
И долго ожиданья страхъ
Блестѣлъ у зрителей въ глазахъ,
Но витязя младого дни
Ужъ сочтены на небесахъ!...
Дружины радостно шумятъ...
И бросилъ князь довольный взглядъ:
Надъ непреклонной головой
Ударъ спустился роковой.
Вадимъ на землю тихо палъ,
Не посмотрѣлъ, не простоналъ...
Онъ палъ въ крови, и палъ одинъ—
Послѣдній вольный Славянинъ!
Когда росистой ночи мгла
На хо̀лмы темные легла,
Когда на небѣ чередой
Являлись звѣзды, и луной
Сребрилась въ озерѣ струя,

Черезъ туманныя поля
Охотникъ поздній проходилъ,
И вотъ что послѣ говорилъ,
Сидя̀ съ женой, между друзей,
Передъ лачугою своей:
„Мнѣ чудилось, что за холмомъ,
Согнувшись, человѣкъ стоялъ,
Съ трудомъ кого то поднималъ;
Власы бѣлѣли надъ челомъ,
И, что то на плеча взваливъ,
Пошелъ, и показалось мнѣ,
Что трупъ чернѣлся на спинѣ
У старика. Поворотивъ
Съ своей дороги, при лунѣ,
Я видѣлъ: въ недалекій лѣсъ
Спѣшилъ съ своею ношей онъ,
И, наконецъ, совсѣмъ исчезъ,
Какъ передъ утромъ лживый сонъ!...“
Надъ озеромъ видалъ ли ты,
Жилецъ простой окрестныхъ селъ,
Скалу огромной высоты,
У ногъ ея зеленый долъ?
Уныло желтые цвѣты,
Да можжевельника кусты,
Забыты вѣтрами, растутъ
Въ тѣни сырой. Два камня тутъ,
Увязши въ землю, изъ травы
Являютъ сѣрыя главы.
Подъ ними спитъ послѣднимъ сномъ,
Съ своимъ мечомъ, съ своимъ щитомъ,
Забытъ Славянскою страной,
Свободы витязь молодой.
. . . .

A tale of the times of old!..
The deeds of days of other years!..

217. * * *.

Она была прекрасна, какъ мечта
Ребенка подъ свѣтиломъ южныхъ странъ.
Мнѣ ль объяснить, что̀ значитъ красота?
Грудь полная, иль стройный гибкій станъ,
Или большія очи?—Но порой

Все это не зовемъ мы красотой:
Уста безъ словъ—любить никто не могъ,
Взоръ безъ огня—безъ запаха цвѣтокъ!
  О, небо! Я клянусь, она была
Прекрасна!.. Я горѣлъ, я трепеталъ,
Когда кудрѐй, сбѣгающихъ съ чела,
Шелкъ золотой рукой своей встрѣчалъ;
Я былъ готовъ упасть къ ногамъ ея,
Отдать ей волю, жизнь, и рай, и все,
Чтобъ получить одинъ, одинъ лишь взглядъ
Изъ тѣхъ, которыхъ все блаженство—ядъ!

218. Въ альбомъ.

  Прими, хотя и безъ вниманья,
Моей души печальный бредъ;
Чудакъ безумный, въ цвѣтѣ лѣтъ
Я вяну жертвою страданья.
  Пусть эти строки надъ собой
На мигъ удержатъ взоръ твой милый,
Какъ близъ дороги столбовой
Пришельца—памятникъ могилы.

219. 1831 г. января...

Рѣдѣютъ блѣдные туманы
Надъ бездной смерти роковой,
И вновь стоятъ передо мной
Вѣковъ протекшихъ великаны:
Они зовутъ, они манятъ,
Поютъ,—и я пою за ними,
И, полный чувствами живыми,
Страшуся поглядѣть назадъ,
Чтобъ бытія земного звуки
Не замѣшались въ пѣснь мою,
Чтобъ лучшей жизни на краю
Не вспомнилъ я людей и муки,
Чтобъ я не вспомнилъ этотъ свѣтъ,
Гдѣ носитъ все печать проклятья,
Гдѣ полны ядомъ всѣ объятья,
Гдѣ счастья безъ обмана нѣтъ.

220. Въ альбомъ Н. И. Поливанову.

Послушай, вспомни обо мнѣ,
Когда закономъ осужденный,
Въ чужой я буду сторонѣ,
Изгнанникъ мрачный и презрѣнный.
И будешь ты когда-нибудь
Одинъ, въ безсонный часъ полночи,
Сидѣть съ свѣчой... и тайно грудь
Вздохнетъ, и вдругъ заплачутъ очи,

И молвишь ты: когда то онъ
Здѣсь, въ это самое мгновенье,
Сидѣлъ тоскою удрученъ,
И ждалъ судьбы своей рѣщенья.

23 марта 1831 г.

221. 1831 года, іюня 11 дня.

1.

Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ
Чудеснаго искала. Я любилъ
Всѣ обольщенья свѣта, но не свѣтъ,
Въ которомъ я минутами лишь жилъ,—
И тѣ мгновенья были мукъ полны;
И населялъ таинственные сны
Я этими мгновеньями... Но сонъ,
Какъ міръ, не могъ быть ими омраченъ.

2.

Какъ часто силой мысли въ краткій часъ
Я жилъ вѣка и жизнію иной,
И о землѣ позабывалъ. Не разъ,
Встревоженный печальною мечтой,
Я плакалъ; но всѣ образы мои,
Предметы мнимой злобы иль любви,
Не походили на существъ земныхъ.
О, нѣтъ, все было адъ иль небо въ нихъ!

3.

Холодной буквой трудно объяснить
Боренье думъ. Нѣтъ звуковъ у людей
Довольно сильныхъ, чтобъ изобразить
Желаніе блаженства. Пылъ страстей
Возвышенныхъ я чувствую, но словъ
Не нахожу; и въ этотъ мигъ готовъ
Пожертвовать собой, чтобъ какъ-нибудь
Хоть тѣнь ихъ перелить въ другую грудь.

4.

Извѣстность, слава—что онѣ? А есть
У нихъ и надо мною власть; и мнѣ они
Велятъ себѣ на жертву все принесть.
И я влачу мучительные дни,
Безъ цѣли, оклеветанъ, одинокъ...
Но вѣрю имъ! Невѣдомый пророкъ

Мнѣ обѣщалъ безсмертье, и живой—
Я смерти отдалъ все, что даръ земной.

5.

Но для небеснаго могилы нѣтъ.
Когда я буду прахъ, мои мечты,
Хоть не пойметъ ихъ, удивленный свѣтъ
Благословитъ; и ты, мой ангелъ, ты
Со мною не умрешь: моя любовь
Тебя отдастъ безсмертной жизни вновь;
Съ моимъ названьемъ станутъ повторять
Твое: на что имъ мертвыхъ разлучать?

6.

Къ погибшимъ люди справедливы; сынъ
Боготворитъ, что проклиналъ отецъ.
Чтобъ въ этомъ убѣдиться, до сѣдинъ
Дожить не нужно: есть всему конецъ.
Немного долголѣтнѣй человѣкъ
Цвѣтка; въ сравненьи съ вѣчностью ихъ вѣкъ
Равно ничтоженъ. Пережить одна
Душа лишь колыбель свою должна.

7.

Такъ и ея созданье. Иногда,
На берегу рѣки, одинъ, забытъ,
Я наблюдалъ, какъ быстрая вода,
Синѣя, гнется въ волны, какъ шипитъ
Надъ ними пѣна бѣлой полосой;
И я глядѣлъ, и мыслію иной
Я не былъ занятъ, и пустынный шумъ
Разсѣевалъ толпу глубокихъ думъ.

8.

Тутъ былъ я счастливъ... О, когда бъ я могъ
Забыть, что незабвенно... женскій взоръ!
Причину столькихъ слезъ, безумствъ, тревогъ!
Другой владѣетъ (ею?) съ давнихъ поръ,
И я другую съ нѣжностью люблю,
Хочу любить—и небеса молю
О новыхъ мукахъ; но въ груди моей
Все живъ печальный призракъ прежнихъ дней.

9.

Никто не дорожитъ мной на землѣ,
И самъ себѣ я въ тягость, какъ другимъ;

Тоска блуждаетъ на моемъ челѣ.
Я холоденъ и гордъ, и даже злымъ
Толпѣ кажуся... Но ужель она
Проникнуть дерзко въ сердцѣ мнѣ должна?
Зачѣмъ ей знать, что въ немъ заключено?
Огонь иль сумракъ тамъ—ей все равно!

10.

Темна проходитъ туча въ небесахъ,
И въ ней таится пламень роковой.
Онъ, вырываясь, обращаетъ въ прахъ
Все, что ни встрѣтитъ; съ дивной быстротой
Блеснетъ—и снова въ облакѣ укрытъ;
И кто его источникъ объяснитъ?
И кто заглянетъ въ нѣдра облаковъ?
Зачѣмъ? Они исчезнутъ безъ слѣдовъ.

11.

Грядущее тревожитъ грудь мою:
Какъ жизнь я кончу, гдѣ душа моя
Блуждать осуждена, въ какомъ краю
Любезные предметы встрѣчу я?..
Но кто меня любилъ, кто голосъ мой
Услышитъ—и узнаетъ... И съ тоской
Я вижу, что любить какъ я—порокъ,
И вижу... я слабѣй любить не могъ.

12.

Не вѣрятъ въ мірѣ многіе любви,
И тѣмъ счастливы; для иныхъ она—
Желанье, порожденное въ крови,
Разстройство мозга иль видѣнье сна.
Я не могу любовь опредѣлить,
Но это страсть сильнѣйшая! Любить—
Необходимость мнѣ, и я любилъ
Всѣмъ напряженіемъ душевныхъ силъ.

13.

И отучить не могъ меня обманъ:
Пустое сердце ныло безъ страстей,
И въ глубинѣ моихъ сердечныхъ ранъ
Жила любовь, богиня юныхъ дней.
Такъ, въ трещинѣ развалинъ иногда
Береза выростаетъ—молода
И зелена, и взоры веселитъ,
И украшаетъ сумрачный гранитъ.

14.

И о судьбѣ ея чужой пришлецъ
Жалѣетъ. Беззащитно предана
Порыву бурь и зною, наконецъ
Увянетъ преждевременно она.
Но съ корнемъ не исторгнетъ никогда
Мою березу вихрь: она тверда;
Такъ лишь въ разбитомъ сердцѣ можетъ страсть
Имѣть неограниченную власть.

15.

Подъ ношей бытія не устаетъ
И не хладѣетъ гордая душа;
Судьба ее такъ скоро не убьетъ,
А лишь взбунтуетъ; мщеніемъ дыша
Противъ непобѣдимой, много зла
Она свершить готова, хоть могла
Составить счастье тысячи людей;
Съ такой душой ты богъ или злодѣй!..

16.

Какъ нравились всегда пустыни мнѣ!
Люблю я вѣтеръ межъ нагихъ холмовъ,
И коршуна въ небесной вышинѣ,
И на равнинѣ тѣни облаковъ.
Ярма не знаетъ рѣзвый здѣсь табунъ,
И кровожадный тѣшится летунъ
Подъ синевой, и облако степей
Свободнѣй какъ то мчится и свѣтлѣй.

17.

И мысль о вѣчности, какъ великанъ,
Умъ человѣка поражаетъ вдругъ,
Когда степей безбрежный океанъ
Синѣетъ предъ глазами; каждый звукъ
Гармоніи вселенной, каждый часъ
Страданья или радости—для насъ
Становится понятенъ, и себѣ
Отчетъ мы можемъ дать въ своей судьбѣ.

18.

Кто посѣщалъ вершины дикихъ горъ
Въ тотъ свѣжій часъ, когда садится день:
На западѣ свѣтило видитъ взоръ

И на востокѣ близкой ночи тѣнь,
Внизу туманъ, уступы и кусты,
Кругомъ все горы чудной высоты,
Какъ послѣ бури облака, стоятъ,
И странные верхи въ лучахъ горятъ.

19.

И сердце пòлно, пòлно прежнихъ лѣтъ,
И сильно бьется; пылкая мечта
Приводитъ въ жизнь минувшаго скелетъ,
И въ немъ почти все та же красота.
Такъ любимъ мы глядѣть на свой портретъ,
Хоть съ нами въ немъ ужъ сходства больше нѣтъ,
Хоть на холстѣ хранится блескъ очей,
Погаснувшихъ отъ время и страстей.

20.

Что на землѣ прекраснѣй пирамидъ
Природы, этихъ гордыхъ снѣжныхъ горъ?
Не перемѣнитъ ихъ надменный видъ
Ничто: ни слава царствъ, ни ихъ позоръ;
О ребра ихъ дробятся темныхъ тучъ
Толпы, и молній обвиваетъ лучъ
Вершины скалъ,—ничто не вредно имъ.
Кто близъ небесъ, тотъ не сраженъ земнымъ.

21.

Печаленъ степи видъ, гдѣ безъ препонъ,
Волнуя лишь серебряный ковыль,
Скитается летучій аквилонъ
И предъ собой свободно гонитъ пыль;
И гдѣ кругомъ, какъ зорко ни смотри,
Встрѣчаетъ взглядъ березы двѣ иль три,
Которыя подъ синеватой мглой
Чернѣютъ вечеромъ въ дали пустой.

22.

Такъ жизнь скучна, когда боренья нѣтъ.
Въ минувшее проникнувъ, различить
Въ ней мало дѣлъ мы можемъ; въ цвѣтѣ лѣтъ
Она души не будетъ веселить.
Мнѣ нужно дѣйствовать, я каждый день
Безсмертнымъ сдѣлать бы желалъ, какъ тѣнь
Великаго героя, и понять
Я не могу, что значитъ отдыхать.

23.

Всегда кипитъ и зрѣетъ что-нибудь
Въ моемъ умѣ. Желанье и тоска
Тревожатъ безпрестанно эту грудь.
Но что жъ? Мнѣ жизнь все какъ то коротка,
И все боюсь, что не успѣю я
Свершить чего то! Жажда бытія
Во мнѣ сильнѣй страданій роковыхъ,
Хотя я презираю жизнь другихъ.

24.

Есть время,—леденѣетъ быстрый умъ;
Есть сумерки души, когда предметъ
Желаній мраченъ; усыпленье думъ;
Межъ радостью и горемъ полусвѣтъ;
Душа сама собою стѣснена;
Жизнь ненавистна, но и смерть страшна...
Находишь корень мукъ въ себѣ самомъ,
И небо обвинить нельзя ни въ чемъ.

25.

Я къ состоянью этому привыкъ,
Но ясно выразить его бъ не могъ
Ни ангельскій, ни демонскій языкъ:
Они такихъ не вѣдаютъ тревогъ;
Въ одномъ все чисто, а въ другомъ все зло.
Лишь въ человѣкѣ встрѣтиться могло
Священное съ порочнымъ. Всѣ его
Мученья происходятъ отъ того.

26.

Никто не получалъ, чего хотѣлъ
И что любилъ; и если даже тотъ,
Кому счастливый небомъ данъ удѣлъ,
Въ умѣ своемъ минувшее пройдетъ—
Увидитъ онъ, что могъ счастливѣй быть,
Когда бы не умѣла отравить
Судьба его надежды. Но волна
Ко брегу возвратиться не сильна,

27.

Когда гонима бурей роковой
Шипитъ и мчится съ пѣною своей...
Она все помнитъ тотъ заливъ родной,

Гдѣ нѣжилась въ пріютахъ камышей;
И, можетъ быть, она опять придетъ
Въ другой заливъ, но тамъ ужъ не найдетъ
Себѣ покоя: кто въ моряхъ блуждалъ,
Тотъ не заснетъ въ тѣни прибрежныхъ скалъ.

28.

Я предузналъ мой жребій, мой конецъ,
И грусти ранняя на мнѣ печать;
И какъ я мучусь, знаетъ лишь Творецъ,
Но равнодушный міръ не долженъ знать.
И не забытъ умру я. Смерть моя
Ужасна будетъ; чуждые края
Ей удивятся, а въ родной странѣ
Всѣ проклянутъ и память обо мнѣ.

29.

Всѣ!.. нѣтъ, не всѣ... Созданье есть одно,
Способное любить, хоть не меня;
До этихъ поръ не вѣритъ мнѣ оно,
Однако сердце, полное огня,
Не увлечется мнѣньемъ, и мое
Пророчество припомнитъ умъ ея,
И взоръ, теперь веселый и живой,
Напрасно отуманится слезой.

30.

Кровавая меня могила ждетъ,
Могила безъ молитвъ и безъ креста,
На дикомъ берегу ревущихъ водъ
И подъ туманнымъ небомъ. Пустота
Кругомъ; лишь чужестранецъ молодой,
Невольнымъ сожалѣньемъ и молвой,
И любопытствомъ приведенъ сюда,
Сидѣть на камнѣ станетъ иногда.

31.

И скажетъ: отчего не понялъ свѣтъ
Великаго, и какъ онъ не нашелъ
Себѣ друзей, и какъ любви привѣтъ
Къ нему надежды снова не привелъ?
Онъ былъ ея достоинъ.—И печаль
Его встревожитъ, онъ посмотритъ вдаль:
Увидитъ облака съ лазурью волнъ,
И бѣлый парусъ, и бѣгущій челнъ,

32.

И мой курганъ!—Любимыя мечты
Мои подобны этимъ; сладость есть
Во всемъ, что не сбылось; есть красоты
Въ такихъ картинахъ,—только перенесть
Ихъ на бумагу трудно: мысль сильна,
Когда размѣромъ словъ не стѣснена,
Когда свободна, какъ игра дѣтей,
Какъ арфы звукъ въ молчанiи ночей!

222. Гость.

(БЫЛЬ).

(Посвящается...).

Кларису юноша любилъ
Давно тому назадъ;
Онъ сердце дѣвы получилъ,—
А сердце—лучшiй кладъ.
Ужъ громкiй колоколъ гудетъ,
И въ церкви попъ съ вѣнцами ждетъ.
И вдругъ раздался крикъ войны,
Подъяты знамена:
Спѣшатъ отечества сыны—
И ноги въ стремена!
Идетъ Калмаръ, томимъ тоской,
Проститься съ дѣвой молодой.
„Клянись, что вѣчно,—молвилъ онъ,—
Мнѣ не измѣнишь ты!
Пускай холодной смерти сонъ,
О, дѣва красоты,
Насъ осѣняетъ подъ землей,—
Коль не вѣнцы любви святой!“
Клариса клятву говоритъ,
Дрожитъ слеза въ очахъ,
Разлуки поцѣлуй горитъ
На розовыхъ устахъ:
„Вотъ поцѣлуй послѣднiй мой,
Съ тобою въ храмъ—и въ гробъ съ тобой!“
—„И такъ, прости! жалѣй меня!
Печаленъ мой удѣлъ!“
Калмаръ садится на коня,
И вихремъ полетѣлъ...

Дни мчатся... снѣгъ въ поляхъ лежитъ...
Все дѣва плачетъ да груститъ.
    Вотъ и весна явилась вновь,
И въ солнцѣ прежній жаръ.
Проходитъ женская любовь:
Забытъ, забытъ Калмаръ!
И долженъ получить другой
Ея красу съ ея рукой.
    Съ невѣстой по̀дъ руку женихъ
Пируетъ за столомъ,
Гостей обходитъ и родныхъ
Стаканъ, шипя виномъ.
Пиръ брачный весело шумитъ,
Лишь молча гость одинъ сидитъ.
    На немъ шеломъ избитъ въ бояхъ,
Подъ хладной сталью ликъ,
И плащъ изорванъ на плечахъ,
И ржавый мечъ великъ.
Сидитъ онъ прямъ и недвижимъ,
И рѣчь начать боятся съ нимъ...
    „Что гость любезный нашъ не пьетъ,—
Клариса вдругъ къ нему,—
И что онъ нити не прерветъ
Молчанью своему?
Кто онъ? откуда въ нашу дверь?
Могу ли я узнать теперь?“
    Не стонъ, не вздохъ онъ испустилъ,—
Какой то странный звукъ
Невольнымъ страхомъ поразилъ
Мою невѣсту вдругъ.
Всѣ гости: ахъ!—открылъ пришелецъ
Лицо свое,—то былъ мертвецъ.
    Трепещутъ всѣ, спасенья нѣтъ,
Женихъ забылъ свой мечъ.
„Ты помнишь ли,—сказалъ скелетъ,—
Свою прощальну рѣчь:
Калмаръ забытъ не будетъ мной,—
Съ тобою въ храмъ, и въ гробъ съ тобой!
    Калмаръ твой палъ на битвѣ—тамъ,
Въ отчаянной борьбѣ.
Вѣнецъ, дѣвица, въ гробѣ намъ:
Я вѣренъ былъ тебѣ!..“
Онъ обхватилъ ее рукой,
И оба скрылись подъ землей.
    Въ томъ домѣ каждый круглый годъ
Двѣ тѣни, говорятъ,

Когда межъ звѣздъ луна бредетъ,
И всѣ живые спятъ,—
Являются, какъ легкій дымъ,
Бродя по комнатамъ пустымъ!..

223. Завѣщаніе.

(Середниково. Ночью у окна).

1.

Есть мѣсто: близъ тропы глухой,
Въ лѣсу пустынномъ, средь поляны,
Гдѣ вьются вечеромъ туманы,
Осеребренные луной...
Мой другъ, ты знаешь ту поляну,—
Тамъ трупъ мой хладный ты зарой,
Когда дышать я перестану!

2.

Могилѣ той не откажи
Ни въ чемъ, послѣдуя закону:
Поставь надъ нею крестъ изъ клену
И дикій камень положи.
Когда гроза тотъ лѣсъ встревожитъ,
Мой крестъ пришельца привлечетъ,
И добрый человѣкъ, быть можетъ,
На дикомъ камнѣ отдохнетъ.

224. * * *.

(Середниково. Въ мыльнѣ, ночью, когда мы ходили попа пугать).

Сижу я въ комнатѣ старинной
Одинъ съ товарищемъ моимъ.
Фонарь горитъ, и тѣнью длинной
Полъ омраченъ. Какъ легкій дымъ,
Туманъ окрестность одѣваетъ,
И хладный вѣтеръ по листамъ
Высокихъ липъ перебѣгаетъ.
Я у окна. Опасно намъ
Заснуть. А какъ узнать?—быть можетъ,
Приходъ нежданный насъ встревожитъ!
Готовъ мой вѣрный пистолетъ,
Въ стволѣ свинецъ, на полкѣ порохъ.
У двери слушаю... Чу!... шорохъ
Въ развалинахъ... и крикъ!... Но нѣтъ!
То мышь летучая промчалась,

То птица ночи испугалась!
На темной синевѣ небесъ
Луна межъ тучками ныряетъ.
Спокоенъ я. Душа пылаетъ
Отвагой: ни мертвецъ, ни бѣсъ,
Ничто меня не испугаетъ,
Ничто... Волшебный талисманъ
Я на груди ношу съ тоскою;
Хоть не твоей любовью данъ,
Онъ освященъ твоей рукою.

225. Къ * * *.

Всевышній произнесъ свой приговоръ,—
Его ничто не перемѣнитъ;
Межъ нами руку мести онъ простеръ,
И безпристрастно все оцѣнитъ.
Онъ знаетъ, и Ему лишь можно знать,
Какъ нѣжно, пламенно любилъ я,
Какъ безотвѣтно все, что только могъ отдать,
Тебѣ на жертву приносилъ я.
Во зло употребила ты права,
Пріобрѣтенныя надъ мною,
И мнѣ, польстивъ любовію сперва,
Ты измѣнила... Богъ съ тобою!
О, нѣтъ! я бъ не рѣшился проклянуть!...
Все для меня въ тебѣ святое:
Волшебные глаза и эта грудь,
Гдѣ бьется сердце молодое.
Я помню, сорвалъ я обманомъ разъ
Цвѣтокъ, хранившій ядъ страданья—
Съ невинныхъ устъ твоихъ въ прощальный часъ
Непринужденное лобзанье.
Я зналъ: то не любовь—и перенесъ;
Но отгадать не могъ я тоже,
Что всѣхъ моихъ надеждъ, и мукъ, и слезъ
Веселый мигъ тебѣ дороже!
Будь счастлива несчастіемъ моимъ,
И, услыхавъ, что я страдаю,
Ты не томись раскаяньемъ пустымъ.
Прости!—вотъ все, что я желаю...
Чѣмъ заслужилъ я, чтобъ твоихъ очей
Затмился свѣжій блескъ слезами?
Ко смѣху пріучать себя нужнѣй:
Вѣдь жизнь смѣется же надъ нами!

226. Желаніе.

(Середниково. Вечеръ на бельведерѣ. 29 іюля).

Зачѣмъ я не птица, не воронъ степной,
Пролетѣвшій сейчасъ надо мной?
Зачѣмъ не могу въ небесахъ я парить
И одну лишь свободу любить?
На западъ, на западъ помчался бы я,
Гдѣ цвѣтутъ моихъ предковъ поля,
Гдѣ въ замкѣ пустомъ, на туманныхъ горахъ,
Ихъ забвенный покоится прахъ.
На древней стѣнѣ ихъ наслѣдственный щитъ
И заржавленный мечъ ихъ виситъ.
Я сталъ бы летать надъ мечомъ и щитомъ
И смахнулъ бы я пыль съ нихъ крыломъ.
И арфы шотландской струну бы задѣлъ
И по сводамъ бы звукъ полетѣлъ;
Внимаемъ однимъ и однимъ пробужденъ,
Какъ раздался, такъ смолкнулъ бы онъ.
Но тщетны мечты, безполезны мольбы
Противъ строгихъ законовъ судьбы:
Межъ мной и холмами отчизны моей
Разстилаются волны морей.
Послѣдній потомокъ отважныхъ бойцовъ
Увядаетъ средь чуждыхъ снѣговъ...
Я здѣсь былъ рожденъ, но нездѣшній душой...
О, зачѣмъ я не воронъ степной!...

227. Къ дѣвѣ небесной.

Когда бы встрѣтилъ я въ раю,
На третьемъ небѣ, образъ твой,
Онъ душу бы плѣнилъ мою
Своей небесной красотой.
И я бъ въ тотъ мигъ (не утаю)
Забылъ о радости земной.
Спокоенъ твой лазурный взоръ,
Какъ вспоминаніе о немъ;
Какъ дальній отзывъ дальнихъ горъ,
Твой голосъ нравится во всемъ.
И твой привѣтъ, и твой укоръ—
Все полно, дышитъ божествомъ.
Не для земли ты создана,

И я могу ль тебя любить?
Другая женщина должна
Надежды юноши манить.
Ты превосходнѣй, чѣмъ она,
Но такъ мила не можешь быть!

228. Св. Елена.

Почтимъ привѣтомъ островъ одинокой,
Гдѣ часто, въ думу погруженъ,
На берегу, о Франціи далекой
Воспоминалъ Наполеонъ!
Сынъ моря, средь морей твоя могила!
Вотъ мщеніе за муки стольких дней!
Порочная страна не заслужила,
Чтобы великій жизнь окончилъ въ ней.
Изгнанникъ мрачный, жертва вѣроломства
И рока прихоти слѣпой,
Погибъ, какъ жилъ—безъ предковъ и потомства,
Хоть побѣжденный, но герой!
Родился онъ игрой судьбы случайной,
И пролетѣлъ, какъ буря, мимо насъ.
Онъ міру чуждъ былъ; все въ немъ было тайной:
День возвышенья и паденья часъ!

229. Къ другу В. Ш.

„До лучшихъ дней!"—передъ прощаньемъ,
Пожавъ мнѣ руку, ты сказалъ;
И долго эти дни я ждалъ,
Но былъ обманутъ ожиданьемъ!
Мой милый! не придутъ они:
Въ грядущемъ счастія такъ мало!...
Я помню радостные дни,
Но все, что помню, то пропало.
Былое безполезно намъ.
Таковъ маякъ порой ночною
Надъ бурной безднoю морскою,
Манящій къ вѣрнымъ берегамъ,
Когда на лодкѣ одинокой
Несется трепетный пловецъ,
И видитъ берегъ недалекой,
И ближе видитъ свой конецъ.

Наполеонъ на островѣ св. Елены. Кратке.

Нѣтъ! обольстить мечтой напрасной
Больное сердце мудрено:
Едва нисходитъ сонъ прекрасной,
Ужъ просыпается оно!

230. Романсъ.

Хоть бѣгутъ по струнамъ моимъ звуки веселья,
Они не отъ сердца бѣгутъ.
Но въ сердцѣ разбитомъ есть тайная келья,
Гдѣ черныя мысли живутъ.
Слеза по щекѣ огневая катится,
Она не изъ сердца идетъ:
Что въ сердцѣ обманутомъ жизнью хранится,
То въ немъ навсегда и умретъ.
Не смѣйте искать въ сей груди сожалѣнья,
Питомцы надеждъ золотыхъ!
Когда я свои презираю мученья,
Чтó мнѣ до страданій чужихъ?
Умершей дѣвицы очей охладѣвшихъ
Не долженъ мой взоръ увидать;
Я бъ много припомнилъ минутъ пролетѣвшихъ,
Но я не люблю вспоминать!
Намъ память являетъ ужасныя тѣни,
Кровавый былого призрàкъ;
Онъ вновь призываетъ къ оставленной сѣни,
Какъ въ бурю надъ моремъ маякъ,
Когда ураганъ по волнамъ веселится,
Смѣется надъ бѣднымъ челномъ,
И съ крикомъ пловецъ—безъ надеждъ воротиться—
Жалѣетъ о краѣ родномъ.

231. 7-го августа.

(Въ деревнѣ, на холмѣ, у забора).

Блистая пробѣгаютъ облака
По голубому небу. Холмъ крутой
Осеннимъ солнцемъ озаренъ. Рѣка
Бѣжитъ внизу по камнямъ съ быстротой,
И на холмѣ пришелецъ молодой,
Завернутъ въ плащъ, недвижимо сидитъ
Подъ старою березой. Онъ молчитъ,

Но грудь его подъемлется порой,
Но блѣдный ликъ мѣняетъ часто цвѣтъ.
Чего онъ ищетъ здѣсь? Спокойствія? О, нѣтъ!
Онъ смотритъ вдаль: тутъ лѣсъ пестрѣетъ, тамъ—
Поля и степи, тамъ встрѣчаетъ взглядъ
Опять дубраву, или по кустамъ
Разсѣянныя сосны. Міръ, какъ садъ,
Цвѣтетъ, надѣвъ могильный свой нарядъ—
Поблекнувшіе листья... Жалокъ міръ!
Въ немъ каждый средь толпы забытъ и сиръ,
И люди всѣ къ ничтожеству спѣшатъ.
Но хоть природа презираетъ ихъ,
Любимцы есть у ней, какъ у царей другихъ.
И тотъ, на комъ лежитъ ея печать,
Пускай не ропщетъ на судьбу свою,
Чтобы никто, никто не смѣлъ сказать,
Что у груди своей она змѣю
Согрѣла. О, когда бъ одно „люблю“
Изъ устъ прекрасной могъ подслушать я,
Тогда бы люди, даже жизнь моя
Въ однообразномъ сѣверномъ краю,
Все бъ въ новый блескъ одѣлось! Такъ мечталъ
Безпечный... но просить онъ небо не желалъ!

232. Атаманъ.

Горе тебѣ, городъ Казань!
Ѣдетъ толпа удальцовъ
Собирать невольную дань
Съ твоихъ беззаботныхъ купцовъ.
Вдоль по Волгѣ широкой
На лодкѣ плывутъ,
И веслами дружными плещутъ,
И пѣсни поютъ.
Горе тебѣ, русская земля!
Атаманъ между ними сидитъ;
Хоть его лихая семья,
Какъ волны, шумна—онъ молчитъ;
И краса молодая,
Какъ саванъ блѣдна,
Передъ нимъ на колѣнахъ стоитъ
И молитъ она:
„Горе мнѣ, бѣдной дѣвицѣ!
Чѣмъ виновна я предъ тобой?

Ты повѣрилъ злой клеветницѣ;
Любимъ мною не былъ другой.
Мнѣ жребій неволи
Судьбинушкой данъ;
Не губи, не губи мою душу,
Лихой атаманъ!“
—„Горе дѣвицѣ лукавой!—
Атаманъ ей, нахмурясь, въ отвѣтъ,—
У меня оправдается правый,
Но пощады виновному нѣтъ;
Отъ глазъ моихъ трудно
Проступокъ укрыть—
Все знаю!... и вновь не могу я,
Дѣвица, любить!...
Но лѣкарство чудесное есть
У меня для сердечныхъ ранъ...
Прости же!... лѣкарство то—месть!
На что же я здѣсь атаманъ?
И заплàчу ль, какъ плачетъ
Любовникъ другой?...
И смягчишь ли меня ты, дѣвица,
Своею слезой?“
Горе тебѣ, гроза-атаманъ,
Ты свой произнесъ приговоръ!
Средь пожаровъ ограбленныхъ странъ
Ты забудешь ли пламенный взоръ?...
Остался ль ты хладенъ
И твердъ, какъ въ бою,
Когда бросили въ пѣнныя волны
Красотку твою?
Горе тебѣ, удалой!
Какъ совѣсть совсѣмъ удалить?
Отнынѣ онъ чистой водой
Боится руки умыть.
Умывать онъ ихъ любитъ.
Съ дружиной своей,
Слезами вдовицъ беззащитныхъ
И кровью дѣтей!

233. Исповѣдь.

Я вѣрю, обѣщаю вѣрить,
Хоть самъ того не испыталъ,
Что могъ монахъ не лицемѣрить

И жить, какъ клятвой обѣщалъ;
Что поцѣлуи и улыбки
Людей коварны не всегда,
Что ближнихъ малыя ошибки
Они прощаютъ иногда;
Что время лѣчитъ отъ страданья;
Что міръ для счастья сотворенъ;
Что добродѣтель—не названье,
И жизнь—поболѣе, чѣмъ сонъ!
Но вѣрѣ теплой опытъ хладный
Противорѣчитъ каждый мигъ,
И умъ, какъ прежде, безотрадный,
Желанной цѣли не достигъ;
И сердце, полно сожалѣній,
Хранитъ въ себѣ глубокій слѣдъ
Умершихъ, но святыхъ видѣній,
И тѣни чувствъ, какихъ ужъ нѣтъ.
Его ничто не испугаетъ,
И то, что было бъ ядъ другимъ,
Его живитъ, его питаетъ
Огнемъ язвительнымъ своимъ.

234. Надежда.

Есть птичка рая у меня:
На кипарисѣ молодомъ
Она сидитъ во время дня,
Но пѣть никакъ не станетъ днемъ.
Лазурь небесъ ея спина,
Головка—пурпуръ, на крылахъ
Пыль золотистая видна,
Какъ отблескъ утра въ облакахъ.
И только что земля уснетъ,
Одѣта мглой въ ночной тиши,
Она на вѣткѣ ужъ поетъ
Такъ сладко, сладко для души,
Что поневолѣ тягость мукъ
Забудешь, внемля пѣснѣ той,
И сердцу каждый тихій звукъ
Какъ гость пріятенъ дорогой.
И часто въ бурю я слыхалъ
Тотъ звукъ, который такъ люблю,
И я всегда Надеждой звалъ
Пѣвицу мирную мою.

235. Чаша жизни.

Мы пьемъ изъ чаши бытія
Съ закрытыми очами,
Златые омочивъ края
Своими же слезами.
Когда же передъ смертью съ глазъ
Завязка упадаетъ,
И все, что обольщало насъ,
Съ завязкой исчезаетъ,
Тогда мы видимъ, что пуста
Была златая чаша,
Что въ ней напитокъ былъ—мечта,
И что она—не наша!

236. Къ Л....

(Подражаніе Байрону).

У ногъ другихъ не забывалъ
Я взоръ твоихъ очей;
Любя другихъ, я лишь страдалъ
Любовью прежнихъ дней.
Такъ память, демонъ-властелинъ,
Все будитъ старину,
И я твержу одинъ, одинъ:
Люблю, люблю одну!
Принадлежишь другому ты,
Забытъ пѣвецъ тобой;
Съ тѣхъ поръ влекутъ меня мечты
Прочь отъ земли родной.
Корабль умчитъ меня отъ ней
Въ безвѣстную страну,
И повторитъ волна морей:
Люблю, люблю одну!
И не узнаетъ шумный свѣтъ,
Кто нѣжно такъ любимъ,
Какъ я страдалъ, и сколько лѣтъ
Я памятью томимъ.
И гдѣ бы я ни сталъ искать
Былую тишину,
Все сердце будетъ мнѣ шептать:
Люблю, люблю одну!

237. Къ Н. И...

Я не достоинъ, можетъ быть,
Твоей любви; не мнѣ судить!
Но ты обманомъ наградила
Мои надежды и мечты,
И я всегда скажу, что ты
Несправедливо поступила.
Ты не коварна, какъ змѣя,
Лишь часто новымъ впечатлѣньямъ
Душа ввѣряется твоя.
Она увлечена мгновеньемъ,
Ей милы многіе, вполнѣ
Еще никто; но это мнѣ
Служить не можетъ утѣшеньемъ.
Въ тѣ дни, когда, любимъ тобой,
Я могъ доволенъ быть судьбой,
Прощальный поцѣлуй однажды
Я сорвалъ съ нѣжныхъ устъ твоихъ;
Но въ зной, среди степей сухихъ,
Не утоляетъ капля жажды.
Дай Богъ, чтобъ ты нашла опять,
Что не боялась потерять.
Но... женщина забыть не можетъ
Того, кто такъ любилъ, какъ я,—
И въ часъ блаженнѣйшій тебя
Воспоминаніе встревожитъ!
Тебя раскаянье кольнетъ,
Когда съ насмѣшкой проклянетъ
Ничтожный міръ мое названье,
И побоишься защитить,
Чтобы въ преступномъ состраданьѣ
Вновь обвиняемой не быть!

238. Воля.

Моя мать—злая кручина,
Отцомъ же была мнѣ судьбина;
Мои братья, хоть люди,
Не хотятъ къ моей груди
Прижаться:
Имъ стыдно со мною,
Съ бѣднымъ сиротою,
Обняться.

Но мнѣ Богомъ дана
Молодая жена—
Воля-волюшка,
    Вольность милая,
    Несравненная.
Съ ней нашлись другіе у меня—
Мать, отецъ и семья:
А моя мать—степь широкая,
А мой отецъ—небо далекое,
Они меня воспитали,
Кормили, поили, ласкали;
Мои братья въ лѣсахъ—
Березы да сосны...
Несусь ли я на конѣ,
Степь отвѣчаетъ мнѣ,
Брожу ли поздней порой,
Небо свѣтитъ мнѣ луной,
Мои братья, въ лѣтній день
Призывая подъ тѣнь,
Машутъ издали руками,
Киваютъ мнѣ головами,
И вольность мнѣ гнѣздо свила,
Какъ міръ необъятное!

239. Сентября 28.

Опять, опять я видѣлъ взоръ твой милой!
    Я говорилъ съ тобой!
И мнѣ былое, взятое могилой,
    Напомнилъ голосъ твой.
Къ чему? Другой лобзаетъ эти очи
    И руку жметъ твою,
Другому голосъ твой во мракѣ ночи
    Твердитъ: люблю, люблю!
Откройся мнѣ, ужели непритворны
    Лобзанія твои?
Они правамъ супружества покорны,
    Но не правамъ любви.
Онъ для тебя не созданъ: ты родилась
    Для пламенныхъ страстей,
Отдавъ ему себя, ты не спросилась
    У совѣсти своей!
Онъ чувствовалъ ли трепетъ потаенный
    Въ присутствіи твоемъ?

Умѣлъ ли презирать онъ міръ презрѣнный,
Чтобъ мыслить объ одномъ?
Встрѣчалъ ли онъ съ молчаньемъ и слезами
Привѣтъ холодный твой?
И лучшими ль онъ жертвовалъ годами—
Мгновеніямъ съ тобой?
Нѣтъ! я увѣренъ, твоего блаженства
Не можетъ сдѣлать тотъ,
Кто красоты наружной совершенства
Одни въ тебѣ найдетъ.
Такъ! ты его не любишь!... Тайной властью
Прикована ты вновь
Къ душѣ печальной, незнакомой счастью,
Но нѣжной, какъ любовь.

240. Къ * * *.

Не вѣрь хваламъ и увѣреньямъ,
Неправдой истину зови,
Зови надежду сновидѣньемъ,
Но вѣрь, о, вѣрь моей любви!
Такой любви нельзя не вѣрить,
А взоръ не скроетъ ничего,
Ты не способна лицемѣрить:
Ты—слишкомъ ангелъ для того.

241. * * *.

Прекрасны вы, поля земли родной!
Еще прекраснѣй ваши непогоды;
Зима сходна въ ней съ первою зимой,
Какъ съ первыми людьми страны моей народы...
Взгляните, какъ туманъ здѣсь одѣваетъ неба своды,
И степь раскинулась лиловой пеленой,
Какъ будто такъ она свѣжа и такъ родна съ душой,
Какъ будто создана лишь для свободы!...
Но эта степь любви моей чужда.
Но этотъ снѣгъ, летучій, серебристый
И для страны порочной слишкомъ чистый,
Не веселитъ мнѣ сердца никогда.
Его одеждой хладной, неизмѣнной
Сокрыта отъ очей могильная гряда
И позабытый прахъ,—но мнѣ, но мнѣ безцѣнной!

242. * * *.

Мятель шумитъ и снѣгъ валитъ,
Но, сквозь шумъ вѣтра, дальній звонъ,
Порой прорвавшися, гудитъ:
То—отголосокъ похоронъ,
То—звукъ могилы надъ землей,
Умершимъ—вѣсть, живымъ—укоръ,
Цвѣтокъ поблекшій гробовой,
Который не плѣняетъ взоръ.
Пугаетъ сердце этотъ звукъ,
И возвѣщаетъ онъ для насъ
Конецъ земныхъ недолгихъ мукъ,
Но чаще—новыхъ первый часъ!...

243. Небо и звѣзды.

Чисто вечернее небо,
Ясны далекія звѣзды,
Ясны, какъ счастье ребенка.
О, для чего мнѣ нельзя и подумать:
Звѣзды, вы ясны, какъ счастье мое!
Чѣмъ ты несчастливъ?—
Скажутъ мнѣ люди.
Тѣмъ я несчастливъ,
Добрые люди, что звѣзды и небо—
Звѣзды и небо! а я—человѣкъ!...
Люди другъ къ другу
Зависть питаютъ;
Я же, напротивъ,
Только завидую звѣздамъ прекраснымъ,
Только ихъ мѣсто занять бы хотѣлъ.

244. * * *.

Когда бъ въ покорности незнанья
Насъ жить Создатель осудилъ,
Неисполнимыя желанья
Онъ въ нашу душу бъ не вложилъ.
Онъ не позволилъ бы стремиться
Къ тому, что не должно свершиться;
Онъ не позволилъ бы искать
Въ себѣ и въ мірѣ совершенства,—

Когда бъ намъ полнаго блаженства
Не должно вѣчно было знать.
Но чувство есть у насъ святое—
Надежда, богъ грядущихъ дней;
Она въ душѣ, гдѣ все земное,
Живетъ наперекоръ страстей;
Она залогъ, что есть понынѣ,
На небѣ иль въ другой пустынѣ,
Такое мѣсто, гдѣ любовь
Предстанетъ намъ, какъ ангелъ нѣжной,
И гдѣ тоски ея мятежной
Душа узнать не можетъ вновь.

245. Къ кн. Л. Г—ой.

Когда ты холодно внимаешь
Разсказамъ горести чужой,
И недовѣрчиво качаешь
Своей головкой молодой;
Когда блестящіе наряды
Безумно радуютъ тебя,
Иль отъ ребяческой досады
Душа волнуется твоя;
Когда я вижу, вижу ясно,
Что для тебя въ семнадцать лѣтъ
Все привлекательно, прекрасно,
Все, даже люди, жизнь и свѣтъ,—
Тогда, измученъ вспоминаньемъ,
Я говорю душѣ своей:
Счастли̇въ, кто могъ земнымъ желаньямъ
Отдать себя во цвѣтѣ дней!
Но не завидуй: ты не будешь
Довольна этимъ, какъ она,
Своихъ надеждъ ты не забудешь,
Но для другихъ—не рождена.
Такъ! мысль великая хранилась
Въ тебѣ донынѣ, какъ зерно;
Съ тобою въ міръ она родилась,—
Погибнуть ей не суждено!

246. * * *.

Я видѣлъ тѣнь блаженства; но вполнѣ,
Свободно отъ людей и отъ земли,
Не суждено имъ насладиться мнѣ.

Быть можетъ, манитъ только издали̇
Оно надежду: получивъ,—какъ знать?—
Быть можетъ, я бъ его сталъ презирать,
И увидалъ бы, что ни слезъ, ни мукъ
Не стоитъ счастье, ложное, какъ звукъ.
Кто скажетъ мнѣ, что звукъ ея рѣчей
Не отголосокъ рая? что душа
Не смотритъ изъ живыхъ очей,
Когда на нихъ смотрю я, чуть дыша?
Что для мученья моего она,
Какъ ангелъ казни, Богомъ создана̀?
Нѣтъ! чистый ангелъ не виновенъ въ томъ,
Что есть пятно тоски въ умѣ моемъ.
И съ каждымъ годомъ шире то пятно,
И скоро все поглотитъ, и тогда
Узнаю я спокойствіе. Оно,
Навѣрно, много причинитъ вреда
Моимъ мечтамъ и пламень чувствъ убьетъ,
Зато безъ бурь напрасныхъ приведетъ
Къ уничтоженью; но до этихъ дней
Я воленъ, даже—если рабъ страстей!
Печалью вдохновенный, я пою
О ней одной, и все, что чуждо ей,
То чуждо мнѣ. Я родину люблю,
И больше многихъ: средь ея полей
Есть мѣсто, гдѣ я горесть началъ знать,
Есть мѣсто, гдѣ я буду отдыхать,
Когда мой прахъ, смѣшавшися съ землей,
На-вѣки прежній видъ оставитъ свой.
О, мой отецъ! гдѣ ты? гдѣ мнѣ найти
Твой гордый духъ, бродящій въ небесахъ?
Въ твой міръ ведутъ столь разные пути,
Что избирать мѣшаетъ тайный страхъ.
Есть рай небесный!—звѣзды говорятъ;
Но гдѣ же? вотъ вопросъ, и въ немъ то ядъ.
Онъ сдѣлалъ то, что въ женскомъ сердцѣ я
Хотѣлъ сыскать отраду бытія.

247. Къ * * *.

О, не скрывай! ты плакала о немъ...
И я его люблю; онъ заслужилъ
Твою слезу, и еслибъ былъ врагомъ
Моимъ, то я бъ съ тѣхъ поръ его любилъ.
И я бы могъ быть сча̀стливъ... Но зачѣмъ

Искать условій счастія въ быломъ?
Нѣтъ! я доволенъ долженъ быть и тѣмъ,
Что зрѣлъ, какъ ты жалѣла о другомъ.

248. * * *.

Ты слишкомъ для невинности мила,
И слишкомъ ты любезна, чтобъ любить!
Полміру дать ты бъ счастіе могла,
Но счастливой самой тебѣ не быть.
Блаженство намъ не посылаетъ рокъ
Вдвойнѣ... Видала ль быстрый ты потокъ?
Брега его цвѣтутъ, тогда какъ дно
Всегда глубоко, хладно и темно!

249. * * *.

Кто въ утро зимнее, когда валитъ
Пушистый снѣгъ, и красная заря
На степь сѣдую съ трепетомъ глядитъ,
Внималъ колоколамъ монастыря?
Въ борьбѣ съ порывнымъ вѣтромъ этотъ звонъ
Далеко такъ по небу унесенъ,—
И путникамъ онъ нравился не разъ,
Какъ вѣсть кончины иль безсмертья гласъ.
И этотъ звонъ люблю я! Онъ—цвѣтокъ
Могильнаго кургана, мавзолей,
Который не измѣнится. Ни рокъ,
Ни мелкія несчастія людей
Его не заглушатъ; всегда одинъ,
Высокой башни мрачный властелинъ,
Онъ возвѣщаетъ міру все, но самъ,
Самъ чуждъ всему—землѣ и небесамъ!

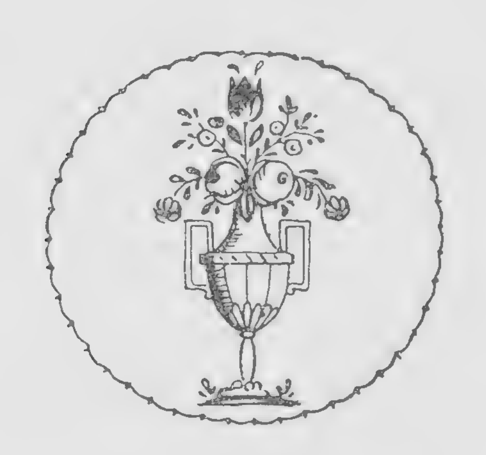
250. Стансы къ Д....

Я не могу ни произнесть,
Ни написать твое названье:
Для сердца тайное страданье
Въ его знакомыхъ звукахъ есть.
Суди жъ, какъ тяжко это слово
Мнѣ услыхать въ устахъ другова.
Какое право имъ дано
Шутить святынею моею?

Когда коснуться я не смѣю,
Ужели имъ позволено?
Какъ я, ужель они искали
Свой рай въ тебѣ одной?—едва ли!
    Ни передъ кѣмъ я не склонялъ
Еще послушнаго колѣна:
То гордости была бъ измѣна,
А ей лишь робкій измѣнялъ.
И не поникну я главою,
Хотя бъ то было предъ судьбою!
    Но если ты передъ людьми
Прикажешь мнѣ унизить душу,
Я клятвы юности нарушу,—
Всѣ клятвы, кромѣ клятвъ любви.
Пускай имъ скажутъ, дорогая,
Что это сдѣлалъ для тебя я!
    Улыбку я твою видалъ:
Она мнѣ сердце восхищала,
И ей—такъ думалъ я сначала—
Подобной нѣтъ; но я не зналъ,
Что очи, полныя слезами,
Равны красою съ небесами.
    Я видѣлъ ихъ, и былъ вполнѣ
Счастли̇въ, пока слеза катилась:
Въ ней искра божества хранилась,
Она принадлежала мнѣ.
Такъ! все прекрасное, святое
Въ тебѣ—мнѣ больше, чѣмъ родное.
    Когда бъ міры у нашихъ ногъ
Благословляли нашу волю,
Я эту царственную долю
Назвать бы счастіемъ не могъ:
Ему страшны̇ молвы сужденья,
Оно—цвѣтокъ уединенья.
    Ты помнишь вечеръ и луну,
Когда въ бесѣдкѣ одинокой
Сидѣлъ я съ думою глубокой,
Взирая на тебя одну...
Какъ мнѣ мила тѣхъ дней безпечность!
За вечеръ тотъ я бъ нѐ взялъ вѣчность.
    Такъ, за ничтожный талисманъ,
Отъ гроба Магомета взятый,
Факиру дайте жемчугъ, злато
И всѣ богатства чуждыхъ странъ,—
Закону строгому послушный,
Онъ ихъ отвергнетъ равнодушно.

251. Пѣсня.

Ликуйте, друзья, ставьте чаши вверхъ дномъ,
Пейте!
На пиру этой жизни, какъ здѣсь, на моемъ,
Не робѣйте!
Какъ чаши, не бойтесь все ставить вверхъ дномъ.
Что стоитъ ужъ вверхъ дномъ, то не можетъ мѣшать
Плу̀тамъ.
Я совѣтую дѣтямъ своимъ повторять
(Даже съ прутомъ):
Что стоитъ ужъ вверхъ дномъ, то не можетъ мѣшать.
Я люблю очень дно доставать на пирахъ
Въ чашѣ!...
. . . .
На днѣ лишь есть жемчугъ въ морскихъ глубинахъ!

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. La Tourtourelle.

Напечатано въ „La Harpe du Nord“ 1824, VI, 5—6. Разыскано С. К. Буличемъ („Дѣтское стихотвореніе М. Ю. Лермонтова“, „Вѣстникъ Европы“ 1909, VI, 524—525). Редакторъ академическаго изданія сочиненій Лермонтова (I, 415) отнесъ его къ приложеніямъ, какъ „приписываемое Л—ву“, но съ оговоркой: „мы не рѣшаемся приписать стихотвореніе Л—ву, такъ какъ, по его собственному признанію, онъ „началъ марать стихи въ 1828 г.“. Съ такой мотивировкой мы не можемъ согласиться: 1) другого „М. Лермонтова“, писавшаго стихи, тогда не было, да и вообще нѣтъ никакихъ указаній на существованіе въ началѣ XIX в. однофамильца и одноименника поэта; 2) стихи эти могли быть выправлены кѣмъ-нибудь изъ учителей М. Ю. и напечатаны съ его именемъ „для поощренія“ (довольно обычное явленіе въ то время) [1]); 3) заявленіе Л—ва противорѣчитъ показаніямъ нѣкоторыхъ современниковъ объ очень раннихъ его попыткахъ творчества; 4) оно могло быть результатомъ простой хронологической ошибки или умышленнаго замалчиванія первыхъ дѣтскихъ, съ чужою помощью, литературныхъ попытокъ; 5) всѣмъ своимъ содержаніемъ и тономъ оно близко подходитъ къ первымъ, извѣстнымъ намъ, стихотвореніямъ Л—ва; 6) наконецъ, Л—въ могъ забыть о появленіи этого стихотворенія въ печати или сознательно открещиваться отъ него, если дѣйствительно оно было составлено съ чужою помощью.

Подражаніе сентиментальнымъ элегіямъ Карамзина, Дмитріева и др.

2. Осень.

Автографъ Лерм. музея (тетрадь II, № 3). Впервые напечатано Висковатовымъ (I, стр. 1).

3. Заблужденіе Купидона.

Автографъ Лерм. музея (II, 6). Впервые напечатано Висковатовымъ (I, стр. 1).

4. Цѣвница.

Автографъ Лерм. музея (II, 7). Впервые напеч. въ „Библіогр. Запискахъ“ (1861, XVI, 487).

5. Поэтъ.

Въ письмѣ Л—ва къ теткѣ М. А. Шанъ-Гирей. Авт. Публичной библіотеки. Впервые напеч. въ „Русской Старинѣ“ (1872, II, 294—5). Варіантъ авт. Лерм. музея:

15. Поетъ души своей кумиры.

[1]) Такого происхожденія, повидимому, многія стихотворенія воспитанниковъ Москов. Благороднаго Унив. Пансіона, появлявшіяся въ отчетахъ и изданіяхъ Пансіона, первое печатное стихотвореніе Ѳ. И. Тютчева и др.

6. Черкесы.

Автографъ Публ. библ. Цѣликомъ поэма впервые напечатана Висковатовымъ (III, 164—172) и Введенскимъ (II, 312—317). Написана въ Чембарѣ на основаніи личныхъ воспоминаній о Кавказѣ и разсказовъ тетки Е. А. Хастатовой, постоянно жившей на Кавказѣ. На поляхъ автографа надпись (противъ стиховъ 106—132) бабушки Л—ва: „Зиновьевъ нашоль что ети стихи хороши". А. З. Зиновьевъ— учитель Л—ва, воспитатель Благороднаго пансіона.

Въ поэмѣ рядъ текстуальныхъ заимствованій изъ „Кавказскаго плѣнника" Пушкина:

Ст. 36—37. У Пушкина:

Не спи, казакъ, во тьмѣ ночной
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

Ст. 38—44. У Пушкина:

Простите, вольныя станицы,
И домъ отцовъ, и тихій Донъ,
Война и красныя дѣвицы!
Къ брегамъ причалилъ тайный врагъ,
Стрѣла выходитъ изъ колчана—
Взвилась, и падаетъ казакъ
Съ окровавленнаго кургана и пр.

„Неизбѣжимый" —обычный въ раннихъ произведеніяхъ Л—ва неологизмъ вмѣсто „неизбѣжный". Въ 150 стихѣ пропущено слово (всѣ?).

7. Кавказскій плѣнникъ.

Автографъ Лерм. музея. Впервые поэма въ полномъ видѣ была напечатана Висковатовымъ (III, 133—151) и Введенскимъ (II, 317—329). Переработка Пушкинской поэмы: значительно ослабленъ описательный и лирическій элементъ; самому сюжету приданъ мелодраматическій характеръ (въ особенности въ концѣ — убійство отцомъ черкешенки плѣнника). Въ поэму вкраплены Л—вымъ отдѣльные стихи Пушкина и Козлова (переводъ „Абидосской невѣсты" Байрона).

Цѣликомъ или съ нѣкоторыми перемѣнами взяты у Пушкина стихи:

6. о разоренныхъ ими селахъ—пепелъ разоренныхъ селъ.

11. и дымъ віясь летитъ надъ ними—изъ трубокъ дымъ віясь синѣетъ.

Ст. 103—109 взяты изъ перевода Козлова:

Ни конь, оживленный
Военной трубой,
Ни левъ, уязвленный
Внезапной стрѣлой,
Ни варваръ, смятенный
Полночной порой,
Страшнѣй не трепещетъ,
Когда вдругъ заблещетъ
Кинжалъ роковой.

Ст. 123—127—передѣлка стиховъ Пушкина:

На немъ броня, пищаль, колчанъ,
Кубанскій лукъ, кинжалъ, арканъ,
И шашка, вѣчная подруга
Его трудовъ, его досуга.

Ст. 142—3 у Пушкина:

Надъ нимъ летаетъ смертный сонъ
И холодомъ тлетворнымъ дышитъ.

Ст. 184 у Пушкина:

Все, все сказалъ ужасный звукъ.

Ст. 204—209—передѣлка стиховъ Пушкина:

Въ страну, гдѣ пламенную младость
Онъ гордо началъ безъ заботъ;
Гдѣ первую познать онъ радость,
Гдѣ много милаго любилъ,
Гдѣ обнялъ грозное страданье,
Гдѣ бурной жизнью погубилъ
Надежду, радость и желанье
И лучшихъ дней воспоминанье
Въ увядшемъ сердцѣ заключилъ.

Ст. 224—228 у Пушкина:

...на курганахъ возвышенныхъ,
Склонясь на копья, казаки
Глядятъ на темный бѣгъ рѣки.

Ст. 300 цѣликомъ взятъ изъ эпиграммы Пушкина на А. Н. Муравьева:

Лукъ звенитъ, стрѣла трепещетъ.

Ст. 333—347 передѣланы изъ слѣдующихъ стиховъ Пушкина:

Но кто, въ сіяніи луны,
Среди глубокой тишины
Идетъ, украдкою ступая?
Очнулся русскій. Передъ нимъ,
Съ привѣтомъ нѣжнымъ и нѣмымъ,
Стоитъ черкешенка младая.
. . . .
Съ улыбкой жалости отрадной,
Колѣна преклонивъ, она
Къ его устамъ кумысъ прохладной
Подноситъ тихою рукой.

Ст. 383—384 передѣланы изъ „Евгенія Онѣгина“ (IV, 9):

Внимая въ шумѣ и въ тиши
Роптанье вѣчное души.

Ст. 395—398 взяты изъ 31 строфы 6 главы „Онѣгина“:

Дохнула буря, цвѣтъ прекрасный
Увялъ на утренней зарѣ,
Потухъ огонь на алтарѣ!

Ст. 437—441—передѣлка изъ „Кавк. плѣнника“ Пушкина:

Въ одной рукѣ блеститъ пила,
Въ другой кинжалъ ея булатный:
Казалось, будто дѣва шла
На тайный бой, на подвигъ ратный.

Ст. 519—525 передѣланы изъ 31 строфы 6 главы „Онѣгина“:

На грудь кладетъ тихонько руку
И падаетъ. Туманный взоръ

Изображаетъ смерть, не муку.
Такъ медленно по скату горъ,
На солнцѣ искрами блистая,
Спадаетъ глыба снѣговая.

Ст. 605—606 взяты изъ перевода Козлова:

Терзайся вѣкъ, ищи ее вездѣ:
„Гдѣ дочь моя?“ и отзывъ скажетъ: „гдѣ?“

Эти сопоставленія (нѣкоторыя изъ нихъ были впервые указаны г. Амфитеатровымъ въ „Современникѣ“ 1911, IV, стр. 369—371) очень интересны для исторіи ранняго творчества Л—ва: несомнѣнно, по памяти свободно сливаетъ онъ разные отдѣльные стихи Пушкина и Козлова со своими, то передѣлывая ихъ, то воспроизводя цѣликомъ, всегда приспособляя ихъ къ новой планировкѣ передѣлываемаго разсказа. По вѣрному и мѣткому выраженію г. Амфитеатрова (стр. 371), „въ свои 14 лѣтъ Л—въ былъ уже такъ напитанъ Пушкинымъ, что часто говорилъ его стихами, быть можетъ, самъ того не слыша и не замѣчая: настолько глубоко они вошли въ плоть и кровь начинающаго стихотворца“.

8. Корсаръ.

Автографъ Лерм. музея. Поэма цѣликомъ впервые была напечатана Висковатовымъ (III, 152—163). Эпиграфъ изъ стихотворенія Лагарпа „Hero et Léandre“. Такая же поэтическая компиляція, какъ и „Кавказскій плѣнникъ“ (изъ „Корсара“ Байрона, „Шильонскаго узника“ въ переводѣ Жуковскаго и „Братьевъ-разбойниковъ“ Пушкина).

Стихи 60—63 навѣяны „Кавказ. плѣнникомъ“ Пушкина:

Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ,
И зналъ невѣрной жизни цѣну,
Въ сердцахъ друзей нашедъ измѣну...

9. Преступникъ.

Впервые напеч. въ „Отеч. Запискахъ“ 1859, VII, 22—26. Стихотвореніе это составлено подъ вліяніемъ „Братьевъ-разбойниковъ“ Пушкина и „Донъ-Карлоса“ Шиллера.

Въ стихѣ 77 и 78 *и*, вѣроятно, вмѣсто *я*:

...я съ ней,
Я съ этой мачехой лежалъ...

10. Къ друзьямъ.

Автографъ Лерм. музея. Впервые напеч. въ изданіи Висковатова (I, 25—26).

11. Къ П—ну.

Впервые напечатано Висковатовымъ (I, 26). П—нъ (риѳмуется со словомъ „звонъ“)—неизвѣстное лицо (Петерсонъ?).

12. Къ Д—ву.

Впервые напечат. Висковатовымъ (I, 27). Д—въ,—вѣроятно, другъ юности Л—ва, Дурновъ (Дурново).

13. Посвященіе N. N.

Автографъ Лерм. музея (II, 1). Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 22—23). Сабуровъ—другъ дѣтства Л—ва, съ которымъ позднѣе М. Ю. разошелся.

14. Пиръ.

Автографъ Лерм. музея (II, 3). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1859, VII, 14. Относится къ Сабурову. См. предыдущее примѣчаніе.

15. Веселый часъ.

Автографъ Лерм. музея (II, 8). Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 24—25).

16. Эпиграмма.

Автографъ Лерм. музея (II, 10). Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 27).

17. Мадригалъ.

Автографъ Лерм. музея (II, 11). Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 27).

18. Романсъ.

Автографъ Лерм. музея (II, 12). Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 28).
Стихи 21—24 нѣсколько напоминаютъ строфу „Зимней дороги“ Пушкина:

По дорогѣ зимней, скучной
Тройка борзая бѣжитъ,
Колокольчикъ однозвучный
Утомительно гремитъ.

19. Портреты.

Первое стихотвореніе—автографъ Лерм. музея, II, 13,—несомнѣнно, рисуетъ портретъ самого Лермонтова. Впервые „Портреты“ напеч. въ „Отеч. Запискахъ“ 1859, VII, 15 и „Русской Мысли“ 1881, XII, 5—6.

„Сухой листокъ“—любимое сравненіе Л—ва, которымъ онъ много разъ пользовался въ своихъ стихотвореніяхъ.

Наружность Лермонтова, ребенка и юноши, такъ рисуется современниками. „Брюнетъ съ блѣдно-желтоватымъ лицомъ, съ черными, какъ уголь, глазами, взглядъ которыхъ, какъ онъ самъ выразился о Печоринѣ, былъ иногда тяжелъ. Невысокаго роста, широкоплечій, онъ не былъ красивъ, но почему-то вниманіе каждаго, и не знавшаго, кто онъ, невольно на немъ останавливалось“ (Меринскій). „Неуклюжій, косолапый мальчикъ, съ красными, но умными, выразительными глазами, со вздернутымъ носомъ и язвительно-насмѣшливой улыбкой“ (Е. А. Хвостова-Сушкова). „Мнѣ живо помнится (осенью 1825 г.) смуглый, съ черными блестящими глазами Мишель, въ зеленой курточкѣ и съ клокомъ бѣлокурыхъ волосъ надъ лбомъ, рѣзко отличавшихся отъ прочихъ, черныхъ, какъ смоль“ (Э. А. Шанъ-Гирей).

Второе стихотвореніе относится къ какому-то немолодому московскому поэту („членъ нашего Парнаса... на крыльяхъ дряхлаго Пегаса“).

20. Къ генію.

Автографъ Лерм. музея (II, 14) Впервые напеч. въ „Отеч. Запискахъ“ 1859, VII, 15—16. Ефремовская деревня — Кроптовка, Ефрем. у. Тульской губ., имѣніе отца Л—ва.

21. Покаяніе.

Автографъ Лерм. музея (II, 15). Напеч. впервые Висковатовымъ (I, 32—33).

22. Письмо.

Автографъ Лерм. музея (II, 16). Напеч. впервые цѣликомъ въ „Отеч. Запискахъ“ 1859. VII, 17—18. Его содержаніе, повидимому, навѣяно стихотвореніемъ Мицкевича „Прочь съ глазъ моихъ“.

23. Война.

Автографъ Лерм. музея (II, 17). Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 35—36). Относится, повидимому, къ Турецкой кампаніи 1829 г.

24. Русская мелодія.

Автографъ Лерм. музея (II, 18 и XX, 24). Впервые напеч. въ „Отеч. Запискахъ“ 1859, VII, 18. Дурновъ (Дурново)—другъ юности Л—ва. Раичъ (Семенъ Егоровичъ. 1792—1855)—учитель Универ. Благороднаго пансіона, переводчикъ „Освобожденнаго Іерусалима“ (прославившійся между прочимъ стихомъ: „Вскипѣлъ Бульонъ, потекъ во-храмъ...“).

25. Пѣсня.

Автографъ Лерм. музея (II, 19). Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 37).

26. Къ А. С.

Автографъ Лерм. музея (II, 20). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1859, VII, 18. А. С.,—вѣроятно, Анна Григ. Столыпина, двоюродная сестра Л—ва.

27. Романсъ.

Автографъ Лерм. музея (II, 31). Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 38).

28. Три вѣдьмы.

Автографъ Лерм. музея (II, 22). Впервые напеч. въ Гербелевскомъ изд. соч. Шиллера (Спб., 1860, VIII, 825—826).

29. Къ Нинѣ.

Автографъ Лерм. музея (II, 23). Впервые напеч. въ Гербелевскомъ изд. соч. Шиллера (VIII, 316—317). У Шиллера заглавіе „An Emma“. Это стихотвореніе въ 1828 г. было переведено Жуковскимъ („Славянинъ“, 1828, VIII, 31).

30. Къ N. N.

Автографъ Лерм. музея (II, 24). Впервые напеч. въ „Русской Мысли“ 1881, XII, 12 (Висковатовымъ).

31. Эпиграммы.

Автографъ Лерм. музея (II, 25). Впервые напеч. въ „Русской Мысли“ 1881, XII, 6, 13, Висковатовымъ (I, 39—40), въ „Русской Старинѣ“ 1872, II, 291 и „Отеч. Запискахъ“ 1859, VII, 19. Третья эпиграмма, можетъ быть, относится къ кн. П. И. Шаликову, четвертая—Н. Ф. Павлову.

32. Грузинову.

Автографъ Лерм. музея (II, 26). Впервые напеч. въ „Отеч. Запискахъ“ 1859, VII, 19. Варіанты (черновые):

5. Напрасно, другъ, неблагодарныхъ.
8. Кто жъ видѣлъ женщинъ не коварныхъ.

Осипъ Роман. Грузиновъ—плохой поэтъ 30—50-хъ годовъ.

33. Наполеонъ.

Автографъ Лерм. музея (II, 27). Впервые цѣликомъ напеч. Висковатовымъ (I, 362—364).

34. Панъ.

Автографъ Лерм. музея (II, 28). Впервые напеч. въ „Библ. Запискахъ" 1861, XVI, 488. Вѣроятно, вызвано вліяніемъ учителя Л—ва, Мерзлякова. Середниково - имѣніе брата бабушки Л—ва, Д. А. Столыпина (Москов. губ. и уѣзда), гдѣ М. Ю. часто бывалъ въ дѣтствѣ и юности.

35. Жалоба турка.

Автографъ Лерм. музея (II, 29). Впервые напеч. въ „Рус. Старинѣ" 1872, I, 83. Первый стихъ вызванъ „Миньоной" Гёте.

Стихи 7—8 близки, по своему общему смыслу, къ позднѣйшей „Думѣ". Одно изъ наиболѣе раннихъ проявленій „отрицательнаго патріотизма" у Л—ва.

36. Къ N. N.

Автографъ Лерм. музея (II, 30). Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 43). Въ предшествующихъ стихотвореніяхъ N. N. — Сабуровъ: это стихотвореніе, повидимому, относится не къ нему.

37. Черкешенка.

Автографъ Лермонт. музея (II, 31). Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 43). Варіантъ: 15. Гудитъ.

38. Отвѣтъ.

Автографъ Лерм. музея (II, 32). Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 43).

39. Два сокола.

Автографъ Лерм. музея (II, 33). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.", 1859, VII, 20—21. Дудышкинъ и Владиміровъ совершенно неосновательно сближали это стихотвореніе съ „Шотландской пѣснью" Пушкина.

40. Грузинская пѣсня.

Автографъ Лерм. музея (II, 34). Цѣликомъ стихотвореніе это было впервые напечатано въ Берлинскомъ изданіи 1862 г.

41. Мой демонъ.

Автографъ Лерм. музея (II, 35). Впервые напеч. въ „Отеч. Запискахъ" 1859, VII, 21.

Отдаленное подражаніе „Демону" Пушкина. Срв. „Мой демонъ" Л—ва 1831 г. и поэму „Демонъ".

42. Жена Сѣвера.

Автографъ Лерм. музея (II, 36 и XX, 22). Впервые напеч. въ „Сѣв. Вѣстн.", 1889, VIII, 6 и вошло въ изданіе Висковатова (I, 46). Повидимому, начало большого произведенія.

43. Къ другу.

Автографъ Лерм. музея (II, 37 и XX, 23). Стихотворенiе цѣликомъ впервые было напечатано въ „Русской Мысли“ 1881, XII, 13. Д въ—Дурновъ (Дурново).

44. Цыгане.

Автографъ Лерм. музея (III, 1). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1859, VII, 27. Попытка переложенiя въ оперное либретто Пушкинскихъ „Цыганъ“ съ сохраненiемъ Пушкинскихъ стиховъ. „Мы живемъ среди полей“—изъ „Пана Твардовскаго“ Загоскина.

45. Элегiя.

Автографъ Лерм. музея (III, 2). Впервые напеч. въ изданiи Висковатова (I, 9).

46. Къ * * *.

Автографъ Лерм. музея (I, 20). Впервые напеч. въ изданiи Висковатова (I, 20).

47. Въ день рожденiя N. N.

Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 27).

48. Къ * * *.

Автографъ Лерм. музея (III, 5). Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 21)

49. Монологъ.

Автографъ Лерм. музея (III, 6). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1859, VII, 28. Первый набросокъ „Думы“.

50. Встрѣча.

Автографъ Лерм. музея (III, 7). Впервые напеч. въ Гербелевскомъ изданiи соч. Шиллера (VIII, 321—322). 2 строфы „Die Begegnung“ Шиллера. Переводъ всего стихотворенiя К. С. Аксакова въ „Москов. Наблюдателѣ“ 1838, XVIII, 304.

51. Баллада.

Автографъ Лерм. музея (III, 8). Впервые напеч. въ Гербелевскомъ изд. соч. Шиллера (VIII, 327 -328). Передѣлка „Der Taucher“ Шиллера, прекрасно переведеннаго Жуковскимъ.

52. Перчатка.

Автографъ Лерм. музея (III, 9 и XX, 2). Впервые напеч. въ Гербелевскомъ изданiи соч. Шиллера (III, 319—321). Слабый переводъ извѣстной баллады Шиллера, въ особенности сравнительно съ прекраснымъ переводомъ Жуковскаго (въ 1831 г.). Въ 20-хъ годахъ, до Л—ва, эту балладу переводили И. Покровскiй, М. Загорскiй и Н. Девите.

53. Дитя въ люлькѣ.

Автографъ Лерм. музея (III, 10). Впервые напеч. въ Гербелевскомъ изданiи соч. Шиллера (VIII, 321). Въ 1829 г. переводъ этого стихотворенiя (Г. С.) былъ напечатанъ въ „Вѣнкѣ Грацiй“.

54. Къ * * *.

Автографъ Лерм. музея (III, 11). Впервые напеч. въ Гербелевскомъ изданiи соч. Шиллера (VIII, 322).

55. Молитва.

Автографъ Лерм. музея (III, 12). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1859, VII, 28.

56. Олегъ.

Автографъ Лерм. музея (III, 16—18). Въ полномъ видѣ напеч. впервые Висковатовымъ (I, 17—20).

Стихотвореніе это отчасти навѣяно „Олегомъ Вѣщимъ“ Рылѣева.

57. Два брата.

Автографъ Лерм. музея (III, 19). Впервые напеч. въ „Русской Мысли“ 1881, XII, 30. Въ автографѣ противъ стиховъ 18—25 чья то замѣтка: „Contre la morale“ (бабушки Л—ва?).

Нѣкоторое вліяніе „Эдды“ Баратынскаго, описаній финляндской природы у Батюшкова и Баратынскаго. Завязка, можетъ быть, навѣяна Шиллеромъ. Срв. драму Л—ва „Два брата“.

58. Венеція.

Автографъ Лерм. музея (XX, 4). Впервые напеч. въ „Сѣверн. Вѣстникѣ“ 1889, III, 81—82.

59. Забывши волненія жизни.

Автографъ Лерм. музея (III, 3; зачеркнуто Л—вымъ). Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 9). Передѣлка „Der Fischer“ Гёте.

60. Когда послѣднее мгновенье.

Автографъ Лерм. музея (IV, 1). Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 75).

61. Я не для ангеловъ и рая.

Автографъ Лерм. музея (IV, 3). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1859, VII, 48. Срв. „Мой демонъ“ и „Демонъ“ Л—ва.

62. Портретъ.

Автографъ Лерм. музея (IV, 5). Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 48). Можетъ быть, относится къ портрету-картинѣ мнимаго предка Л—выхъ, „Лермѣ“.

63. Настанетъ день.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1859, VII, 49.

Черновой варіантъ 1-го стиха:

Настанетъ день—и предъ лицомъ вселенной.

См. ниже стихотвореніе „Когда твой другъ съ пророческой тоскою“ (№ 212). Характерныя для юнаго Л—ва думы о казни за преступленіе (можетъ быть, политическое).

64. К. Д.

Автографъ Лерм. музея (IV, 7). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1859, VII, 49—50. Срв. стих. „Есть рѣчи—значенье...“.

65. Пѣсня.

Автографъ Лерм. музея (IV, 8 и XX, 91). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1859, VII, 50. „Одинокій листокъ“—любимое сравненіе Л—ва.

66. Къ Нэрѣ.

Автографъ Лерм. музея (IV, 9). Впервые напечат. въ Берлинскомъ изданіи 1862 г.

67. Отрывокъ.

Автографъ Лерм. музея (IV, 10 и XX, 92). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап." 1859, VII, 50—51. Въ изд. Ефремова и Введенскаго названъ „Князь Мстиславъ" и „Мстиславъ", безъ всякихъ основаній: въ автографѣ IV, 10 сюжетъ трагедіи „Мстиславъ" слѣдуетъ за этимъ „Отрывкомъ"; содержаніе его не даетъ указаній на какія-либо отношенія къ этой трагедіи.

68. Силуэтъ.

Автографъ Лерм. музея (IV, 11 и XX, 93). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап." 1859, VII, 53 (редакція автогр. XX, 93). Въ IV, 11 другая редакція:

Есть у меня твой силуэтъ:
На память я его чертилъ,
И мнится, этотъ черный цвѣтъ—
Родня съ моей душою былъ.
Виситъ онъ на груди моей,
И мраченъ (черенъ) онъ, какъ сердце въ ней.
Души въ глазахъ (живыхъ очей), ланитъ огня
Не различите вы на немъ;
Зато онъ вѣчно близъ меня,
И взоръ его не на другомъ.
Онъ—тѣнь твоя, но я люблю,
Какъ тѣнь блаженства, тѣнь твою.

Зачеркнутый вариантъ 2 послѣднихъ стиховъ:

Скажу ли?—даже тѣнь твою,
Какъ призракъ счастья... (я люблю?).

69. Какъ духъ отчаянья и зла.

Автографъ Лерм. музея (IV, 14). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап." 1859, VII, 53. Вѣроятно, относится къ Е. А. Сушковой-Хвостовой.

70. Я не люблю тебя.

Автографъ Лерм. музея (IV, 15). Впервые напеч. въ „Библ. для чтенія" 1844, № 6, стр. 132 (заглавіе—„Къ ней же", Е. А. Сушковой-Хвостовой). Написанъ былъ въ альбомъ Е. А. Сушковой-Хвостовой („Записки", Спб., 1870, стр. 102).

71. Н. Ф. И.

Автографъ Лерм. музея (IV, 17). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап." 1859, VII, 54. Срв. стихотвореніе „Любилъ съ начала жизни я" (№ 110—Н. Ф. И—вой, можетъ быть, дочери московскаго писателя начала XIX в., Ѳ. Ѳ. Иванова).

72. Бухариной.

Автографъ Лерм. музея (IV, 18). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап." 1859, VII, 54. Черновые варіанты:

1. Васъ монастырь [1]) не научилъ,
Какъ жить (съ) людьми...
Не странно ль, что зовутъ васъ Вѣра...

[1]) Смольный институтъ.

Вѣра Ив. Бухарина (1812—1902), дочь рязанскаго губернатора (впослѣдствіи сенатора) Ив. Яковл. Бухарина, славилась своимъ образованіемъ. Замужемъ была за Н. Н. Анненковымъ, умершимъ (въ 1865 г.) въ званіи члена Госуд. Совѣта.

73. Трубецкому.

Автографъ Лерм. музея (IV, 19). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1859, VII, 54. Въ 30-хъ годахъ въ Москвѣ было нѣсколько Трубецкихъ; къ какому изъ нихъ относится эта эпиграмма—рѣшить трудно (кн. Н. Н. Трубецкому?).

74. Г. Павлову.

Автографъ Лерм. музея (IV, 20). Впервые напечат. Висковатовымъ (I, 58). Относится къ Ник. Фил. Павлову (1805—1864), автору знаменитыхъ въ свое время „Трехъ повѣстей“, писавшему и стихи. Мужъ Каролины Карловны Павловой, урожд. Янишъ, талантливой, теперь несправедливо забытой поэтессы. Стихи Павлова (кромѣ нѣкоторыхъ шуточныхъ) были слабы. Литературная и общественная дѣятельность Павлова встрѣчала діаметрально противоположную оцѣнку у современниковъ. Несомнѣнно талантливый человѣкъ, онъ слишкомъ разбрасывался, не отличался нравственной выдержанностью; его семейная жизнь, бывшая всегда на виду у Москвы, въ общемъ довольно скандальная, была много лѣтъ мишенью всевозможныхъ остротъ въ литературныхъ кругахъ (см. Эпиграммы и экспромпты С. А. Соболевскаго подъ моей редакціей).

75. Алябьевой.

Автографъ Лерм. музея (IV, 21). Впервые напеч. Ефремовымъ въ изд. 1880. (II, 70). Александра Вас. Алябьева, по мужу Кирѣева, знаменитая въ свое время красавица, воспѣтая Пушкинымъ и Языковымъ (1812—1891).

76. Л. Нарышкиной.

Автографъ Лерм. музея (IV, 24). Впервые напеч. въ „Отеч. Запискахъ“ 1859, VII, 54—55.

77. Толстой.

Автографъ Лерм. музея (IV, 25). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1859, VII, 55. Относится, вѣроятно, къ дочери „американца“ Толстого, по мужу Закревской, о которой Пушкинъ писалъ:

Съ своей пылающей душой,
Съ своими бурными страстями,
О, жены сѣвера, межъ вами
Она является порой,
И мимо всѣхъ условій свѣта
Стремится до утраты силъ—
Какъ беззаконная комета
Въ кругу разсчитанныхъ свѣтилъ.

Аграфена Ѳед. Толстая-Закревская славилась своими романическими приключеніями.

78. Бартеневой.

Автографъ Лерм. музея (IV, 26). Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 55—56). Черновые варіанты.

1. Ужели ты—наслѣдникъ рая,
Минутный гость въ толпѣ людской,
Ужель ты—дѣва неземная,

Какъ говоритъ намъ голосъ твой!..
Ахъ, нѣтъ! ты создана для свѣта,
Но лишь умѣла перенять...
6. Я въ звуки ада, въ пѣсни рая.

Праск. Арсен. Бартенева (1811—1872), позднѣе фрейлина, славилась своимъ голосомъ, восторженные отзывы о которомъ оставили многіе изъ ея современниковъ.

79. Мартыновой.

Автографъ Лерм. музея (IV, 27). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.", 1859, VII, 55. Наталья Солом. Мартынова, сестра убійцы Л—ва, по мужу гр. де-ла-Турдонне, одно время нравилась Л—ву и была неравнодушна къ нему. По воспоминаніямъ Мартыновыхъ, Л—въ будто бы вскрылъ письмо Н. С. къ брату, переданное черезъ него (онъ надѣялся найти въ немъ отзывы ея о себѣ), и выдалъ себя тѣмъ, что передалъ ему находившіяся въ письмѣ деньги, относительно которыхъ его не предупредили. Это, будто бы, было началомъ недоразумѣній между Л—вымъ и Мартыновымъ, закончившихся роковой дуэлью.

80. Додо.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап." 1859, VII, 55. Додо—Евдокія Петр. Сушкова, по мужу гр. Ростопчина, извѣстная поэтесса (1811 — 1858). Черновые варіанты:

1. Вашъ взоръ горитъ воображеньемъ...
послѣ 8. Опасна ты, какъ вспоминанье,
Какъ неизмѣнная любовь,
И какъ безумное желанье
Того, чего не будетъ вновь...

„Въ талисманѣ стихъ небрежной" — повидимому, стихотвореніе Пушкина „Талисманъ".

81. Башилову.

Автографъ Лерм. музея (IV, 29). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап." 1859, VII, 55—56. А—ръ Александр. Башиловъ (1808—1854)—сынъ московскаго сенатора, московскій весельчакъ;—его стихи (въ общемъ, очень слабые) помѣщались въ московскихъ и петербургскихъ журналахъ 30-хъ годовъ. „Старшина Собранія"— Благороднаго, гдѣ происходилъ маскарадъ, о которомъ ниже. Черновые варіанты:

1. Давно мнѣ кто то гово(рилъ)...
Вы умны,—я это знаю.
послѣ 4. Могу ль сказать безъ опасенья,
Что вы умны, что вы смѣшны?..
10. И съ чѣмъ бы я поздравить могъ,
Что новый годъ вамъ дастъ—не знаю.

82. Крапоткиной.

Автографъ Лерм. музея (IV, 30). Въ рукописи перечеркнуто. Впервые напеч. въ изд. Висковатова (I, 56).

83. Щербатовой.

Автографъ Лерм. музея (IV, 31—32). Впервые напеч. въ „Русской Мысли" 1882, II, 174. Черновые варіанты:

5. Не дамъ въ дорогу я, княжна,
Вамъ моего благословенья!
7. Ужель паркетовъ больше тамъ?

Въ рукописи есть еще двѣ черновыя (зачеркнутыя) редакціи этого стихотворенія:

а) Вамъ знакома вся Москва,
Всѣ московскіе паркеты,
Васъ взлелѣяла молва
Подъ названіемъ Анеты;
И предсказываю вамъ:
Близъ Невы не встрѣтятъ (примутъ) васъ.
Какъ княжну бы надо встрѣтить,
Какъ московскіе проводятъ:
Тамъ прекраснымъ не находятъ,
Что (прекрасно такъ) божественно для глазъ!..

б) (Зачѣмъ вы ѣдете...
Вамъ ѣхать въ Петербургъ—
Повѣрьте—не годится...)
Вы уѣзжаете—напрасно!
Здѣсь понимаютъ, что̀ прекрасно,
Здѣсь вашъ нарядъ (Москвы) для всѣхъ законъ,
Здѣсь вамъ привыкли удивляться!
(Примите общій нашъ поклонъ...)
Зачѣмъ хотите вы, чтобъ онъ
Не зналъ, чѣмъ даже похвалиться?

Стихотвореніе относится къ княжнѣ Аннѣ Алекс. Щербатовой, по мужу Александровой, извѣстной тогда московской красавицѣ.

84. Булгакову.

Автографъ Лерм. музея (IV, 32—33). Впервые напеч. въ „Отеч. Запискахъ“ 1859, VII, 56. Конст. Алекс. Булгаковъ—сынъ московскаго почтъ-директора; извѣстный „гвардейскій шалунъ“ 30—40-хъ годовъ, любимецъ в. к. Михаила Павловича, славившійся своими остротами и шутками (1812—1862).

85. Сабуровой.

Автографъ Лерм. музея (IV, 33—34). Впервые напеч. въ „Русской Мысли“ 1882, II, 173. Сабурова, вѣроятно, сестра друга юности Л—ва, Сабурова.

86. Уваровой.

Автографъ Лерм. музея (IV, 34—35). Впервые напеч. въ „Русской Мысли“ 1882, II, 173.

87. Вы не знавали князь Петра.

Автографъ Лерм. музея (IV, 35—36). Впервые напеч. въ „Отеч. Запискахъ“ 1859, VII, 56. Относится къ кн. П. И. Шаликову или кн. П. А. Вяземскому (вѣроятно, ко второму, котораго называли „княземъ Петромъ“).

Стихотворенія №№ 71—87 написаны были для маскарада. А. П. Шанъ-Гирей писалъ („Русское Обозрѣніе“ 1890, авг., 730): „г. Дудышкинъ, въ статьѣ своей „Ученическія тетради Лермонтовой“ приводитъ нѣкоторыя изъ этихъ стихотвореній [1]), недоумѣвая, къ чему ихъ отнести; мнѣ извѣстно, что они были написаны по случаю одного маскарада въ Благородномъ Собраніи, куда Л—въ явился въ костюмѣ астролога съ огромною книгой судебъ подъ мышкой; въ этой книгѣ должность кабалистическихъ знаковъ исправляли китайскія буквы, вырѣзанныя мною изъ черной бумаги, срисованныя въ колоссальномъ видѣ съ чайнаго ящика и

[1]) Въ „Отеч. Запискахъ“ 1859, VII.

вклееныя на каждой страницѣ; подъ буквами вписаны были приведенные г. Дудышкинымъ стихи, назначенные разнымъ знакомымъ, которыхъ было вѣроятіе встрѣтить въ маскарадѣ, гдѣ это могло быть и кстати, и очень мило"...

88. Н. Н. Арсеньеву.

Впервые напеч. въ „Русскомъ Архивѣ" 1871, VII—VIII, стр. 1271—1272. Н. Н. Арсеньевъ—двоюродный братъ матери Л—ва, его сверстникъ.

89. Люблю я цѣпи.

Автографъ Лерм. музея (IV, 36—37). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап." 1859, VII, 57, Второй автографъ—въ Румянцовскомъ музеѣ.

90. Солнце.

Автографъ Лерм. музея (IV, 37—38). Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 60).

91. Я счастливъ.

Автографъ Лерм. музея (IV, 38—39). Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 60).

92. Прощанье.

Автографъ Лерм. музея (IV, 39). Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 62—63). Черновые варіанты:

1—2. Не оставляй веселый нашъ аулъ,
Пробудь еще, лезгинецъ молодой,
Не оставляй черкешенку...
31. Кровавой клятвой я отягощенъ;
Любви сильнѣе праведная месть.

93. Время сердцу.

Автографъ Лерм. музея (IV, 41—42). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап." 1859, VII, 58.

94. Склонись ко мнѣ.

Автографы Лерм. музея (IX, 42—43 и XX, 94). Впервые цѣликомъ напеч. въ Берлинскомъ изд. 1862 г.

Стихи 23—24 см. въ стихотвореніи „Девятый часъ" (№ 95, стихи 47—48).

95. Девятый часъ.

Автографъ Лерм. музея (IV, 44). Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 63—64). Конецъ (стихи 49—56) до сихъ поръ не опубликованъ, потому что неудобенъ для печати.

96. Какъ въ ночь звѣзды.

Автографъ Лерм. музея (IV, 45). Впервые напеч. въ „Отеч. Запискахъ" 1859, VII, 59. Черновые варіанты:

3. Хоть сердце холодно, какъ камень.
Послѣ 16. И пусть судьба меня терзаетъ
Что злоба мнѣ?

97. Къ ***. Я не унижусь...

Автографы Лерм. музея (IV, 46 и XX, 95). Отрывки впервые напеч. въ „Отеч. Зап." 1859, VII, 59. Черновые варіанты:

5. Ты позабыла: я—поэтъ.
17. Быть можетъ, мыслію чудесной.
28. Не соглашусь я быть рабомъ.
Послѣ 40. Но время сердцу быть въ покоѣ
От счастья, муки, отъ всего,—
Съ того мгновенья, какъ другое
Не бьется больше для него!
И если снова затрепещетъ
Она,—то прежняго слѣдъ:
Такъ все волнами море плещетъ,
Хотя надъ нимъ ужъ бури нѣтъ!

Стихотвореніе это особенно интересно въ автобіографическомъ отношеніи: оно вскрываетъ ту душевную драму, которая привела Л—ва къ озлобленной „любовной игрѣ“ съ Сушковой-Хвостовой и т. д.

98. Какъ лучъ зари.

Автографъ Лерм. музея (IV, 47). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1859, VII, 60. Ср. стихи 33—34 стихотворенія „Девятый часъ“ (№ 95).

99. Синія горы Кавказа.

Автографъ Лерм. музея (IV, 48—49). Впервые напеч. въ „Отеч. Запискахъ“ 1859, VII, стр. 60—61. Черновой варіантъ послѣдней строки: Душою желающей, южной, тревожимъ тайной тоскою.

100. Романсъ.

Автографъ Лерм. музея (IV, 50). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1859, VII, 61. Стихи 1—6 ср. стихотвореніе № 93, стихи 29—31.

101. Прелестницѣ.

Автографы Лерм. музея (XX, 96 и IV, 61). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1859, VII, стр. 61—62. Черновые варіанты:

Послѣ 4. Пускай ни дочери, ни сына
(Пускай ни къ дочери, ни къ сыну)
Ты къ груди вѣчно не прижмешь
(Ты вѣчно не прижмешь груди),
И съ нищетой тебя судьбина
Ждетъ неизбѣжно впереди,—
За то, что каждаго мужчину
За кучу злата обоймешь.
6. Но чуждъ я предразсудковъ свѣта.
13. Живу, какъ соколъ, беззаботно.

Ср. стихотворенія 94 и 95.

102. Ты молодъ.

Автографы Лерм. музея (XX, 97 и IV, 52) Впервые напеч. въ „Библ. для Чтенія“ 1845, I, 11.

103. Had we never.

Автографъ Лерм. музея (IV, 53). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1859, VII, 62. Отрывокъ изъ стих. Роберта Бёрнса „Parting Song to Clarinda“ (эпиграфъ къ „Абидосской невѣстѣ“ Байрона).

104. Эпитафія.

Автографъ Лерм. музея (IV, 54). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1859, VII, 62. Написана Л—вымъ на смерть отца (въ 1830 г.?).

105. Измученный тоскою.

Автографъ Лерм. музея (IV, 56). Впервые напеч. въ „Русской Мысли“ 1884, IV, 60. Ср. „Демонъ“ Л—ва.

106. Кавказъ.

Автографы Лерм. музея (XX, 27 и V, 4). Впервые напеч. въ „Библ. для Чтенія“, 1845, I, 11. Черновой варіантъ:

4. Какъ сладкую пѣсню родимой моей.

8 іюля 1830 г. Л—въ писалъ: „кто мнѣ повѣритъ, что я зналъ уже любовь, имѣя 10 лѣтъ отъ роду?.. Я не знаю, кто была она, откуда... Бѣлокурые волосы, голубые глаза, быстрые, непринужденность... Нѣтъ, съ тѣхъ поръ я ничего подобнаго не видалъ, или это мнѣ кажется, потому что я никогда такъ не любилъ, какъ въ тотъ разъ. Горы кавказскія для меня священны“...

107. Къ ***.

Автографъ Лерм. музея (VI, 1). Впервые напеч. въ изд. Ефремова 1887 г. (II, 83).

108. Опасеніе.

Автографъ Лерм. музея (VI, 2). Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 76—77).

109. Стансы.

Автографъ Лерм. музея (VI, 3). Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 77).

110. Н. Ф. И...вой.

Автографъ Лерм. музея (VI, 4). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1859, XI, 250. Ср. стих. № 71.

Стихотвореніе это имѣетъ большое автобіографическое значеніе, какъ одна изъ первыхъ попытокъ самоопредѣленія у Л—ва; оно отличается исключительной для Л—ва откровенностью.

111. Ночь I.

Автографъ Лерм. музея (VI, 5). Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 361—362). См. „Смерть“ (№ 204).

Стихотвореніе это написано подъ вліяніемъ „Сна“ и „Тьмы“ Байрона.

112. Разлука.

Автографъ Лерм. музея (VI, 6: въ рукописи перечеркнуто). Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 82—33).

113. Ночь II.

Автографы Лерм. музея (VI, 7 и XX, 17). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап“. 1859, XI, 251—252. Стихотвореніе это написано подъ вліяніемъ „Сна“ и „Тьмы“ Байрона. „Нѐ спалъ“—ср. „Видѣніе мурзы“ Державина.

114. Въ старинны годы.

Автографъ Лерм. музея (VI, 8). Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 85).

115. Незабудка.

Автографъ Лерм. музея (VI, 10). Впервые напеч. въ „Отеч. Запискахъ" 1843, XII, стр. 195—196. Черновой варіантъ:

После 61. Вы, вѣрно, спросите: „дѣвица
Жила, грустила мало дней?
Конечно, ранняя могила
Горючи слезы осушила?"—
Нѣтъ,—безпристрастно посмотрѣвъ
На нынѣшнихъ прелестныхъ дѣвъ,
Вы это отгадаете (отгадайте?) сами:
Онѣ (весь міръ тому судья)
Въ своемъ характерѣ, друзья
(Въ своей невѣрности, друзья)
Не измѣняются вѣками.

116. Совѣтъ.

Автографъ Лерм. музея (VI, 11). Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 87—88). Стихи 1—4 ср. Пушкина „Если жизнь тебя обманетъ"...

117. Одиночество.

Автографъ Лерм. музея (VI, 12). Впервые напеч. въ „Нивѣ" 1884, XII, 270.

118. Въ альбомъ.

Автографъ Лерм. музея (VI, 15). Впервые (изъ альбома Е. А. Сушковой-Хвостовой) напеч. въ „Библіотекѣ для чтенія" 1844, № 5. См. „Записки Сушковой-Хвостовой", стр. 102—103 (съ датой—1831 г.): „На самомъ послѣднемъ листкѣ альбома было написано подражаніе Байрону:

„Нѣтъ, я не требую вниманья" и пр.

119. Гроза.

Автографы Лерм. музея (VI, 16 и XX, 18). Впервые напеч. въ „Сѣв. Вѣстникѣ" 1889, II, 129. Черновые варіанты:

12. И кто людьми обманутъ былъ?
19. Къ всему холодной, равнодушной.

120. Звѣзда.

Автографъ Лерм. музея (VI, 17—18). Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 91). Черновой варіантъ:

Послѣ 10. И ты одна осталась, вѣрный другъ...

121. Звѣзда.

Автографы Лерм. музея (VI, 19 и XX, 19). Впервые напеч. (изъ альбома Сушковой-Хвостовой) въ „Библ. для чтенія" 1844, V, стр. 8, подъ заглавіемъ „Еврейская мелодія". См. „Записки" Хвостовой (стр. 118): это стихотвореніе (съ датой—1830 г.), вмѣстѣ съ „Романсомъ", „съ 1830 года хранились" у Сашеньки (Верещагиной, позднѣе баронессы Гюгель).

122. Вечеръ послѣ дождя.

Автографы Лерм. музея (VI, 20 и XX, 20). Впервые напеч. въ „Сѣв. Вѣстн.“ 1889, VIII, 5.

123. Наполеонъ.

Автографы Лерм. музея (VI, 23 и XX, 21). Впервые напеч. въ „Русской Мысли“ 1881, XI, 152—154. Ср. стихотвореніе № 33.

124. Эпитафія Наполеону.

Автографъ Лерм. музея (VI, 24). Впервые напеч. въ „Русской Мысли“ 1881, XI, 154. Срв. стихотворенія №№ 33 и 123.

125. Къ глупой красавицѣ.

Автографъ Лерм. музея (VI, 26). Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 95).

126. Очи NN.

Автографъ Лерм. музея (VI, 27). Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 95).

127. Кавказу.

Автографъ Лерм. музея (VI, 28). Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 96). Ср. стихотвореніе № 106. Черновой варіантъ:

1. Кавказъ! Забытая страна!

128. Утро на Кавказѣ.

Автографъ Лерм. музея (VI, 29). Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 96). Черновые варіанты:

3. Еще у ногъ Ливана тишина.
7. И розовый по снѣжнымъ вышинамъ.

Ср. стихотворенія №№ 106 и 127.

129. Крестъ на скалѣ.

Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 57—58). Вѣроятно, было посвящено Е. П. Сушковой, впослѣдствіи гр. Ростопчиной (Е. А. Сушкова-Хвостова о нихъ не упоминаетъ).

130. Стансы.

Автографъ Лерм. музея (VI, 30). Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 97). Черновой варіантъ:

18. Надежды нѣтъ для утѣшенья.

131. Прости, мой другъ.

Автографъ Лерм. музея (VI, 32). Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 98).

132. Челнокъ.

Автографы Лерм. музея (VI, 33 и XX, 10). Впервые напеч. въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ 1889, VIII, 3.

133. Отрывокъ.

Автографъ Лерм. музея (VI, 34). Цѣликомъ впервые напеч. Висковатовымъ (I, 99—101).

134. Въ Воскресенскѣ.

Автографъ Лерм. музея (VI, 38). Первая часть впервые напеч. въ „Отеч. Записк.“ 1859, XI, 253, вторая — въ „Русской Мысли“ 1882, II, 179—180.

Воскресенскъ—городъ Москов. губ., въ которомъ Никонъ основалъ „Новый Іерусалимъ“.

135. Къ...

Автографъ Лерм. музея (VI, 40). Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 103—104).

136. Ночь III.

Автографъ Лерм. музея (VI, 41). Впервые напеч. Висковатовымъ (I; 104).

137. Прости.

Автографъ Лерм. музея (VI, 42 и XX, 30). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1859, XI, 253—254. Переводъ „Прости“ Байрона.

138. Элегія.

Автографы Лерм. музея (VI, 43 и XX, 11). Впервые напеч. въ „Библіотекѣ для чтенія“ 1845, I, 10. Черновой варіантъ:

Послѣ 24. (Нѣтъ!) Ахъ! зачѣмъ она даетъ способность намъ просить
(И мыслить о счастьѣ) Блаженствъ, когда нѣтъ средства
Когда нельзя перемѣнить [отъ заразы,
Давно минувшаго проказы?

139. Эпитафія.

Автографы Лерм. музея (VI, 44 и XX, 12). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1859, XI, 254.

140. Sentenz.

Автографъ Лерм. музея (VI, 44). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1859, XI, 254.

141. Гробъ Оссіана.

Автографъ Лерм. музея (VI, 46). Впервые напеч. въ „Русской Старинѣ“ 1877, IV, 562.

142. Посвященіе.

Автографъ Лерм. музея (VI, 47). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1859, XI, 254—255. Черновые варіанты:

17. Онъ любитъ злато, онъ далекъ
18. всего, что только не металлъ (что Байронъ постигалъ).

143. Кладбище.

Автографы Лерм. музея (VI, 48 и XX, 13). Впервые напеч. въ „Сѣв. Вѣстн.“ 1889, VIII, 3—4.

144. Посвященіе.

Автографъ Лерм. музея (IV, 49). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1859, XI, 255.

145. Моя мольба.

Автографъ Лерм. музея (VI, 51). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1843, XII, 279—съ варіантами:

1. Избави Богъ отъ лѣтнихъ мушекъ.
2. Отъ дѣвъ, боящихся любви.

„Грандисонъ“ — извѣстный романъ Ричардсона „Исторія кавалера Грандисона“ (ср. у Пушкина: „Грандисонъ, который намъ наводитъ сонъ“... и о матери Татьяны Лариной: „она любила Ричардсона, не потому, чтобы прочла“ и пр.).

146. Къ С.

Автографъ Лерм. музея (VI, 52). Впервые напеч. въ „Библ. для чтенія“ 1844, V, 5, подъ заглавіемъ „Черноокой“, съ варіантами:

3. Встрѣчалъ ли твой волшебный взоръ.
5. И пламень звѣздочныхъ очей.

и эпиграфомъ:

Твои плѣнительныя очи
Яснѣе дня, чернѣе ночи.

Дата—12 августа 1830 г.

Было посвящено Е. А. Сушковой-Хвостовой, которую прозвали „Miss black eyes“ (черноокая). Кордъ—гувернеръ двоюроднаго брата Л—ва, Арк. Столыпина.

По словамъ Висковатова (VI, 99—100), „передъ отъѣздомъ бабушки Арсеньевой изъ Середникова въ Москву, гдѣ Мишель по окончаніи каникулъ долженъ былъ продолжать ученіе, всѣмъ обществомъ собрались въ путь, намѣреваясь посѣтить Сергіевскую лавру и Воскресенскій монастырь. Надо было подняться рано утромъ. Молодежь рѣшила собраться подъ окнами m-lle Сушковой и разбудить ее пѣніемъ. Мистеръ Кордъ, гувернеръ Аркадія Столыпина, подалъ мысль. Молодежь, говоря между собою по-англійски, называла Екатерину Алексѣевну (Александровну!) „Miss black eyes“ (черноокою барышней) и повторяла относительно ея стихъ:

Never in our lives
Have we seen such black eyes.

(Никогда въ жизни мы не видѣли такихъ черныхъ глазъ).

Рѣшено было пробудить „черноокую“ пѣніемъ этихъ строкъ, и въ назначенный часъ раздалось подъ окномъ ея пѣніе, а потомъ говоръ и клики веселаго кружка. По поводу этого событія и написано было стихотвореніе „Черноокой“, поднесенное г-жѣ Сушковой.

О самыхъ стихахъ Сушкова разсказываетъ („Записки“, стр. 82): „наканунѣ отъѣзда я сидѣла съ Сашенькой (Верещагиной) въ саду; къ намъ подошелъ Мишель (Л—въ). Хотя онъ все еще продолжалъ дуться на насъ, но предстоящая разлука смягчила гнѣвъ его; обмѣнявшись нѣсколькими словами, онъ вдругъ опрометью убѣжалъ отъ насъ. Сашенька пустилась за нимъ, я тоже встала и тутъ увидѣла у ногъ своихъ не очень щегольскую бумажку, подняла ее, развернула, движимая наслѣдственнымъ любопытствомъ прародительницы. Это были первые стихи Л—ва, поднесенные мнѣ такимъ оригинальнымъ образомъ“.

147. Гость.

Автографъ Лерм. музея (VI, 53). Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 109—110).

148. 1830. Мая 16 числа.

Автографы Лерм. музея (VI, 55 и XX, 14). Впервые напеч. въ „Сѣв. Вѣстн.“ 1889, VIII, 4—5.

149. Къ ***.

Автографъ Лерм. музея (XX, 16). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1859, XI, 255. „Нѣтъ души родной“—обычный образъ у Л—ва. Черновой варіантъ:

12. Люблю могилы и вечерній звонъ.

Біографія Байрона Мура: „Letters and journals of Byron, with notices on his life“ вышла въ Лондонѣ въ 1830 г.

150. Эпитафія.

Автографъ Лерм. музея (VI, 57). Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 113).

151. Дереву.

Автографъ Лерм. музея (VI, 64). Впервые напеч. въ „Русской Мысли“ 1882, II, 170. Относится къ роману Л—ва съ двоюродной сестрой (вѣроятно, Анной Григ. Столыпиной), о которомъ онъ писалъ въ записной тетради 1830 г.: „мнѣ 15 лѣтъ... Я однажды (3 года назадъ) укралъ [1]) у одной дѣвушки, которой было 17 лѣтъ, и потому безпредѣльно любимой мною, бисерный синій снурокъ; онъ и теперь у меня хранится. Кто хочетъ узнать имя дѣвушки, пускай спроситъ у двоюродной сестры моей.—Какъ я былъ глупъ!“

Въ автографѣ, за стихотвореніемъ „Дереву“, вписана характерная замѣтка Л—ва „Мое завѣщаніе“: „(про дерево, гдѣ я сидѣлъ съ А. С.). Схороните меня подъ этимъ сухимъ деревомъ, чтобы два образа смерти предстояли глазамъ вашимъ. Я любилъ, я любилъ подъ нимъ (этимъ деревомъ) и слышалъ волшебное слово „люблю“, которое потрясло судрожнымъ (судорожнымъ) движеніемъ каждую жилу моего сердца. Въ то время (вѣтви) это дерево, еще цвѣтущее, при свѣжемъ вѣтрѣ, покачало головою и шопотомъ молвило: „безумецъ, что ты дѣлаешь?“... (оно засохло). Время постигло мрачнаго свидѣтеля радостей человѣческихъ прежде меня. Я не плакалъ, ибо слезы есть принадлежность тѣхъ, у которыхъ есть надежды,—но тогда же взялъ бумагу и сдѣлалъ слѣдующее завѣщаніе: „похороните мои кости подъ этой сухою яблоней, положите камень,—и пускай на немъ ничего не будетъ написано, если одного имени моего не довольно будетъ доставить ему безсмертіе!“...

152. Предсказаніе.

Автографъ Лерм. музея (VI, 66). Впервые напеч. въ Берлин. изд. 1862 г. Черновой варіантъ:

18. Какъ плащъ его съ возвышеннымъ челомъ.

Стихотвореніе это навѣяно холерой и французской революціей 1830 г. Можетъ быть, грядущій „мощный человѣкъ“—самъ Л—въ.

153. Все тихо.

Автографъ Лерм. музея (VII, 3). Впервые напеч. въ „Русской Мысли“ 1882, II, 172. „Три раза я любилъ“—вѣроятно, имѣются въ виду дѣтскій романъ и увлеченіе двоюродной сестрою (А. Г. Столыпиной) и Е. А. Сушковой.

154. 1830 г. іюля 15-го.

Автографъ Лерм. музея (VII, 3). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1859, XI, 246—247.

Стихотвореніе это имѣетъ большое автобіографическое значеніе, такъ какъ наиболѣе глубоко и искренно раскрываетъ интимную драму Лермонтова-ребенка и юноши.

155. Булеваръ.

Автографъ Лерм. музея (VII, 6). Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 119—121).

[1]) Срав. „Записки“ Сушковой, стр. 79: „его (Л—ва) вина... это красть перчатки петербургскихъ модницъ, вздыхать по нихъ“...

156. Пѣснь Барда.

Автографъ Лерм. музея (VII, 7 и XX, 46). Впервые напеч. въ Берлинскомъ изд. 1862 г. Черновой варіантъ:

Гдѣ Святославъ могучій жилъ.

Стихотвореніе это характеризуетъ свободолюбивыя думы Л—ва-юноши.

157. 10-е іюля 1830 г.

Автографъ Лерм. музея (VII, 8). Впервые напеч. въ Берлинскомъ изд. 1875 г. Черновые варіанты:

1. Опять вы съ кликами возстали.
4. Тиранства низкіе сыны.

Стихотвореніе вызвано іюльской французской революціей.

158. Парижъ 30 іюля 1830 г.

Автографы Лерм. музея (VIII, 13 и XX, 7). Впервые напеч. въ „Русск. Мысли“ 1883, IV, 54. Черновые варіанты:

22. И Богъ зажжетъ небесъ края.
26. Ты, жертва прихоти, деспо̀тъ.
29. Какъ ожидающій защитъ,
30. Ты обернешь кровавый взглядъ.

Вызвано (какъ и № 157) іюльской революціей 1830 г.

159. Благодарю.

Впервые напеч. въ „Библ. для Чтенія“ 1844, V, стр. 6. См. „Записки“ Хвостовой-Сушковой, стр. 83—84: „На другой день (послѣ стих. „Черноокой“) мы вмѣстѣ поѣхали въ Москву. Лермонтовъ ни разу не взглянулъ на меня, не говорилъ со мною, какъ будто меня не было между ними, но не успѣла я войти въ Сашенькину (А. М, Верещагиной) комнату, какъ мнѣ подали другое стихотвореніе отъ него. Насмѣшкамъ Сашеньки не было конца, за то, что мнѣ дано свыше вдохновлять и образовывать поэтовъ“.

160. Чума въ Саратовѣ.

Автографъ Лерм. музея (VIII, 11). Впервые напеч. въ „Русской Мысли“ 1883, IV, 76—77.

161. Чума.

Автографы Лерм. музея (VIII, 16 и XX, 9). Впервые напеч. въ „Русской Мысли“ 1883, IV, 77—78.

Вызвано жуткими впечатлѣніями холеры въ Москвѣ. Братъ бабушки Л—ва, Н. А. Столыпинъ, былъ растерзанъ въ Севастополѣ во время холернаго бунта.

162. Плачь, плачь...

Автографъ Лерм. музея (VIII, 12). Впервые напеч. Ефремовымъ въ изд. 1880 г. Ефремовъ считаетъ это стихотвореніе первоначальнымъ наброскомъ „Еврейской мелодіи“.

163. Нищій.

Автографъ Лерм. музея (XX, 28). Впервые напеч. (изъ альбома Сушковой-Хвостовой) въ „Библ. для Чтенія“ 1844, VI, 132. См. „Записки“ Сушковой (стр. 84—85): „На четвертый день мы пришли въ Лавру, изнуренные и голодные.

Въ трактирѣ мы перемѣнили запыленныя платья, умылись и поспѣшили въ монастырь отслужить молебенъ. На паперти встрѣтили мы слѣпого нищаго. Онъ дряхлою, дрожащею рукою поднесъ намъ свою деревянную чашечку, всѣ мы надавали ему мелкихъ денегъ; услыша звуки монетъ, бѣднякъ крестяся сталъ насъ благодарить, приговаривая: „пошли вамъ Богъ счастіе, добрые господа; а вотъ намедни приходили сюда тоже господа, тоже молодые, да шалуны, насмѣялись надо мною: наложили полную чашечку камушковъ. Богъ съ ними!"—Помолясь святымъ угодникамъ, мы поспѣшно возвратились домой, чтобъ пообѣдать и отдохнуть. Всѣ мы суетились около стола, въ нетерпѣливомъ ожиданіи обѣда, одинъ Л—въ не принималъ участія въ нашихъ хлопотахъ; онъ стоялъ на колѣняхъ передъ стуломъ, карандашъ его быстро бѣгалъ по клочку сѣрой бумаги, а онъ какъ будто не замѣчалъ насъ, не слышалъ, какъ мы шумѣли, усаживаясь за обѣдъ, и принялись за ботвинью. Окончивъ писать, онъ вскочилъ, тряхнулъ головой, сѣлъ на оставшійся стулъ противъ меня и передалъ мнѣ ново-вышедшія изъ-подъ его карандаша стихи:

У вратъ обители святой... и пр.".

Т. о. стихотвореніе это можно пріурочить къ 15 августа 1830 г.

164. Къ....

Автографъ Лерм. музея (VIII, 10). Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 132).

165. Стансы.

Автографъ Лерм. музея (VIII, 15). Впервые напеч. въ „Библ. для Чтенія" 1844, V, 7—8. Черновой варіантъ:

8. Часъ безполезный, но святой.

См. „Записки" Хвостовой, стр. 94—95 (вызванъ, будто бы, ревностью Л—ва по поводу свѣтскихъ успѣховъ Хвостовой).

166. Ночь IV.

Автографы Лерм. музея (VIII, 1 и XX, 10). Впервые напеч. въ „Сѣв. Вѣстн." 1889, III, 83—84.

167. Экспромптъ.

См. „Записки" Хвостовой, стр. 91: „была тутъ одна барышня, сосѣдка Л—ва по чембарской деревнѣ, и упрашивала его не терять словъ для нея, а для воспоминанія написать ей хоть строчку правды для ея альбома. Онъ ненавидѣлъ попрошаекъ и, чтобъ отдѣлаться отъ ея настойчивости, сказалъ: „ну, хорошо, дайте листъ бумаги, я вамъ выскажу правду". Сосѣдка поспѣшно принесла бумагу и перо, онъ началъ: „Три граціи"... Барышня смотрѣла черезъ плечо на рождающіяся слова и воскликнула: „М. Ю., безъ комплиментовъ, я правды хочу!"—„Не тревожьтесь, будетъ правда", отвѣтилъ онъ и продолжалъ:

„Три граціи считались въ древнемъ мірѣ,
Родились вы... все три, а не четыре!"

За такую сцену можно было бы платить деньги; злое торжество Мишеля, душившій насъ смѣхъ, слезы воспѣтой... все представляло комическую картину... — Я до сихъ поръ не дознались, Лермонтова ли эта эпиграмма, или нѣтъ".

Есть свѣдѣнія, будто бы этотъ экспромптъ былъ написанъ въ альбомъ Подладчиковой, въ Чембарѣ, въ домѣ Шумскихъ („Истор. Вѣстн." 1898, мартъ, 910—911). Неоднократно онъ приписывался Пушкину. Принадлежность его Л—ву пока нельзя считать прочно установленной: Л—въ, ради шутки, могъ написать чужіе (Пушкинскіе?) стихи; вѣдь написалъ же онъ, по свидѣтельству Сушковой, не оговоривъ авторства Пушкина, А. М. Верещагиной—стихи К. А. Бакуниной („Записки", стр. 90).

168. Весна.

Автографъ Лерм. музея (XX, 6). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап." 1843, XII, 318. См. „Записки" Хвостовой (стр. 92): „рано утромъ мнѣ подали обыкновенную сѣренькую бумажку, сложенную запиской, запечатанную и съ надписью: „Ей, правда". Въ запискѣ этой было стих. „Весна". „Внизу очень мелко было написано карандашомъ, какъ будто противоядіе этой ѣдкой, по его мнѣнію, правдѣ:

Зови надежду—сновидѣньемъ,
Неправду—истиной зови.
Не вѣрь хваламъ и увѣреньямъ,
Лишь вѣрь одной моей любви!
Такой любви нельзя не вѣрить,
Мой взоръ не скроетъ ничего,
Съ тобою грѣхъ мнѣ лицемѣрить,
Ты слишкомъ ангелъ для того!"

169. Когда къ тебѣ...

Впервые напеч. въ „Рус. Вѣстн." 1857, № 18, стр. 405. См. „Записки" Хвостовой, стр. 95—96: „Насущные (?) стихи, на другой день, грозно предвѣщали мнѣ будущее:

Когда къ тебѣ молвы разсказъ" и пр.

Эти стихи были и въ альбомѣ Верещагиной (копія Лерм. музея, № 30).

170. Передо мной лежитъ...

Впервые напеч. въ „Рус. Вѣстн." 1857, № 18, стр. 406. См. „Записки" Хвостовой (стр. 97): „я сидѣла у окошка, какъ вдругъ къ ногамъ моимъ упалъ букетъ изъ желтаго шиповника, а въ серединѣ торчала знакомая сѣрая бумажка, даже и шиповникъ-то былъ нарванъ у насъ въ саду.

Передо мной лежитъ листокъ..." и пр.

171. Свершилось.

Впервые напеч. въ „Рус. Вѣстн." 1857, № 18, стр. 407. См. „Записки" Хвостовой (стр. 98—99). Стихи эти написаны на прощаніе съ Е. А. Сушковой-Хвостовой.

172. Итакъ, прощай!

Впервые напеч. въ „Библ. для Чтенія" 1844, VI, стр. 129. См. „Записки" Хвостовой (стр. 99): „Когда я уже усѣлась въ карету, и дверцы захлопнулись, Сашенька (Верещагина) бросила мнѣ въ окно вмѣстѣ съ цвѣтами и конфектами исписанный клочокъ бумаги,—не помню я стиховъ вполнѣ:

Итакъ, прощай!.." и пр.

Послѣднія слова показываютъ, что Сушкова воспроизводила стихи по памяти, что заставляетъ относиться къ ихъ тексту съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ („взоръ *съ* ея прекрасныхъ глазъ").

Сушкова (стр. 90) приписываетъ Л—ву сказанный будто бы ей экспромптъ (съ *пушкинскими* стихами):

Вокругъ лилейнаго чела
Ты косу дважды обвила;
Твои плѣнительныя очи
Яснѣе дня, чернѣе ночи.

„Дашенькѣ С.“ онъ будто бы сказалъ, „почтительно поклонясь“ (стр. 90):

Ужъ ты чего не говори,
Моя почтенная Darie,
Къ твоей постели одинокой
Черкесъ младой и черноокой
Не крался въ тишинѣ ночной.

Этотъ „экспромптъ“ объясняется такъ: „одинъ разъ, при ней, Л—въ читалъ вслухъ „Кавказ. плѣнника“. Дашенька слушала его съ напряженнымъ вниманіемъ, когда же онъ произнесъ:

Къ ея постели одинокой
Черкесъ младой и черноокой
Не крался въ тишинѣ ночной,—

она вскричала со слезами на глазахъ: „чудесно, превосходно! ахъ, зачѣмъ я не могу болѣе этого сказать!“ Въ Пушкинскомъ „Кавказ. плѣнникѣ“ дѣйствительно есть стихъ:

Къ моей постели одинокой и пр.

Всѣ эти воспроизведенія по памяти, спустя десятки лѣтъ, цѣлыхъ сценъ со стихами Л—ва, діалогами и пр. не возбуждаютъ особаго довѣрія. Къ сожалѣнію, принадлежавшіе Сушковой л—скіе автографы, повидимому, не сохранились.

173. Глупой красавицѣ.

Автографъ Лерм. музея (VIII, 5). Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 130).

174. Могила бойца.

Автографы Лерм. музея (VIII, 5 и XX, 45). Впервые напеч. въ Берлинскомъ изд. 1862 г.

175. Смерть.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1843, XII, 279.

176. Сыны снѣговъ.

Автографъ Лерм. музея (VII, 3). Впервые напеч. въ „Русской Мысли“ 1883, IV, 55—56. Стихотвореніе обыкновенно считаютъ подражаніемъ стих. Рылѣева „Временщику“ и въ „тиранѣ“ видятъ Аракчеева, но въ 1830 г. Аракчеевъ не игралъ никакой роли, даже былъ въ опалѣ, и нападки на него были уже слишкомъ запоздалыми. Стихотвореніе это, вызванное воспоминаніями о Новгородѣ, скорѣе имѣетъ общій смыслъ, относится къ Россіи вообще (тогда „тиранъ“— Николай Павловичъ). „Бѣдный градъ“ — можетъ быть, Парижъ, послѣ іюльской революціи. Стихи 5—6—можетъ быть, намеки на почти не прекращавшіяся волненія новгородскихъ военныхъ поселеній.

177. Баллада.

Впервые напеч. въ „Русской Мысли“ 1881, XII, 20—21. Навѣяна „думами“ Рылѣева.

178. Нерѣдко люди.

Автографъ Лерм. музея (VIII, 17). Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 134).

179. Романсъ.

Автографъ Лерм. музея (VIII, 18). Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 134).

180. Отрывокъ.

Автографъ Лерм. музея (VIII, 19). Впервые напеч. Введенскимъ (I, 187). Черновые варіанты:

После 6. Когда вѣтрила челноковъ
Подъ бурнымъ кровомъ облаковъ
Мелькаютъ мимо, онъ сидитъ,
Какъ тѣнь, и на море глядитъ.
Послѣ 12. И объ скалу раздроблена,
Внизу бѣлѣется волна.

181. Баллада.

Автографъ Лерм. музея (VIII, 20). Впервые напеч. въ Берлинскомъ изд. 1862 г. Передѣлка баллады „Жилъ монахъ сѣдой" въ XVI пѣснѣ „Донъ-Жуана" Байрона.

182. Вверху одна.

Автографъ Лерм. музея (XX, 1). Впервые напеч. въ „Библ. для Чтенія" 1844. VI, стр. 130. См. „Записки" Хвостовой (стр. 102): „въ это время (1830 г.) Сашенька (Верещагина) прислала мнѣ въ подарокъ альбомъ, въ который всѣ мои московскія подруги написали увѣренія въ дружбѣ и любви. Конечно, дѣло не обошлось безъ Л—ва. Вотъ его три стихотворенія [1]): „Вверху одна"... (и пр.)—Я тогда имѣла привычку все смотрѣть вверхъ, и Л—въ смѣялся надо мной и часто повторялъ, что стоитъ быть у моихъ ногъ, чтобъ никогда не быть мной замѣчену". Въ „Запискахъ" Хвостовой варіантъ:

16. Онъ былъ высокъ.

Стихотвореніе было вписано въ альбомъ А. М. Верещагиной.

183. Раскаянье.

Автографъ Лерм. музея (XX, 3). Впервые напеч. въ „Библ. для чтенія" 1845, I, 5—6.

184. Случалось, съ вихремъ.

Автографъ Лерм. музея (XX, 4). Впервые напеч. Введенскимъ (I, 190). Въ рукописи перечеркнуто. Висковатовъ считаетъ это стихотвореніе концомъ стих. „Венеція" („Новое Время" 1891, № 5537). Мотивировка его мало убѣдительна.

185. Я видѣлъ разъ.

Автографъ Лерм. музея (XX, 5). Впервые напеч. въ „Саратовскомъ Листкѣ" 1875, № 256.

186. Подражаніе Байрону.

Автографъ Лерм. музея (XX, 15). Впервые напеч. въ „Сѣв. Вѣстн." 1889, II, 121. Подражаніе „Посланію къ другу въ отвѣтъ на стихи, увѣщевающіе автора быть веселымъ" Байрона.
Стихъ 13—срв. № 185, стихъ 10.

187. Къ Дурнову.

Автографъ Лерм. музея (XX, 25). Впервые напеч. въ „Сѣв. Вѣстн." 1889, III, 84. Дурновъ—другъ юности Л—ва.

[1]) Два другія—„Я не люблю тебя" и „Нѣтъ, я не требую вниманья".

188. Арфа.

Автографъ Лерм. музея (XX, 25). Впервые напеч. въ „Сѣвер. Вѣстникѣ“ 1889, II, 122.

189. На темной скалѣ.

Автографъ Лерм. музея (XX, 29). Впервые напеч. въ „Сѣверн. Вѣстникѣ“ 1889, III, 84.

190. Пѣсня.

Автографъ Лерм. музея (XX, 31). Впервые напеч. въ „Саратовскомъ Листкѣ“ 1875, № 256. Передѣлка [1]) (или запись?) народной пѣсни о татарской неволѣ (извѣстны подлинныя народныя пѣсни съ такимъ сюжетомъ).

191. Пѣсня.

Автографъ Лерм. музея (XX, 32). Впервые напеч. въ „Сѣверн. Вѣстникѣ“ 1889, III, 85.

192. Пиръ Асмодея.

Автографъ Лерм. музея (XX, 33). Впервые напеч. въ „Сѣв. Вѣстн.“ 1889, VIII, 6—8. Стихотвореніе это очень характерно для настроеній Л—ва въ 1830 г. (сердце женщины, свобода, абсолютизмъ, Cholera morbus).

193. Сонъ.

Автографъ Лерм. музея (XX, 34). Впервые напеч. въ „Сѣвер. Вѣстникѣ“ 1889, II, 122—123.

194. На картину Рембрандта.

Автографъ Лерм. музея (XX, 35). Впервые напеч. въ „Библ. для чтенія“. 1845, I, 5—6.

195. О, полно извинять.

Автографъ Лерм. музея (XX, 36). Впервые напеч. въ „Сѣверн. Вѣстникѣ“ 1889, I, 10.

196. Прощанье.

Автографъ Лерм. музея (XX, 37). Впервые напеч. въ „Сѣверн. Вѣстникѣ“ 1889, III, 85—86. Срв. № 172.

197. Къ пріятелю.

Автографъ Лерм. музея (XX, 38). Впервые напеч. въ „Библ. для чтенія“ 1845, I, 7—8.

198. Смерть.

Автографъ Лерм. музея (XX, 39). Впервые напеч. въ „Сѣверн. Вѣстникѣ“ 1889, II, 123.

199. Волны и люди.

Автографъ Лерм. музея (XX, 40). Впервые напеч. въ „Библ. для чтенія“ 1845, I, стр. 8.

200. Звуки.

Автографъ Лерм. музея (XX, 41). Впервые напеч. въ „Саратов. Листкѣ“ 1875, № 256.

[1]) Отъ юнаго Л—ва трудно ожидать такой *искусной*, *художественной* поддѣлки подъ народную пѣсню. Скорѣе можно предположить, что онъ просто записалъ въ свою тетрадь услышанную имъ народную пѣсню, которая должна была войти въ его трагедію „Мстиславъ“.

201. 11 іюля.

Автографъ Лерм. музея (XX, 42). Впервые напеч. въ „Библ. для чтенія“ 1845, I, 8.

202. Первая любовь.

Автографъ Лерм. музея (XX, 43). Впервые напеч. въ „Саратов. Листкѣ“ 1875, № 256.

203. Поле Бородина.

Автографъ Лерм. музея (XX, 44). Впервые напеч. въ изд. 1860 г. (подъ заглавіемъ „Бородино“). Многіе стихи вошли въ „Бородино“.

204. Мой домъ.

Автографъ Лерм. музея (XX, 47). Впервые напеч. въ „Сѣверн. Вѣстникѣ“ 1889, III, 88. Подражаніе „Чайльдъ-Гарольду“ Байрона.

205. Смерть.

Автографъ Лерм. музея (XX, 48). Впервые напеч. въ „Сѣверн. Вѣстникѣ“ 1889, II, 124—127. Передѣлка „Ночи I“ (№ 111). Подражаніе „Сну“ и „Тьмѣ“ Байрона.

206. Стансы.

Автографъ Лерм. музея (XX, 49). Впервые напеч. въ „Сѣверн. Вѣстникѣ“ 1889, II, 127.

207. Quand je te vois sourire.

Впервые напеч. въ „Библ. Зап.“ 1859, II, № 1, стр. 23. „Когда я вижу твою улыбку, мое сердце расцвѣтаетъ, и мнѣ хотѣлось бы высказать тебѣ, что говоритъ мнѣ мое сердце. Тогда передъ моими глазами встаетъ вся моя жизнь; я проклинаю, молюсь, тайно плачу, ибо безъ тебя, моего единственнаго путеводителя, безъ твоего огненнаго взгляда мое прошлое кажется пустымъ, какъ небо безъ Бога. И затѣмъ—странный капризъ сердца—я ловлю себя на томъ, что благословляю тотъ прекрасный, мой ангелъ, день, когда ты впервые заставила меня страдать“.

208. Русская пѣсня.

Автографы Лерм. музея (XX, 65) и В. Н. Шеншина (съ датой—1830 г.). Впервые напеч. въ „Сѣверн. Вѣстн.“ 1889, III, 91.

209. Романсъ къ И...

Автографъ В. Н. Шеншина. Впервые напеч. въ Акад. изд. (I, 183—184). Вошелъ въ драму „Странный человѣкъ“, съ варіантомъ:

3. Мою мятежную кручину.

И...—можетъ быть, Н. Ф. И....ва, которой Л—въ посвятилъ нѣсколько стихотвореній.

210. Двѣ невольницы.

Автографъ А. А. Бахрушина. Впервые напеч. въ Академ. изд. (I, 186—188).

211. Черны очи.

Автографъ А. А. Бахрушина. Впервые напеч. въ Академ. изд. (I, 188).

212. Къ * * *.

Автографъ А. А. Бахрушина. Впервые напеч. въ Академ. изд. (I, 188—189). Срв. № 63, „Памяти А. И. Одоевскаго“.

213. Джуліо.

Автографъ Лерм. музея (V). Впервые въ полномъ видѣ напеч. Висковатовымъ (III, 184—199). Подражаніе „Беппо“ Байрона. Стихи 159—160, срв. „Тучки небесныя“.

214. Литвинка.

Впервые напеч. въ полномъ видѣ въ „Рус. Старинѣ“ 1882, XII, 685—686. Арсеній—см. „Бояринъ Орша“. Въ поэмѣ замѣтно нѣкоторое вліяніе „Гражины“ Мицкевича. Стихи 345—348 срв. № 213, стихи 490—493.

215. Исповѣдь.

Автографъ Лерм. музея (XXI). Впервые напеч. въ „Рус. Стар.“ 1887, X, 107—126. Черновые варіанты:

2. Шумѣлъ, бѣжалъ Гвадалквивиръ.

(Срв. „Ночной зефиръ...“ Пушкина).

100. Мой непритворчивый языкъ.

Срв. „Бояринъ Орша“ и въ особенности „Мцыри“ („Исповѣдь“ можно считать первоначальнымъ наброскомъ „Мцыри“). Нѣкоторое вліяніе „Гяура“ Байрона.

216. Послѣдній сынъ вольности.

Автографъ В. Н. Шеншина. Впервые напеч. въ Академ. изд. (I, 225—253). Ник. Сем. Шеншинъ (1813—1835) — товарищъ Л—ва по Московскому университету и военному училищу.

Стихи 854—855 — англійскій переводъ стиховъ Пушкина („Русланъ и Людмила“):

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

Есть нѣкоторое сходство поэмы Л—ва съ „Вадимомъ“ Пушкина, но оно объясняется случайностью или общностью источниковъ, такъ какъ наброски Пушкина не были еще тогда напечатаны.

„Оборванной струны“ (стихи 16)—конечно, души поэта. Видѣть въ этомъ намекъ на Княжнина (Акад. изд., I, 398) нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній.

Стихи 699—704 срв. № 215, стихи 220—226.

217. Она была прекрасна.

Автографъ Лерм. музея (IV, 40—41). Впервые напеч. въ Берлин. изд. 1862 г. Стихи 1—8 срв. № 95, стихи 25—32.

218. Въ альбомъ.

Автографъ Лерм. музея (VI, 13). Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 89). Срв. № 118.

219. 1831 г. января.

Автографъ Лерм. музея (XX, 55). Впервые напеч. въ „Сѣверн. Вѣстникѣ“ 1889, I, 15. Въ альбомѣ Ю. Н. Бартенева (см. брошюру Б. Л. Модзилевскаго) копія А. Закревскаго (15 авг. 1831 г.).

220. Въ альбомъ Н. И. Поливанову.

Впервые напеч. въ „Русской Старинѣ“ 1875, IV, 812.

Срв. №№ 63 и 212.

Ник. Ив. Поливановъ („Лафа“)—товарищъ Л—ва по Московскому университету и военному училищу, потомъ—полковникъ гвардіи († 1875). По воспоминаніямъ Поливанова, эти стихи написаны были 28 марта 1831 г. Л—вымъ въ его квартирѣ, въ ожиданіи „строгаго наказанія“ за Маловскую исторію. Стихи 1—4, конечно, имѣютъ связь не съ этой исторіей, а съ затаенными политическими мечтаніями Л—ва.

221. 1831 года, іюня 11 дня.

Автографъ Лерм. музея (XX, 50). Отрывки были напеч. въ „Рус. Вѣстн.“ 1857, XI, 320—321 и „Библ. Зап.“ 1861, № 16, стр. 494.

Стихи 186—190 срв. № 215, ст. 220—225 и 216, ст. 699—704.

Стихи 221—224 срв. №№ 63, 212 и 220.

Стихотвореніе это имѣетъ большое автобіографическое значеніе, какъ искренняя исповѣдь наиболѣе интимныхъ настроеній Л—ва.

222. Гость.

Впервые напеч. въ „Рус. Стар.“ 1882, VIII, 389—391. Было написано въ альбомъ А. М. Верещагиной. Срв. „Любовь мертвеца“ (1840 г.), „Ленору“ Бюргера и „Людмилу“ Жуковскаго. Сюжетъ видоизмѣненъ, можетъ быть, примѣнительно къ возможной „измѣнѣ“ В. Лопухиной.

223. Завѣщаніе.

Автографы Лерм. музея (X, 2 и XX, 74—„Изъ Гёте“). Впервые напеч. въ „Сарат. Листкѣ“ 1876, № 43.

224. Сижу я въ комнатѣ.

Автографъ Лерм. музея (X, 4). Впервые напеч. въ „Русской Мысли“ 1882, II, 167. Срв. Висковатовъ (VI, 90—91): „въ рано созрѣвшемъ умѣ Миши было, однако, много дѣтскаго: будучи въ старшихъ классахъ университета, пансіона и много и серьезно читая, онъ въ то же время находилъ забаву въ томъ, чтобы клеить съ Аркадіемъ (Столыпинымъ) изъ папки латы и, вооружась самодѣльными мечами и копьями, ходить съ нимъ въ глухія мѣста воевать съ воображаемыми духами. Особенно привлекали ихъ воображеніе развалины старой бани, кладбище и т. н. „Чортовъ мостъ“. Товарищемъ ночныхъ посѣщеній кладбища или уединеннаго, страхъ возбуждающаго мѣста бывалъ нѣкто Лаптевъ, сынъ семьи, жившей поблизости въ имѣніи своемъ (изъ разсказовъ А. Д. Столыпина)“.

225. Къ ***.

Автографъ Лерм. музея (XI, 1). Впервые напеч. въ „Отечеств. Зап.“ 1859, XI, 259. Относится къ А. Г. Столыпиной или В. А. Лопухиной.

226. Желаніе.

Автографы Лерм. музея (XI, 2 и XX, 75). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1859, XI, 259—260.

Лермонтовъ раньше производилъ свою фамилію отъ испанскихъ грандовъ Лерма; только въ 1830 г. онъ, повидимому, узналъ о шотландскомъ происхожденіи своего рода.

227. Къ дѣвѣ небесной.

Автографы Лерм. музея (XI, 3 и XX, 76). Впервые напеч. въ „Сѣв. Вѣстн.“ 1889, VIII, 8—9.

228. Св. Елена.

Автографъ Лерм. музея (XI, 4 и XX, 77). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1859, XI, 260.

229. Къ другу В. Ш.

Автографъ Лерм. музея (XI, 5). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1859, XI, 261. В. Ш.—вѣроятно, Вл. Алекс. Шеншинъ, учившійся съ Л—вымъ въ юнкерской школѣ (1814—1873).

230. Романсъ.

Впервые напеч. (изъ альбома Сушковой) въ „Библ. для чтенія“ 1844, № 6, стр. 131. См. „Записки“ Сушковой-Хвостовой (стр. 118—119) (чтеніе этихъ стиховъ А. М. Верещагиной). Дата—1831 г

231. 7-го августа.

Автографъ Лерм. музея (XI, 6). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1859, XI, 261—262.

232. Атаманъ.

Автографы Лерм. музея (XI, 7 и XX, 78). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1859, XI, 262—264. Слабая передѣлка разбойничьей пѣсни.

233. Исповѣдь.

Автографъ Лерм. музея (XI, 11). Впервые напеч. въ „Отечеств. Записк.“ 1859, XI, 264.

234. Надежда.

Автографы Лерм. музея (XI, 12 и XX, 79). Впервые напеч. въ „Сѣв. Вѣстн.“ 1889, II, стр. 127—128.

235. Чаша жизни.

Автографы Лерм. музея (XI, 15 и XX, 80). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1859, XI, 264—265.

236. Къ Л.

Автографъ Лерм. музея (XI, 17). Впервые напеч. въ „Русск. Вѣстн.“ 1857, XI, № 18, стр. 405—406. См. „Записки“ Хвостовой (стр. 96): „вечеромъ я получила записку отъ Сашеньки (Верещагиной): она приглашала меня къ себѣ и умоляла меня простить раскаивающагося грѣшника (Л—ва) и, въ доказательство истиннаго раскаянія, присылала новые стихи: „У ногъ другихъ“ и пр. На самомъ дѣлѣ стихи относятся не къ Сушковой, а къ В. А. Лопухиной (1814—1851), въ 1835 г. вышедшей замужъ за Бахметева (срв. Вѣру „Героя нашего времени“). Увлеченіе ею было у Л—ва наиболѣе глубокимъ, продолжительнымъ и роковымъ для него.

237. Къ Н. И.

Автографъ Лерм. музея (XI, 18). Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 187—188). Срв. № 225. Черновой варіантъ:

8. Лишь вѣтрена душа твоя.

238. Воля.

Автографы Лерм. музея (XI, 22 и XX, 81). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1859, XI, 265—66. Черновой варіантъ:

23. Степь звучитъ надо мной.

Л—въ включилъ это стихотвореніе въ повѣсть „Вадимъ“. Слабый перепѣвъ мотивовъ „бобыльскихъ“ и разбойничьихъ пѣсенъ.

239. Сентября 28.

Автографы Лерм. музея (XI, 23 и XX, 82). Впервые напеч. въ „Библ. Зап.“ 1861, № 16, стр. 495.

Стихотвореніе относится, повидимому, къ В. А. Лопухиной.

240. Къ * * *.

Автографъ Лерм. музея (XI, 24). Впервые напеч. въ „Библ. для чтенія“ 1844, № 6, стр. 129. Черновые варіанты:

1. Не вѣрь ни въ Бога, ни въ природу.
3. Зови безуміемъ свободу.

Было вписано въ альбомъ А. М. Верещагиной. См. „Записки“ Хвостовой (стр. 92).

241. Прекрасны вы.

Автографъ Лерм. музея (XI, 26). Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 191). Черновые варіанты:

13. Онъ холоденъ, какъ мѣсяцъ свѣтлорогой.
15. И въ той могилѣ много, очень много,
    И позабытый прозахъ, но мнѣ безцѣнный.

242. Мятель шумитъ.

Автографъ Лерм. музея (XI, 27). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1859, XI, 266. Черновые варіанты:

10. Я для могилы не созрѣлъ.
11. Ей надо много, много мукъ.
12. Но столько же преступныхъ дѣлъ.

243. Небо и звѣзды.

Автографъ Лерм. музея (XI, 29 и XX, 84). Впервые напеч. въ „Библ. для чтенія“ 1845, № 1—2, стр. 9.

244. Когда бъ въ покорности.

Автографы Лерм. музея (XI, 29 и XX, 84). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1859, XI, 267. Черновые варіанты:

3. Неизмѣримыя желанья.
11. Но это чувство не земное есть.
13. Оно въ душѣ, гдѣ живо все святое.

245. Къ кн. Л. Г—ой.

Автографъ Лерм. музея (XI, 33). Впервые напеч. въ „Библ. Записк.“ 1859, XII, 383.

246. Я видѣлъ тѣнь.

Автографъ Лерм. музея (XI, 36). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1859, XI, 267—268. Черновой варіантъ:

21. Ни чувствъ, ни вдохновенья не убьетъ.

Стихотвореніе это имѣетъ большое автобіографическое значеніе.

247. О, не скрывай.

Автографы Лерм. музея (XX, 86 и XI, 41). Впервые напеч. въ „Сѣверн. Вѣстн.“ 1889, II. 128. Послѣ стиха 4 въ автографѣ Лерм. музея (XI, 37) зачеркнуто:

Всѣ, всѣ улыбки, видѣнныя мной,
Ничто противъ одной слезы твоей,
Однако жъ плакать я бъ не смѣлъ съ тобой,
Когда бъ (хотя бъ) то было о судьбѣ моей.
О, если бы слеза твоя могла
Скатиться на чело мое въ тотъ часъ,
Когда луна сребристая (межъ облаковъ) плыла
Надъ облаками и къ себѣ манила насъ!
Свѣтъ не разлучилъ бы насъ...

248. Ты слишкомъ.

Автографъ Лерм. музея (XI, 44). Впервые напеч. въ „Русской Мысли“ 1881, XII, 30. Заглавіе—„Къ ***“ и подпись: „l'âme de mon âme.“. Въ автогр. Лерм. музея (XI, 42) нѣмецкій подлинникъ этого стихотворенія, можетъ быть, сочиненный самимъ Л—вымъ:

Sie ist zu schön, um tugendhaft zu sein,
Um treu zu lieben ist zu lieblich sie;
Wohl tausend Herzen könnte sie erfreun,
Doch selbst, selbst glücklich wird sie nie.

249. Кто въ утро зимнее.

Автографъ Лерм. музея (XI, 40). Впервые напеч. въ „Руси“ 1881, № 10.

250. Стансы къ Д.

Автографы Лерм. музея (XI, 42 и XX, 88). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1859, XI, 268—270.

Черновые варіанты:

16. А ей лишь подлый измѣнялъ.
Послѣ 46. Благодарю твою безпечность,
Временъ презрѣли скоротечность.

251. Пѣсня.

Автографъ Лерм. музея (XI, 28). Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 176).

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

1830 г.

Стр.

1831 г.

РИСУНКИ ВЪ ТЕКСТѢ.

РИСУНКИ НА ОТДѢЛЬНЫХЪ ЛИСТАХЪ.

